

Свидетельства
и документы

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

ТЕЛЕКС

СВИДЕТЕЛЬСТВА
И ДОКУМЕНТЫ

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

Телекс
1989

**К 75-летию со дня убийства
Петра Аркадьевича Столыпина**

Убийство Столыпина
Свидетельства и документы
Составитель А. Серебренников
2-е издание

The assassination of Stolypin
Recollections and documents
Compiled by A. Serebrennikov

2-nd Edition

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Ubiŭstvo Stolypina: svidetel'stva i dokumenty.

Title on verso t.p.: The assassination of Stolypin: Recollections and Documents

Bibliography: p. 327

1. Stolypin, Petr Arkad'evich, 1862-1911—Assassination—Sources.

2. Soviet Union—Politics and government—1894-1917—Sources.

I. Serebrennikov A. II. Title: Assassination of Stolypin.

DK254.S595U25 1986 947.08'3'0924 86-14347

ISBN 0-938181-02-5

Copyright © by TELEX

Published by TELEX
New York 1989

Фотографии Богрова, опубликованные на стр. 74, 75 и 210, обнаружил проф. А. Е. Климов в архиве Гуверовского института (Станфордский ун-т, Калифорния) и с любезного разрешения архива передал их для сборника.

УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

Свидетельства и документы

Составитель А. Серебренников

Издание второе

Телекс • 1989 • Нью-Йорк

От составителя

1 сентября 1911 г. в Киеве, на торжественном спектакле в Городском театре, в присутствии императора и высших сановников был смертельно ранен председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин. Личность погибшего, несомненно крупнейшего государственного деятеля предреволюционной России, необычность обстоятельств, при которых произошло покушение, а также ставшая известной прикосновенность убийцы одновременно и к революционерам и к департаменту полиции — все это ошеломило страну. Казалось невероятным, что дело могло обойтись без широкого заговора, что покушение спланировал и осуществил в одиночку 24-летний помощник присяжного поверенного Богров. Леволберальная оппозиция выдвинула ложное фактически, но для пропаганды эффективное решение «загадки Богрова»: будто бы убить Столыпина ему, Богрову, поручила охранка, выполняя, в свою очередь, задание то ли придворных кругов, то ли самого царя. По другой версии пойти на террористический акт Богрова заставили революционеры, угрожая, в случае отказа, казнить его самого как разоблаченного провокатора. Обе эти версии охотно приняла и советская историография.

Цель сборника, составленного из факсимильно воспроизводимых документов, свидетельств и воспоминаний современников, не только восстановить картину покушения, но и указать, где находится ключ к «загадке Богрова». Ответственность за выстрелы Богрова несет тогдашнее общество. В течение трех десятилетий оно фактически поощряло террор: со злой радостью встречало известия о покушениях, героизировало убийц, творило культ «сверхчеловека», живущему «по ту сторону добра и зла». Так почему же Богрову, тщеславному неудачнику, выросшему в этой общественной атмосфере, было не посчитать себя «сверхчеловеком» и не попытаться одним точно рассчитанным актом повлиять на судьбу России.

Список литературы, просмотренный при составлении сборника, читатель найдет в прилагаемой «Библиографии». Все подстрочные примечания принадлежат составителю.

ΠΟ ΓΑΖΕΤΑΜ

1 СЕНТЯБРЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
ВЕСТНИК
2 сентября 1911

Телеграмма „С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства“.

Кі с в ъ, 1-го сентября. Въ городскомъ театрѣ Предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ выстрѣломъ изъ револьвера раненъ. Злоумышленникъ задержанъ.

РЕЧЬ
2 сентября 1911

(По телеграфу отъ нашего корреспондента).

КИЕВЪ, 1 сентября, 11 час. 52 мин.
(Срочная).

Задержанный на мѣстѣ преступникъ едва вырванъ изъ рукъ публики, пытавшейся учинить надъ нимъ самосудъ. Преступникъ назвался помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Богровымъ. Одна пуля попала въ ногу скрипачу оркестра Берглеру.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
ВЕСТНИК
2 сентября 1911

* Въ киевскомъ городскомъ театрѣ, во второмъ антрактѣ оперы „Царь Салтапъ“, Предсѣдатель Совѣта Министровъ стоялъ у рампы, повернувшись лицомъ къ публикѣ, и бесѣдовалъ съ подходившими къ нему лицами. Вдругъ изъ рядовъ поднялся и быстро направился къ П. А. Столыпину неизвѣстный во фракѣ, лѣтъ 28, и, приблизившись на разстояніе двухъ шаговъ, выхватилъ браунингъ. Раздались два короткихъ сухихъ выстрѣла. Статсъ-секретарь П. А. Столыпинъ схватился рукой за правую сторону груди, затѣмъ опустился въ кресло. Лѣвая рука окровавлена. Силы покидаютъ раненаго, лицо блѣднѣетъ. Окружающіе подхватываютъ его и несутъ на рукахъ къ выходу. Блѣдное лицо Сто-

лыпина сохраняет спокойствие. Несутся негодующие крики по адресу стрѣлявшаго. Публика въ страшномъ напряженіи перовъ пастойчиво требуетъ исполненія гимна, занимаетъ мѣста, ждуть. Взивается заповѣсь. Государь Императоръ приближается къ барьеру ложи. На сценѣ вся труппа исполняетъ гимнъ. Артисты, хоръ опускаются на колѣни. Многіе протягиваютъ сложенные, какъ на молитву, руки. Къ небу несется мольба „Боже, Царя храни“. Театръ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ дрожалъ, пока Государь не покинулъ ложи. Подъ наблюденіемъ врача раненый въ полномъ сознаніи перепесенъ въ карету скорой помощи, перевезенъ въ лѣчебницу Маковского на Мало-Владимірской улицѣ. Пуля попала ниже праваго соска, зашла въ позвоночникъ. Къ раненому вызваны: лейбъ-медикъ Боткинъ, профессора—Оболонскій, Волковичъ, Афанасьевъ и другіе врачи. Отъ операціи рѣшено пока воздержаться. Столыпина посетили Министры, лица Государевой Свиты, начальствующіе. Послѣ выстрѣловъ неизвѣстный, согнувшись, бросился бѣжать въ боковой проходъ, но былъ схваченъ офицеромъ и другими лицами. При немъ найдены документы на имя помощника присяжнаго повѣреннаго Багрова. Вторая пуля, ранившая Столыпина въ руку, рикошетомъ ранила въ оркестръ концертмейстера Берглера въ ногу.

* По доставленіи въ лѣчебницу Предсѣдатель Совѣта Министровъ просилъ передать Государю Императору, что онъ готовъ умереть за Него, просилъ успокоить жену и пригласить священника.

3 СЕНТЯБРЯ

НОВОЕ
ВРЕМЯ
4 сентября 1911

Допросъ П. А. Столыпина.

Кіевъ, 3 сентября. Въ лечебницѣ, гдѣ помещается раненый председатель съвета министровъ былъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фененко. Слѣдователь подробно допросилъ П. А. Столыпина о моментѣ покушенія на него Богровымъ.

Показанія министра записаны судебнымъ слѣдователемъ и скрѣплены подписью раненаго министра.

С л ѣ д о в а т е л ь.

Корреспондентъ «Нов. Вр.» телеграфируетъ изъ Кіева давшая, добытыя слѣдствіемъ.

Слѣдствіе производятъ слѣдователь, по важнѣйшимъ дѣламъ Фененко и жандармскій подполковникъ Ивановъ. Точное имя преступника Мордко Гершовичъ Богровъ.

Въ бытность студентомъ онъ участвовалъ въ революціонныхъ организаціяхъ, нѣсколько разъ былъ арестуемъ, но всегда очашь скоро получалъ освобожденіе.

Богровъ состоялъ членомъ революціоннаго съвета студенческихъ представителей въ разгаръ студенческихъ безпорядковъ въ Кіевскомъ университетѣ въ 1906 и 1907 годахъ. Одновременно онъ былъ агентомъ-сотрудникомъ кіевского окранныго отдѣленія.

По утвержденію начальника названнаго охраннаго отдѣленія подполк. Кулябко, Богровъ тогда выдалъ многихъ серьезныхъ политическихъ преступниковъ и отнынѣ ставилъ относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ.

Производящіе слѣдствіе считаютъ несомнѣннымъ, что Богровъ дѣйствовалъ по порученію комитета социаль-революціонеровъ и специально для этого прѣвхалъ въ Кіевъ изъ Петербурга. Самъ Богровъ отрицаетъ это, говоритъ, что дѣйствовалъ по собственной инициативѣ.

Являсь въ Кулябко, онъ сказалъ слѣдующее: «Петербургскіе социаль-революціонеры рѣшили убить Столыпина и Кассо. Для осуществленія приговора въ Кіевъ командирована революціонерка, носящая прозвище Инна Александровна, сопровождаемая революціонеромъ съ кличкой Николаевъ. Я могу предложить услуги по наблюденію за прибывшими, которыхъ знаю въ

дентовъ прямо-таки «саждали, раз-спрашивая обо всемъ.

И тутъ—тѣ же возгласы, та же невыразимая скорбь...

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ГАЗЕТА
3 сентября 1911

КИЕВЪ, 3 сентября Вчера, общими со-браніемъ членовъ суда помощникъ присяж-наго повѣреннаго Д. Багровъ (Мордко Гер-шовъ) исключенъ изъ адвокатскаго сословія.

Бывшій патронъ его прис. повѣреннѣй Крупновъ уже раньше нѣсколько разъ про-силъ совѣтъ отчислить отъ него Багрова, который судебными дѣлами не хотѣлъ зани-маться.

РЕЧЬ
3 сентября 1911

Бюлетень о состояніи здоровья Предсѣдателя Совѣта Министровъ Сто-лыпина отъ 2-го сентября.

12 час. дня. Констатированы двѣ огнестрѣльные рапы — одна въ пра-вой половинѣ груди, другая въ кисти правой руки. Входное отверстіе въ груди находится въ области 6 - го межребернаго промежутка, внутри отъ сосковой линіи; выходного отверстія нѣтъ, пуля прощупывается сзади подъ 12-мъ ребромъ въ разстояніи 3 - хъ поперечныхъ пальцевъ отъ линіи остистыхъ отростковъ. Раненіе въ пер-вые часы сопровождалось значитель-нымъ упадкомъ силъ и сильными бо-лями, которыя Министръ переносилъ стойчески. Первая половина ночи про-ведена тревожно. Къ утру наступило улучшение. Температура 37, пульсъ 92.

Академикъ Рейна. Проф. Волковичъ. Проф. Малковъ. Проф. Лвовскій. Д-ръ Афанасьевъ. Пр.-доц. Дитерихсъ.

3 СЕНТЯБРЯ

НОВОЕ
ВРЕМЯ
4 сентября 1911

Допросъ П. А. Столынина.

Кіевъ, 3 сентября. Въ лечебницѣ, гдѣ помещается раненый прощадатель съѣзта мипистровъ былъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Фененко. Слѣдователь подробно допросилъ П. А. Столынина о моментѣ покушенія на него Богровымъ.

Показанія министра записаны судебнымъ слѣдователемъ и скрѣплены подписью раненаго министра.

С л ѣ д о в т е л ѣ.

Корреспондентъ «Нов. Вр.» телеграфируетъ изъ Кіева давшая, добытыя слѣдствіемъ.

Слѣдствіе производятъ слѣдователь, по важнымъ дѣламъ Фененко и жандармскій подполковникъ Ивановъ. Точное имя преступника Мордко Гершовичъ Богровъ.

Въ бытность студентомъ онъ участвовалъ въ революціонныхъ организаціяхъ, въсколь-ко разъ былъ арестуемъ, но всегда очашо скоро получалъ освобожденіе.

Богровъ состоялъ членомъ революціоннаго съѣзда студенческихъ представителей въ разгаръ студенческихъ безпорядковъ въ Кіевскомъ университетѣ въ 1906 и 1907 годахъ. Одновременно онъ былъ агентомъ-сотрудникомъ кіевского охраннаго отдѣленія.

По утвержденію начальника названнаго охраннаго отдѣленія подполк. Кулябко, Богровъ тогда выдалъ многихъ серьезныхъ политическихъ преступниковъ и отнимъ составилъ относить къ нему съ. полиціямъ доврѣемъ.

Производящіе слѣдствіе считаютъ несомнѣннымъ, что Богровъ дѣйствовалъ по порученію комитета социаль-революціонеровъ и специально для этого прѣвхалъ въ Кіевъ изъ Петербурга. Самъ Богровъ отрицаетъ это, говоритъ, что дѣйствовалъ по собственной инициативѣ.

Являсь къ Кулябко, онъ сказалъ слѣдующее: «Петербургскіе социаль-революціонеры рѣшили убить Столынина и Кассо. Для осуществленія приговора въ Кіевъ командирована революціонерка, носящая прозвище Нина Александровна, сопровождаемая революціонеромъ съ клачкой Николаемъ. Я могу предложить услуги по наблюденію за прибывшими, которыхъ знаю въ

лицо, и выдамъ ихъ, если они появятся подлѣ Столыпина или Кассе».

Кулябко отнесся къ его словамъ съ полнымъ довѣріемъ и поручилъ Богрову охрану Столыпина. О готовящемся покушеніи Кулябко доложилъ секретарю Столыпина Граве и адъютанту, прибавивъ, что для охраны Столыпина приняты всѣ мѣры.

Богрову былъ выданъ билетъ въ садъ купеческаго собранія. Богровъ сказалъ Кулябко, что ему необходимо хорошо изучить наружность Столыпина, тогда ему былъ выданъ билетъ въ театръ за часъ до начала спектакля.

Слѣдствіемъ установлено, что Богровъ волновался, колебался. Самъ онъ признался, что онъ социалистъ-революціонеръ, что, прѣбывая въ театрѣ и увидѣвъ слабость охраны, сталъ думать о совершеніи болѣе ужаснаго покушенія, но отъ этого удержалъ его боязнь еврейскаго погрома. Установлено, что послѣ перваго акта, Богровъ вышелъ изъ театра,

причемъ, при выходѣ у него отобранъ былъ билетъ. Повидимому, онъ осматривалъ подѣздъ Царской ложи.

Когда онъ рѣшилъ войти обратно въ театръ, полицейскій офицеръ не пустилъ его. Тогда Богровъ предъявилъ билетъ агента охраннаго отдѣленія; но несмотря на это, полицейскій офицеръ не пустилъ Богрова, а позвалъ Кулябко. Тотъ приказалъ выпустить Богрова.

Во время втораго антракта Богровъ ходилъ по коридору. Здѣсь его встрѣтилъ Кулябко и сказалъ: «сейчасъ копецъ антракта, а слѣдующій и послѣдній актъ будетъ очень коротокъ,—идите на площадь и стерегите Ишу Александровну у подъезда».

Богровъ отвѣтилъ: «хорошо»; повернулся, пошелъ по коридору въ противоположную отъ Кулябко сторону и направился прямо въ партеръ къ Столыпину.

Богровъ будетъ преданъ военному суду.

5 СЕНТЯБРЯ

РЕЧЬ
6 сентября 1911

КІЕВЪ, 5 сентября, 2 ч. 32 м.
(Официальный бюллетень отъ 12 час.
30 мин. дня гласитъ: „Съ почти ослабленіе
дѣятельности сердца приняло угрожающіе
размѣры, пульсъ 132, очень слабого на-
полненія; воспалительныя явленія со сто-
роны брюшины безъ рѣзкихъ измѣненій,
температура 37, общее состояніе тяжкое“.

КІЕВЪ. 5 сентября.

Сейчасъ въ помѣщеніи клуба націона-
листовъ идетъ совѣщаніе лидеровъ всѣхъ
кіевскихъ правыхъ организацій. Обсуж-
дается вопросъ, какъ реагировать въ слу-
чай наступленія печальнаго конца. По
слухамъ, лидеры правыхъ призывались къ
полицеймейстеру, который отъ имени выс-
шихъ властей предупредилъ, что въ слу-
чай безпорядковъ будутъ приняты самыя
рѣшительныя мѣры.

Согласно телеграммѣ, поданной въ Кіе-
въ въ 1 ч. 30 мин. пополудни, здоровье
статсъ-секретаря Столыпина съ каждой
минутой ухудшается. Болѣзнь прогресси-
руетъ. Пульсъ, упавшій на обратный срокъ,
заработалъ снова съ силой большей, чѣмъ
показано въ послѣднемъ бюллетенѣ. Тем-
пература—35,5°. Средства, примененныя
врачами, не производятъ дѣйствія.

НОВОЕ
ВРЕМЯ
6 сентября 1911

КІЕВЪ. Въ 10 час.
12 мин. Петръ Аркадье-
вичъ тихо скончался.
Въ исторіи Россіи на-
чинается новая глава.

4 СЕНТЯБРЯ

СОВРЕМЕННОЕ
СЛОВО
5 сентября 1911

КИЕВЪ, 4 сентября.

Содержащийся въ Босомъ Копаниръ Богровъ заболѣлъ. Возбужденное состояніе прошло. Полученные въ театрѣ побои даютъ себѣ чувствовать. Былъ вызванъ сегодня врачъ, оказавшій медицинскую помощь. Состояніе духа удрученное. Слѣдствіе по дѣлу закончено. Завтра будетъ составленъ обвинительный актъ. Богровъ на слѣдствіи подробно разсказалъ свою жизнь и далъ много весьма важныхъ показаній.

КИЕВЪ, 4 сентября.

Главная цѣль производящагося слѣдствія выяснить, дѣйствовалъ ли Богровъ совершенно самостоятельно или по порученію революціонной организаціи. Отпослательно истинной роли, которую игралъ Богровъ, здѣсь все болѣе склоняются къ мнѣнію, что онъ былъ настоящимъ, непритворнымъ агентомъ охраны, пока революціонеры не начали его сильно подозрѣвать. Дальнѣйшая гипотеза такова: организація, къ которой къ цѣляхъ сыска принадлежалъ Богровъ, предложила ему альтернативу - либо убить премьера и тѣмъ доказать вѣрность отношенію его сомнѣній, либо самому быть убитымъ за сношенія съ охраной. Богровъ выбралъ первое.

КИЕВЪ, 4 сентября.—Въ общемъ состояніи здоровья статсъ-секретаря П. А. Столыпина наступило нѣкоторое ухудшеніе. По словамъ врачей, никакихъ основаній для серьезныхъ опасеній теперь, однако, нѣтъ.

КИЕВЪ, 4 сентября.—Явленіе воспаления срѣшницы продолжается. Температура 36,6 гр., пульсъ 116—120, дыханіе 28. Положеніе очень серьезное.

5 СЕНТЯБРЯ

РЕЧЬ
6 сентября 1911

КИЕВЪ, 5 сентября, 2 ч. 32 м.
(официальный бюллетень отъ 12 час. 30 мин. для гласить: „(ъ почти ослабленіе дѣятельности сердца приняло угрожающіе размѣры, пульсъ 132, очень слабого наполненія; воспалительныя явленія со стороны брюшины безъ рѣзкихъ измѣненій, температура 37, общес состояніе тяжкое“.

КИЕВЪ. 5 сентября.

Сейчасъ въ помѣщеніи клуба націоналистовъ идетъ совѣщаніе лидеровъ всѣхъ кievскихъ правыхъ организацій. Обсуждается вопросъ, какъ реагировать въ случаѣ наступленія печальнаго конца. По слухамъ, лидеры правыхъ призывались къ полицеймейстеру, который отъ имени высшихъ властей предупредилъ, что въ случаѣ безпорядковъ будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры.

Согласно телеграммѣ, поданной въ Киевъ въ 1 ч 30 мин. пополудня, здоровье статсъ-секретаря Столыпина съ каждой минутой ухудшается. Болѣзнь прогрессируетъ. Пульсъ, упавшій на обратный срокъ, заработалъ снова съ силой большею, чѣмъ показано въ послѣднемъ бюллетенѣ. Температура—35,5°. Средства, применяемыя врачами, не производятъ дѣйствія.

НОВОЕ
ВРЕМЯ
6 сентября 1911

КИЕВЪ. Въ 10 час. 12 мин. Петръ Аркадьевичъ тихо скончался. Въ исторіи Россіи начинается новая глава.

6 СЕНТЯБРЯ

РЕЧЬ
7 сентября 1911

КИЕВЪ, 6 сентября.

Еврейское население Киева въ паникѣ.

Вѣсть о смерти П. А. Столыпина, быстро облетѣвшая городъ, усилила и безъ того сильную панику. На вокзалѣ творится нечто невѣроятное; пробиться къ вокзалу невозможно. Тамъ скопились тысячи евреевъ. Отправляются двойные поѣзда во всехъ направленіяхъ. Настроеніе крайне угнетенное.

РЕЧЬ
7 сентября 1911

КИЕВЪ, 6 сентября.

Патшение киевскаго подольскаго и волынскаго генераль-губернатора жителямъ города Киева: «Наблюдаемое нынѣ повышенное среди жителей города Киева настроеніе порождающее въ некоторыхъ слояхъ населенія опасенія возможныхъ волненій, побуждаетъ меня, въ цѣляхъ усложненія населенія, сямъ заявить, что мною приняты мѣры къ предупреденію и предотвращенію какихъ-либо нарушеній порядка. Вѣсть съ тѣмъ считаю необходимымъ предварить населеніе города, что всякія паслжія и безпорядки мною будутъ подавлены самымъ рѣшительнымъ образомъ. Подлинное подпisałъ Трещовъ».

РЕЧЬ
7 сентября 1911

Союзъ Михаила Архангела выпустилъ воззваніе, въ которомъ призываетъ своихъ членовъ, а также другихъ лицъ сохранять на улицахъ самый строгій порядокъ и устанавливать таковой въ случаѣ малѣйшаго его нарушенія.

РЕЧЬ
10 сентября 1911

Погрѣбеніе П. А. Столыпина.

(Отъ петербургскаго телеграфн. агентства).

КІЕВЪ, 9 сентябрю.—Сърое, пасмурное утро. Флаги на консульствахъ приспущены. Со стороны лавры мчатся автомобили и веревницей тянутся экипажи. Для желающихъ не хватаетъ мѣста въ вагонахъ трамвая. Они цѣлымъ потокомъ направляются въ лавру. Открытый сначала широкій доступъ въ дверь лавры, затѣмъ, во избѣжаніе давки, нѣсколько ограничиваютъ. Около Великихъ воротъ быстро образовалась огромная толпа, заполнившая всю площадь и Транезную церковь, гдѣ у тѣла покойнаго всю ночь дежурили чины министерства внутреннихъ дѣлъ, съ товарищемъ министра Лыкошинымъ во главѣ. Прибываютъ представители и депутаціи высшихъ государственныхъ учрежденій, пріѣхавшіе изъ Петербурга, высшіе представители мѣстныхъ и иногороднихъ вѣдомственныхъ и общественныхъ учреждений и монархическихъ организацій. Въ числѣ присутствующихъ: оберъ-прокуроръ св. сипеда, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣіемъ, министры юстиціи и торговли и промышленности, предѣдатель Государственной Думы Родзянко, члены Государственныхъ Совѣта и Думы, петербургскій и московскій городскіе головы. Изъ рукъ въ руки переходитъ подписной листъ, быстро покрываемой подписями саповниковъ и общественныхъ дѣятелей, жертвующихъ значительныя суммы на памятникъ П. А. Столыпину. Непрерывной волпой идутъ депутаціи съ вѣнками. Количество ихъ превысило 200.

Къ 10 ч. утра церковь наполняется. Многіе за недостаткомъ мѣста ожидаютъ во дворѣ. Гробъ утонаетъ въ вѣнкахъ и цвѣтахъ. Остальные вѣнки размѣщены у солей и по сторонамъ церкви. Собравшееся духовенство встрѣчаетъ митрополита у входа въ церковь. Въ 10 ч. утра митрополитомъ, въ сослуженіи многочисленнаго бѣлаго и черлаго духовенства, начинается торжественная заупокойная литургія. Поютъ лаврскіе пѣвчіе и хоръ Владычійскаго собора. Послѣ литургіи священнослужители произносятъ три рѣчи. Особенно прочувствованное слово сказано епископомъ холмскимъ Евлогіемъ. Затѣмъ совершается панихида и прощаніе съ усопшимъ. Притѣкъ вѣнковъ не прекращается. Въ 2 ч. звонъ колоколовъ возбѣщаетъ выносъ тѣла. Во дворѣ широкимъ полукругомъ у могилы выстроились съ хоругвями духовенство отъ великой лаврской церкви до самой могилы. Справа и слѣва расположились представители монархическихъ организацій со стягами, позади и слѣва представители городского самоуправления, по сторонамъ и сзади мажестивъ фотографовъ и кинематографистовъ. Противъ входа въ церковь стоятъ ученицы профессиональныхъ классовъ и ученики лаврскаго двухкласснаго училища. Выстроившіеся у стѣны великой церкви жандармы берутъ на караулъ. Хоръ Миргородскаго полка исполняетъ «Коль славень». Депутаціи студентъ-академистовъ университета и молодежи «Двуглаваго Орла» выносятъ часть вѣнковъ. На шести подушкахъ несутъ ордепа покойнаго. За многочисленными пѣвчими Троицкой церкви въ бѣломъ облаченіи попарно выходятъ шесть дяконовъ, 54 священника и архимандрита, 4 епископа и митрополита.

Гробъ несли оберъ-прокуроръ св. синода Саблеръ, министры Щегловитовъ и Тимашевъ, т. с. Лыкошинъ, предсѣдатель Государственной Думы Родзянко, Балашевъ, Лерхе, Владиміръ Бобринскій и другіе. Вдому, по ея желанію, вель подъ руку статсъ-секретарь Кривошеинъ.

Могила, по задѣлкѣ ея, окружили члены совѣта министровъ, членъ Государственнаго Совѣта Пихно, предсѣдатель Государственной Думы Родзянко, Балашевъ, Гучковъ,

Лерхе и другію члены Государственной Думы и чины министерства внутренних дѣлъ.

О. Б. Столыпина, слова которой, сказанныя Государю Императору; «Ваше Величество, какъ видите, Сусанины не перевелись на Русь», облетѣли весь Кіевъ, сохраняла все время геройское самообладаніе, какъ и всѣ члены семьи покойнаго.

По отъѣздѣ изъ лавры товарищъ министра внутренних дѣлъ Лыкошинъ и чины земскаго отдѣла поднесли О. Б. Столыпиной икону Спасителя, которою г. с. Лыкошинъ благословилъ сына усопшаго. Икона вложена въ серебряный вѣнокъ съ надписью: «Счастливы умереть за Царя».

Сегодня, въ день погребенія предсѣдателя совѣта министровъ статсъ-секретаря П. А. Столыпина, согласно полученнымъ с.-петербургскимъ телеграфнымъ агентствомъ въ огромномъ числѣ телеграммамъ, повсемѣстно въ Имперію были совершены заупокойныя литургіи и отслужены мантиды въ присутствіи мѣстныхъ административныхъ властей, гражданскихъ и военныхъ чиновъ, представителей общественныхъ учреждений, учащихся и при громадномъ стеченіи народа (СПА).

ПРАВительСТВЕННЫЙ
ВЕСТНИК
10 сентября 1911

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, независимо отъ хода предварительнаго слѣдствія по дѣлу о посягательствѣ на жизнь Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Министра Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретаря Столыпина, произвести широкое и всестороннее разслѣдованіе дѣйствій кіевскаго охраннаго отдѣленія въ этомъ дѣлѣ.

Производство означеннаго разслѣдованія, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, возложено на сенатора, тайнаго совѣтника Трусевича, при содѣйствіи лицъ, командированныхъ въ его распоряженіе.

9-Ц СЕНТЯБРЯ

РЕЧЬ
10 сентября 1911

КІЕВЪ, 9 сентября, 11 ч. 33 м.
(Срочно).

Сегодня, въ четвертомъ часу дня, въ Ко-
ломъ Копанирѣ началось засѣданіе военного
суда по дѣлу Богрова. Среди свидѣтелей былъ
Кулябко. Приговоръ вынесенъ въ десятомъ
часу. Богровъ приговоренъ къ смертной
казни черезъ повѣшаніе.

КІЕВЪ, 9 сентября, 11 ч. 59 м. в.
(Срочная).

Предсѣдательствовалъ военный судья
ген. Рейнгартенъ; обвинялъ военный проку-
роръ Костенко. Обвинительный актъ занима-
етъ три листа. Наканунѣ Богрову предло-
жили выбрать защитника по соглашенію или
воспользоваться правомъ имѣть казеннаго
защитника. Богровъ отказался.

Свидѣтелей было вызвано 12; явилось 7.
Обвиненіе было предъявлено по 279 ст. св.
воен. постановл. и 102 ст. уголовн. улож.
Во время разбора пріѣзжалъ Щегловитовъ.
Судъ совѣщался 20 минутъ. Союзники* хода-
тайствуютъ о разрѣшеніи присутствовать
при казни.

Наканунѣ суда Богрову вручили обвини-
тельный актъ, который онъ принялъ спо-
койно. Богровъ попросилъ карандашъ и бу-
магу, обѣщая дать пазрвыя показанія. Въ
этомъ ему было отказано. Изъ арестован-
ныхъ въ связи съ дѣломъ Богрова освобо-
ждено 75; осталось тридцать подъ арестомъ.

Судъ состоялся въ полутемной
камерѣ одного изъ бастіоновъ кіевской крѣ-
пости «Косой Копанирѣ», слабо освѣщен-

* Имеются в виду члены Союза русского народа.

ной керосиновыми лампами. Судъ подъ председательствомъ военнаго судьи генерала Рейнгартона, состоялъ изъ двухъ полковниковъ и трехъ подполковниковъ. Кромѣ судей присутствовало около тридцати постороннихъ, въ томъ числѣ Щегловитовъ, Треновъ, командующій войсками Иваловъ, прокуроръ палаты Чаплинскій, прокуроръ окружнаго суда Брандорфъ, комендантъ крѣпости Модеръ, губернский предводитель дворянства Куракинъ, высшіе военные и гражданскіе чины, судейскіе и другіе.

РЕЧЬ
11 сентября 1911

КИЕВЪ, 10 сентября.

Засѣданіе суда продолжалось 3 часа. Въ восемь часовъ 20 минутъ объявленъ приговоръ, который Богровъ выслушалъ спокойно.

По слухамъ, онъ жаловался, что его плохо питаютъ и просилъ дать ѣсть. Предсѣдатель распорядился просьбу эту удовлетворить. Черезъ часъ приговоръ объявленъ въ окончательной формѣ. Говорятъ, что Богровъ дважды хотѣлъ застрѣлить Кулябко, но былъ подкупленъ его доверчивостью, а мысль стрѣлять въ Столыпина явилась у него въ самомъ театрѣ, куда онъ былъ посланъ для охраны.

Свое ходатайство присутствовать при казни Богрова союзники объясняютъ опасеніемъ, что его подмѣнятъ.

Сегодня произведены новыя освобожденія арестованныхъ въ связи съ Богровымъ въ томъ числѣ тетка, дочери, прислуга, оставшіяся въ квартирѣ Богрова. Часть арестованныхъ переведена въ тюрьму.

КИЕВЪ, 11 сентября.

Кончился 24 часа, Богровъ кассация не вдала; приговоръ подтвержденъ. По слухамъ, родственники Столыпина просятъ отсрочить казнь впредь до выясненія результатовъ ревизіи Трусевича.

НОВОЕ
ВРЕМЯ
13 сентября 1911

БЕСѢДА Д. БОГРОВА СЪ РАВЕИНОМЪ ВЪ ДЕНЬ КАЗНИ.

Изъ Кіева „Нов. Вр.“ сообщаютъ:

Въ день казни Богровъ, бесѣдуя въ „Косомъ канонирѣ“ съ раввиномъ Алениковскимъ, сказалъ:

— Передайте евреямъ, что я не желаю причинить имъ зла, наоборотъ, я боролся за благо и счастье еврейскаго народа.

На упреки Алениковскаго, что Богровъ своимъ преступленіемъ могъ вызвать еврейскій погромъ, осужденный рѣзко отвѣтилъ:

— Великій народъ не долженъ какъ рабъ пресмыкаться передъ угнетателями его.

Полагаютъ, что передъ казнью Богровъ хотѣлъ продолжить бесѣду съ раввиномъ и что-то передать черезъ него евреямъ.

РЕЧЬ
13 сентября 1911

Исполненіе смертнаго приговора надъ Богровымъ.

КІЕВЪ, 12 сентября.

Такъ какъ Богровъ отказался отъ припесенія кассационной жалобы, то приговоръ былъ подтвержденъ черезъ 24 часа по объявленія: а именно, 10-го сентября, въ 10 часовъ вечера, и немедленно направленъ къ исполненію. Однако, казнь была отложена на сутки, въ виду того, что не принято казнить подъ воскресенье.

Вчера, съ вечера, начались приготовленія къ казни. Была сооружена на Дысой горѣ висѣлица; палачъ нашолся среди каторжанъ,

содержащихся въ Лукьяновской тюрьмѣ. Началь поставилъ, однако, условіемъ, чтобы его затѣмъ помѣстили въ другую тюрьму, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что боятся расправы съ нимъ другихъ каторжанъ.

Прилегающая къ Лысой горѣ мѣстность была тщательно осмотрѣна полиціей и оцеплена сотней казаковъ и ротой пѣхоты. Всѣ официальные лица собрались въ первомъ часу ночи въ помѣщеніи печерскаго полицейскаго участка. Сюда пріѣхалъ также губернаторъ, который, убѣдившись въ томъ, что все въ порядкѣ, возвратился домой.

Въ началѣ второго часа всѣ выѣхали на почтовыхъ лошадяхъ къ мѣсту казни. Присутствовали при совершеніи казни полицеймейстеръ, оба его помощника, пять участковыхъ приставовъ, много околоточныхъ и городскихъ, товарищъ прокурора и помощникъ секретаря окружнаго суда, городской врачъ и общественный раввинъ.

Тутъ же стояла группа представителей кievскихъ правыхъ организацій, человекъ около 30, во главѣ съ Савенко. Говорятъ, что правые добились разрѣшенія присутствовать при казни для того, чтобы убѣдиться, что Богровъ дѣйствительно будетъ казненъ.

Двое городскихъ вывели Богрова изъ тюремной кареты, держа его подъ руки. Богровъ былъ безъ кандаловъ. Товарищъ прокурора, показывая пальцемъ на Богрова, обратился къ представителямъ правыхъ:

— Ну, господа, опознайте,—это онъ?

Въ отвѣтъ раздалось: «Какъ же? Онъ самый! Въдь я его въ театрѣ здорово побилъ. Онъ и въ томъ самомъ фракѣ, въ которомъ былъ въ театрѣ».

Помощникъ секретаря громкимъ голосомъ прочиталъ приговоръ, который Богровъ вслушавъ спокойно.

Товарищъ прокурора обратился къ нему съ вопросомъ, не хочетъ ли онъ что-нибудь сказать раввину.

Богровъ отвѣтилъ:

— Желаю, но въ отсутствіи полиціи.

Товарищъ прокурора замѣтилъ, что это невозможно.

Тогда Богровъ заявилъ: «Если такъ, то можете приступить».

Послѣ этого Богрову связали назадъ руки и подвели при свѣтѣ факеловъ къ висѣлицѣ. Палачъ накинулъ саванъ. Уже подъ саваномъ Богровъ спросилъ: «Голову поднять выше, что ли?». Его подвели къ табуреткѣ, и указали, какъ подняться.

Палачъ накинулъ петлю и выбилъ изъ подъ ногу табуретку.

Богровъ повисъ.

Выждали законныя 15 минутъ.

Изъ толпы правыхъ кто-то сказалъ: «Несось, больше стрѣлять не будетъ».

Другой голосъ возразилъ: «Теперь не время разговаривать».

По истеченіи 15 минутъ палачъ спялъ мертвое тѣло, къ которому направился врачъ. Правые послѣдовали за врачомъ. Послѣдній констатировалъ смерть. Трупъ положили въ вырытую близъ висѣлицы яму, накрыли его досками, засыпали и сравняли землю. Къ тремъ часамъ утра все было кончено.

ОТКЛИКИ СОЦИАЛИСТОВ

LE DRAPEAU DU TRAVAIL.

ЗНАМЯ ТРУДА.

„Въ борьбѣ обрѣтается намъ право свое.“

Центральный Органъ

Партіи

Соціалистовъ-Революционеровъ

№ 38.

Октябрь 1911 г.

Цѣна: 30 с.

Заявленія Центрального Комитета П. С.-Р.

Въ виду появившихся во всѣхъ почти русскихъ газетахъ извѣстій о причастности Партіи Соц.-Рев. къ дѣлу Дм. Богрова, Центр. Комитетъ П. С.-Р. заявляетъ:

Ни Ц. К-тъ, ни какія-либо мѣстные партійныя организаціи, не принимали никакого участія въ дѣлѣ Дм. Богрова.

Мы не знаемъ, кто такой Богровъ. По одной версіи, онъ — раскаявшійся охранникъ, по другой, — анархистъ, поступившій въ охрану съ революционными цѣлями. Быть можетъ, есть какая-либо третья, пока еще необнаруженная, но соответствующая дѣйствительности? Неизвѣстно...

Допуская даже, что Богровъ анархистъ, рѣшившійся поступить на службу въ охрану съ революционными цѣлями, мы все-же не видимъ никакихъ данныхъ для сужденія о томъ, что привело его къ такому рѣшенію? Легкомысліе? Недостатокъ моральной чуткости? Наклонность къ авантюрамъ? Или, быть можетъ, безразсудная увѣренность, что при наличности царящей кругомъ апатіи и разрухи человѣку съ революционнымъ темпераментомъ остается лишь одно: дѣйствовать на свой личный страхъ и рискъ? Опять-таки неизвѣстно...

Мы можемъ съ увѣренностью констатировать лишь два факта. Первое: Богровъ несомнѣнно какою-то цѣною — большою или малою, это существа дѣла во мнѣнїе — купилъ то исключительное довѣріе, которое оказала ему охрана и благодаря которому онъ сумѣлъ попасть на торжественный спектакль въ Кіевѣ. Второе: съ момента выстрѣла въ театрѣ вплоть до петли на шеѣ *Богровъ держалъ себя съ достоинствомъ, благородно, геройски.*

Изъ общественной жизни.

Убийство Столыпина вызвало настоящій взрывъ молонскихъ чувствъ. И въ самомъ театрѣ, гдѣ оно проишло, и въ печати, и въ городскихъ думкахъ и земскихъ собраніяхъ, и въ разныхъ обществахъ цѣлый потокъ негодующихъ и возмущенныхъ чувствъ по адресу Богрова, и патриотическихъ и вѣриподданническихъ чувствъ по адресу властей предержащихъ. «Гдѣ же тотъ народъ, за который борются» революціонеры и во имя котораго они совершаютъ свои террористическіе акты?» — схибно вопрошаетъ «Голосъ Москвы»

Народъ молчитъ!.. По именно поэтому и нужны террористическіе удары, чтобы вывести его изъ апатіи и летаргіи, чтобы ободрить и вдохновить его на борьбу за свои интересы, за свою свободу и свои права, чтобы признать его къ этой борьбѣ примѣромъ мужества и самопожертвованія. И съ точки зрѣнія причинности, и съ точки зрѣнія цѣлесообразности молчаніе народа, его задавленность — показатель въ пользу террора, а не противъ него.

Но лакеи и болшѣе за свою лавочку торговли приличій не знаютъ и вотъ «Русское Слово» въ № отъ 3/16 сентября открыло свои сообщенія по дѣлу Столыпина слѣдующимъ словомъ:

«Безуміе. Покушеніе на убійство П. А. Столыпина съ любой точки зрѣнія является актомъ безумія, стоящимъ за предѣлами здраваго смысла. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что убійство есть всегда убійство. Стрѣляніе изъ-за угла въ беззащитнаго человѣка на всѣхъ языкахъ заклеймено однимъ и тѣмъ-же терминомъ. Мы не будемъ углубляться въ обстановку безумнаго покушенія, учиненнаго агентомъ сыскаго полиціи, не порвавшимъ своихъ связей съ террористами. Моральное уродство людей выступаетъ во всей своей наготѣ. Ашириул это уродство такими позорными актами, террористы выдаютъ себя заслуженную аттестацію, противъ которой люди здраваго смысла возражать не стануть. Россія не нуждается въ проявленіяхъ дикаго варварства. Наша родина стремится къ мирному и безостановочному развитію своей внутренней жизни. Террористы являются закоренѣлыми врагами нашего прогресса. Они очень хорошо знаютъ, что ихъ дикія, безумныя выступленія открываютъ дорогу реакціи. И эти люди говорятъ, что они героически приносятъ себя въ жертву высшимъ интересамъ родины!.. Пусть-же они знаютъ, что на ихъ безуміе Россія отвѣтитъ гнѣвнымъ негодованіемъ, которое выразится въ общемъ осужденіи кровавой мести и варварской расправы».

Заграничная пресса о смерти Столыпина.

The Labour Leader (Органъ «Независ. Рабочей Партіи» — социалистической — Киръ-Гарди, В. Андерсонъ, Рамзэй Макдональдъ и др. — The Independent Labour Party).

«Столыпинъ обратилъ Думу въ фарсъ и мошенническую продажку. Онъ, именно онъ, бросилъ тысячи людей въ зараженные тюрьмы и послалъ тысячи на висѣлицу. Онъ разрушилъ послѣдніе остатки свободы Финляндіи. Столыпинъ возобновилъ въ Россіи царство террора и вызвалъ проклетія всѣхъ русскихъ свободолюбивыхъ людей. Сравнительно съ „галстучнымъ“ Стъмъ злодѣи въ Дангономъ аду кажутся почти испорочными. Актъ Богрова показалъ, что Стъмъ пожалъ, что посѣлялъ и что его политика обратилась на его собственную голову. Будемъ надѣяться, что новый замѣститель Стъмъ перемѣнитъ политику террора на иную и тѣмъ избѣжитъ участи своего предшественника».

„Онъ не можетъ поротаться — и, конечно, многія тысячи русскихъ благоговѣнно благодарятъ за это господа. Его смерть и обстоятельства ея да будутъ благодѣтельнымъ предостереженіемъ другимъ, подобнымъ ему тиранамъ“.

„Въ Россіи однимъ чудовищемъ меньше и нравственная атмосфера міра стала оттого чище. Ужасная это вещь — убить *человѣка*! Но честь уничтоженія чудовищъ въ дѣянія времена принадлежитъ богамъ“.

Луванъ, 20 сент. (Органъ социалистической партіи).

„Смерть Столыпина заслуженная. Предъ этой могилой человечество можетъ лишь вздохнуть съ облегченіемъ. Русская революція предложила Столыпину 5 лѣтъ перемирія, чтобы ввести реформы. Столыпинъ принялъ его для того, чтобы убивать, вѣшать, ссылать, организовать погромы, разогнать Думу, закрывать школы, университеты, уничтожать газеты. Столыпинъ въ теченіе 5 лѣтъ былъ бичомъ Свѣтой Руси. И вотъ одинъ всталъ и говоритъ: этому должно положить конецъ. *Ordet er minns mördet er pro parolo*. Необходимо, чтобы одинъ пожертвовалъ собой для спасенія тысячъ. И этотъ человѣкъ нашелся. Еврей, въ сердцѣ котораго взошли сѣмена ненависти его расы, поруганной, преслѣдуемой, убиваемой, осмѣиваемой. Чтобы совершить ужасную мѣсть, онъ рѣшился надѣть ненавистную маску агента тайной полиціи. Чтобы совершить мѣсть, онъ пожертвовалъ своею честью. Всемогущество ненависти! Князь не могла не удачи. Столыпинъ не могъ ея избѣжать. И онъ ея не избѣжалъ. Поединокъ двоихъ людей. Трагедія цѣлаго народа. Страсти всего человечества. Прологъ или эпилогъ историческаго періода? Ближайшія событія дадутъ отвѣтъ. Сегодня предъ нами гробъ зловѣщаго министра зловѣщаго царя. Вокругъ Русь плачетъ и проклинаетъ. Мужикская Русь облегченно вздыхаетъ. А завтра? Кто знаетъ! Но въ этотъ годъ Немезида ликуетъ. О Столыпинѣ исторія будетъ говорить съ отвращеніемъ, а его убійца будетъ окруженъ ореоломъ мучениковъ, которые взошли на Голгофу для спасенія людей, для свободы народа“.

«Израиль», 15 сент. (Еврейская газета, издающаяся въ Нью-Йоркѣ на жаргонѣ).

«Мы надѣмся, что пуля, уголавшая въ Столыпина, вѣрно попала въ цѣль, что она выполнила свое назначеніе, что мура пуля освободила Россію отъ ея несчастья, міръ — отъ гнуснаго созданія, человечество отъ великаго позора. — Мы не боимся и насъ не пугаетъ возможность, что человѣкъ, стрѣлявшій въ не-человѣка (зверга), — еврей; что рука, вновь поднявшая въ Россіи знамя борьбы, знамя свободы, это — еврейская рука. Еврейская кровь добровольно была принесена на алтарь справедливости для того, чтобы омыть еврейскую кровь, которую убитый проливалъ и проливаетъ ежедневно по ручьямъ, а морями. Въ Россіи не найдется не только ни одной партіи, которая стала-бы оплакивать смерть Столыпина, нѣтъ ни одного лица, за исключеніемъ его собственной семьи, которое пролило-бы хотя одну настоящую и искреннюю слезу у холоднаго тѣла николаевскаго министра. Мы не знаемъ ни одного русскаго, который былъ-бы такъ невидимъ каждымъ классомъ, каждой партіей, всякимъ отгѣнкомъ русскаго общества. Почему? Потому что у Столыпина не было партіи, которой-бы онъ служилъ; у него не было идеи, принципа, за который-бы онъ боролся; у него не было вѣры, въ которую-бы онъ вѣрилъ, у него не было Бога, которому-бы онъ служилъ. Политическая программа премьеры-Столыпина, его вѣра и его дѣятельность имѣли только одну цѣль, одну задачу. Советникъ Николай не можетъ быть министромъ, онъ долженъ быть лакеемъ; довѣренное лицо русскаго деспота не можетъ быть канцлеромъ, оно должно быть палачомъ. И Столыпинъ порѣшилъ жить и умереть Николаевскимъ лакеемъ, Николаевскимъ вѣшателемъ!»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

СОЦИАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

В. И. ЛЕНИН

СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ

Умерщвление обер-вешателя Столыпина совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контрреволюции. Поэтому событие 1-го сентября, очень маловажное само по себе, вновь ставит на очередь вопрос первой важности о содержании и значении нашей контрреволюции.

Столыпин был главой правительства контрреволюции около пяти лет, с 1906 по 1911 г. Это — действительно своеобразный и богатый поучительными событиями период.

Политическая биография Столыпина есть точное отражение и выражение условий жизни царской монархии. Столыпин не мог поступить иначе, чем он поступал, при том положении, в котором оказалась при революции монархия.

Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские».

Полный текст статьи В. И. Ленина, посвященной убийству Столыпина, см.: Полное собрание сочинений, т. 20, с. 324-333.

СТОЛЫПИН

Крым, 1909

Эта фотография Столыпина хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк), в фонде М. П. Бок — дочери Столыпина. Публикуется впервые, с любезного разрешения Архива.

*Столыпин в 23 года
(1885)*

В день покушения (1 сентября 1911)

Столыпин в гробу

Гербъ рода
Столыпиныхъ.

Въ щитѣ, имѣющемъ поле въ верхней половинѣ красное, а въ нижней голубое, изображенъ одноглавый серебряный орелъ, держащій въ правой лапѣ свившагося змѣя, а въ лѣвой серебряную подкову съ золотымъ крестомъ. Щитъ увѣнчанъ дворянскими шлемомъ и короною, съ тремя стросовыми перьями. Наметь изъ щитѣ красный и голубой, подложенъ золотомъ. Щитъ держатъ два единорога. Подъ щитомъ девизъ: „DEO SPES MEA.“

Девиз, в переводе с латинского: «НА БОГА МОЯ НАДЕЖДА».

Рисунок герба взят из книги: «Общий гербовник дворянских гербов Всероссийской империи», Спб, 1799-1840, ч. X; перевод девиза — из книги В. Э. Горн «Девизы высочайше утвержденных гербов Российского дворянства», Спб, 1882.

БИОГРАФИЯ

Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ родился въ 1862 г., дѣтство провелъ въ имѣніи Средниково подѣ Москвой. По окончаніи курса въ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1884 г. онъ началъ свою служебную дѣятельность въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, черезъ два года причислился къ департаменту земледѣлія и сельской промышленности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ которомъ послѣдовательно занималъ различныя должности и особенно интересовался сельскохозяйственнымъ дѣломъ и землеустройствомъ. Загѣмъ перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ ковенскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ ковенскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ и въ 1899 году былъ назначенъ ковенскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Служба предводителемъ дворянства близко ознакомила П. А. съ мѣстными пуждами, завоевала ему симпатіи мѣстнаго населенія и дала административный опытъ. Въ это время онъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей по писарскому и ковенскому судебно-мировымъ округамъ. Въ 1902 г. покойному было поручено исправленіе должности гродненскаго губернатора, черезъ годъ онъ былъ назначенъ саратовскимъ губернаторомъ. Начало революціонной смуты ему пришлось провести въ должности губернатора въ Саратовѣ и принять рѣшительныя мѣры противъ революціонной пропаганды и особенно по прекращенію беспорядковъ въ Балашовскомъ уѣздѣ. Въ Саратовѣ же онъ принималъ живое участіе въ дѣятельности мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій. Мѣстный отдѣлъ попечительства государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ избралъ его въ свои почетные члены. Когда въ 1906 году совѣтъ министровъ во главѣ съ графомъ С. Ю. Витте вышелъ въ отставку и новый совѣтъ министровъ было поручено сформировать И. Л. Горемыкину, покойному былъ предложенъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Съ этого времени—26 апрѣля 1906 г.—П. А.

являлся до дня своей кончины дѣятельнымъ руководителемъ министерства. Послѣ роспуска первой думы покойному всемилостивѣйше повелѣно быть 8 июля 1906 г. предсѣдателемъ совѣта министровъ съ оставленіемъ въ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Съ этого момента началась талаятливая государственная дѣятельность Столыпина, направленная на умиротвореніе Россіи путемъ стойкой борьбы съ своеволіемъ и беззаконіемъ и путемъ разработки и проведенія въ жизнь новыхъ законовъ. Ставъ во главѣ совѣта министровъ, П. А. сумѣлъ вдохнуть въ дѣятельность совѣта единоподушіе, возратить государственной власти поколебленный престижъ и укрѣпить его. Революціонныя партіи террористовъ не могли примириться съ назначеніемъ убѣжденнаго націоналиста и сторонника сильной государственной власти на постъ премьеръ-министра, и 12 августа 1906 г. произвели покушеніе на его жизнь взрывомъ министерской дачи на Аптекарскомъ островѣ. Было убито 27, ранено 32 лица (въ ихъ числѣ тяжело пострадала дочь и раненъ малолѣтній сынъ Столыпина), но П. А. остался невредимымъ. Провидѣніе сохранило его жизнь, и покойный съ прежней энергіей и увлеченіемъ отдался всецѣло государственной дѣятельности. Горячій приверженецъ порядка и законности, онъ шелъ прямымъ путемъ къ скорѣйшему осуществленію новаго уклада государственнаго строя согласно высочайшимъ предначертаніямъ. Просвѣщенный политикъ, экономистъ и юристъ, крупный административный талантъ, онъ почти отказался отъ личной жизни и свою удивительную работоспособность, незнакомую съ утомленіемъ, вложилъ въ дѣло государственнаго успокоенія и строительства. Только лѣтомъ, и то на самое непродолжительное время, онъ позволялъ себѣ отдыхъ, уѣзжая преимущественно въ свое имѣніе, но и тамъ не переставалъ давать направленіе правительственному механизму государства. Заболѣвъ весной 1909 г. крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, онъ согласился покинуть Петербургъ только по настоячивымъ требованіямъ врачей и провелъ въ Крыму около мѣсяца. Наибольшее время П. А. посвящалъ руководителству и предсѣдательству въ совѣтѣ министровъ, созывавшемся обычно не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, и въ разнаго рода совѣщаніяхъ по текущимъ дѣламъ и по вопросамъ законодательства. Засѣданія эти часто затягивались до утра. Утренніе доклады и дневные приемы чередовались у него съ личнымъ внимательнымъ просмотромъ текущихъ дѣлъ, просмотромъ русскихъ и иностранныхъ газетъ и тщательнымъ изученіемъ новѣйшихъ книгъ, посвященныхъ особенно вопросамъ государственнаго права. Неоднократно онъ, какъ предсѣдатель совѣта министровъ, выступалъ въ государственной думѣ и государственномъ совѣтѣ защитникомъ правительственныхъ проектовъ. Онъ всегда являлся блестящимъ ораторомъ, говорилъ вдохновенно, сжато и дѣльно, развивая мастерски и ярко руководящія положенія законопроекта или давая отвѣты и объясненія по различнаго рода запросамъ о дѣйствіяхъ правительства. Въ 1909 г. покойный присутствовалъ при свиданіи Государя Императора съ

германскимъ императоромъ въ финляндскихъ шхерахъ. Въ разное время онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Россіи, знакомился съ результатами землеустроительныхъ работъ и съ работами по хutorскому и отрубному разверстанію. Немало онъ приложилъ также стараній къ улучшенію водоснабженія въ Петербургѣ и къ прекращенію холерной эпидеміи. Государственныя заслуги покойнаго были отмѣчены въ короткое время цѣлымъ рядомъ царскихъ наградъ. Помимо нѣсколькихъ высочайшихъ рескриптовъ съ выраженіемъ признательности, П. А. былъ пожалованъ въ 1906 г. въ гофмейстеры, 1-го января 1907 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ 1908 г. — статсъ-секретаремъ.

Какъ человекъ, покойный отличался прямотушіемъ, искренностью и самоотверженною преданностью государю и Россіи. Онъ былъ чуждъ гордости и кичливости благодаря исключительно рѣдкимъ качествамъ своей уравновѣшенной натуры. Онъ всегда относился съ уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ и внимательно къ своимъ подчиненнымъ и ихъ нуждамъ. Врагъ всякихъ неясностей, подозрѣній и гипотезъ, онъ чуждался интриганства и интригановъ и мелкаго политиканства. По своимъ политическимъ взглядамъ П. А. не зависѣлъ отъ какихъ-либо партійныхъ давленій и притязаній. Твердость, настойчивость, находчивость и высокій патриотизмъ были присущи его честной, открытой натурѣ. П. А. особенно не терпѣлъ лжи, воровства, взяточничества и корысти и преслѣдовалъ ихъ безпощадно; въ этомъ отношеніи онъ былъ горячій сторонникъ сенаторскихъ ревизій.

Покойный былъ женатъ на дочери почетнаго опекуна О. Б. Нейдгартъ, имѣлъ пять дочерей и сына.

Таковы достовѣрныя и правильно освѣщенные газетныя біографическія свѣдѣнія о почившемъ, позволяющія намъ обозрѣть общія черты его характера и жизненной дѣятельности сначала въ провинціи, а затѣмъ во главѣ правительственной власти. Обращаясь къ частностямъ, мы прежде всего должны отмѣтить тѣ необычныя условія, среди которыхъ такъ быстро и рельефно выступила на фонѣ русской жизни фигура недавняго саратовскаго губернатора, тогда еще мало знакомаго бюрократическому, свѣтскому и общественному Петербургу.

У всѣхъ въ памяти буйный составъ первой государственной думы съ ея «товарищескими выступленіями», знаменитымъ выборгскимъ воззваніемъ и полнымъ нежеланіемъ перейти отъ хлесткихъ и революціонныхъ рѣчей къ тому практическому дѣлу, ради котораго было призвано народное представительство и котораго такъ страстно ожидала отъ него застоявшаяся въ нужныхъ ей поступательныхъ реформахъ Россія. Съ перваго же дня засѣданія нашего молодого парламента можно было достаточно ясно убѣдиться, что онъ не пригоденъ къ той роли, которая ему была предназначена, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ непрерывныхъ столкновеній съ представителями власти его вынуждены были распустить. Слѣдующій

составъ государственной думы пытался занять ту же позицію, что и дума перваго призыва, и странѣ угрожала опасность, что вся дѣятельность г.г. депутатовъ сведется къ систематической оппозиціи правительству, исключительной критикѣ и рѣзкимъ выступлениямъ, при каковой политикѣ дѣйствій совершенно парализовалась та программа, которая достаточно опредѣленно была высказана въ высочайшемъ манифестѣ по случаю роспуска первой думы.

На этотъ призывъ къ миру и дѣятельной работѣ депутаты втораго призыва отвѣтили съ перваго же засѣданія выступлениями по примѣру своихъ недавнихъ предшественниковъ. Когда П. А. Столыпинъ, облеченный къ тому времени властью председателя совѣта министровъ, прочелъ свою декларацію въ засѣданіи 6-го марта 1907 г., ему посылались возраженія и сдѣлана была попытка подорвать авторитетъ правительства. Вотъ на эти-то попытки и отвѣтилъ Столыпинъ своею знаменитою, отнынѣ историческою, рѣчью, которая сразу очертила его боевую, наступательную на революцію позицію и создала изъ него тотъ оплотъ силы, власти и законности, которыя до того отсутствовали и которыя возвращали правительству его авторитетъ въ населеніи. Этою рѣчью онъ сразу поднялся надъ всею думою и явилъ собою того истиннаго «богатыря мысли и дѣла», о которомъ упомянуто въ манифестѣ.

Столыпинъ сказалъ слѣдующее:

«Господа, я не предполагалъ выступать вторично предъ государственной думой, но тотъ оборотъ, который приняли пренія, заставляеть меня просить вашего вниманія. Я хотѣлъ бы установить, что правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ заявленіяхъ государственной думѣ будетъ держаться исключительно строгой законности. Правительство желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ. Я отдаю себѣ отчетъ, что такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ ненависти и злобы. Я имъ пользоваться не буду.

«Возвращаюсь къ законности. Я долженъ заявить, что о каждомъ нарушеніи ея, о каждомъ случаѣ, не соответствующемъ ей, правительство обязано будетъ громко заявить: это его долгъ передъ думой и страной. Въ настоящее время я утверждаю, что государственной думѣ волею монарха не дано право выраженія правительству неодобренія, порицанія или недовѣрія. Это не значить, что правительство бѣжить отъ отвѣтственности. Безуміемъ было бы предполагать, что люди, которымъ вручена была власть во время великаго историческаго перелома, во время неурядиства всѣхъ законодательныхъ государственныхъ устоевъ, чтобы люди, сознающіе всю тяжесть возложенной на нихъ задачи, не сознавали тяжести взятой на себя отвѣтственности. Но надо помнить, что въ то время, когда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, отъ царской резиденціи, волновался Кронштадтъ, когда измѣна ворвалась въ Свеаборгъ, когда пылалъ Прибалтійскій край, когда революціонная волна разлилась въ Польшѣ и на Кавказѣ, когда остановилась

вся дѣятельность въ южномъ промышленномъ районѣ, когда распристранились крестьянскіе безпорядки, когда пачалъ царить ужасъ и терроръ, правительство должно было или отойти и дать дорогу революціи, забыть, что власть есть хранительница государственности и цѣлости русскаго народа, или дѣйствовать и отстоять то, что было ей ввѣрено. Но, господа, принимая второе рѣшеніе, правительство роковымъ образомъ навлекало на себя и обвиненіе. Ударяя по революціи, правительство, несомнѣнно, не могло не задѣть частныхъ интересовъ. Въ то время правительство задѣлось цѣлью—сохранить тѣ завѣты, тѣ устои, начала которыхъ были положены въ основу реформъ императора Николая II. Борясь исключительными средствами и въ исключительное время, правительство ввело и привело страну во вторую думу. Я долженъ заявить и желалъ бы, чтобы мое заявленіе было слышно далеко за стѣнами этого собранія, что тутъ, волею монарха, нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ, что эти скамьи (показываетъ на мѣста министровъ) не скамьи подсудимыхъ—это мѣсто правительства.

«За наши дѣйствія въ эту историческую минуту, дѣйствія, которыя должны вести не ко взаимной борьбѣ, а къ благу нашей родины, мы точно такъ же, какъ и всѣ, дадимъ отвѣтъ исторіи. Я убѣжденъ, что та часть государственной думы, которая желаетъ работать, которая желаетъ вести народъ къ просвѣщенію, желаетъ разрѣшить земельныя нужды крестьянъ, сумѣетъ провести тутъ свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядамъ правительства. Я скажу даже болѣе, я скажу, что правительство будетъ привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого-либо неустройства, какихъ-либо злоупотребленій.

«Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не выработано опредѣленныхъ правовыхъ нормъ, центр тяжести, центръ власти лежитъ не въ установленіяхъ, а въ людяхъ. Людямъ, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребленія будутъ разоблачаемы, пусть они будутъ судимы и осуждаемы. Но иначе должно правительство относиться къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе; эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти параличъ и воли, и мысли. Всѣ онѣ сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти: «руки вверхъ». На эти два слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаниемъ своей правоты, можетъ отвѣтить только двумя словами: не запугаете».

Эта историческая рѣчь создала сразу имя Столыпину, и фраза «не запугаете» была тѣмъ сигналомъ, которымъ было объявлено населенію, что наступилъ конецъ параличнаго состоянія государственной власти, что она возвращается къ своей отвѣтственной обязанности и готова безъ страха и трепета встрѣтить натискъ внутреннихъ враговъ. Гипнозъ страха, малодушія и слабости отнынѣ какъ бы покинулъ стоявшихъ у кормила русскаго государственнаго корабля, и явился лишь вопросъ, каковъ будетъ курсъ

этого корабля и поскольку кормчий будетъ въ силахъ и состояніи твердо держаться намѣченнаго курса. Какъ и можно было ожидать, вторая государственная дума, поставившая себѣ, по словамъ нѣкоторыхъ ея представителей, главною задачею «осаду власти», не могла и по существу этой задачи, и по методамъ ея выполненія, удовлетворить требованіямъ премьеръ-министра: работа законодательная въ ней не подвигалась, и она утопала въ словонизверженіяхъ извѣстнаго пошиба, доставшихся ей по наслѣдію отъ ея предшественницы. Оказалась она въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ родственною и съ революціонными элементами населенія. Роспускъ ея совершился, а дабы и третья дума не оказалась въ законодательномъ противодѣйствіи правительству, по иниціативѣ Петра Аркадьевича, выборный законъ былъ измѣненъ въ смыслѣ дачи большаго значенія элементамъ сословнымъ и національнымъ, благодаря чему депутаты являлись какъ бы болѣе отвѣтственными передъ посланными ихъ и дабы послѣднимъ былъ облегченъ правильный способъ избирательства болѣе сознательныхъ элементовъ въ думу. Этимъ закономъ Столыпинъ создалъ третью думу, съ которой, хотя и не безъ нѣкоторыхъ треній порою, ему и удалось провести законные циклы сессій.

Если Столыпинъ сразу послѣ своей исторической рѣчи 6-го марта 1907 года завоевалъ симпатіи думскаго большинства, то съ теченіемъ времени эта симпатія — и общественная, и отчасти личная — стала какъ будто нѣсколько блѣднѣть и слабѣть. Это ослабленіе достигло значительныхъ размѣровъ къ началу текущаго года, и противъ него образовались своего рода непріязненные блоки, гдѣ въ трогательномъ единодушіи, достойномъ лучшей доли, сошлись элементы крайней правой и крайней лѣвой и даже съ участіемъ здѣсь еще вчерашнихъ умѣренныхъ политическихъ друзей. Такого рода блоки образовались какъ въ стѣнахъ Таврическаго дворца, такъ и дворца Маріанскаго, въ государственномъ совѣтѣ, этой нашей верхней палатѣ. Если оппозиція премьеръ-министру въ кругахъ государственной думы не могла вызывать особаго удивленія, то оппозиція верхней палаты достойна вниманія и тѣмъ болѣе, что исходила она изъ такого центра, откуда ее менѣе всего можно было ожидать. Оппозиція П. А. слѣва обосновывалась тѣми соображеніями, что онъ слишкомъ будто бы консервативенъ и націоналенъ, оппозиція справа находила его слишкомъ либеральнымъ, конституціоннымъ и уступчивымъ. Вотъ и извольте тутъ разобраться! Любопытнѣе всего то, что противодѣйствіе, опиравшееся на соображенія второй категоріи, какъ теперь выясняется, было не столько дѣйствіемъ политическаго порядка, сколько исходило изъ соображеній личной непріязни, на каковомъ чувствѣ сошлись какъ алчущіе власти, такъ и потерпѣвшіе крушеніе въ своей еще недавней блестящей карьерѣ. Въ походѣ противъ Столыпина немалую роль сыграли, между прочимъ, графъ С. Ю. Витте и П. Н. Дурново.

Въ первый разъ кампанія правыхъ противъ Столыпина должна была проявиться на преобразованіи русской миссіи при японскомъ правительствѣ въ посольство. Правые хотѣли подчеркнуть въ этомъ актѣ покушеніе «революціоннаго Столыпина» на прерогативы монарха, который долженъ былъ провести это помимо думы. Затѣмъ рѣшено было оставить этотъ поводъ и ожидать болѣе удобнаго случая. Случай нашелся въ штатахъ морского министерства. Когда эти штаты, пройдя черезъ думу и государственный совѣтъ, не удостоились высшаго утвержденія, Столыпинъ подалъ въ отставку. Третье столкновеніе Столыпина съ этой компаніей было въ вопросѣ о введеніи земства въ западныхъ губерніяхъ. Оппозиція въ стѣнахъ Маріинскаго дворца была поддерживаема союзомъ русскаго народа и дворянской организаціей, ставшими въ непріязненное отношеніе къ Петру Аркадьевичу за его нежеланіе признавать руководящее значеніе этихъ общественныхъ группъ и стремленіе вводить эти группы въ рамки законности, согласно началамъ, положеннымъ въ основу реформированнаго строя.

Мы не станемъ возстановлять здѣсь всей хроники недавнихъ событий и, если отмѣчаемъ ее здѣсь въ общихъ чертахъ, то чтобы показать, поскольку трудно было положеніе Петра Аркадьевича въ его борьбѣ на два фронта и въ особенности по отношенію справа, гдѣ каждый разъ пускались въ оборотъ такія опасныя соображенія, какъ желаніе якобы главы совѣта министровъ умалить прерогативы верховной власти. Быть можетъ, въ силу именно такой опасности покойный саповникъ и вынуждаемъ былъ пускаться въ ходъ экстраординарныхъ мѣръ, безъ паличья которыхъ невозможно было отстаивать государственныя мѣропріятія, неотложныя въ своемъ проведеніи.

Если оппозиція справа связывала въ значительной мѣрѣ ему руки въ борьбѣ за созданіе и упроченіе въ Россіи новаго строя, то немало палокъ въ его рабочія колеса было вставлено и слѣва, причѣмъ агитація его мѣропріятіямъ велась всегда чрезвычайно послѣдовательно, безостановочно и довольно даже искусно. Но если съ этой оппозиціей были въ его распоряженіи какъ никакъ средства борьбы, легко почерпаемая изъ особенностей его психики, индивидуальности и дарованія, то труднѣе дѣло было тамъ, гдѣ борьба не всегда зависѣла отъ него лично. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ не область думской и совѣтской борьбы, а область революціонную, которая не могла простить Столыпину его мужества, съ которымъ онъ гордо поднималъ брошенную правительству революціонную перчатку. Для революціи онъ былъ особенно опасенъ, опасенъ и своимъ мужествомъ, и той позиціею, которую онъ занялъ въ качествѣ представителя мирной русской прогрессивной эволюціи, въ нормахъ, преподаваемыхъ ему высочайшими манифестами. Онъ не лукавилъ съ послѣдними, не старался ихъ использовать по своему личному политическому усмотрѣнію, а дѣйствовалъ, какъ министр-реформаторъ, поставленный на свой постъ царемъ-реформаторомъ.

Такого рода политика дѣйствій неминуемо должна была привести къ недалекому замиренію Россіи, приведенію ея въ политическую норму, а отсюда къ ея культурному росту, благополучію и мощи, что никогда не входило и не входитъ въ революціонныя программы, такъ какъ этимъ самымъ ихъ аннулируетъ, съ одной стороны, и, съ другой — не соответствуетъ интересамъ инородческимъ и иноземнымъ, играющимъ въ тѣхъ программахъ всегда, хотя и скрытую, видную роль. Революція, не желавшая сложить свое оружіе передъ Столыпинымъ и чувствуя въ немъ силу побѣдителя, направила свою рѣшительную дѣятельность противъ него лично, и вотъ послѣдовалъ извѣстный взрывъ его дачи на Аптекарскомъ островѣ, гдѣ оказались въ числѣ многихъ жертвъ взрыва пострадавшими его дочь и сынъ. Въ общей сложности убитыми оказалось 27 человѣкъ и 32 человѣка ранеными. Силою взрыва отброшенной бомбы разворочены были прихожая, дежурная комната и слѣдующая за нею пріемная, а также разрушены подъѣзды, спускъ балкона второго этажа, опрокинуты выходящія въ садъ деревянныя стѣны первого и второго этажей. Сила страшнаго взрыва была такова, что частями разрушенныхъ стѣнъ и выброшенныхъ изъ дома предметовъ мебелировки, а также мелкими осколками стекла, раздробленными почти въ крупу, была обсыпана вся набережная передъ дачей. Трупы убитыхъ, вырытые работавшими пожарными и солдатами, оказались большою частью съ оборванными частями тѣла, многіе имѣли видъ безформеннаго мяса, безъ головы, рукъ и ногъ.

Событіе на Аптекарскомъ островѣ не привело къ результатамъ, намѣченнымъ революціонерами и косвенно ожидаемымъ лѣвыми группами. Столыпинъ остался невредимъ, проявилъ во все теченіе событія того дня удивительное благородное мужество и самообладаніе и, конечно, сохранилъ свою историческую служебную роль Россіи. На этотъ разъ у враговъ Столыпина дѣло не вышло, сорвалось, какъ срывались и всѣ прочіе на него патиски вплоть до катастрофы 1-го сентября текущаго года. Такимъ образомъ, мы видимъ нашего предсѣдателя совѣта министровъ на всемъ протяженіи его кипучей дѣятельности въ пользу обновленія и умиротворенія Россіи въ состояніи постоянного боевого напряженія и борющимся и направо и налево, какъ силою своего удивительнаго ораторскаго таланта, такъ порою искусною мирною политикою, а въ другія поры-политикою рѣшительныхъ рѣзкихъ дѣйствій. При всѣхъ коллизіяхъ онъ сравнительно удачно выходитъ изъ трудныхъ положеній, но это требуетъ отъ него громаднаго напряженія силъ и непрерывнаго дѣловаго круговращенія, благодаря чему онъ и ставитъ все общество, всѣ законодательныя и исполнительныя учрежденія, всю Россію въ такое же вращеніе, какъ-то поспѣвалъ самолично входить всюду своимъ импульсомъ, своею инициативою и контролемъ. При этомъ общія основныя положенія его политики дѣйствій остаются неизмѣнными. Вещдуя съ однимъ представите-

В кругу семьи

лемъ иностранной прессы, онъ такъ формулировалъ эту политику, насколько она отражается на современномъ положеніи Россіи:

«Всѣ заботы правительства направлены къ проведенію въ жизнь прогрессивныхъ реформъ. Неустанное развитіе городовъ идетъ объ руку съ экономическимъ подъемомъ сельской и деревенской жизни. Правительство содѣйствуетъ проникновенію въ сознаніе широкихъ народныхъ массъ той великой истины, что единственно въ трудѣ народъ можетъ обрѣсти спасеніе:

«Въ центрѣ заботъ правительства стоитъ преуспѣяніе института мелкой земельной собственности. Настоящій прогрессъ земледѣлія можетъ совершаться только въ условіяхъ личной земельной собственности, развивающей въ собственникѣ сознаніе какъ права, такъ и обязанностей? Наши усилія въ этомъ направленіи не пропадаютъ даромъ. Въ Россіи всѣ трудятся, и если въ Петербургѣ есть люди, немного занимающіеся политикою и критикующіе земельную политику правительства, то въ общемъ преобладаетъ настроеніе бодрого оптимизма и вѣры въ будущее. Земледѣлецъ, обладающій земельной собственностью, защитникъ порядка и опора общественнаго строя.

«Легко сказать: «дайте странѣ всѣ свободы». И я говорю: надо дать свободы, но при этомъ добавлю, что предварительно нужно создать гражданъ и сдѣлать народъ достойнымъ свободы, которыхъ Государь соизволилъ дать. Поэтому исполненіе моей программы, разсчитано на много лѣтъ. Я горячо вѣрю въ блестящую будущность Россіи. Впрочемъ, Россія и теперь велика, богата и сильна...»

Коснувшись въ одной изъ своихъ думскихъ рѣчей нашей внутренней политики въ ея карательныхъ частяхъ, онъ говорилъ: «Для благоразумнаго большинства наши внутреннія задачи должны быть и ясны, и просты. Къ сожалѣнію, достигать ихъ, итти къ нимъ приходится между бомбой и браунингомъ. Вся наша полицейская система, весь трудъ и сила, затрачиваемые на борьбу съ разъѣдающей язвой революціи,—конечно, не цѣль, а средство, средство дать возможность жить, трудиться, дать возможность законодательствовать, да, господа, законодательствовать, потому что были попытки и въ законодательное учрежденіе бросать бомбы! А тамъ, гдѣ аргументъ—бомба, тамъ, конечно, естественный отвѣтъ—безпощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтоженіемъ кары, не облегченіемъ возможности дѣлать зло, а громадной внутренней работой. Вѣдь изнеможенное, изболѣвшееся народное дѣло требуетъ укрѣпленія; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это съ низовъ. И тогда, конечно, сами собою отпадутъ и исключительныя положенія, и исключительныя кары. Не думаете, господа, что достаточно медленно выздоравливающую Россію подкрасить румянами всевозможныхъ вольностей, и она станетъ здоровой. Путь къ исцѣленію Россіи указанъ съ высоты престола,—и на васъ лежитъ громадный трудъ выполнить

эту задачу. Мы, правительство, мы строимъ только лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство. Противники наши указываютъ на эти лѣса, какъ на возведенное нами безобразное зданіе, и яростно бросаются рубить ихъ основаніе. И лѣса эти неминуемо рухнутъ и, можетъ быть, задавятъ и насъ подъ своими развалинами, но пусть, пусть это случится тогда, когда изъ-за ихъ обломковъ будетъ уже видно, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ очертаніяхъ, зданіе обновленной, свободной,—свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты, отъ невѣжества, отъ безправія,—преданной, какъ одинъ человѣкъ, своему государю Россіи, и время это, господа, наступаетъ, и оно наступитъ, несмотря ни на какія разоблаченія, такъ какъ на нашей сторонѣ не только сила, но на нашей сторонѣ и правда».

Нельзя не сознаться, что работа при такихъ условіяхъ была не изъ легкихъ, и можно только удивляться его всепоглощающей энергіи, которая позволила ему въ короткій пятилѣтній срокъ его премьерства достигнуть такихъ значительныхъ относительно результатовъ, принимая при этомъ въ расчетъ нашу общую способность за все скоро и энергично браться и такъ же скоро остывать и переходить въ разслабленное состояніе бездѣятельности и знаменитаго авось». Столыпинъ ни этой бездѣятельности, ни этого «авось» не терпѣлъ и, горя самъ въ работѣ и кипя законопроектами, побуждалъ все окружающее, не исключая и нашихъ законосовѣщательныхъ учрежденій, работать не покладая рукъ и быть постоянно на чеку нуждъ Россіи.

«Кипя, волнуясь и спѣша», Петръ Аркадьевичъ, однако, ясно совнавалъ, что онъ—лицо, пожертвованное благу реформированной Россіи. Уходя изъ дому, онъ, по его словамъ, никогда не былъ увѣренъ, что вернется цѣлъ и невредимъ, и всегда чувствовалъ себя подъ Дамокловымъ мечомъ опасности. Вопросъ сводился только къ тому: когда и гдѣ пробьетъ его послѣдній часъ. День 12-го августа 1907 г. прошелъ для него лично благополучно, но четыре года спустя враги его справили свое торжество надъ нимъ.

**«ИМ НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ
ПОТряСЕНИЯ, НАМ
НУЖНА ВЕЛИКАЯ
РОССИЯ»**

СТОЛЫПИН

дѣль осуществленія движенія общаго, чѣмъ успѣхъ ея, но вся обстановка пободныхъ преступленій, но жестоко-сти своей, располагаетъ общество къ смятенію и трепетѣ болѣе даже, чѣмъ дѣлительное революціонное движеніе.

Въ чѣмъ при такихъ обстоятельствахъ должна заключаться обязанность Правительства и что оно должно предпринять? Отвѣтъ на это можетъ быть одинъ: цѣль и задачи Правительства не могутъ вѣдаться въ зависимости отъ злого умысла преступниковъ: можно убить отдѣльное лицо, но нельзя убить идеи, которою одушевлено Правительство. Нельзя уничтожить волю, направленную къ возстановленію возможности жить въ стра-пѣ и свободно трудиться.

Преступная дѣятельность несомнѣнно затрудняетъ достиженіе конечной цѣли, но такъ какъ эта цѣль не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ явленій случайныхъ, то здравый государствен-ный разумъ указываетъ на необходимость устранить препятствіе, наперечъ всѣ силы и пдти впередъ къ рѣшенію ламвечной задачи. Изъ этого ясно, что злодѣйства должны пресѣкаться безъ колебаній, что если государство не дастъ имъ дѣйствительнаго отпора, то терять-ся самый смыслъ государственности. По-этому Правительство, не колеблясь, про-тивупоставитъ насилію силу. Долгъ го-сударства остановить подявнуіуюся къ верху волну дикаго произвола, стремя-щагося сдѣлать господина положенія всеупитожакіе противупобщественные элементы. Въ видахъ борьбы съ ними мѣстнымъ властямъ даны самыя опре-дѣленныя указанія: за перѣшитель-ность по отношенію къ ослушникамъ Царской воли на нихъ ляжетъ тяжелая отвѣтственность. Администрация употре-бить всѣ усилія, всѣ предоставленные ей закономъ средства, чтобы остановить проновѣдь насилія и проявленія ея на дѣлѣ. Если разрушительной пропагандѣ удастся вызвать среди темной части населенія аграрные беспорядки, то они будутъ остановлены вооруженною силою и отвѣтственность за жертвы ляжетъ на подстрекателей.

Паряду съ снмъ Правительство не могло не обратить вниманія на то, что и обыкновенное судебное производство не вполне приспособлено къ обстоя-тельствамъ настоящаго времени и не даетъ возможности достаточно быстрой ре-прессіи за преступленія, выходящая изъ ряда обыкновенныхъ. Поэтому признано необходимымъ издать временныя пра-вила о военно-полевои судѣ для сужденія обвиняемыхъ въ панбѣ тяж-кихъ преступленій въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи

или въ положеніи чрезвычайной охраны. По этимъ правиламъ судопроизводство и приведеніе приговора въ исполненіе значительно приближаются къ моменту совершенія преступленія. Независимо отъ сего, въ виду развивающагося за послѣднее время новаго тягчайшаго вида преступленій—пропаганды въ войскахъ—изданы также временныя правила объ усиленіи наказуемости за этого рода преступленія. Такимъ образомъ, болѣзнь, которую переживаетъ наше Отечество, вызвала необходимость приспособленія къ ней государственнаго организма, съ цѣлью поборошь зло безъ ущерба для живности государства.

Всѣ эти мѣропріятія, необходимыя для обезпеченія свободы жить и трудиться, являются, однако, лишь сред-ствомъ, а не цѣлью.

Они несомнѣнно поглощаютъ значи-тельную часть времени и труда, ко-торые были бы безъ этого посвя-щены производительной государствен-ной работѣ по вопросамъ, пред-указаннымъ съ высоты Престола, но было бы величайшею ошибкою видѣть въ огражденіи государства отъ преступ-ныхъ покушеній единственную задачу государственной власти, забывая о глу-бокихъ причинахъ, породившихъ уродли-выя явленія.

Правительство не можетъ, какъ того требуютъ нѣкоторыя общественныя груп-пы, приостановить всѣ преобразования, приостановить всю жизнь страны и обра-тить всю мощь государства на одну борьбу съ кривою, сосредоточившись на проявленіяхъ зла и не углубившись въ его сущность. Не соотвѣтствовало бы обстоятельствамъ и интересамъ Россіи и другое, предлагаемое противниками перваго мнѣнія, рѣшеніе: обратиться исключительно къ проведенію въ жизнь освободительныхъ реформъ, рассчитывая на то, что кривоая въ этомъ случаѣ сама собою прекратится, потерявъ всякій свой смыслъ. Мнѣніе это не можетъ быть принято уже потому, что революція борется не изъ за реформъ, проведеніе которыхъ почитается своею обязанностью и Правительство, а изъ за разрушенія самой государственности, крушенія Монархіи и введенія социалистиче-скаго строя. Такимъ образомъ, путь Правительствна ясенъ: огридить порядокъ и рѣшительными мѣрами охранить насе-леніе отъ революціонныхъ проявленій и, выйдѣ съ тѣмъ, напряженіемъ всей силы государственной иди по пути строительства, чтобы создать вновь устой-чивый порядокъ, являющийся на законно-сти и разумно полаты истинной свободѣ.

Обращаясь къ способамъ достиженія послѣдней цѣли, Правительство сознаетъ,

что передъ нимъ стоятъ вопросы разнаго порядка. Одни подлежатъ разрѣшенію Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, и по этимъ вопросамъ высшая администрація обязана подготовить вполнѣ разработанные законопроекты, которые служили бы основаніемъ для сужденія въ законодательныхъ учрежденіяхъ. На это долженъ быть использованъ весь промежутокъ времени до созыва Государственной Думы. Другіе, по чрезвычайной неотложности своей, должны быть проведены въ жизнь немедленно. Это такіе вопросы, которые вытекаютъ изъ пачаль, возвышеннѣхъ въ Высочайшихъ Манифестахъ, частичное разрѣшеніе которыхъ не можетъ связать свободы дѣйствій будущихъ законодательныхъ учрежденій и направленіе которыхъ уже предѣлено. На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ задачъ стоитъ вопросъ земельный и землеустроительный. Практически починъ въ этомъ вопросѣ данъ Высочайшимъ повелѣніемъ о передачѣ крестьянскому поземельному банку удѣльныхъ оброчныхъ статей. Послѣдующими распоряженіями Правительство дало возможность мѣстнымъ землеустроительнымъ комиссиямъ нынѣ же фактически пачать устройство быта малоземельныхъ крестьянъ, какъ использованіемъ во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ земельная нужда, пачальнаго земельного запаса, такъ и облегченіемъ въ этомъ отношеніи частной самодѣятельности крестьянъ. Реальная работа на мѣстахъ дала богатый матеріалъ будущей Государственной Думѣ въ этомъ въ высшей степени сложномъ вопросѣ.

Нынѣ также будутъ проведены пѣкоторые неотложныя мѣропріятія въ смыслѣ гражданскаго равноправія и свободы вѣроисповѣданія. Предположено отменить отжившія ограниченія, стѣсняющія крестьянъ и старообрядцевъ, съ опредѣленіемъ правъ послѣднихъ точными законодательными постановленіями. Равнымъ образомъ и въ области еврейскаго вопроса безотлагательно будетъ рассмотрѣно, какія ограниченія, какъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія, могутъ быть отменены немедленно и какія, какъ касающіяся существа отношеній еврейской народности къ коренному населенію, являются дѣломъ пародной совѣсти, почему предѣрженіе ихъ стѣснило бы послѣдующую работу законодательныхъ учрежденій. Расширеніе сѣти пародныхъ школъ, въ связи съ планомъ введенія всеобщаго обученія, и улучшеніе матеріальнаго обезпеченія пародныхъ учителей уже намѣчены Правительствомъ къ ближайшему осуществле-

нію путемъ внесенія на этотъ предметъ въ сибѣту будущаго года 5½ милліоновъ рублей.

Насколько широка область подготовляемыхъ законопроектовъ для представленія въ будущую Государственную Думу видно изъ того, что независимо отъ работъ по замѣнѣ существующихъ временныхъ правъ о собраніяхъ, союзахъ и печати, постоянными законоположеніями, Правительство разрабатываетъ въ настоящее время цѣлый рядъ вопросовъ первостепеннаго государственнаго значенія; важнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

- 1) о свободѣ вѣроисповѣданія;
 - 2) о неприкосновенности личности и о гражданскомъ равноправіи, въ смыслѣ устранившаго ограниченія и стѣсненія отдѣльныхъ группъ населенія;
 - 3) объ улучшеніи крестьянскаго землевладѣнія;
 - 4) объ улучшеніи быта рабочихъ и, въ частности, о государственномъ ихъ страхованіи;
 - 5) о реформѣ мѣстнаго управленія, которое предполагается организовать такимъ образомъ, чтобы губерскія и уѣздныя административныя учрежденія были поставлены въ непосредственную связь съ преобразованными органами самоуправленія, включающими и мелкую земскую единицу;
 - 6) о введеніи земскаго самоуправленія въ Прибалтійскомъ, а также Сѣверо и Юго-Западномъ краѣ;
 - 7) о введеніи земскаго и городского самоуправленія въ губерніяхъ Царства Польскаго;
 - 8) о преобразованіи мѣстныхъ судовъ;
 - 9) о реформѣ средней и высшей школы;
 - 10) о подоходномъ налогѣ;
 - 11) о полицейской реформѣ, направленной, между прочимъ, къ слиянію общей и жандармской полицій;
 - 12) о мѣрахъ исключительной охраны государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, съ объединеніемъ пѣвшихъ различныхъ видовъ исключительной охраны въ одномъ законѣ.
- Наконецъ, рядомъ съ этимъ, дѣятельно продолжаются подготовительныя работы по предстоящему, согласно Высочайшему повелѣнію, созыву всероссійскаго помѣстнаго церковнаго собора.
- Поставивъ себѣ цѣлью безусловное поддержаніе и упроченіе порядка и одновременное подготовленіе и проведеніе необходимыхъ преобразованій и твердо надѣясь на успѣшность работы будущихъ сессій законодательныхъ учрежденій, Правительство въ правѣ рассчитывать на сочувствіе благообразной части общества, жаждущей успокоенія, а

не разрушенія и распада государства. Съ своей стороны Правительство считаетъ для себя обязательнымъ не стѣснять свободно высказываемаго общественнаго мнѣнія, будь то печатнымъ словомъ или путемъ общественныхъ собраний. Но если этими способами разумнаго проявленія общественнаго сознания

воспользуются для проведенія идей революціонныхъ, то Правительство, не колеблясь, должно будетъ и впредь предъявлять къ своимъ агентамъ безусловное требованіе всѣми законными мѣрами ограждать населеніе отъ обращенія орудія просвѣщенія и прогресса въ способъ пропаганды разрушенія и насилія.

В. А. МАКЛАКОВ

Напряженная борьба с внешними проявлениями революционной стихии не помешала, однако, Столыпину в исполнении другой и главной задачи: подготовки тех законопроектов, которые должны были обновить русскую жизнь, превратить Россию в правовое государство и тем подрезать Революции корни. 8 месяцев, которые были ему на это даны роспуском Думы, потеряны не были.

Объем работы, которую с этой целью правительство в это время проделало, делает честь работоспособности бюрократии. Эту работу невозможно определить объективным мерилом. И пересчитывал законы, которые с созыва Думы правительство в нее почти ежедневно вносило. В первый же день их было внесено 65; в другие дни бывало и больше; так 31 марта было 150. Но такой подсчет ничего не покажет. Законы не равноценны; на ряду с «сверхшпелю» пришлось бы ставить и такие монументальные памятники, как организация местного суда, преобразование крестьянского быта, и т. п. Достаточно сказать, что не только 2-ая Дума, но 3-ья и 4-ая до самой Революции не успели рассмотреть всего, что было заготовлено писмено в первое междудумье.

Важнее, чем количество, общее направление законопроектов. их соответствие поставленной цели.

В. А. Маклаков «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника», Париж, 1942, стр. 28-30.

Василий Алексеевич МАКЛАКОВ (1869-1957) — присяжный поверенный, член II, III и IV Думы от Москвы. Правый кадет, с 1906 член ЦК партии. В июне 1917 назначен послом Временного правительства во Францию.

Я раньше указывал, что идеи либерализма не были исконным *credo* Столыпина; он необходимость их понял, но все же считал второстепенными. Главную задачу свою для торжества правового порядка, он полагал не в провозглашении их; подход к этому у него был другой. Чтобы правильно понять его полезно сделать одно отступление. В порядке изложения оно сейчас не на месте и об нем следовало бы говорить в другой комбинации. Я предпочитаю сейчас же на него указать: без него вся политика Столыпина не будет понятна.

Если Столыпин и признавал значение «свободы» и «права», то эти начала он все-таки не считал панацеей, которая переродит наше общество. Громадное большинство населения, т. е. наше крестьянство, по его мнению, их не понимает и потому в них пока не нуждается. «Провозглашение» их не сможет ничего изменить в той среде, где еще нет самого примитивного права — личной собственности на землю, и самой элементарной свободы — своим добром и трудом располагать по своему усмотрению и в своих интересах. Для крестьян декларация о гражданских «свободах» и даже введение конституция будут, по его выражению, «румянец па трупе». Если для удовлетворения образованного меньшинства он эти законы вносил, то копий за них ломать не хотел. Только когда желательность их поймут и оценят крестьяне, сопротивляться им будет нельзя и ненужно. Главное же внимание его привлекало пока не введение режима «свободы» и «права», а коренная реформа крестьянского быта. Только она в его глазах могла быть прочной основой и свобод и конституционного строя. Это было его главной идеей. Не дожидаясь созыва Думы, он по 87 ст. провел ряд законов, которые подготовляли почву к дальнейшему. Указ 5 октября 1906 г. о равноправии крестьян, 9 ноября о выходе из общины, 12 августа, 27 августа, 19 сентября, 21 октября — о передаче Крестьянскому Банку ряда земель и т. п.

Эти указы в своей совокупности должны были начать в крестьянском быту новую эру. Но настоящего государственного смысла этих реформ Столыпин в то время еще не высказывал. Может быть он не хотел идеологических возражений и справа, и слева. «Справа» потому, что эта программа была по существу «либеральной», т. е. ставила ставку на личность, «слева» потому, что там издавна цитали слабость к коллективу, к демократической общине. Столыпин не находил полезным подчеркивать, куда этими законами он ведет государство.

Свою настоящую мысль с полной ясностью Столыпин высказал только позднее, уже перед 3-й Государственной Думой.

П. А. СТОЛЫПИН
Речь в III Государственной думе
16 ноября 1907 г.

«Господа члены Государственной Думы! Слушая раздававшихся тутъ нареканія и обвиненія противъ Правительства, я спрашивалъ себя: долженъ ли я, глава Правительства, идти по пути словеснаго спора, словеснаго поединка и давать только пищу новымъ рѣчамъ въ то время, какъ страна съ напряженнымъ вниманіемъ и вымученнымъ нетерпѣніемъ ждетъ отъ насъ сѣрой повседневной работы, скрытый блескъ которой можетъ обнаружиться только со временемъ. И, конечно, не для пустого спора, не изъ боязни того, что Правительство назовутъ безотвѣтнымъ, такъ же, какъ понапрасну называли его въ прошлой Думѣ безотвѣственнымъ, выступаю я съ разъясненіемъ, но для того, чтобы повторно и сугубо выяснить, въ чемъ именно Правительство будетъ черпать руководящія начала своей дѣятельности, куда оно идетъ и куда ведетъ страну. Только то Правительство имѣетъ право на существованіе, которое обладаетъ зрѣлой государственной мыслью и твердой государственной волей. Мысль Правительства, опредѣленно выраженная въ прочитанномъ мною заявленіи отъ имени Правительства, несомнѣнно затемнена послѣдующими рѣчами, вслѣдствіе этого я и попросилъ слова. Я обойду мимо тѣ попреки, которые тутъ раздавались слѣва относительно акта 3 іюня.

«Председатель Совета Министровъ Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ». Сост. Е. В. [Е. Вернаховская], изд. составителя, Спб. 1909, стр. 112-118.

«Не мнѣ, конечно, защищать право Государя спасти въ минуты опасности вѣренную Ему Богомъ Державу (Аплодисменты справа и въ центрѣ). Я не буду отвѣчать и на то обвиненіе, что мы живемъ въ какой-то восточной деспотіи. Мнѣ кажется, что я уже ясно, отъ имени Правительства, указалъ, что строй, въ которомъ мы живемъ, это строй представительный, дарованный Самодержавнымъ Монархомъ и, слѣдовательно, обязательный для всѣхъ Его вѣрноподданныхъ (Аплодисменты справа и въ центрѣ). Но я не могу, господа, не остановиться на нареканіяхъ третьяго характера, на обвиненіяхъ въ томъ, что Правительство стремится создать въ Россіи какое-то полицейское благополучіе, что оно стремится сжать весь народъ въ тискахъ какого-то произвола и насилія. Это не такъ. Относительно того, что говорилось тутъ представителемъ Царства Польскаго, я скажу впоследствии. Покуда же скажу нѣсколько словъ о двухъ упрекахъ, слышанныхъ мною отъ послѣдняго оратора: о томъ, что говорилось тутъ о судебной несмѣняемости, и о томъ, что я слышалъ о политической дѣятельности служащихъ. То, что сказано было относительно несмѣняемости судей, принято было тутъ за угрозу. Мнѣ кажется, такого характера этому придавать нельзя. Мнѣ кажется, что для всѣхъ, прибывшихъ сюда со всѣхъ сторонъ Россіи, ясно, что при теперешнемъ кризисѣ, который переживаетъ Россія, судебный аппаратъ— иногда аппаратъ слишкомъ тяжеловѣсный для того, чтобы вести ту борьбу, которая имѣетъ несомнѣнно и политическій характеръ. Вспомните политическія убійства, которыя такъ краснорѣчиво были описаны тутъ г. Розановымъ, нарисовавшимъ намъ картину убійства всѣхъ свидѣтелей до послѣдняго, до 6-лѣтней дѣвочки включительно, для того, чтобы у суда не было никакого элемента для вынесенія обвинительнаго приговора. Нечего говорить о томъ, что судъ дѣйствительно можетъ находиться и самъ подъ вліяніемъ угрозъ и, при политическомъ хаосѣ, гипнозѣ, онъ можетъ иногда дѣйствовать и несвободно. Не съ угрозой, господа, не съ угрозой мы шли сюда, а съ открытымъ забраломъ заявили, что въ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣ-

стахъ стоять люди недостаточно твердые, когда дѣло идетъ о спасеніи Родины, тогда приходится прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя не входятъ въ обиходъ жизни нормальной. Я упомянулъ тогда объ одной изъ передовыхъ странъ,—страна эта—Франція, гдѣ несмѣняемость судей была временно приостановлена,—этому насъ учитъ исторія; вѣдь это фактъ. Тутъ говорили о политической дѣятельности служащихъ, говорили о томъ, что нужна безпартийность, что нельзя вносить партийность въ эту дѣятельность. Я скажу, что Правительство, сильное Правительство—должно на мѣстахъ имѣть исполнителей испытанныхъ, которые являются его руками, его ушами, его глазами. И никогда ни одно правительство не совершить ни одной работы не только репрессивной, но и созидательной, если не будетъ имѣть въ своихъ рукахъ совершеннаго аппарата исполнительной власти.

«Затѣмъ перейду къ дальнѣйшему. Насъ тутъ упрекали въ томъ, что Правительство желаетъ въ настоящее время обратить всю свою дѣятельность исключительно на репрессию, что оно не желаетъ заняться работой созидательной, что оно не желаетъ подложить фундаментъ права,—то правовое основаніе, въ которомъ, несомнѣнно, нуждается въ моменты созиданія каждое государство и тѣмъ болѣе въ настоящую историческую минуту Россія. Мнѣ кажется, что мысль Правительства иная. Правительство, наряду съ подавленіемъ революціи, задалось задачей поднять населеніе до возможности на дѣлѣ, въ дѣйствительности, воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянинъ бѣденъ, пока онъ не обладаетъ личной земельной собственностью, пока онъ находится насильно въ тискахъ общины, онъ останется рабомъ, и никакой писанный законъ не дастъ ему блага гражданской свободы (Бурные апплодисменты въ центрѣ и справа). Для того, чтобы воспользоваться этими благами, вѣдь нужна извѣстная, хотя бы самая малая, доля состоятельности. Мнѣ, господа, вспомнились слова нашего великаго писателя Достоевскаго, что «деньги—это чеканенная свобода». Поэтому Правительство не могло не идти навстрѣчу, не могло не дать удовлетворенія тому

врожденному у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина—чувству личной собственности, столь же естественному, какъ чувство голода, какъ влеченіе къ продолженію рода, какъ всякое другое природное свойство человека. Вотъ почему раньше всего и прежде всего Правительство облегчаетъ крестьянамъ переустройство ихъ хозяйственнаго быта и улучшеніе его и желаетъ изъ совокупности надѣльныхъ земель и земель, пріобрѣтенныхъ въ правительственный фондъ, создать источникъ личной собственности. Мелкій земельный собственникъ несомнѣнно явится ядромъ будущей мелкой земской единицы; онъ, трудолюбивый, обладающій чувствомъ собственного достоинства, внесетъ въ деревню и культуру, и просвѣщеніе, и достатокъ. Вотъ тогда только писанная свобода превратится и претворится въ свободу настоящую, которая, конечно, складается изъ гражданскихъ вольностей и чувства государственности и патриотизма (Бурные аплодисменты въ центрѣ и справа, крики «браво!»). При этихъ условіяхъ будетъ имѣть успѣхъ идея мѣстнаго суда, будетъ имѣть успѣхъ и идея суда административнаго, который необходимъ, какъ основа всякаго успѣха въ мѣстномъ управленіи. Тутъ говорилось о децентрализациі. Представитель Царства Польскаго говорилъ о необходимости для Правительства, особенно въ теперешнюю минуту, черпать силу не въ бюрократической централизациі, а въ томъ, чтобы привлечь мѣстныя силы къ самоуправленію, съ тѣмъ, чтобы онѣ наполнили тотъ пробѣлъ, который неизбежно окажется у центральной власти, опирающейся только на бюрократію. Прежде всего скажу, что противъ этого Правительство возражать не будетъ. Но долженъ заявить, что та сила самоуправления, на которую будетъ опираться Правительство, должна быть всегда силой національной (Аплодисменты въ центрѣ и справа). Намъ говорилось о томъ, что въ 1828 году въ Царствѣ Польскомъ пропорціонально было больше школъ, чѣмъ въ 1900 году. Я на это отвѣчу слѣдующее: теперь, можетъ быть, не только мало школъ, но тамъ нѣтъ даже высшаго учебнаго заведенія, и высшаго учебнаго заведенія тамъ нѣтъ потому, что тѣ граждане, кото-

рые только что назвали себя «гражданами второго разряда», не хотят пользоваться въ высшей школѣ общегосударственнымъ русскимъ языкомъ (Крики «браво» и бурные аплодисменты справа). Вотъ, сплотитесь общенаціональнымъ цементомъ и тогда, господа, требуйте отъ насъ децентрализаціи (Бурные аплодисменты въ центрѣ и справа). Децентрализація можетъ идти только отъ избытка силъ. Могущественная Англія, конечно, даетъ всѣмъ составнымъ частямъ своего государства весьма широкія права, но это отъ избытка силъ; если же этой децентрализаціи требуютъ отъ насъ въ минуту слабости, когда ее хотятъ вырвать и вырвать вмѣстѣ съ такими корнями, которые должны связывать всю Имперію, вмѣстѣ съ тѣми нитями, которыя должны скрѣпить центръ съ окраинами, тогда, конечно, Правительство отвѣтитъ: нѣтъ! (Бурные аплодисменты въ центрѣ и справа). Станьте сначала на нашу точку зрѣнія, признайте, что высшее благо—это быть русскимъ гражданиномъ, носите это званіе такъ же высоко, какъ носили его когда-то римскіе граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами перваго разряда и получите всѣ права. (Аплодисменты справа и въ центрѣ).

«Я хочу еще сказать, что всѣ тѣ реформы, все то, что только-что Правительство предложило вашему вниманію, — вѣдь это не сочинено, мы ничего насильно, механически не хотимъ внѣдрять въ народное сознаніе, — все это глубоко національно. Какъ въ Россіи до Петра Великаго, такъ и въ послѣпетровской Россіи мѣстныя силы всегда несли служебныя государственныя повинности. Вѣдь словія—итѣ—никогда не брали примѣра съ Запада, не боролись съ центральной властью, а всегда служили ей цѣлямъ. Поэтому наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу въ этихъ русскихъ національныхъ началахъ. Каковы онѣ? Въ развитіи земщины, въ развитіи, конечно, самоуправленія, передачѣ ему части государственныхъ обязанностей, государственнаго тягла—и въ созданіи на низахъ крѣпкихъ людей земли, которые были бы связаны съ государственной властью. Вотъ нашъ идеаль мѣстнаго самоуправленія, такъ же, какъ нашъ идеаль наверху—это

развитіе дарованнаго Государемъ странѣ законодательнаго, новаго представительнаго строя, который долженъ придать новую силу и новый блескъ Царской Верховной Власти (Аплодисменты справа и въ центрѣ). Вѣдь Верховная Власть является хранительницей идеи Русскаго Государства, она олицетворяетъ собой ея силу и цѣлость, и если быть Россіи, то лишь при усилии всѣхъ сыновъ ея охранять, оберегать эту Власть, сковавшую Россію и оберегающую ее отъ распада.

«Самодержавіе московскихъ царей не походитъ на самодержавіе Петра, точно такъ же, какъ и самодержавіе Петра не походитъ на самодержавіе Екатерины II и Царя-Освободителя. Вѣдь Русское Государство росло, развивалось изъ своихъ собственныхъ русскихъ корней и вмѣстѣ съ ними, конечно, видоизмѣнялась и развивалась и Верховная Царская Власть. Нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣпить какой-то чужестранный цвѣтокъ (Аплодисменты справа и въ центрѣ). Пусть расцвѣтетъ нашъ родной русскій цвѣтъ, пусть онъ расцвѣтетъ и развернется подъ вліяніемъ взаимодѣйствія Верховной Власти и дарованнаго ею новаго представительнаго строя. Вотъ, господа, зрѣло обдуманная правительственная мысль, которою воодушевлено Правительство. Но чтобы осуществить мысль, несомнѣнно нужна воля. Эту волю, господа, вы, конечно, найдете всецѣло въ Правительствѣ. Но этого недостаточно для того, чтобы упрочить новое государственное устройство. Для этого нужна другая воля, нужно усиліе и съ другой стороны. Ихъ ждетъ Государь, ихъ ждетъ страна. Дайте же вашъ порывъ, дайте вашу волю въ сторону государственнаго строительства, не брезгайте черной работой вмѣстѣ съ Правительствомъ (Крики «браво!» и бурные аплодисменты въ центрѣ и справа). Я буду просить позволенія не отвѣчать на другіе слышанные тутъ попреки. Мнѣ представляется, что, когда путникъ направляетъ свой путь по звѣздамъ, онъ не долженъ отвлекаться встрѣчными попутными огнями. Поэтому я старался изложить только сущность, существо дѣйствій Правительства и его намѣреній. Я думаю, что,

превращая Думу въ древній циркъ, въ зрѣлище для толпы, которая жаждетъ видѣть борцовъ, ищущихъ, въ свою очередь, соперниковъ, для того, чтобы доказать ихъ ничтожество и безсиліе,—я думаю, что я совершилъ бы ошибку. Правительство должно избѣгать лишнихъ словъ, но есть слова, выражающія чувства, отъ которыхъ въ теченіе столѣтій усиленно бились сердца русскихъ людей. Эти чувства, эти слова должны быть запечатлѣны въ мысляхъ и отражаться въ дѣлахъ правителей. Слова эти: неуклонная приверженность къ русскимъ историческимъ началамъ (Бурные аплодисменты справа и въ центрѣ). Это противовѣсь беспочвенному социализму, это желаніе, это страстное желаніе и обновить, и просвѣтить, и возвеличить Родину, въ противность тѣмъ людямъ, которые хотятъ ея распада. Это, наконецъ, преданность не на жизнь, а на смерть Царю, олицетворяющему Россію! Вотъ, господа, все, что я хотѣлъ сказать. Сказалъ, что думалъ и какъ умѣлъ».

П. А. Столыпин читает правительственную декларацию в Государственной думе

В. А. МАКЛАКОВ

Для более полного понимания того, к чему стремился Столыпин, полезно иметь в виду и те законы, которые изготовлялись, но не увидели света.

Был один закон, который мог бы своей цели достичь и стать предвестником новой эры; правительство его приняло и поднесло Государю на подпись; это закон «об еврейском равноправии». При диких формах современного антисемитизма, тогдашнее положение евреев в России может казаться терпимым. Но оно всех тяготило, как несправедливость; потому такая реформа была бы полезна. Коковцев вспоминает, что в этом Указе полного равноправия не было. Но евреи были так неизбалованы, что оценили бы и это. Во всяком случае, было бы важно, чтобы впервые этот больной вопрос был не только поставлен, но и предрешен в благоприятном для равноправия направлении.

В. А. Маклаков «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника», Париж, 1942, стр. 39-40.

О В. А. Маклакове см. примеч. на стр. 48.

В. Н. КОКОВЦОВ

Въ одномъ изъ засѣданій самаго начала октября мѣсяца 1906 года П. А. Столыпинъ предложилъ всѣмъ членамъ Совѣта, по окончаніи разсмотрѣнія всѣхъ очередныхъ дѣлъ и удаленіи изъ засѣданія чиновъ канцеляріи Совѣта, — не расходиться и остаться еще на нѣкоторое время, такъ какъ онъ имѣеть въ виду коснуться одного конфиденціального вопроса, который уже давно озабочиваетъ его. Мы всѣ, разумѣется, послѣдовали его приглашенію, и, когда съ уходомъ канцеляріи остался одинъ Управляющій дѣлами Совѣта, сынъ покойнаго Плеве, — Николай Вечеславичъ, пользовавшійся его полнымъ довѣріемъ — и притомъ совершенно справедливо, — Столыпинъ просилъ всѣхъ насъ выска-

Граф В. Н. Коковцов «Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919». Изд. журнала «Иллюстрированная Россия». Париж, 1933, т. I, стр. 236-239.

Владимир Николаевич КОКОВЦОВ (1853-1943) — граф, действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета. В 1873-79 чиновник Министерства финансов, в 1904-14 министр финансов. С сентября 1911 по январь 1914 председатель Совета министров и министр финансов. В 1914-18 член совета Банка для внешней торговли. С ноября 1918 в эмиграции.

заться откровенно не считаемъ ли мы своевременнымъ поставить на очередь вопросъ объ отмѣнѣ въ законодательномъ порядкѣ нѣкоторыхъ едва ли не излишнихъ ограниченій въ отношеніи евреевъ, которыя особенно раздражаютъ еврейское населеніе Россіи и, не внося никакой реальной пользы для русскаго населенія, потому что они постоянно обходятся со стороны евреевъ, — только питаютъ революціонное настроеніе еврейской массы и служатъ поводомъ къ самой возмутительной противу-русской пропагандѣ со стороны самого могущественнаго еврейскаго центра — въ Америкѣ. При этомъ Столыпинъ сослался и на примѣръ бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Плеве, который, при всемъ его консерватизмѣ, серьезно думалъ объ изысканіи способовъ къ успокоенію еврейской массы, путемъ нѣкоторыхъ уступокъ въ намѣтъ законодательствъ о евреяхъ и принималъ даже незадолго до его кончины нѣкоторыя мѣры къ сближенію съ еврейскимъ центромъ въ Америкѣ, но не успѣлъ въ этомъ, получивши весьма холодное отношеніе со стороны главнаго руководителя этого центра — Шифа. Онъ добавилъ къ этому, что до него съ разныхъ сторонъ доходило свѣдѣнія, что въ настоящую минуту такая попытка можетъ встрѣтить нѣсколько иное, болѣе благоприятное отношеніе, если предложенныя нами льготы будутъ имѣть характеръ послѣдовательно проведенныхъ мѣропріятій, хотя бы и не отвѣчающихъ признаку полного еврейскаго равноправія. Въ его личномъ пониманіи было бы наиболѣе желательно отмѣнить такія ограниченія, которыя именно отвѣчаютъ потребностямъ повседневной жизни и служатъ только поводомъ къ оидеогматическому обходу законовъ и даже злоупотребленіямъ низшихъ органовъ администраціи.

Первый обмѣнъ взглядами среди Министровъ носилъ въ общемъ весьма благожелательный характеръ. Никто изъ насъ принципиально возраженій не заявилъ, и даже такіе Министры какъ Щегловитовъ отозвались, что было бы наиболѣе правильнымъ, не ставя принципиальнаго вопроса о введеніи у насъ еврейскаго равноправія, приступить къ детальному пересмотру существующаго законодательства, вносящаго тѣ или инныя ограниченія, и обсудить какія именно изъ нихъ можно отмѣнить, не вызывая принципиальнаго же возраженія съ точки зрѣнія нашей внутренней политики.

Нѣсколько болѣе сдержанъ былъ только Государственный Контролеръ Шванебахъ, какъ всегда въ довольно неясной формѣ замѣтившій, что нужно быть очень осторожнымъ въ выборѣ момента для возбужденія еврейскаго вопроса, такъ какъ исторія нашего законодательства учитъ насъ тому, что попытки къ разрѣшенію этого вопроса приводили только къ возбужденію на-

прасныхъ ожиданій, такъ какъ онѣ кончались обыкновенно второстепенными циркулярами, не разрѣшавшими ни одного изъ существенныхъ вопросовъ и вызывали одни разочарованія.

Наше первое совѣщаніе по возбужденному вопросу кончилось тѣмъ, что каждое вѣдомство представить въ самый короткий срокъ перечень ограниченій, относящихся къ предметамъ его вѣдѣнія, съ тѣмъ, чтобы Совѣтъ Министровъ остановился на каждомъ законодательномъ постановленіи и вынесъ опредѣленное рѣшеніе относительно объема желательныхъ и допустимыхъ облегченій.

Работа была исполнена въ очень короткій срокъ. Въ теченіе нѣсколькихъ, специально ей посвященныхъ засѣданій, просмотръ былъ исполненъ, цѣлый рядъ весьма существенныхъ ограниченій предположенъ къ исключенію изъ закона, и въ этой стадіи дѣла также не произошло какого-либо разногласія среди Министровъ, и только два мнѣнія, да и то въ очень осторожной формѣ нашли себѣ слабое проявленіе въ подробномъ заключеніи Совѣта Министровъ, которое было представлено на разсмотрѣніе Государя, для того, чтобы Онъ имѣлъ возможность дать Ему окончательныя указанія о предѣлахъ, въ какихъ этотъ вопросъ подлежалъ внесенію на законодательное утвержденіе. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Извольскій находилъ, что намѣченныя льготы не достаточны и было бы предпочтительнымъ вести все дѣло въ направленіи снятія вообще всѣхъ ограниченій. Государственный Контролеръ Шванебахъ, напротивъ того, полагалъ, что объемъ льготъ слишкомъ великъ, и все дѣло слѣдовало бы вести меньшими этапами, приближая его къ конечной цѣли — еврейскому равноправію — послѣ того, что опыты дать указанія того, какое вліяніе окажутъ на самомъ дѣлѣ дарованныя льготы.

Во все время исполненія этой подготовительной работы у всѣхъ насъ было ясное представленіе о томъ, что Столыпинъ возбуждалъ вопросъ съ вѣдома Государя, хотя прямого заявленія намъ объ этомъ не дѣлалъ, но все мы понимали, что онъ не рѣшился бы поднять такой щекотливый вопросъ, не справившись заранее съ взглядомъ Государя. Тѣмъ болѣе, что у него былъ въ рукахъ очень простой аргументъ — его личное близкое знакомство съ еврейскимъ вопросомъ въ Западномъ краѣ, гдѣ протекала вся его предыдущая дѣятельность. Онъ любилъ сослаться на нее и имѣлъ, поэтому, простую возможность иллюстрировать практическую несостоятельность многихъ ограниченій совершенно очевидными доводами, взятыми изъ повседневной жизни.

ОСОБЫЙ ЖУРНАЛЪ СОВѢТА МИНИСТРОВЪ

27 и 31 Октября и 1 Декабря 1906 года.

О пересмотрѣ постановленій, ограничивающихъ права евреевъ.

Совѣтъ Министровъ почитаетъ долгомъ откровенно высказать, что обнародованіе разсмотрѣннаго законопроекта, слѣдуетъ ожидать, вызоветъ неодобреніе и, можетъ быть, даже рѣзкую отповѣдь со стороны нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ. Если даже такія, благотѣльные для населенія мѣры, проведенныя въ порядкѣ 87 статьи основныхъ законовъ, какъ пониженіе платежей по ссудамъ Крестьянскаго Банка, уравненіе въ правахъ лицъ крестьянскаго сословія съ прочими состояніями, облегченіе выхода изъ общины, дарованіе новыхъ нравъ старообрядцамъ и сектантамъ, не исключая и мѣропріятій по расширенію крестьянскаго землевладѣнія, встрѣтили недоброжелательное къ нимъ отношеніе со стороны крайнихъ партій противоправительственнаго направленія, то въ данномъ дѣлѣ возможно ожидать проявленій неудовольствія со стороны самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ и отдѣльныхъ лицъ, объединяемыхъ общимъ чувствомъ непримиримой вражды

«Особый журналъ Совета Министровъ за 1906 г.», Спб, Гостипография, 1906.

къ еврейству. Однако, по глубокому убѣжденію Совѣта Министровъ, это обстоятельство не должно отклонить правительство отъ пути, начертаннаго, съ одобренія Вашего Императорскаго Величества, въ правительственномъ сообщеніи 24 Августа сего года. Какъ бы ни были велики трудности проведенія въ жизнь программы означеннаго сообщенія, все же программа эта должна быть исполнена. Въ противномъ случаѣ правительство можетъ навлечь на себя нареканія, что оно не оуспѣшило обѣщанныхъ имъ преобразованій, и тѣмъ самымъ заслуженно поколеблется къ нему довѣріе благомыслящей части общества. Въ частности же, настоящій проектъ разработанъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ теми предѣлами пересмотра еврейскаго вопроса, кои намѣчены въ упомянутомъ правительственномъ сообщеніи. Въ немъ не имѣется въ виду разрѣшенія еврейскаго вопроса въ полномъ объемѣ, ибо такая коренная мѣра не могла бы быть предпринята иначе, какъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ, по выслушаніи голоса народной совѣсти, въ лицѣ избранныхъ населеніемъ представителей. Цѣль подлежащаго законопроекта болѣе скромная: устранить изъ еврейскаго законодательства лишь такія излишнія и неоправдываемыя условіями настоящаго времени стѣпенія, установленіе коихъ въ свое время было вызвано потребностями преходящаго значенія. Тѣмъ не менѣе, возможно надѣяться, что ограниченный и такими предѣлами этотъ законъ внесетъ извѣстное умиротвореніе въ еврейскую среду, и лучшая часть еврейства, трудолюбивая и домовитая по природѣ, изстрадавшаяся въ революціонной смутѣ послѣднихъ лѣтъ, съ радостью и съ благодарностью къ

Вашему Величеству встрѣтить заботы правительства къ облегченію ей условій спокойнаго существованія и мирнаго труда.

Приходя, по всѣмъ приведеннымъ основаніямъ, къ заключенію о необходимости немедленнаго утвержденія настоящаго законопроекта въ порядкѣ статьи 87 свода основныхъ государственныхъ законовъ, изд. 1906 г., Совѣтъ Министровъ не считаетъ себя, однако, въ правѣ умолчать передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о томъ, что, въ виду крайней сложности этого вопроса, первостепенной важности затрагиваемыхъ имъ интересовъ и отношеній и, наконецъ, краткости остающагося до новаго созыва Государственной Думы времени, — допустимы и нѣкоторыя, Совѣтомъ не раздѣляемыя, сомнѣнія въ томъ смыслѣ, не благоразумнѣ ли было бы разрѣшеніе настоящаго дѣла отложить до возобновленія дѣйствія законодательныхъ учрежденій и внести его на уваженіе Государственной Думы.

Руководствуясь всѣми изложенными въ семь журналь сужденіями, Совѣтъ Министровъ *полагаетъ*:

А. На основаніи статьи 87 свода основныхъ государственныхъ законовъ (свод. зак., т. I ч. 1, изд. 1906 г.) впредь до общаго пересмотра законодательства о евреяхъ, постановить:

I. Въ отмѣну узаконеній, ограничивающихъ право жительства евреевъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и въ нѣкоторыхъ городахъ въ чертѣ общей еврейской осѣдности: (свод. зак., т. IX, изд. 1899 г., ст. 779, прим. 1 и 2; т. XIV, уст. насн., изд. 1903 г., ст. 71, прил. къ ст. 68: ст. 1 и прим. 1, 2 и 4; 5, 6 и прим., 18, 19, 20 п. 4; Выс. утв. 7 Юня 1904 г. мѣн. Гос. Сов.,

собр. узак., ст. 1173, отд. I; Имен. Выс. ук. 11 Августа 1904 г., собр. узак., ст. 1377: ст. 1 и прим.; Выс. утв. 16 Июня 1905 г. мѣн. Гос. Сов., собр. узак., ст. 1141):

Всѣ евреи русскіе подданные пользуются правомъ постоянного жительства и свободнаго передвиженія какъ въ городскихъ поселеніяхъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ: а) губерній Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской и Черниговской и б) губерній Царства Польскаго.

II. Въ отнѣну нѣкоторыхъ особыхъ ограниченій относительно постоянного жительства и временнаго пребыванія евреевъ внѣ черты общей еврейской осѣдлости: [свод. зак., т. XIV, уст. насл., изд. 1903 г., прил. къ ст. 68: ст. 7 (безъ прим.), 10, 11, 12, прим. 13, прим. 2, 15, прим. 2, 17, прим. 1 и 2, 21—23; Имен. Выс. ук. 11 Августа 1904 г., собр. узак., ст. 1377: ст. 11] и въ измѣненіе другихъ подлежащихъ узаконеній:

1. Всѣ евреи русскіе подданные, имѣющіе право постоянного жительства или временнаго пребыванія внѣ черты общей еврейской осѣдлости, а также проживающіе въ тѣхъ мѣстностяхъ внѣ ея, кои признаны для нихъ или для ихъ предковъ постоянною осѣдлостью или въ коихъ они оставлены на жительствѣ, пользуются тѣми же правами постоянного жительства или временнаго пребыванія на всемъ пространствѣ Имперіи, за изыятіями, указанными ниже въ отдѣлѣ VI, какъ въ городскихъ поселеніяхъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ.

2. Евреямъ механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремесленникамъ, указаннымъ

къ статьѣ 17 приложенія къ статьѣ 68 устава о паспортахъ (свод. зак., т. XIV, изд. 1903 г.), пробывшимъ, безъ прекращенія своего ремесла, въ теченіе десяти лѣтъ внѣ черты осѣдлости (отд. I п. а), предоставляется право постоянного жительства на всемъ пространствѣ Имперіи, хотя бы они по истеченіи сего срока прекратили занятіе своими ремеслами.

3. Жены, дѣти и прочіе прямые нисходящіе, а также несовершеннолѣтніе братья и сестры евреевъ, поименованныхъ въ статьяхъ 1 и 2 сего отдѣла, проживающіе совместно съ главою семьи, пользуются, въ отношеніи повсемѣстнаго жительства и свободы передвиженія, тѣми же правами, которыя предоставлены главѣ семьи. Права сін принадлежатъ женѣ пожизненно, равно какъ и вдовѣ, до вступленія ея въ новое супружество, а нисходящимъ мужескаго пола до совершеннолѣтія или до окончанія курса въ высшемъ учебномъ заведеніи (но не долѣе 25-лѣтняго возраста) и нисходящимъ женскаго пола до замужества.

III. Въ отмѣну ограничительныхъ постановленій о производствѣ евреями брѣвкихъ напитковъ и о торговлѣ ими, а также о горной промышленности и особенныхъ правилъ о торговыхъ и промышленныхъ правахъ евреевъ: [свод. зак., т. V, изд. 1901 г., уст. акциз. сбор., ст. 118, прим. (ч. 2), 124, прим., 612 и прим. 1—3, 640 и прим. 1—3; т. VI, изд. 1904 г., уст. тамож., ст. 312; т. VII, уст. горн., изд. 1893 г., ст. 344 п. 4; т. IX, изд. 1899 г., прил. къ ст. 791, прим. 1, т. XV, улож. наказ., изд. 1885 г., ст. 1171], а равно въ измѣненіе другихъ подлежащихъ узаконеній:

Евреи русскіе подданные, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ

они имѣютъ право постояннаго жительства или временнаго пребыванія, пользуются, на одинаковыхъ со всѣми прочими русскими подданными основаніяхъ, правами по производству торговли и промысловъ.

IV. Въ отміну ограничительныхъ постановленій объ арендѣ недвижимыхъ имуществъ и завѣдываніи ими въ качествѣ повѣренныхъ и управляющихъ: [свод. зак., т. IX, изд. 1899 г., ст. 784 (ч. 4) и прим. 1 и 2] и въ измѣненіе и замѣну другихъ подлежащихъ узаконеній:

Евреи русскіе подданные въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, гдѣ они имѣютъ право постояннаго жительства, пользуются правомъ приобрѣтенія въ городскихъ поселеніяхъ недвижимыхъ имуществъ, по совершеніе отъ имени евреевъ или въ ихъ пользу всякаго рода крѣпостныхъ актовъ, служащихъ къ укрѣпленію за ними правъ собственности, владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, въ городскихъ поселеніяхъ расположенными, а также предоставляющихъ имъ возможность выдавать подъ обезпеченіе сихъ имуществъ денжныя ссуды, не допускается. Воспрещеніе сіе не касается перечисленныхъ въ Высочайше утвержденныхъ 10 Мая и 9 Декабря 1903 года и 11 Ноября 1905 года положеніяхъ Комитета Министровъ (III п. с. з., №№ 22933 и 23664; собр. узак. 1906 г., ст. 22) поселковъ въ чертѣ осѣлости, въ коихъ, въ предѣлахъ ихъ селитебной площади, евреямъ предоставляются тѣ же, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, права по приобрѣтенію недвижимыхъ имуществъ, а также владѣнію и пользованію оными.

V. Дѣйствіе отдѣловъ II и III распространяется также на евреевъ уроженцевъ губерній Царства Поль-

скаго; въ отношеніи же приобрѣтенія ими недвижимо-
стей въ краѣ, а также владѣнія, пользованія и упра-
вленія оными, остается въ силѣ дѣйствующій законъ.
(Имен. Выс. ука. ^{24 Мая}_{5 Юня} 1862 г., дневн. зак., т. 60, № 180,
ст. 1 и 3; Выс. утв. 11 Юня 1891 г. мнѣн. Гос. Сов.,
III п. с. з., № 7819, ст. 5).

VI. Дѣйствіе отдѣла II не распространяется на
области войска Донскаго, Кубанскую и Терскую; въ
отношеніи водворенія, постояннаго жительства и вре-
меннаго пребыванія евреевъ въ названныхъ областяхъ
сохраняють силу дѣйствующія узаконенія. (свод. зак.,
т. XIV, уст. насил., изд. 1903 г., прил. къ ст. 68: ст. 8 и 9).

VII. Ограниченія по предметамъ отдѣловъ III и IV,
установленныя въ законѣ (свод. зак., т. II, изд. 1892 г.,
пол. туркест., ст. 262 и прим. 3, по прод. 1895 г.; пол.
степн., ст. 136; т. VII, уст. горн., изд. 1893 г., ст. 267
п. 7; т. X ч. 1, зак. гражд., изд. 1900 г., ст. 2139, прим. 4;
т. XIV, уст. пред. прест., изд. 1890 г., ст. 100) вообще
для лицъ нехристіанскихъ исповѣданій, сохраняють
свою силу и по отношенію къ евреямъ.

VIII. Дѣйствіе статьи 395 и примѣчанія къ ней
устава о воинской повинности (свод. зак., т. IV, изд.
1897 г.) и второй части статьи 530 уложенія о на-
казаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (свод. зак.,
т. XV, изд. 1885 г.), относительно денежной отвѣт-
ственности семейства уклонившагося отъ воинской
повинности еврея и общества, въ которомъ онъ укры-
вался, и относительно особаго вознагражденія за
поймку бѣглеца,—отмѣняется.

IX. Дѣйствіе статьи 43 устава о предупрежденіи
и пресѣченіи преступленій (свод. зак., т. XIV, изд.
1890 г.), объ означеніи въ документахъ крестившихся

евреевъ прежней ихъ принадлежности къ іудейской вѣрѣ, и статьи 264 и примѣчанія 3 къ статьѣ 376 устава о ссыльныхъ (свод. зак., т. XIV, изд. 1890 г.), о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ въ правѣ слѣдованія членовъ еврейскихъ семействъ за ссылаемыми въ Сибирь главами ихъ и въ правѣ водворенія сосланныхъ евреевъ въ приграничномъ пространствѣ,—отмѣняется.

X. Постановленія уставовъ акціонерныхъ компаній и товариществъ на паяхъ, коими воспрещается или ограничивается участіе въ управленіи ихъ дѣлами и имуществами лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, если эти постановленія обусловливались дѣйствовавшими до изданія настоящаго положенія ограничительными правилами въ отношеніи правъ евреевъ на жительство или производство торговли и промысловъ, по ходатайствамъ сихъ компаній и товариществъ, исключаются властью подлежащихъ Министровъ.

XI. Настоящее положеніе примѣняется къ дѣламъ по нарушенію указанныхъ въ немъ законовъ, возникшимъ до его обнародованія, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) по дѣламъ, по коимъ еще не состоялось рѣшеній, таковыя постановляются на основаніи правилъ настоящаго положенія;

2) рѣшенія, не приведенныя въ исполненіе по дещь обнародованія настоящаго положенія, возвращаются въ установленномъ порядкѣ подлежащей власти для примѣненія онаго, и

3) всѣ недонмки по штрафамъ, наложеннымъ по статьѣ 395 устава о воинской повинности и по второй части статьи 530 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ

и исправительныхъ,—слагаются.

ХII. Военному Министру, по соглашенію съ заинтересованными вѣдомствами, предоставляется войти въ обсужденіе вопроса объ отмѣнѣ постановленій, воспрещающихъ евреямъ, пользующимся правомъ жительства внѣ черты общей ихъ осѣдлости, водворяться въ казачьихъ областяхъ войска Донского, Кубанской и Терской, и предположенія свои по означенному предмету внести установленнымъ порядкомъ на законодательное разсмотрѣніе.

Б. Сомнѣніе въ томъ, слѣдуетъ ли издавать настоящей законопроектъ въ чрезвычайномъ порядкѣ по статьѣ 87 свода основныхъ государственныхъ законовъ, изд. 1906 г., или же отложить его до возобновленія дѣйствія законодательныхъ учреждений и внести на уваженіе Государственной Думы,—предоставить разрѣшенію Вашего Величества.*

Таковыя свои заключенія Совѣтъ Министровъ всеподданнѣйше повергаетъ на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

* Следует имѣть въ виду, что опубликованная формулировка пункта Б существенно отличается от первоначально предложенной Советомъ министровъ. Готовя законопроектъ, Столыпин намеревался провести его «въ чрезвычайномъ порядкѣ», то есть въ соответствии со статьей 87-й Основныхъ законовъ, дававшей правительству право въ периоды «междудумья» и думскихъ каникул издавать законодательные акты безъ предварительнаго обсуждения въ Думѣ. На это, и только на это, испрашивалось въ пунктѣ Б царское соизволеніе.

В. Н. КОКОВЦОВ

Журналъ Совѣта Министровъ пролежалъ у Государя очень долго. Не разъ мы спрашивали Столыпина, какая судьба постигла его и почему снѣ такъ долго не возвращается, и каждый разъ его отвѣтъ былъ совершенно спокойный и не предвѣщалъ чего-либо для него неприятнаго. Только 10-го декабря 1906 года Журналъ Совѣта вернулся отъ Государя къ Столыпину

В. Н. Коковцов, Ук. соч., т. 2, стр. 118.

ПЕРЕПИСКА П. А. СТОЛЫПИНА С НИКОЛАЕМ II

Цирское Село. 10 декабря 1906 г.

Петр Арнадьевич.

Возвращаю вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным. Задолго до представления его мне, могу сказать, и дено и ношно, я мыслил и раздумывал о нем.

Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя ни когда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям.

Я знаю, вы тоже верите, что «сердце царево в руцех божиих».

Да будет так.

Я несу за все власти, мною поставленные, перед богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ.

Мне жалко только одного: вы и ваши сотрудники поработали так долго над делом, решение которого я отклонил.

Относительно помощи голодающим и способа объединения всего дела я говорил с ее величеством. Она охотно примет под свое покровительство высшее направление помощи. Очень важный вопрос о выборе достойного лица в виде помощника ей.

Мы еще никого не имеем в виду; прошу вас с своей стороны подумать об этом. У меня в 1891 году таковым был Шлевс.

Николай.

14.

Ваше императорское величество.

Только что получил ваше повеление относительно оставления без последствий журнала по еврейскому вопросу.

Журнал «Красный архив», 1924, №5, стр. 105-107.

Вашему величеству известно, что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать вам затруднений и оберегать вас, государь, от каких бы то ни было неприятностей.

В этих видах, а не из желания испрашивать каких-либо изменений решения вашего по существу, я осмеливаюсь писать вашему величеству.

Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной Думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок.

Затем я думал успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений.

Все это послужило основанием в обнародованном с одобрения вашего величества правительственном сообщении объявить, что коренное решение еврейского вопроса является делом народной совести и будет разрешено Думой, до созыва которой будут отменены неоправдаваемые обстоятельствами времени наиболее стеснительные ограничения.

Затем еврейский вопрос был предметом обсуждения совета министров, журнал которого и был представлен вашему величеству, что, несмотря на полное соблюдение тайны, проникло, конечно, в прессу и в общество, ввиду участия многих лиц в составлении и печатании этой работы.

Теперь для общества и еврейства вопрос будет стоять так: совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но государь пожелал сохранить их.

Ваше величество, мы не имеем права ставить вас в такое положение и прятаться за вас.

Это тем более неправильно, что вы, ваше величество, сами указывали на неприменимость к жизни многих из действующих законов и не желаете лишь в порядке спешности и чрезвычайности даровать от себя что-либо евреям до Думы.

Моя всеподданнейшая просьба поэтому такова: положите, государь, на нашем журнале резолюцию приблизительно такого содержания: «Не встречая по существу возражений против разрешения поднятого советом министров вопроса, нахожу необходимым провести его общим законодательным порядком, а не на основании 87 статьи законов основных, так как 1) вопрос этот крайне сложен, 2) не представляется, особенно в подробностях, бесспорным и 3) не столь спешен, чтобы требовать немедленного разрешения за два месяца до созыва Государственной Думы».

При таком обороте дела и министерство в глазах общества не будет казаться окончательно лишенным доверия вашего величества, а в настоящее время вам, государь, нужно правительство сильное.

Затем, если бы вашему величеству было угодно, можно было бы резолютивную часть журнала переделать и, не настаивая на 87 статье,

испрашивать разрешения вашего величества, внести ли вопрос в Думу, или разрешить его в порядке чрезвычайном.

Простите мне, ваше величество, но я знаю, чувствую, что вопрос этот громадной важности. Если ваше величество не одобрите мои предложения и не разрешите мне прислать для наложения резолюции журнал, о возвращении которого никто пока не знает, позвольте приехать со словесным докладом в среду в 9^{1/2} часов вечера.

Вашего императорского величества верноподданный

П. Столыпин.

10 декабря 1906 г.

15.

Ц[арское] С[ело]. 11 декабря 1906 г.

Из предложенных вами способов я предпочитаю, чтобы резолютивная часть журнала была переделана в том смысле—внести ли вопрос в Думу или разрешить его в порядке ст. 87.

Это самый простой исход.

Приезжайте, когда хотите, я всегда рад побеседовать с вами.

Николай.

Судьба столыпинского законопроекта известна. Ни II-я Дума, ни III-я и ни IV-я «не нашли времени» его обсудить. И понятно, почему. Для оппозиционных партий, составлявших думское большинство, было одинаково неприемлемо как поддержать, так и отвергнуть законопроект. Поддержать значило признать за «реакционером» и «антисемитом» Столыпиным историческую роль инициатора в разрешении вопроса, который должен был считаться неразрешимым в условиях самодержавия. Но не лучше было и провалить его. В глазах общества это могло выглядеть так, что вот де Столыпин взялся *хотя бы частично* улучшить положение евреев, а думские либералы воспротивились *даже частичному* улучшению.

БОГРОВ

С отцом

*Богров в 23 года
(1910)*

ПРИМЕТЫ: выше среднего роста, лет на вид 27-30, худощавый, шатен, румяное лицо, верхняя губа выдается, при разговоре скалит зубы, носит пенсне в металлической оправе.

Из справки Департамента полиции

После покушения. Раны на лице и рваный фрак — следы избиения в театре.

ВЛАДИМИР БОГРОВ

Биографические данные.

Отряд жандармов ворвался в ночь после покушения на Столыпина в дом отца для обнаружения мифических революционеров, которых придумал Дм. Богров, чтобы получить билет на торжества и попасть в близость Столыпина. На заявление родственницы Дм. Богрова, что родители его, находившиеся тогда за границей, будут страшно потрясены известием о случившемся, начальник отряда заявил следующее: «Дм. Богров потряс всю Россию, а вы говорите о потрясении его родителей».

И действительно, с молниеносной быстротой весть о покушении на Столыпина распространилась по всей России, были произведены тысячи арестов людей, не имевших к Дм. Богрову никакого отношения, распространялись самые нелепые слухи как о событии, так и о личности Дм. Богрова, а политические партии всех направлений извлекали из этих слухов и сплетен без всякой проверки то, что им было полезно для продолжения своей политической игры в Государственной Думе и вне ее. Правые партии переименовали Дмитрия Богрова в «Мордко» (под этим

В. Богров «Дм. Богров и убийство Столыпина. Разоблачение действительных и мнимых тайн». Изд-во «Стрела», Берлин, 1931, стр. 27-38.

Владимир Григорьевич БОГРОВ — старший брат Дм. Богрова, в 1910-18 пом. присяжного поверенного в Петербурге-Петрограде, сотрудник юридического еженедельника «Право». В 1918, после смерти отца, эмигрировал в Германию.

вымышленным именем он фигурирует в обвинительном акте) и требовали еврейского погрома и разгрома революционных партий; на это евреи отвечали, что Дм. Богров — крещен, что также не соответствовало действительности; левые — клеймили охрану и требовали ликвидации охранной системы; кадеты негодовали против террористических актов с одной стороны, но с другой стороны находили для них какие то объяснения; беспартийные требовали «привлечения к суду» виновных в попусшении и допусшении и пр., и пр.

Об истине никто не заботился, так как важно было лишь использовать событие в качестве политического трамплина для своих собственных целей.

Поэтому необходимо прежде всего установить главнейшие данные из жизни Дм. Богрова, которые должны нам помочь разобраться в его духовной эволюции и объяснить его характер.

Родился Дм. Богров 29-го января 1887 г. Отец был киевским присяжным поверенным, домовладельцем. Дед Дм. Богрова по отцу был весьма популярным в 60-х годах в еврейских кругах писателем, писавшим главным образом на темы из еврейской жизни.

* Это не так. Имя Мордко не вымышлено правыми, а получено Богровым при рождении и записано в метрическую книгу. Скорее имя Дмитрий следовало бы считать вымышленным и даже, строго говоря, незаконным: Уголовное Уложение (т. XV Свода законов Российской империи) содержало специальную статью 1416¹, по которой «виновные в присвоении не принадлежащих им имен и фамилий, а равно в перемене фамилий и имен, под коими они записаны в метрические книги» подлежали наказанию штрафом и тюрьмой. Другое дело, что за исполнением закона следили не ревностно, так что жившие вне черты оседлости евреи практически безвозбранно брали себе вторые, «ассимиляционные» имена, вписывали их в адресные книги, различные удостоверения и свидетельства. Богров и в полицейской переписке звался Дмитрием, однако следственные и судебные власти признавали подлинными лишь имена, полученные при рождении. В обвинительный акт имя Мордко попало из метрики.

ни («Записки еврея», «Еврейский манускрипт» и друг.) и принципиальным сторонником ассимиляторского течения в еврействе.* Отец был весьма состоятельным человеком — его имущество оценивалось в сумму около 500.000 рублей — был видным членом киевского общества, в частности еврейского, пользовался всеобщим уважением, как хороший юрист и весьма отзывчивый человек, всегда готовый прийти на помощь нуждающемуся. Несмотря на господствовавший антисемитизм; он был долголетним членом киевского Дворянского клуба, где он и имел возможность встречаться с видными представителями киевской администрации и магистратуры. Благодаря этим знакомствам отцу нередко удавалось

* **Богровъ (Багровъ, בוגר), Григорій Исааковичъ** — русско-еврейскій беллетристъ; род. въ Полтавѣ въ 1825 г. въ раввинской семьѣ, ум. въ 1885 г. въ с. Деревкахъ (Минской губ.). Отецъ Б., пользовавшійся благодаря природному уму и общирнымъ талмудическимъ познаніямъ большою популярностью среди мѣстныхъ евреевъ, далъ сыну строго-религіозное воспитаніе. Русскую грамоту Б. изучалъ тайкомъ отъ родителей и, въ опасеніи преслѣдованій, пряталъ русскія книги въ чуланѣ плп на чердакѣ, гдѣ и проводилъ время за чтеніемъ. 17-ти лѣтъ отъ роду Б., по настоянію родителей, женился, однако вскорѣ развелся съ женой и, устроившись самостоятельно, получилъ возможность усиленно заняться самообразованіемъ и изученіемъ европейскихъ языковъ. Продолжительная служба по откуну дала Б. богатый запасъ наблюденій. Въ началѣ 60-хъ годовъ (около 1863 г.) Б. написалъ первую часть «Записокъ еврея», посвятивъ автобіографическій характеръ и описывающіе бытъ русскаго еврейства 30-хъ и 40-хъ годовъ 19 в. Послѣ долгихъ скитаній по петербургскимъ редакціямъ, рукопись попала въ «Отечественныя записки», гдѣ очень поправилась Некрасову. Поощренный этой удачей, Б. усиленно занялся окончаніемъ «Записокъ», которыя появились въ «Отеч. Записк.» въ 1871—3 гг. и обратили на себя вниманіе.

— За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Б., по семейнымъ обстоятельствамъ, принялъ крещеніе.

(«Еврейская энциклопедія», в 16 тт., изд-во Брокгауз-Ефрон, Спб., 1908-13, т. IV.)

выхлопотать смягчение участи и освобождение арестованных или осужденных революционеров. Так как эти услуги оказывались, конечно, бесплатно, то кабинет отца постоянно осаждался ищущими у него помощи. По политическим своим убеждениям отец ближе всего примыкал к левому крылу кадетской партии, хотя официально в нее записан не был.

Образование Дм. Богров получил наилучшее, какое было возможно: наряду с посещением гимназии обучался иностранным языкам и занимался самообразованием, составив себе обширную и ценную библиотеку по социальным наукам. В гимназический период он ежегодно уезжал на летние месяцы за границу с матерью.

По окончании гимназии в июне 1905 г. Дм. Богров поступает на юридический факультет Киевского Университета, а в сентябре 1905 г., накануне киевских погромных дней, по настойчивому требованию родителей, отправляется учиться за границу, в Мюнхен, где я также в то время посещал университет. С сентября 1905-го года по декабрь 1906-го года Дм. Богров с небольшим перерывом в один месяц, когда приехал в Киев на каникулы, находился совместно со мною в Мюнхене. Университет в Мюнхене он посещал мало, а занимался главным образом и очень усердно своим самообразованием, пользуясь обширной университетской библиотекой.

Пребывание за границей чрезвычайно тяготило Дм. Богрова. Он не мог примириться с той мыслью, что покинул Россию в особо тяжелое время, в минуту напряженной политической борьбы, пред назревающими серьезными политическими событиями. Он рвется всеми силами обратно в Россию и уже в де-

кабре 1906 года окончательно возвращается в Киев.

Через год, осенью 1907 года, у Дм. Богрова был произведен первый безрезультатный обыск. У производившего обыск жандармского офицера имелся приказ об его аресте, в зависимости от результата обыска. Дм. Богров арестован не был. Об этом обстоятельстве я не встречал упоминания ни в одной из статей о Дм. Богрове, хотя оно имеет, как мы увидим далее, большое значение. В виду установленной за ним после этого обыска усиленной слежке, он решает в декабре 1907 года временно уехать в Баку, к дяде, откуда возвращается в феврале 1908 г.

В начале сентября 1908 г. Дм. Богров был впервые арестован и в конце сентября 1908 г. вновь освобожден. Дома у него был после ареста произведен самый тщательный, но также безрезультатный обыск.

В октябре 1908 г. он уезжает с матерью в Меран, оттуда один в Лейпциг и Париж и только в конце апреля 1909 г. возвращается в Киев. То обстоятельство, будто Дм. Богров из Лейпцига несколько раз ездил по революционным делам в Львов и даже два раза наезжал в Россию, никому из родных не было известно.

В мае и сентябре 1909 г. Дм. Богров сдает полукурсовые экзамены в университете, а в феврале 1910 года — окончательные. После возвращения из Парижа, в апреле 1909 г., Дм. Богров самым энергичным образом отдался университетским занятиям, твердо решив в возможно короткий срок окончить университет. В этот период, как мы увидим, Дм. Богров ушел совершенно от всякой подпольной политической работы. Он даже фактически не мог иметь времени для таковой.

Окончив университет, в февраля 1910 г. он уезжает в качестве молодого помощника присяжного по-

веренного в Петербург, откуда возвращается в ноябре того же 1910 г. Чувствуя, что здоровье его пришло в расстройство, он решает последовать совету родителей и уезжает в декабре 1910 г. отдохнуть на Ривьеру, в Ниццу, откуда возвращается домой в феврале 1911 г. В Киеве пытается усердно заниматься адвокатурой, посещая ежедневно кабинет присяжного поверенного А. С. Гольденвейзера, однако адвокатская работа его явно не удовлетворяет.

С 22-го июня по 5-ое августа 1911 г. Дм. Богров находится с родителями на даче в местечке «Потоки» под Кременчугом, куда и я приехал с женой в середине июля из Петербурга.

После возвращения в Кисв, родители 12-го августа 1911 г. уехали за границу, я же с женой 17-го августа выехал обратно в Петербург. Вскоре после моего отъезда, а именно начиная с 27-го августа, развернулись те события, которые завершились 1-го сентября 1911 г. террористическим актом Дм. Богрова, 5-го сентября — смертью Столыпина и 11-го сентября казнью Дм. Богрова.

Уже из этих чисто внешних данных биографического характера видно, что Дм. Богров пользовался в родительском доме преимуществами человека, которому открыты все пути и возможности, не знающего отказа ни в одном сколько нибудь разумном желании.

Во время своих частых поездок за границу и в России, равно как и во время пребывания дома, Дм. Богров получал от отца определенное месячное пособие, которое составляло от 100 до 150 рубл. в месяц, а после окончания университета, в Петербурге, 75 рубл. в месяц, так как тогда Дм. Богров имел еще и жалование по службе секретаря в Комитете по фальсификации пищевых продуктов при Министерстве Торговли и Промышленности — 50 р. в месяц, а также за-

рабатывал кое-что и по судебным делам.

В виду того, что Дм. Богров, как еврей, не мог получить в то время звания присяжного поверенного и был стеснен в праве на практику, отец неоднократно предлагал ему более крупную единовременную сумму для организации какого либо коммерческого дела. Однако от этого Дм. Богров отказывался.

Я должен отметить самым категорическим образом, что Дм. Богров вел самый скромный образ жизни. Никогда Дм. Богров не принадлежал к кругу так наз. «золотой молодежи» и, что очень характерно, никогда даже не имел соответственной парадной одежды — студенческого мундира, сюртука, смокинга. Фрак он заказал себе впервые по окончании университета, так как это было необходимо для его адвокатских судебных выступлений. Поэтому смешно, когда Струмилло говорит о «картах, кафе-шантанах», которые будто бы играли крупную роль в жизни Дм. Богрова. Это опять таки относится к области ложных предположений которыми так богата статья Струмилло. Хотя Дм. Богров и любил карты, как игру, как азартный спорт, так же, как любил шахматы или спорт, но ни разу в его жизни не было случая, чтобы из за карт он забыл о каких либо своих обязанностях, попал в денежные затруднения, имел неприятности... Тем более «кафе-шантаны»...

Для того, чтобы избежать обвинения в пристрастном отношении, я позволю себе привести выдержку из общей характеристики Дм. Богрова, помещенной в газете «Будущее» неизвестным мне автором:

«С ранних лет Дм. Богров выдается своим умственным развитием и начитанностью, интересуется историей, географией, войнами, биографиями великих полководцев, Суворовым и Наполеоном. Он упивается с детства игрой в солдатики, а впоследствии всеми

видами спорта. Он был прямо таки блестящий шахматист, но заметив, что шахматные увлечения мешают серьезным занятиям, решил внезапно бросить игру и бросил. На ряду с этими качествами он отличался душевной чуткостью, отзывчивостью и добротой... Осенью 1905 г. Дм. Богров поступил в Киевский университет вполне сформировавшимся эсером. Во время избения в литературно-художественном обществе публики, собравшейся на реферат Водовозова, он чуть ли не один остался в зале, где неистовствовали городовые, защищаясь деревянной палкой от шашек, которыми таковая и была перерублена пополам. Вся публика в панике ринулась из залы, а Богров не растерялся. Он сам рассказывал, что это был первый опыт самообладания. Действительно, перед лицом непосредственной опасности он не терялся: у него являлась поразительная выдержка. И замечательно: это качество сочеталось у него с большой экспансивностью его натуры. Стоило ему увидеть перед собою какое нибудь насилие, у него загорались глаза и он хватался за браунинг, который позже постоянно носил с собою... Все, кто когда либо имел дело с Богровым, беру смелость утверждать, все без исключения признавали неотъемлемую черту Богрова, его душевное благородство. Оно покоряло, может быть, потому что оно редкое и едва ли не самое ценное качество настоящего человека. Благородство, состоявшее в том, что он до глубины души ненавидел насилие и допускал его только в отношении насильников, которых признавал, однако, только среди патентованных врагов: имущих власть. К товарищам же, и даже ко всем мирным обывателям, относился любовно, как бы прощая им все недостатки. Никогда против товарищей он не проявлял активной злобы — на все их промахи, на поступки их, которые шли в разрез с принципами, которые прямо нарушали понятия о человеческом до-

стоинстве, о чести, честности, он отвечал... юмором и словами насмешки. В серьезных случаях сам уходил от таких.* Тонкая духовная организация, душевная мягкость, отсутствие какой бы то ни было обывательщины, отсутствие рисовки, благодаря полной атрофии чувства тщеславия — вот что располагало к нему всех и делало его душою всякого общества, начиная с рабочего и кончая великосветским. К этому нужно добавить: огромную инициативу, блестящее остроумие и находчивость.

К собственной жизни он относился настолько же легко, насколько бережно (да, именно бережно) обходился с жизнью другого. Своя жизнь, говаривал он, не стоит, чтобы ее тянуть. И потому свою жизнь он сознательно прожигал. Зато когда к нему обращался товарищ-рабочий за рублем на жизнь, которого у самого Богрова не было, потому что он даже свои деньги отдавал на партийные нужды, он сам обегал всех знакомых, чтобы достать нужное. Это могут удостоверить многие.

Когда он отдавался делу, он отдавался беззаветно, всей душой, не щадя ни сил ни здоровья, ни карьеры, ни своего общественного положения, ни жизни, когда это понадобилось. И если все, кто только может,

* Цитируя «неизвестного автора» (А. Мушина), В. Богров выпустил весьма существенный абзац:

Не все товарищи, однако, понимали Богрова и в иронических нотках или юморе, обращенных по адресу тех или иных товарищей, видели иногда неуважение или даже презрение ко всем. Это их отталкивало от Богрова.

(А. Мушин «Дмитрий Богров и убийство Столытина», Париж, 1914, стр. 80.)

Об А. Мушине см. примечание на стр. 105.)

ищут теперь ответа на вопрос, ценой чего Богров получил пропускной в театр билет охранника, пусть знают, что только придерживаясь вышеуказанной характеристики Богрова, как человека, они найдут правильный ответ на интересующую их и всех продолжающую интересовать и волновать загадку»

Далее приходится остановиться на развитии революционного мышления Дм. Богрова, т. е. на эволюции его революционной идеологии. Еще будучи учеником 5-6 класса гимназии, т. е. в период 1902-1903 года, Дм. Богров сближается с гимназическими кружками и партийными организациями средних учебных заведений и начинает теоретически и практически интересоваться политикой. В первый период своей работы он всецело подпадает под влияние своего старшего двоюродного брата, Сергея Богрова, жившего и воспитывавшегося также в доме отца.* С. Богров был по убеждениям социал-демократ и в этом направлении он, конечно, старался воздействовать и на Дм. Богрова. Однако уже очень скоро Дм. Богров начинает политически мыслить более самостоятельно и освобождается из под его влияния. Ко времени окончания гимназии и поступления в университет в 1905 году он является убежденным социалистом-революционером и при том определенно левого направления.

* Сергей (Вениамин) Евсеевич БОГРОВ (род. 1879), клички «Фома» и «Валентинов». Сын московского купца, торговца мануфактурой. Окончил Петербургский технологический институт. В 1903-10 активный большевик-пропагандист в Одессе и Петербурге. В 1904 в Женеве встречался с Лениным. После Октября на дипломатической службе и в главке «Союзтекстильмашина».

В революционное подполье его ввела Валентина Львовна БОГРОВА (род. 1882) — дочь присяжного поверенного, на петербургской квартире которого в 1910 жил Дм. Богров. Социал-демократка с 1901, в 1905 секретарь петербургского городского комитета партни. Многие годы близкая знакомая Ленина, Крупской, Максима Горького (из ее имени Ленин произвел кличку для Сергея Богрова: «Валентинов»). В 1918 Ленин лично помог ей и брату Дм. Богрова Владимиру уехать из России в Германию.

Он отвергает одностороннюю экономическую и социальную теорию социал-демократии, а также их нерешительную, компромиссную тактику. В партии социалистов-революционеров он вскоре также занимает самую крайнюю левую позицию и входит в группу максималистов, сторонников самой решительной тактики, борьбы, связанной с революционными выступлениями, экспроприациями, террористическими актами.

В таком именно настроении Дм. Богров приезжает осенью 1905 г. в Мюнхен, где я, живя с ним вместе, имел возможность непосредственно наблюдать дальнейшую эволюцию его революционного мышления. Будучи искусственно устранен от практической революционной работы, Дм. Богров всецело отдается теоретическому изучению революционной литературы. Тут то он и знакомится с анархо-синдикализмом или с анархизмом-коммунизмом, именуемом так в отличие от анархизма-индивидуализма (учение Штирнера). Это последнее течение Дм. Богров отвергает, так как полагает, что оно в конечном итоге приводит к буржуазному, эгоистическому идеалу, к прославлению отдельной личности, как таковой, освобождая ее от всяких обязательств не только внешне-принудительного порядка, отвергаемых всяким анархизмом, но и от внутренней моральной связанности и необходимости служения социальному идеалу.

Теоретики анархизма — Крапоткин и Реклю — стали его настольными книгами, а у Бакунина и французских анархо-синдикалистов он искал руководства для дальнейшей практической деятельности.

Быть может искусственная изоляция от русской жизни оказала на Дм. Богрова влияние обратное тому, к которому стремились родители. Заняться общими науками, отказаться от русской действительности и спокойно сидеть за границей оказалось ему не

под силу. Развернувшиеся в России ужасные события — еврейские погромы, созыв и роспуск 1-й Государственной Думы, политические процессы и повсеместное господство белого террора, властно требовали возвращения Дм. Богрова на родину для того, чтобы принять активное участие в происходящей борьбе. К этому периоду относится письмо его к родителям, в котором он заявляет, что он «не может оставаться сложа руки за границей, когда в России избивают людей».

После возвращения в Киев, в декабре 1906 г., Дм. Богров окончательно примыкает к группе анархистов-коммунистов и хотя в 1909 г. и прекращает подпольную революционную работу в этой группе, однако по своим убеждениям остается до смерти анархистом.

До настоящего времени мне памятли те теоретические споры, которые происходили зачастую между братом с одной стороны, и отцом и мною с другой. Отец и я выступали обыкновенно в защиту эволюционного развития, брат же требовал не только революционного изменения существующего строя, но полного уничтожения социальных основ существующего государственного порядка. Так как мы были вооружены большим запасом знаний, фактических и логических доказательств, то и оказывались обыкновенно «диалектически» победителями в споре. И в этот момент, когда брат вынужден был признать себя «логически» побежденным, у него на глазах наворачивались слезы отчаяния и было ясно, что пред нами фанатик, которого нельзя «переубедить», так как его верования глубже его логики. Его можно было только огорчить и озлобить непониманием.

И. КНИЖНИК

Семья и среда Богрова.

Когда я учился в Киевском университете, я жил одно время в семье Пышиновых, где давал уроки по общеобразовательным предметам старшей дочери и среднему сыну, ставшими впоследствии довольно известными артистами-педагогами по классу фортепиано и скрипки. Пышиновы были в родстве с киевским присяжным поверенным Гольдштейнером, Александром Соломоновичем, обладавшим большой библиотекой, и как-то привели меня к нему как большого любителя книг. А. С. Г. очаровал меня сразу готовностью делиться своими знаниями и библиотекой, и я в течение своих студенческих лет до 1904 г. довольно часто к нему заходил. Из детей А. С. два сына и две дочери были в старших классах гимназии, и к ним ходило много товарищей. Среди последних были и братья Богрова, Владимир и Дмитрий.

Мать Богровых, красивая женщина, с грустными глазами, кажется, была сестрой жены А. С. Третья их сестра была замужем за Леоптием Тимофеевичем Фельзером, который содержал техническую контору на Кредитке и в то же время был перепишем консулом. На 4-м году моей университетской жизни мне пришлось давать уроки и детям Фельзеров, и у них я также иногда видел Дмитрия Богрова и его старшего брата Владимира.

Вся эта родственная молодежь, включая еще 5—6 посторонних гимназистов, реалистов и гимназисток, образовала в 1901 г. научный кружок, в котором читались доклады по естественно-научным вопросам. Я был приглашен этим кружком руководить его занятиями по политической экономии, изложение которой он хотел иметь в марксистском духе, подвергавшемся преследованию в университете на практических занятиях проф. Пахно. Мной была выработана для кружка программа занятий, но занятия состоялись только один или два раза. В этом кружке трое или четверо юношей заговаривали со мной об общественных вопросах более подробно, иногда заходили ко мне на квартиру. Среди них был и Дмитрий Богров.

Все эти дети богатых родителей, получившие самое буржуазное воспитание, относились ко мне, бедному студенту-репетитору, с уважением, главным образом потому, что подражали в этом А. С. Гольдштейнеру. В среде своих родных и знакомых А. С. пользовался непререкаемым авторитетом. По своим выступлениям в киевском ученом юридическом обществе, по своим широким философским интересам, А. С. мог быть профессором, если

Из статьи «Воспоминания о Богрове, убийце Столыпина». Журнал «Красная летопись», №5, 1922, стр. 288-290.

Израиль Самуилович КНИЖНИК (1878-1965), псевдонимы Иван КНИЖНИК и Иван Сергеевич ВЕТРОВ — в 1901-04 социал-демократ, в 1904-10 анархист-коммунист, затем толстовец. После Октября перешел к большевикам. Библиограф, историк анархизма.

бы не был евреем. Ему, впрочем, пришлось и непрофессорствовать, по приглашению М. М. Ковалевского, в русской высшей школе общественных наук в Париже, и это окружало его ореолом в глазах всех его знакомых, особенно же в глазах молодежи.

В политическом отношении А. С. был либералом, очень далеким от активных выступлений, но близко принимавшим к сердцу некоторые революционные события. Так, он был всегда в курсе последних новостей о террористических актах той эпохи (например, убийство Балмашевым министра Сипягина), рассказывал мне анекдоты, касавшиеся назначения разных министров и событий в царской семье, а особенное впечатление производил тем, что, будучи одним из лучших адвокатов на всем юге России, в корне отрицал, по следам Толстого, всякий суд, смотря на него не только как на комедию, но и как на преступление общества по отношению к преступнику, которого общество не почитало, как следует, и довело до преступления.

Так как Дмитрий Богров рос в атмосфере идей А. С., то уже с ранних лет он не мог не сочувствовать революционным выступлениям, почтывая и подпольную литературу, которая шла тогда по рукам передовой молодежи и имела даже в библиотеке А. С. (последний получал на адрес персидского консула Фельзера многие иностранные издания без цензуры). Особенное влияние мог оказать А. С. на Дмитрия Богрова и своим полным отрицанием правовых основ современного общественного строя, своим преклонением перед анархизмом Толстого. Этим я объясняю то, что Дмитрий Богров увлекся на короткое время эс-эртством и максимализмом, а с 1906 г. стал работать с анархистами.

Я помню Дмитрия Богрова худым, довольно высоким юношей, с печальными глазами, как у матери. Он мало говорил и ничем не выделялся среди товарищей. Я никогда не был в доме его родителей, но встречал их у А. С. и слышал, что его отец—сын известного еврейского писателя, автора «Записок еврея», печатавшихся в «Отечественных Записках» Некрасова, присяжный поверенный, который составил себе состояние игрой в карты в дворянском клубе, где он состоял членом. На Библиковском бульваре, недалеко от Крещатика, у него был собственный дом в несколько этажей.

А. С. Гольдштейнер рассказывал мне, что когда я был арестован в начале 1902 г. за участие в студенческом движении, отец Богрова, по просьбе А. С., попробовал за игрой в карты замолвить за меня слово начальнику киевского губернского жандармского управления генералу Повидькому, но из этого ничего не вышло. Очевидно, картежная близость Богрова отца была очень велика у него с ген. Повидьким, если он позволил себе даже использовать ее для ходатайства о политическом заключении.

О семье Богрова должен еще отметить, что уже Богров—дед, писатель, был далек от ортодоксального еврейства. По документам отец Богрова, может быть, и числился иудейского исповедания, но от ортодоксального еврейства был очень далек. Хотя охранники именовали Дмитрия Богрова Мордакой Гершковым, но делали они это лишь с нарочитой целью подчеркнуть принадлежность убийцы Столынина к еврейскому народу. На самом деле во всех своих официальных документах Богров именуется Дмитрием Григорьевичем. Такова уж черта неортодоксальных евреев: преследования заставляли их из гордости не переходить в христианство, а под влиянием окружающей среды они приспособлялись к ней в своих обычаях и даже в именах.

Б. ПРИЛЕЖАЕВА-БАРСКАЯ

Знакомство мое с Богровым началось с гимназических лет в Киеве, в семье моих близких друзей Х.

В тихом провинциальном домике, с цветущим садом впереди, с большим двором, крокетной площадкой и гигантскими шагами, было всегда весело, уютно и совсем «как дома».

Оттого ли, что приветливые хозяйки неизменно ласково встречали всех проходящих, оттого ли что в доме царила благодушная ко всему снисходительность, и каждому представлялась свобода делать что угодно, — здесь с раннего утра и до позднего вечера беспорядочно и шумливо толкалась молодежь. Иной забежит на часок, да так и забудет уйти домой, по двое-трое суток не покидая гостеприимного крова.

Бывал здесь и Митя Богров — высокий худенький мальчик в очках, насмешливый и остроумный. Он держался несколько в стороне от женской части нашей компании, от неугомонного флирта, здесь процветавшего, от вечной смены переплетающихся ухаживаний.

У него было свое увлечение, доходящее до страсти: азартные игры. Для карт, для рулетки он готов был отказаться от поездки по Днепру, от интересной прогулки, от веселой компании.

Стоило вытащить из стенного шкапа в передней

Из статьи «Дмитрий Богров». Альманах «Минувшие дни», Ленинград, №4, 1928, стр. 80-86.

Бэла Моисеевна ПРИЛЕЖАЕВА-БАРСКАЯ (1887-1960) — советская детская писательница.

маленькую рулетку или выбросить колоду карт, как Митя Богров погибал для нас, и уже не было никакой возможности оторвать его от игры.

Иногда мальчики достаивали нас приглашения «принести счастье», и мы, забравшись с ногами на широкий турецкий диван, наблюдали за игроками.

Манера держать себя за карточным столом очень характерна для человека. В то время, как одни явно волновались, поминутно то вскакивая, то снова усаживаясь на место, другие, бледнея и краснея, пытались показать хладнокровие, и один только Митя Богров играл весело, отпускал насмешливые замечания, шутил и смеялся беспрепятственно, ни на минуту не теряя самообладания.

Однажды этот беспечный, над всем смеющийся мальчик меня удивил.

Ведя знакомство с «подпольными людьми», я хранила у себя нелегальную литературу. Неожиданно пришел приказ препроводить ее в новое место. Воспользовавшись отсутствием домашних, я разложила аккуратными пачками зеленые, красные, белые книжечки, соображая, как разместить их на собственной персоне, чтобы в несколько приемов перетащить все это по указанному адресу.

Неожиданно в передней раздался громкий звонок. Тревожно и сокрушенно я глянула на кровать, стул и пол, где расположились мои книжечки. Но кто бы ни звонил, прятаться было поздно, и я побежала к двери. Передо мной стоял хохочущий Митя Богров с большим чемоданом.

— Испугались? Думали, полиция?

Я была удивлена его появлением, до этих пор он никогда не бывал у меня.

Оказывается, узнав от нашей общей приятельницы о моем затруднении (мы тогда в нашей почти еще детской компании плохо соблюдали правила конспирации), он решил притти мне на помощь.

Я недоумевающе перевела глаза на чемодан.

— А вы как же думали перетаскивать вашу библиотеку?

— Да очень просто, на себе.

— Ну и «калоша» же вы! (Это слово было у нас в

большом ходу). Мы заберем все сразу. Вот увидите. Давайте вместе работать.

Он скинул свое серое гимназическое пальто, и мы вдвоем быстро и деловито начали укладывать брошюры.

— Теперь я возьму извозчика. Мы отправимся на вокзал, дождемся там первого поезда, а оттуда поедем, куда вы укажете.

Сказано — сделано.

Хохоча и дурачась, совершенно забыв об опасности, которой мы подвергались, мы играли в путешественников, усаживаясь на дребезжащие киевские дрожки. Особенно весело было проезжать мимо стоявшего на углу усатого, наивного городского, не подозревавшего, какой багаж мы везли.

Митю как-будто подменили. Мне чудилось в тоне его голоса какие-то новые теплые нотки.

Когда мы довезли наш «товар» до места назначения, Митя отказался взять чемодан обратно.

— Вам, вероятно, скоро придется снова перевозить библиотеку — пригодится, — уговаривал он новых «хозяев».

После путешествия с чемоданом отношения наши с Богровым стали ближе, сердечнее.

Мы иногда катались вдвоем по Днепру, иногда гуляли вместе, и разговор всегда заходил о революционной работе, о партиях и их программах. Митя резко критиковал все существовавшие тогда программы, он страстно мечтал о революции, но все пути, известные нам, считал неправильными. Он говорил, что не может представить себя членом какой бы то ни было организации, что не перенес бы той узды, которую она накладывает на личность, что революцию можно делать самому, без чужой указки и чужой помощи.

— Я сам себе партия, — сказал он однажды фразу, которая, помню, взволновала меня и ярко запомнилась.

Прошло несколько лет. Мы оба окончили гимназию. Богров поступил в Киевский университет, я училась в Петербурге на курсах.

Приехав на лето в Киев, я рада была повидать старых друзей. В первые же дни меня огорошил рассказ о Богрове его близкий приятель, — я узнала, что

Митя, наконец, «определился», что он называет себя анархистом-индивидуалистом.

Я с жадностью слушала рассказы о том, как Богров с группой преданных ему людей из рабочих предпринимает ряд ловких экспроприаций, какие дерзкие и смелые письма посылает он лицам, на которых собирается совершить налет.

— Это напоминает азартную игру. Экспроприация вместо рулетки? — сказала я.

— Вы ему сами предложите этот вопрос, — посоветовал мой приятель.

Скоро у меня на даче появился и сам Митя Богров. Он был таким же остроумным, смеющимся и иронизирующим, каким я его оставила. Трудно было представить себе этого безукоризненно одетого молодого человека атаманом шайки налетчиков. Мне очень хотелось вызвать его на откровенность, услышать из его уст подтверждение того, что я узнала от нашего общего приятеля.

Часто, когда мы оставались наедине, я собиралась заговорить о том, что меня волновало; мне казалось подчас, когда среди разговора мы оба одновременно замолкали, что он ждет, не спрошу ли я его о чем-то, и что он словно хочет сам мне что-то рассказать.

Какое то необъяснимое чувство удерживало меня, и я так и не решилась заговорить с ним о том, что меня волновало.

Вскоре я покинула Киев.

Хорошо памятна мне встреча с Богровым весной 1910 г. в Петербурге.

Как-то вечером, часов около десяти он пришел ко мне неожиданно, — кажется, прощаться.

Он застал у меня несколько человек своих старых знакомых, и мы в разговорах и спорах засиделись до поздней ночи.

Богров был интересным собеседником, остроумным, занимательным. Высказывая взгляды часто парадоксальные, он всегда давал материал для споров и возражений.

В это время в Венеции разбиралось дело Марии Тарновской. Богрова очень занимал этот процесс, в особенности психология двух его участников, Прилу-

кова и Наумова, совершенно поработанных сильной личностью женщины, погубивших из-за нее карьеру и жизнь.

— Денег я бы на нее не пожалел, — сказал Богров, — но я хотел бы посмотреть, как бы она заставила меня убить человека... Нет, я органически не понимаю такого сильного чувства к женщине!

Кто-то из нас спросил его шутливо:

— А вообще, Митя, вы понимаете какое бы то ни было сильное чувство, такое, которое может выбить из привычной колеи, перевернуть вверх дном всю жизнь?

Как-то неожиданно просто он ответил:

— Да, представьте, я способен на сильное чувство, но не на любовь, — на ненависть. Я ненавижу одного человека, которого я никогда не видал.

— Кого?

— Столыпина. Быть может, оттого, что он самый умный и талантливый из них, самый опасный враг, и все зло в России от него.

Никто в ту минуту не придавал особенного значения его словам. Многие из нас ненавидели Столыпина. Ничего необычного не было в этом. Удивил немножко только тон, каким это было сказано, искренний и простой.

Разговор, коснувшись чего-то другого, покатился по новым рельсам.

Скоро Богров уехал из Питера, а мне суждено было увидеться с ним еще один раз — в последний, накануне рокового дня.

В конце августа 1911 г. проездом я попала в Киев на несколько дней.

30-го августа часов в шесть вечера я с несколькими приятелями проходя по Крещатику, зашла в «kaviarn'ю» вблизи Фундуклеевской. Маленькие польские кофейни, дешевые и чистенькие, обычно были полны народа, но на этот раз на обширной веранде, похожей на заросшую диким виноградом беседку, кроме двух или трех посетителей, углубившихся в газеты, никого не было. Заходить в душное помещение не хотелось, и мы остались на веранде. Не успели мы усесться за один из столиков посреди веранды, о чем-то оживленно разговаривая, как в проходе у кадки с олеандрами неожиданно показался

Митя Богров. По близорукости не заметив нас сразу, он занял ближайший к выходу столик. Он был во фраке, в лакированных ботинках, белоснежной манишке и воротничке. Вид имел несколько парадный, как будто собирался на бал. Мы окликнули его. Казалось, он обрадовался встрече, сердечно и ласково здороваясь с нами. Я не видала его больше года и не могла не поразиться происшедшей в нем перемене, его осунувшемуся, утомленному лицу, и... совершенно седой голове (ему было в это время около 23-х лет). Я не могла скрыть своего изумления и спросила:

— Что с вами? У вас совершенно больной вид.

— Да нет, пустяки, я просто устал, много работаю последнее время.

Мы обменялись рядом обычных приветствий, вопросов, которые задают друг другу люди, давно не видавшиеся. Кто-то из нас обратил внимание на его торжественный костюм. Он ответил просто:

— Я буду вечером в Купеческом.

Не легко было попасть в то место, где будут «высокопоставленные гости», но казалось, что Богрову, как человеку постоянно живущему в Киеве, вращающемуся в разных слоях общества, это не представляет особой трудности. Во всяком случае, Митин ответ не удивил никого из нас, не остановив ничего внимания, и мы продолжали говорить о каких-то пустяках, расспрашивать об общих знакомых. Мои спутники попеняли ему, что он забросил старых друзей, никогда не посещает их. Богров снова повторил, что очень занят, что не бывает решительно нигде. Мне все же хотелось повидаться с ним до отъезда, и я просила его зайти ко мне.

— Боюсь обещать. Думаю, что не удастся.

Я не стала настаивать. Простившись, мы вышли из «kaviarn'i», оставив Богрова у столика.

Я оглянулась, уходя, и мне запомнились — высокая фигура, странно тонкая шея с маленькой седой головой и рассеянный взгляд близоруких глаз.

Целая жизнь прошла с тех пор.

Когда я перебираю прошлое — в памяти встает Митя Богров, его движения, смех, манера держать себя, слова и «словечки», — все те неуловимые штрихи, которые живым и осязаемым делают образ человека,

дополняя в сознании то, чего не досказали факты.

Я видала Богрова за два часа до того, как он отправлялся в Купеческий сад. Как известно из его показаний, он полагал совершить покушение в этот же вечер, и только неудобство обстановки заставило его отложить выполнение задуманного до парадного спектакля в городском театре. Он был внешне совершенно спокоен, говорил о пустяках, интересовался обыденными вещами, ни единым движением он не выдал своего душевного состояния.

После смерти Богрова судьба столкнула меня с человеком, присутствовавшим с театре в момент покушения и позднее — при казни.

Выстрелив, Богров продолжал стоять с протянутой рукой, как бы выжидая чего-то... Затем, медленно, совершенно спокойно, спрятав револьвер в карман, двинулся обратно, к выходу, и только дойдя до последнего ряда, ускорил шаги.

В этот момент публика как будто проснулась от оцепенения. Кто-то кинулся на Богрова, кто-то свалил его, и началось избиение.

Говоря о казни Богрова очевидец сказал:

— Какую бы жизнь ни вел Богров, умирал он с достоинством. Это был на редкость мужественный человек.

Мне всегда казалось, что он никогда не рядился в чужое платье, никогда не старался «казаться». Отсутствие рисовки и позы привлекало к нему.

Я вспоминаю его странную двойную жизнь веселящегося молодого человека из буржуазной среды, полную в то же время риска, опасностей и азарта.

Он всегда смеялся над «хорошим и дурным». Презируя общепринятую мораль, он создавал свою, причудливую и не всегда понятную. Он шел к давно намеченной цели жутким и извилистым путем, считая, быть может, что достижение покрывает все.

«Партия, это — я» — говорил он когда-то, и эта «партия» разрешила ему ту тактику, которую не разрешила бы ему никакая другая.

Рожденный со страстной натурой игрока, он не мог жить буднично и покойно, он во всем и всегда искал сильных ощущений, тревожных и ярких впечатлений.

Задумывая совершить налет, он сообщает об этом заранее намеченному лицу. Собираясь убить Столыпина, он предупреждает Кулябку о готовящемся покушении.

Он превратил свою жизнь в азартную игру, и в этой игре последней ставкой была его собственная жизнь.

Дом Богровых в Киеве (бывш. Бибиковский бульвар, ныне бульвар Т. Шевченко, 4). В 1944-1958 гг. в доме размещался Киевский горсовет, с 1958 г. — гостиница «Ленинградская».

Познакомилась я с Митей Богровым
 - когда впервые увидела (хотя
 с братом его, Володей - впоследствии
 моим мужем - была уже хорошо
 знакома.) когда Володя привел его
 ко мне в квартиру моих роди-
 телей - Позняковых, где собиралось тогда
 много молодежи. Я тогда это
 окончила тогда 2-ой (педагогический)
 класс гимназии, где познакомилась
 со множеством своих сверстниц - и
 со всеми их друзьями - по большей
 части довольно серьезными студентами.
 В комнате моей тесно было от
 серых тушурок. Были мы все очень
 молодой, а время было бурное, пред-
 революционное - в университете
 были не только лекции, но и ва-
 шетовки и сходки. Дух захва-
 тило от разных течений и вея-
 ний, повсюду возникали кружки
 и партии и необходимо было
 немедленно решить - кем быть.
 К чему прижмут, в какую партию
 вам встать? Это были 1905 - 1906

Автограф первой страницы воспоминаний В. Н. Богровой-
 Позняковой.

ВЕРА БОГРОВА

Познакомилась я с Митей Богровым — вообще впервые увидела (хотя с братом его, Володей — впоследствии моим мужем — была уже хорошо знакома!), когда Володя привел его ко мне, в квартиру моих родителей Позняковых, где собиралось тогда много молодежи. Я только что окончила тогда 8-ой (педагогический) класс гимназии, где познакомилась со множеством своих сверстниц и со всеми их друзьями, по большей части новоиспеченными студентами. В комнате моей тесно было от серых тужурок! Были мы все очень молоды, а время было бурное, предреволюционное — в университете шли не только лекции, но и забастовки и сходки... Дух захватывало от всяких течений и веяний, повсюду возникали кружки и партии и необходимо было немедленно решить — кем быть, к чему примкнуть, в какую партию записаться! Это были 1905-1906 годы!

И вот тогда-то Володя Богров и сказал мне: если хотите, я достану вам литературу и даже познакомлю вас с настоящим — «живым» — анархистом!

Вскоре после этого пришел ко мне Митя... Он был тогда еще гимназистом — я вижу его как сейчас перед собой в черной гимназической курточке с красными книжечками в руках, — краснеющего чуть не при каждом слове... Он был очень застенчив и легко краснел... Никакой активной пропаганды не последовало — он только приносил мне красные и черные книжечки — и даже не пытался со мной их обсуждать... Но из чтения этих книжек и некоторых других (как «Единственный и его собственность») я заключила, что

Рукописные воспоминания. Хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке, фонд В. Богровой. Печатаются с разрешения Архива.

Вера Николаевна БОГРОВА (урожд. ПОЗНЯКОВА) — жена Владимира Богрова.

он примыкал к анархистам-коммунистам — так по крайней мере это движение тогда называлось — в противоположность «анархистам-индивидуалистам»! Представителями этого последнего течения в моем окружении были Володя Богров и Борис Паншин. Но о «революционной практике» здесь — насколько я могла наблюдать — не было и речи: просто каждый «анархист-индивидуалист» делал то, что сам считал правильным и нужным, ни с кем не сговариваясь, ни с кем не считаясь... Как будто не было и большой ответственности... Паншин впрочем впоследствии был арестован (за «хранение литературы», кажется) — и был даже судим — но был оправдан и последствий этот арест для него не имел никаких...

В этот вечер Володя не поехал меня провожать домой, на дачу — ему тяжело давалось уж очень раннее вставанье и непривычные физические упражнения на военной службе: он только что начал отбывать воинскую повинность как вольноопределяющийся после окончания университета... Поехал со мной Митя.

Митя проводил меня через весь большой сад до самого дома — зайти отказался, сказал, что поздно, спешил домой... Но домой он в ту ночь не вернулся — его арестовали при выходе из усадьбы... Было это летом 1908 года.

Арест Мити, конечно, неприятно поразил родителей, но не слишком их обеспокоил: кого же тогда не арестовывали! Всякий порядочный студент должен был хоть раз быть арестован: все лучшие друзья мои — дети самых почтенных и благонамеренных родителей — Сережа Сольский, Маркуша Вольфсон, и даже сам благонамеренный Паншин — были арестованы и хоть недолго должны были «отсидеть»...

Митя был моложе (один из младших братьев) и арестован был позже, в 1908 г. — но это были еще все те же беспокойные годы... Митя в эти годы меньше других показывал свою «революционность»: никаких не было таинственных исчезновений и отсутствий, как это было у других, как например Сережа Богров, двоюродный брат (или может быть дядя), живший в семье Богровых, за которым репутация «настоящего революционера» в это время уже установилась прочно! Вот он, например, на простой вопрос. — «куда идете, Сережа?», отвечал уклончиво: «по адресу». Непосвященные — но сочувствующие — переглядывались понимающе: «идет, мол, на конспиративную квартиру!» Сережа был социал-демократом — это знали все мы, впоследствии стал правоверным большевиком... И однако как раз он — «настоящий» — арестован не был ни разу!

В серьезность Митино ареста не верил никто, хотя

ролителям, в особенности матери, он был неприятен — неприятно было видеть Митю не дома! Но Григорий Григорьевич твердо верил в свои клубные связи: он был членом Дворянского клуба — единственным евреем, принятым в члены, а не только бывавшим там в качестве гостя — как иные богатые и именитые евреи — Бродские, например, и другие. В Дворянском клубе Григорий Григорьевич бывал ежедневно — даже дважды в день: среди дня — между завтраком и обедом — и вечером. Там он встречался со всеми «великими мира сего» — и губернатором, и полицмейстером и начальником жандармского управления — и т.д. и т.п. Я хорошо помню, с какой уверенностью на следующий день после Митино ареста он говорил, что беспокоиться нечего, что он сегодня же поговорит с Чихачевым* — Митя завтра же будет дома!

Однако, Митя пришел домой не на следующий день... Не помню уж точно, когда именно это было, когда он вдруг оказался стоящим у обеденного стола, войдя неслышно в квартиру, без звонка — и всех нас этой неожиданностью как громом поразил! Было это уже тогда, когда кончились лагерные занятия — кончилось лето, и мы с Володией переехали с дачи в город, и поселились в нашей «собственной квартире» — в тех двух комнатах (с общей столовой), которые нам, «молодым», выделили из своей большой, 8-комнатной квартиры Володины родители, когда из старого своего флигеля, где жили много лет, переехали в большой, только что выстроенный, шестиэтажный дом... К этой квартире из двух комнат собственно относилась и столовая, и отдельная кухня — т.е. это была первоначально отдельная квартира из 3-х комнат, но когда Екатерина Яковлевна (мать Володи) предложила мне «уступить» в общее пользование столовую, с тем, чтобы хозяйство было общим — я согласилась с радостью, так как уже была на курсах, увлекалась занятиями, и домашнее хозяйство меня совершенно не интересовало!

Я проводила на курсах буквально целые дни — но к обеду бывала всегда дома — и к обеду уж сходились все!

За этими общими семейными обедами всегда бывал и Митя, и Сережа — и всегда Митя был весел, шутил и всех смешил... Так было и дальше, после его освобождения из-под ареста!

А после обеда наступал серьезный час: вся семья переходила в кабинет Григория Григорьевича, все устраивались

* В 1908 г. киевский вице-губернатор и старшина Дворянского клуба.

пудобнее — Екатерина Яковлевна ложилась на диван — и у мужчин начинались разговоры на серьезные темы: бывало говорили и о политике, и об общем положении вещей... Мнения, взгляды бывали разные — но никогда не было споров, таких ожесточенных горячих споров, какие мне случалось слышать, когда сходились ярые народовольцы с ярыми соц.-революционерами! Это были просто серьезные разговоры — хотя были и несогласия... Так было и относительно Столыпина: Григорий Григорьевич был об уме и способностях Столыпина очень высокого мнения и возлагал на него большие надежды... Митя соглашался с ним в этой оценке, но говорил, что именно потому-то Столыпин и опасен для России: все его реформы правильны и полезны в частности, но не приведут к тем глубоким переменам, к тому полному и крутому повороту — если не перевороту — который России нужен: он только затормозит его...

После этих разговоров мы расходились по своим комнатам, по своим делам, по своим развлечениям...

Митя, говорят, был «картежником», т.е. любил играть в карты — и играл со своими друзьями-приятелями сверстниками и однокашниками — но я не помню, чтобы эта молодежь собиралась у него, в нашей общей квартире. Здесь собирались и играли только взрослые! Ведь кто в то время не играл в карты? Помимо клубов и серьезной игры — играли в каждом доме, в каждой семье! Даже в такой семье, как моя — Позняковы — у которой театр, чтение, выход новой книжки толстого журнала, появление нового произведения современного писателя, русского или иностранного, стояли на первом месте — время от времени собирались друзья «повинтить»! В других семьях интересы были более «азартные»: играли в покер!

Но все же игра в карты далеко не была единственным развлечением Мити: я встречала его, например, у общих знакомых — в семье Трахтенберг, где «игра» была совсем другого рода: это была семья необыкновенно музыкальная — все члены семейства играли на разнообразнейших инструментах — рояли, скрипке — а одна из дочерей, Роза, испробовав все инструменты, остановилась в конце концов на арфе! Но и кроме музыки там было всегда весело и приятно — и Митя там был частым и желанным гостем! Помню, с каким восторгом там встречали его приход! А меня, сознаюсь, занимал вопрос — кому из двух младших сестер — скрипачке или арфистке — он отдаст предпочтение? Одну из них, самую младшую — по прозвищу Тордозка, а по имени Маня — я очень любила, очень с ней дружила и продолжала встречаться

и позже — уже в Петербурге, куда она приехала и где поступила в консерваторию... Розу я знала меньше — и меньше ей симпатизировала. Две старшие сестры — обе пианистки — Соня и Фаня хотя и больше подходили мне по возрасту — были в это время уже заняты — кроме музыки — другими интересами. Но Митю там любили все!

Освобождение Мити из-под ареста казалось вполне естественным — хоть и запоздалым. Последствий этот арест за собой не повлек никаких — не было угрозы «суда и следствия», или исключения из университета, как это бывало в других случаях... Все кончилось как будто вполне благополучно! Заключение на Мите не отразилось нисколько — он ничего не рассказывал, ни на что не жаловался, был по-прежнему бодр и весел — и все пошло по старому...

«ПАРТИЯ — ЭТО Я»
БОГРОВ

А. МУШИН

Богровъ — до 25 августа 1911 г.

— — —

Начало сознательной жизни Богрова должно быть отнесено ко времени 1901—02 г.г., когда гимназистомъ пятаго класса — Богровъ воспитывался въ 1-ой кievской гимназiи — онъ сближается съ наиболее развитыми товарищами, подъ влiянiемъ которыхъ вступаетъ въ организацию средне-учебныхъ заведенiй, посещаетъ самообразовательные кружки, знакомится съ нелегальной литературой, участвуетъ въ практической дѣятельности (агитацин, пропагандѣ, руководствѣ забастовками) Въ гимназiи же опредѣляются его политическiя воззрѣнiя. Онъ рѣшительно отдаетъ свои симпатiи социалистамъ-революціонерамъ и тогда уже оказываетъ имъ разнаго рода услуги.

А. Мушин «Дмитрий Богров и убийство Столыпина». Предисловие В. Л. Бурцева, Париж, 1914, стр. 128-151.

А. МУШИН — псевдоним. Настоящее имя точно не известно. По одним источникам — Фридберг, по другим Сергей фон Вендрих, он же Федоров-Забрежный. В книге несомненно использованы материалы, вывезенные из России Владимиром Богровым, который в 1912-14 несколько раз ездил к своему отцу в Германию и Францию.

Подполье научаетъ его искусству конспираціи. Приходится скрывать свою дѣятельность отъ жандармовъ и родителей, которыхъ онъ очень любилъ и жалѣлъ. Родители — интеллигентные обыватели, чуждые политикѣ. И не разъ деньги, дававшіеся Богрову на завтраки и на карманные расходы, шли въ кассы организацій, о чемъ въ семьѣ никто не зналъ. Совершенно случайно родители узнали о его неблагонадежности, чему, впрочемъ, вѣры не придали. Во время поѣздки за границу у него жандармы произвели обыскъ, хотя ничего не нашли.

Въ маѣ 1905 года Дмитрій Богровъ окончилъ съ отличіемъ гимназію и осенью поступилъ въ кіевскій университетъ вполнѣ сформированнымъ соціалистомъ-революціонеромъ.

Студенческое движеніе интересовало его мало, въ университетъ онъ являлся только экзаменоваться. Во время забастовокъ собирался не одинъ разъ выступать, но лишь разъ удалось говорить: въ другое время болѣзнь и отлучка не дали ему этой возможности. На студенчество онъ смотрѣлъ только, какъ на арену для агитаціи.

Однако въ виду безпокойнаго времени, въ октябрѣ 1905 года, родители увезли его въ Мюнхенъ, гдѣ, поселившись съ братомъ, онъ отдался цѣликомъ чтенію книгъ. Здѣсь онъ съ интересомъ изучалъ и практику рабочаго движенія.

Когда начались погромы, онъ телеграфно умолялъ родителей, дать ему возможность получить отдѣльный паспортъ, такъ какъ „онъ не можетъ оставаться сложа руки за границей, когда въ Россіи избиваютъ людей“. Эта возможность, однако, ему дана не была.

Въ апрѣлѣ 1906 года Богровъ отправляется

въ Парижѣ. Въ іюнѣ въ Висбаденѣ и «Les
Avants», гдѣ живетъ съ родителями, а затѣмъ
въ августѣ того же года всѣ вмѣстѣ прѣвзжа-
ютъ въ Кіевъ и съ этого времени Богровъ
снова за с.р-ской работой. Но не надолго,
такъ какъ въ сентябрѣ 1906 года уѣзжаетъ
опять въ Мюнхенъ, гдѣ учится съ братомъ
въ университетѣ. Во время этой заграничной
поѣздки онъ знакомится съ анархо-синдика-
лизмомъ и въ концѣ ноября этого же года
возвращается въ Кіевъ уже поколебленнымъ
въ своихъ с.р-скихъ убѣжденіяхъ. Онъ скоро
переходитъ къ максималистамъ и съ начала
1907 года къ анархистамъ; анархистомъ онъ
остается до самыхъ послѣднихъ своихъ дней.
Осенью 1907 года, переутомившись, Богровъ
серьезно заболѣлъ, но черезъ три недѣли
оправился и взялся опять за работу. Дѣятель-
ность его скоро замѣчается охранкой, и въ
ноябрѣ она дѣлаетъ у него обыскъ, но ничего,
обнаруживающаго причастность Богрова къ
революціонной работѣ, не находитъ. Несмотря
на это за нимъ началась отчаянная слѣжка;
казалось вотъ вотъ его возьмутъ. Товарищи
совѣтовали ему уѣхать. II рождествомъ
1907 года онъ уѣхалъ въ Баку. Въ февралѣ
1908 года онъ вернулся въ Кіевъ и черезъ
нѣкоторое время принялся вновь за работу,
буквально не покладая рукъ.

Какова же была работа кіевской группы въ
дѣйствительности, насколько Богровъ былъ въ
ней освѣдомленъ и былъ въ ней самъ участ-
никомъ, видно изъ напечатанной имъ самимъ
корреспонденціи въ № 3 газеты „Анархистъ“.
II такъ какъ Богровъ признавался главарями
анархистовъ однимъ изъ виднѣйшихъ и серь-
езнѣйшихъ работниковъ кіевской группы надо
полагать, что изложенные въ этой корреспон-
денціи принципы, на которыхъ зиждилась кі-

евская работа, были приняты не безъ его вліянія.

Въ отношеніи взглядовъ кіевскихъ анархистовъ на экспропріаціи, можно смѣло сказать, что точка зрѣнія на нихъ Богрова, послѣ упорной борьбы съ мнѣніями другихъ товарищей, въ концѣ концовъ побѣдила. И такія явленія, какъ грабежъ у трамвайныхъ пассажировъ двухъ рублей 50 коп., которые тутъ же тратятся на извозчика, съ бѣшенною силой увозящаго экспропріаторовъ, болѣе не повторялась, какъ не повторялась и индивидуальная дѣлежка экспропріированныхъ денегъ.

„Въ настоящей замѣткѣ, писалъ Богровъ въ своей корреспонденціи, я намѣренъ выяснитъ тѣ принципы и основныя положенія, которымъ стремились слѣдовать работавшіе товарищи въ Кіевѣ, освѣтитъ внутренній процессъ организаціи кіевскихъ а.-к., не останавливаясь на положеніи мѣстной хроники движенія. не перечисляя временныя неуспѣхи и систематическія неудачи, которыя выпадали на нашу долю.

„Практика революціонной работы выдвинула цѣлый рядъ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Среди нихъ первое мѣсто занялъ вопросъ объ отношеніи къ экспропріаціямъ. Кіевъ не представлялъ исключенія изъ другихъ южныхъ городовъ. Въ немъ также оперировали группы экспропріаторовъ, употреблявшіе деньги на наличныя нужды своихъ членовъ и прикрывавшіеся именемъ анархизма. Даже въ средѣ болѣе или менѣе идейной, изъ которой впоследствии вышли энергичные работники, развился чрезвычайно духъ „компромисса“.

„Совершавшіе экспропріацію выговаривали на свои личныя нужды извѣстный процентъ съ экспропріированныхъ денегъ и т. д.

„Анархисты - Коммунисты Кіева, категорически отвергли всякое содѣйствіе къ улучшенію матеріальнаго положенія товарищей, путемъ денежныхъ экспропріацій на томъ основаніи, что такая экспропріація есть ничто иное, какъ переходъ денегъ отъ одного собственника къ другому и что она не имѣетъ никакого революціоннаго значенія.

„Всѣ члены Кіевской группы заранѣе отказались отъ пользованія экспропріированными деньгами на личныя нужды, предназначая ихъ исключительно въ распоряженіе группы для продолженія и расширенія дѣятельности.

„Затѣмъ Кіевской группѣ пришлось остановиться на анализѣ тѣхъ основаній, которыя побуждали отдѣльныя группы рабочихъ, обыкновенно въ моментъ обостренія экономической борьбы, обращаться къ ней (къ группѣ) съ просьбой объ изъятіи того или иного представителя или доблестнаго защитника капитала. Разсмотрѣвъ подробно этотъ вопросъ, группа пришла къ тому выводу, что такія обращенія за „услугами“ (иногда даже ради личной мести) носятъ исключительно утилитарный характеръ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ террористическихъ выступленій слѣдовало увольненіе рабочихъ, закрытіе предприятий и пр., та же самая масса, въ которой отзывчивые товарищи готовы были видѣть друзей анархизма, немедленно обращались въ его враговъ, что наконецъ нѣкоторые акты такого экономического террора не являются такими террористическими выступленіями, которые наиболѣе разрушающе дѣйствуютъ на современный строй и наиболѣе развиваютъ соціально-революціонное движеніе, — на основаніи всего этого группа рѣшила принимать участіе лишь въ такихъ актахъ экономического террора, которые не идутъ въ разрѣзъ съ за-

дачами анархическаго движенія и его такти-
ческими приёмами.

„По вопросу объ отношеніи къ профессио-
нальному движенію, группа приняла способъ
воздѣйствія на него извнѣ, не входя въ его
профессиональные союзы членами, на томъ ос-
нованіи, что борьба за лучшія условія прода-
жи трудовой силы лежитъ вполнѣ въ сферѣ
современнаго буржуазнаго общества, что она
не является революціонно-насильственной борь-
бой рабочаго класса, направленной на унич-
тоженіе власти и капитала. Наконецъ въ во-
просѣ о террорѣ Кіевская группа отказалась
отъ классификаціи его на „мотивный“ и „без-
мотивный“, считая, что всякій актъ классоваго
революціоннаго протеста достаточно мотиви-
руется всѣмъ укладомъ современной буржуаз-
ной жизни.

„Поэтому при выполненіи того или иного
террористическаго акта, направляемаго про-
тивъ класса эксплуататоровъ, — представите-
лей власти и капитала — приходится его раз-
сматривать только лишь съ точки зрѣнія *классо-
вой* целесообразности въ *данной моментъ*.

„Въ февралѣ состоялся процессъ въ кіев-
скомъ военно-окружномъ судѣ по дѣлу о кіев-
ской группѣ ан.-ком., были приговорены: Пса-
акъ Дубинскій и Наумъ Тышъ къ 15 годамъ
каторги, Германъ Сандомірскій къ 8-ми годамъ
каторги, Ульяна Кравецъ, Берта Скловская и
Хана Будянская къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы, Эд-
гаръ Хорнъ (онъ же Эндель Шмельте) къ 5
годамъ 8 мѣсяцамъ каторги, Петръ Лятковскій
къ 2 годамъ тюрьмы. Ксенія Терновецъ была
оправдана.

„Ульяна Кравецъ, Берта Скловская и Хана
Будянская сейчасъ же послѣ приговора были
освобождены, вслѣдствіи зачета предваритель-
наго заключенія“.

Богровъ за этотъ періодъ — съ весны 1908
года до осени — работалъ усиленно. Пере-
утомившись, онъ хватался за голову, жалучься

на разсѣянность, на слабую работу памяти. Товарищи убѣждали его дѣлать передышки, но тщетно. Съ видомъ загнаннаго волка онъ продолжалъ работать, со дня на день откладывая отъѣздъ „на поправку“.

Въ это время и случись бѣда. Ночью, на площади передъ городскимъ театромъ его арестовали, а въ квартирѣ былъ произведенъ Кулябкой обыскъ, не давшій никакихъ результатовъ. Это было въ ночь на 10 сентября 1908 года (замѣчательная игра судьбы: катастрофа 1911 года произошла въ томъ же мѣсяцѣ, въ томъ же часу и въ томъ же мѣстѣ). Въ участкѣ онъ просидѣлъ около трехъ недѣль и въ концѣ сентября былъ освобожденъ послѣ усиленныхъ хлопотъ отца передъ высшей администраціей.

Однако, послѣ своего освобожденія, Богровъ все время боялся показываться на людныхъ мѣстахъ, въ особенности на вокзалахъ. Его беспокоила мысль, не держитъ ли его охранка „для разводки“ и у него не было увѣренности, что его не возьмутъ снова. Онъ замѣтилъ, что слѣжка за его домомъ продолжается.

Вскорѣ положеніе Богрова еще болѣе осложнилось. Освобожденіе его вызываетъ противъ него со стороны нѣкоторыхъ товарищей, находившихся въ тюрьмѣ, усиленные подозрѣнія въ... провокаторствѣ. Богрова это страшно тяготитъ. При одномъ свиданіи съ редакторомъ „Чернаго Знамени“, онъ жалуется ему на молву о прикосновенности его къ охранѣ. И хотя, по правиламъ конспираціи, освобожденный долженъ скорѣе удирать изъ мѣста, гдѣ былъ арестованъ, Богровъ откладываетъ свой отъѣздъ до того времени, пока товарищи не снимутъ съ него подозрѣнія, которыя и разсѣиваются послѣ взаимныхъ объясненій. Въ тюрьмѣ состоялся товарищескій судъ, совершенно оправдавшій Богрова отъ всякихъ подозрѣній и признавшій слухи о немъ вздорными. Резолюція суда была передана Богрову.

Вскорѣ, въ октябрѣ того же года Богровъ уѣхалъ за границу по паспорту, полученному помимо охраннаго отдѣленія, съ разрѣшенія вице-губернатора Чихачева. Богровъ направился сперва въ Меранъ, съ матерью, для поправленія здоровья, къ этому времени разстроившемуся окончательно, а затѣмъ поселился въ Лейпцигѣ, гдѣ готовился къ университетскимъ экзаменамъ и на ряду съ этимъ не забывалъ революціоннаго дѣла. Последнее заставляло его жить по-долгу въ Львовѣ, о чемъ родители ничего не знаютъ. Последняя его поѣздка въ Львовъ датируется съ 4 го по 20 ое декабря 1909 года. Два раза онъ наѣзжалъ и въ Россію.

Въ январѣ 1909 г. Богровъ изъ Лейпцига уѣзжаетъ въ Парижъ и проводитъ здѣсь остатокъ зимы. Цѣлью его поѣздки сюда является отчасти желаніе окончательной ликвидаціи взведенныхъ на него въ Кіевѣ подозрѣній. Онъ привезъ съ собою резолюцію суда съ намѣреніемъ напечатать ее въ одномъ изъ анархистскихъ органовъ. Однако послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ съ видными анархистскими работниками и редакторомъ „Анархиста“, бывшими въ то время въ Парижѣ, рѣшено было эту резолюцію не печатать, такъ какъ по ихъ мнѣнію, это была бы не ликвидація, а раздуваніе въ сущности ничтожнаго дѣла. Товарищи убѣдили Богрова, что о его дѣлѣ знаетъ только десятокъ лицъ и тѣ считаютъ его дѣло настолько пустяшнымъ, что не придають ему ровно никакого значенія, а если бы онъ настоялъ на напечатаніи резолюціи, то о дѣлѣ узнали бы всѣ и тогда, какъ бы исторія не была ликвидирована, какойнибудь скверный осадокъ все-таки остался бы, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ. На этомъ и было покончено.

Въ Парижѣ, Богровъ, кромѣ разговоровъ по своему дѣлу, имѣлъ очень частыя бесѣды съ товарищами и на другія темы. Въ разговорѣ съ редакторомъ одной изъ анархистскихъ газетъ, онъ, между прочимъ, затронулъ вопросъ и о террорѣ. И тогда онъ признавалъ необходимость центрального террора, и на замѣчаніе редактора, что какъ бы къ террору не относиться, у анархистовъ нѣтъ для центральныхъ актовъ подходящихъ людей (Богрова онъ считалъ подходящимъ, но другихъ такихъ почти никого не зналъ), Богровъ отвѣтилъ, что все-таки убить Николая или Столыпина нужно.

Весной того же года — въ началѣ мая — Богровъ возвращается въ Кіевъ и продолжаетъ готовиться къ экзаменамъ. Съ товарищами боится встрѣчаться, такъ какъ въ то время свирѣпствуетъ неимоверная провокація и провалы. Онъ узнаетъ, что среди кіевскихъ бывшихъ его товарищей страшная деморализація, ни на кого нельзя положиться, группы разгромлены и ихъ пришлось бы снова собирать.

Съ этого времени онъ уходитъ отъ партійной дѣятельности и живетъ обывательской жизнью обыкновеннаго молодого человека его положенія. Онъ не чурается и чуждыхъ ему сферъ, наоборотъ, интересуется людьми и жизнью, стоящими слишкомъ далеко и отъ его настоящаго и отъ его идейныхъ взглядовъ. Вотъ почему Богрова можно было встрѣтить въ часы досуга и въ такихъ зачумленныхъ для каждаго порядочнаго человека мѣстахъ, какъ союзническіе клубы: „Коммерческій“, „Охотничій“, „Домовладѣльческій“.

Здѣсь онъ встрѣчалъ, быть можетъ, и тѣхъ, кого одурачилъ 1-го сентября, и тѣхъ, кто взялъ на память по куску веревки въ ночь на 12 сентября. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подоб-

ныхъ мѣстахъ онъ не проявлялъ ни своихъ симпатій, ни убѣжденій: онъ шелъ наблюдать и развлекаться. Но вся эта бессодержательная жизнь и своего и посторонняго круга не могла его, само собою разумѣется, удовлетворять, и когда первый интересъ къ ней пропалъ, онъ уже сталъ тяготиться ею.

24 июня, въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей, онъ, между прочимъ, говоритъ объ этой полосѣ его жизни. „Я не понимаю, какъ я такъ долго могъ жить въ чуждой мнѣ сферѣ. Въ этомъ отношеніи мое несчастье именно въ томъ, что я слишкомъ приспособляюсь ко всякой обстановкѣ. Это хорошо и удобно, когда есть своя особенная, отдѣльная для всѣхъ закрытая жизнь, но это развращаетъ тогда, когда живешь безъ жизни“.

Въ сентябрѣ Богровъ держитъ предварительные экзамены и готовится къ окончательнымъ. Жизнь для него въ Кіевѣ становится все тяжелѣе и тяжелѣе, осложняясь личными неприятностями.

„Я не могу тебѣ описать — пишетъ онъ своему другу 5 октября — всѣхъ неприятностей, которыя меня доводили одно время до бѣшенства: да и вообще, что за охота жить со связанными руками, для меня это не жизнь. Правда, уѣхать изъ Кіева я могъ бы еще мѣсяць тому назадъ и даже за границу, но во-первыхъ, это было бы сопряжено съ отложеніемъ экзаменовъ на май 1910 года и слѣдовательно разрывъ съ Кіевомъ опять отложится...“ Затѣмъ Богровъ пишетъ о второй причинѣ невозможности уѣхать изъ Кіева, о которой мы упоминали уже раньше (нежеланіе лишать содержанія ни одного изъ пенсіонеровъ отца). Поэтому, пишетъ онъ далѣе, „я отказался отъ мысли о поѣздкѣ. Теперь для меня, слѣдовательно, осталось одно — кончить

во что бы то ни стало въ декабрѣ и этимъ развязать себѣ руки...“

О планахъ Богрова на будущее (какъ далеки они были отъ тѣхъ, которые потрясли 1 сентября 1911 года всю Россію!) онъ говоритъ тому же лицу въ письмѣ отъ 8 декабря.

„... Ты спрашиваешь, что слышно у меня, что я думаю дѣлать по окончаніи и т. п. Теперь я болѣе или менѣе увѣренъ, что благополучно пройду экзамены и къ концу февраля буду свободнымъ гражданиномъ, имѣющимъ повсемѣстное право жительства. Вопросъ куда приткнуться. Вопросъ конечно не изъ легко разрѣшимыхъ. Очевидно, что легче всего устроиться гдѣ-нибудь въ глуши, но не въ какомъ-нибудь болотѣ Евр. Россіи, а въ столицѣ Сибири... Но затрудненія возникаютъ въ слѣдующемъ отношеніи. Разъ ѣдешь въ такую чертову даль, то надо тамъ и самостоятельно стать на ноги; между тѣмъ университетъ выпускаетъ меня безъ всякихъ практическихъ свѣдѣній и я первое время буду довольно бесполезнымъ членомъ адвокатскаго сословія. Интересно пріѣхать туда уже готовымъ юристомъ. Возможно, что я на будущій годъ именно съ этой цѣлью поѣду въ Москву, тамъ у меня есть юридическіе родственники, а уже потомъ устремлюсь на Востокъ. Вотъ какъ вырисовывается моя біографія...“

Въ февралѣ 1910 года Богровъ кончаетъ университетъ, а въ апрѣлѣ этого же года, окончивъ съ воинской повинностью, отъ которой онъ по близорукости былъ освобожденъ, и приписавшись 3 апрѣля къ присяжному повѣренному Крупнову помощникомъ, уѣзжаетъ въ Петербургъ, такъ какъ здѣсь знакомый его отца черезъ послѣдняго предлагаетъ Богрову мѣсто въ обществѣ для борьбы съ фальсифи-

каціей пищевыхъ продуктовъ.* Кромѣ того, въ Петербургѣ положеніе адвоката-еврея благопріятнѣе, нежели въ Кіевѣ или даже въ Москвѣ.

Здѣсь онъ превращается въ трудящагося чиновника. Прекрасно владѣя французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ языками, онъ, помимо обязанностей службы, занимается переводомъ иностраннаго законодательства на русскій языкъ (трудъ, который былъ имъ представленъ факультету и за который онъ былъ награжденъ кандидатскимъ дипломомъ первой степени). Но главное его занятіе не переводы и не служба, а просиживание часами въ судѣ. Вотъ письмо, какъ разъ трактующее о его занятіяхъ въ Петербургѣ и о будущихъ перспективахъ.

„Разстался я съ Кіевомъ, пишетъ онъ, безъ всякаго сожалѣнія, немедленно послѣ окончанія экзаменовъ и освобожденія отъ воинской повинности. Теперь наконецъ у меня развязаны руки, хотя долженъ сознаться онъ довольно нелѣпо болтаются по обѣ стороны моего организма. Думаю заниматься уголовными дѣлами. Попечительное правительство все равно не дастъ свидѣтельства на право веденія гражданскихъ дѣлъ. Интересъ у меня именно къ криминалистической дѣятельности громаднѣй. Въ послѣднее время я ежедневно по нѣсколько часовъ высиживаю въ судѣ въ качествѣ слушателя. Но хотя и были возмож-

* Точное названіе учрежденія, в котором Богров с апреля по ноябрь 1910 г. занимал должность помощника секретаря: Комитет по борьбе с фальсификацией пищевыхъ продуктовъ при Санитарно-техническомъ институтѣ. Секретаремъ комитета и, одновременно, директоромъ института былъ родственникъ Богрова Семенъ Леонидовичъ Рашковичъ; на его квартирѣ (Невскій проспектъ, 23) располагались и институтъ, и комитетъ.

ности, не рѣшался еще выступить въ отвѣтственной роли защитника...”

Къ службѣ своей Богровъ относился про-нически, не считая ни ее, ни самое общество, въ которомъ онъ служилъ, серьезными. Но все таки это былъ заработокъ и, кромѣ того, служба давала ему возможность имѣть дѣло съ высшими представителями „сильныхъ міра сего“, а это его интересовало какъ возможность встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу. Передъ Богровымъ проходили, какъ въ калейдоскопѣ, графы Бобринскіе, Коковцевы, Столыпины, не подозрѣвавшіе, что молодой изящный секретарь ихъ бюрократическаго комитета — ихъ злѣйшій и убѣжденнѣйшій врагъ.

Помимо названныхъ занятій, въ стремленіи своемъ какъ можно скорѣе прочно встать на собственныя ноги, къ серединѣ періода его петербургскаго пребыванія онъ сталъ строить и различные коммерческіе проекты.

„... Довольно прочно я засѣлъ въ Петербургъ — пишетъ онъ объ этомъ времени. — Работаю очень много. Влѣзь въ милліоны самыхъ разнообразныхъ комбинацій, которыя пока очень слабо питаютъ меня, но когда-нибудь это будетъ „что-нибудь въ особенності“. Имѣю въ день только 2-3 часа, когда мнѣ никто не дуритъ голову, и я совершенно одинокъ, это часы моего адвокатскаго пріема...”

Вообще же на досугахъ Богровъ проводилъ время въ игрѣ въ карты, посѣщалъ театры, скачки и увеселительныя мѣста и т. п., любилъ проводить время и въ обществѣ женщинъ. Впрочемъ никто изъ его петербургскихъ друзей не можетъ удостовѣрить, чтобы его развлеченія походили на разгулъ, ни даже на широкое кутежничество. Правда, бывало временами онъ увлекался карточной игрой и проигрывался настолько, что ему приходилось

иногда прибѣгать къ кредитнымъ комбинаціямъ. Но вообще получаемого на службѣ содержанія и присылаемыхъ родителями 75 р. въ мѣсяць ему совершенно достаточно было на свою личную жизнь.

Всѣмъ, кто интересовался причиной его отреченія отъ политики, онъ давалъ отвѣты, что его это перестало интересовать. Правда, случайно ему пришлось разъ-другой оказать кому-то какую-то услугу въ области политики, но значеніе всего этого ничтожно.

Петербургская жизнь, однако, скоро утомляетъ его, и безъ того хрупкаго человѣка, склоннаго къ туберкулезу. По совѣту своего брата Владимира и по настоянію родителей онъ возвращается 22 ноября въ Кіевъ, проживъ въ Петербургѣ около восьми мѣсяцевъ, съ маленькимъ перерывомъ въ іюнь, когда онъ на двѣ недѣли отлучился въ Москву.

„Петербургъ порядочно подкузьмилъ мое здоровье — пишетъ онъ 1 декабря изъ Кіева. Почему не знаю. А такъ какъ какія-нибудь боли въ спинѣ или расстройство желудка прежде всего отражаются на психикѣ, то я сталъ отчаяннымъ неврастенникомъ. Слава Богу, впрочемъ, что у меня остался еще цѣлый запасъ фразъ, которыя можно сказать въ томъ или другомъ случаѣ жизни, и потому моя репутація „веселаго малаго“, „хохмача“ еще не окончательно подорвана. Въ общемъ же все мнѣ порядочно надоѣло и хочется выкинуть что-нибудь экстравагантное, хотя и не цыганское это дѣло...“

Все его пребываніе въ Кіевѣ проходитъ подъ тяжестью этого угнетеннаго настроенія, которое чѣмъ дальше, тѣмъ больше томить его.

„Нѣтъ никакого интереса къ жизни. Ничего, кромѣ безконечнаго ряда котлетъ, которыя мнѣ предстоитъ скушать въ жизни. И то,

если моя практика это позволить. Тоскливо, скучно, а главное одиноко...“, пишет онъ въ письмѣ отъ 13 декабря.

22 декабря онъ бросаетъ Кіевъ и отправляется за границу. Проводить всю зиму въ Ниццѣ, куда прѣзжаютъ и родители; очень много читаетъ, работаетъ и учится; въ свободное время играетъ въ карты и пр., посѣщаетъ Монте Карло. Его настроеніе немного разсѣивается.

Но вотъ однажды онъ проигрываетъ очень крупную для него сумму въ 4000 фр. Этотъ проигрышъ не только сильно подрываетъ его матеріальное положеніе, но и угнетаетъ и заставляетъ снова и снова оглянуться вокругъ себя и заняться болѣе глубокимъ анализомъ своей жизни. Какъ онъ ни любилъ жизнь, но онъ все таки чувствовалъ въ ней послѣ оставленія анархистской работы, такой пробѣль, который онъ ничѣмъ заполнить не могъ и который теперь остро напомнилъ о себѣ, связавшись съ общимъ вопросомъ о смыслѣ жизни. Но никому о своихъ внутреннихъ переживаніяхъ, о своемъ самочувствіи, онъ не говоритъ и внѣшне не показываетъ ничѣмъ, что въ немъ происходитъ борьба. Онъ только вскользь замѣчаетъ, встрѣчавшему его въ Ниццѣ товарищу, что его тяготитъ обстановка здѣшней жизни, что онъ съ удовольствіемъ бы ее оставилъ, если бы ему не надо было ее поддерживать, главнымъ образомъ, изъ-за положенія родителей.

Въ такомъ подавленномъ состояніи онъ возвращается съ родителями въ февралѣ 1911 г. въ Кіевъ. Родители настояли на томъ, чтобы онъ и оставался въ Кіевѣ. Здѣсь онъ ведетъ такой же образъ жизни, какъ и въ Ниццѣ, но, кромѣ всего, занимается еще кропотливымъ адвокатскимъ трудомъ; повидимому, очень

тяготится своимъ безправіемъ, однако, креститься не хочетъ „принципіально“, по его же словамъ. Угнетенное состояніе этимъ усиливается, но главное, что терзаетъ его душу — это все та же неудовлетворенность жизнью.

22 іюня 1911 г. Богровъ уѣзжаетъ съ родителями на дачу подъ Кременчугъ, въ „Потоки“ (6—8 час. отъ Кіева), гдѣ проводитъ время до 5 августа, когда вмѣстѣ съ родителями же возвращается въ Кіевъ.

12 августа родители его уѣзжаютъ за границу и только материнское сердце учуяло въ сынѣ что то смутно-безпокойное, неопредѣленно-гнетущее.

— Митя, такъ ничего не случится? Могу я ѣхать спокойно?

— Да что это тебѣ, мама, все кажется. Конечно можешь.

Родители уехали. 17 августа уехали въ Петербургъ и старшій братъ Богрова, Владиміръ.

18 августа отецъ получилъ отъ Дмитрія длинное дѣловое письмо, детали котораго могли только укрѣпить его въ увѣренности, что дома все благополучно.

„Дорогой папа, — пишетъ Богровъ. — Вчера домъ опустѣлъ. Уехали Володя и Вѣра. Впрочемъ за послѣдніе дни я такъ забѣгался, что почти ихъ не видалъ. У меня есть комбинація, по поводу которой я хотѣлъ тебѣ даже телеграфировать, но потомъ предпочелъ написать. Дѣло въ слѣдующемъ. Черезъ близко знакомаго газетнаго сотрудника М. я познакомился съ нѣкоторыми инженерами Гор. Думы. Одинъ изъ нихъ беретъ устроить большой заказъ на водомѣры на 12.500 руб., но при этомъ, конечно, требуетъ куртажъ въ размѣрѣ 400 рублей.

При этихъ условіяхъ на долю мою и моего компаньона остается по 900 рублей заработка. Какъ на зло Ш. нѣтъ въ Кіевѣ. Риска въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ никакого, но требуется деньги передать въ третьи руки. Право выбора лица предоставлено мнѣ съ согласія, конечно, инженера. Я предлагаю сдѣлать слѣдующее: 400 р. передать NN. (кроме

того, что онъ вообще безусловно порядочный человекъ, онъ держитъ деньги на текущемъ счету. N и такимъ образомъ безъ него получить ихъ не можетъ). M. выдастъ мнѣ росписку, по которой обязуется черезъ 6 недѣль вернуть деньги мнѣ, или же, если въ теченіе этихъ 6 недѣль заказъ будетъ сдѣланъ городомъ по опредѣленнымъ въ прейскурантѣ цѣнамъ, выдать ихъ инженеру. Если заказъ будетъ сдѣланъ на меньшую сумму, то куртажъ уменьшается пропорціонально. Денегъ я не хочу передавать M., ибо нужно избѣгать огласки. Я надѣюсь, что ты, папа, согласишься на это и повѣришь моей опытности. По этому дѣлу отвѣть телеграфно.

Неприятный сюрпризъ произошелъ на слѣдующій день послѣ твоего отъѣзда — принесли повѣстку по дѣлу П. Засѣданіе назначено на 19 сентября. Я повѣстки пока не принялъ, а отправился въ судъ, но, увы, отложить дѣло никакъ нельзя. Думаю, что лучше всего будетъ написать П. о присяжкѣ другой довѣренности, или же, если считать это удобнымъ, напishi K. можетъ быть онъ согласится довѣрить твою подпись на передовѣріе.

Дома все въ порядкѣ. P. внесъ деньги въ Общ. Вз. Кред., извинился за опозданіе и выражалъ полную готовность внести за слѣдующій срокъ на мѣсяць раньше. Ф. тоже перебрался. Страшно нудятъ со всякой мелочью. Успокой маму насчетъ билетовъ. Отъ дѣдушки было письмо и переводъ т. Манѣ 300 р.

Новостей больше никакихъ.

Цѣдую крѣпко. Митя.

P. S. Цѣлая исторія изъ за ванны у P. M-мъ P. настаиваетъ на бѣлой эмалированной ваннѣ. О поставленной же слышать не хочетъ, боясь заразы, такъ какъ ванна отъ П. Идіотка страшная. Можно ли ей предложить поставить свободную мѣдную ванну?

На самомъ же дѣлѣ Вогровъ работалъ надъ своимъ замысломъ и къ 25 августа послѣдній уже созрѣлъ.

Приближался моментъ его реализаціи.

Г. САНДОМИРСКИЙ

„Быль ясный сентябрьскій день 1907 г. — одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ, подернутыхъ легкой дымкой тумана, дней, которыми такъ богата южная осень. Въ условленномъ мѣстѣ, въ одной изъ нишъ университетскаго корридора, въ Кіевѣ, меня ждалъ Дмитрій, — высокій худощавый, стройный молодой человекъ, съ лицомъ безъ растительности, если не считать едва пробивавшихся усиковъ, съ умными, карими глазами, вдумчиво смотрѣвшими на окружающее сквозь стекла пенснэ въ черепашковой оправѣ. На немъ была щегольская тужурка, узкія форменныя рейтузы; свѣжій, высокій воротничекъ былъ обтянутъ форменнымъ чернымъ галстухомъ. Съ перваго взгляда его можно было принять за „бѣлоподкладочника“, — академиста или „кадета“ — два новыхъ типа, усиливавшихъ реакцію. Мы оба слышали другъ о другѣ, но до сихъ поръ намъ не приходилось работать вмѣстѣ.

Из статьи «Две смерти — две загадки», включенной в кн.: А. Мушин «Дмитрий Богров и убийство Столыпина». Впервые эта статья, под псевдонимом автора Ан. Колосов, опубликована в журнале дореволюционной сибирской каторги «Тюремная мысль»; впоследствии она легла в основу статьи Г. Сандомирского «К вопросу о Дмитрии Богрове», журнал «Каторга и ссылка», кн. 123, 1926, стр. 11-34.

Герман Борисович САНДОМИРСКИЙ (1882-?) — анархист-коммунист, после Октября перешел к большевикам, заведовал отделом Балканских стран Наркомата иностранных дел, в 1922 входил в состав советской делегации на Генуэзской конференции. В 1936 арестован вместе с женой и бесследно исчез в сибирских лагерях.

„Съ первыхъ же словъ Дмитрій заговориль о состояніи дѣлъ въ Кіевѣ. Группа а.-к. съ 1906 г. не могла оправиться отъ казней, арестовъ, высылкъ, обрушившихся на нее въ такомъ изобиліи. Если имѣлись кой-какія силы, онѣ были разбросаны, не организованы. Изъ разныхъ городовъ доносились извѣстія о томъ, что подъ знаменемъ анархизма-коммунизма выступаютъ темные элементы, ничего общаго ни съ анархизмомъ, ни съ коммунизмомъ не имѣющіе. Бороться съ этимъ явленіемъ отдѣльнымъ личностямъ невозможно. По мнѣнію Дмитрія, нужно было бы объединиться въ Кіевѣ въ одну сильную группу, которая, прежде всего, отмежевалась бы отъ всѣхъ сомнительныхъ элементовъ и затѣмъ, рядомъ планомѣрныхъ выступленій, широкой агитаціонной и пропагандистской работой, заявила бы о себѣ, какъ объ организациі людей, по праву присвоившихъ себѣ имя анархистовъ-коммунистовъ. Я только что пріѣхалъ въ Кіевъ и мнѣ отраднo было узнать отъ Дмитрія, что кружковая работа не прекращалась даже въ самыя тяжелыя для группы времена. Кружки каретниковъ, булочниковъ и др. были разгромлены, но отдѣльныя лица продолжали работу. Мы обмѣнялись всѣмъ, что знали о состояніи работы въ Россіи вообще, въ кіевской и ближайшихъ губерніяхъ въ частности. Разговоръ перешель на анархистскую литературу. Взгляды Дмитрія ближе всего подходили къ „Бунтарю“ и „Буревѣстнику“. Мы обмѣнялись еще всѣми, имѣвшимися у насъ въ Кіевѣ связями и назначили время перваго собранія новой группы. Дмитрій показалъ мнѣ гектографическій листокъ вновь образовавшейся харьковской группы а.-к. и предложилъ выпустить такой же листокъ и намъ. Въ живомъ безо-

рядочномъ разговорѣ, въ которомъ намъ обоимъ хотѣлось излить всѣ думы и переживанія, накопившіяся за время „разгрома“, прошло 2—3 часа. Мимо насъ проносились оживленныя группы студентовъ, обсуждавшихъ университетскія дѣла (времена были для университета бурныя), открывались и захлопывались съ шумомъ двери аудиторій, гдѣ въ тотъ день состоялось нѣсколько курсовыхъ сходовъ. Въ корридорѣ становилось многолюдно и шумно. Вдругъ сквозь дымку тумана проглянуло яркое солнце и озолотило верхушки деревьевъ въ саду. Мы рѣшили пройти въ садъ. Деревья роняли уже пожелтѣвшія листья, и аллеи сада были усыпаны ими. Въ первое свиданіе я разстался съ нимъ на скамьѣ университетскаго сада, ободренный и успокоенный. Дмитрій произвелъ на меня впечатлѣніе энергичнаго, преданнаго дѣлу работника. Разговоръ почти не выходилъ изъ рамокъ тѣхъ вопросовъ, которые въ то время волновали большинство русскихъ анархистовъ. Дмитрій говорилъ живо, увлекательно, временами пересыпая свою рѣчь блестящими юмора, но не покидалъ дѣлового тона и меньше всего производилъ впечатлѣніе фразера. „Съ такимъ не пропадешь“, — радостно думалъ я.

Б. СТРУМИЛЛО

После смерти Богрова 11 сентября 1911 г., в «Будущем», издававшемся Бурдевым в Париже, появляется ряд статей о Богрове. В № 9 в статье «Богров и дело 1-го сентября» от 17 декабря 1911 г. говорится, что редакцией получены из России сведения о деле Богрова. Один из корреспондентов настаивает на пересмотре вопроса о том, служил ли Богров в охранке. Факт получения билета из охранки, по его мнению, еще ничего не говорит... Другие корреспонденты удостоверяют факт служения Богрова в охранке, но указывают, что роль его там была совершенно своеобразная. Бурдев рассказывает, что Богров был арестован в Киеве в половине 1908 года — ему грозила многолетняя каторга. Он согласился стать агентом охраны и был через две недели освобожден. Свобода была куплена ценою выдачи товарищей. Вся передышка отразилась на Богрове, он заболел, поехал почти на год за границу, потом вернулся в Киев, окончил университет, записался в киевскую адвокатуру; потом переехал в Петербург, где работал у прис. повер. Кальмановича.

Хотя первый арест Богрова был по делу сод.-рев., но он по своим убеждениям был анархистом-индивидуалистом. «Он поражал всех своим знающим, начитанностью, талантливостью натуры, горячностью, глубокими революционными убеждениями, но в то же время все постоянно видели в нем спортсменские наклонности и вкусы. Это говорило о двойственности его натуры. Она у него и была двойственна. Как оказывается, он в одно и то же время жал руку и Кулябкам и Спиридовичам и в то же время страстно отдавался революционной борьбе».

Из дальнейшего можно увидеть, что сомнения в Богрову окончательно рассеяны, он — провокатор, сотрудник киевского охранного отделения. Помимо сообщений компетентных охранников в делах департамента полиции (в деле № 124-а департамента полиции, особого отдела «о покушении на жизнь господина министра внутренних дел П. А. Столыпина») находил телеграмму на имя директора департамента полиции помощника киевского губернского жандармского управления полковника Шредела от 2 сентября 1911 г.

«Первого сентября во время антракта торжественного спектакля при высочайшем присутствии рапорт двумя пулями браунинга председатель совета министров статс-секретарь Столыпин; врачи опасаются повреждения печени; преступник задержан; передан судебным властям. № 17900».

В нижнем правом углу телеграммы чернилами написано:

«Г. Директор приказал телеграфировать, что по сведениям полк. Коттепа (нач.-ка слоб. охранки) — Богров был секретным сотрудником киевского охранного отделения». Того же 2 сентября 1911 г. директор департамента полиции Зуев шлет телеграмму в Киев товарищу министра (внутренних дел) гсп.-лейтенанту Курлову:

Из статьи «Материалы о Дм. Богрове». Журнал «Красная летопись», №9, 1923, стр. 177-189 и №1(10), 1924, стр. 226-240.

Борис Иванович СТРУМИЛЛО — до революции чиновник Петроградского отделения Государственного банка; после Октября профессор высших учебных заведений Ленинграда.

«Лично е. По сведениям полковника Коттена, киевское охранное отделение в июле прошлого (1910) передало Петербург своего секретного сотрудника помощника присяжного поверенного Богрова, кличка «Олейников» Точка. Богров не дал никаких сведений и декабре прошлого года сношения с ним были прекращены, Богров уехал за границу, юг Франции, откуда январем обращался полковнику Коттену о высылке денег, последние были посланы, но возвращены банком за неустребованьем».

В дополнение к своей телеграмме, о событиях в Киеве 1 сентября, начальник киевского охранного отделения Кулябко сообщал о Богрове (Дело деп-та полиции, 7-го делопр., 1911 г., № 1902, о Дмитрие Григорьеве Богрове):

«Дмитрий Богров состоял сотрудником отделения по группе анархистов-коммунистов под кличкой «Аленский» с конца 1906 г. по апрель месид 1910 г., когда он выбыл в Петербург...»

Справка же о Дмитрие Богрове гласит:

«В декабре 1905 г. в бытность студентом университета св. Владимира в Киеве, Богров, по агентурным указаниям начальника киевского губернского жандармского управления, доставлял мешанину Фридиану тук с нелегальными изданиями, прося его распространить среди крестьян. О Фридиане было возбуждено дознание. В 1908 году, уже состоя охранником и, принадлежа к группе киевских анархистов-коммунистов, Богров, при ликвидации (так назывались аресты на языке охранки) группы, был подвергнут обыску, но по безрезультатности такового арестован не был. По агентурным сведениям, Богров в мае 1909 г. получил из Парижа два письма, в-котором его просили, если возможно, сообщить по телеграфу адрес для присылки нелегальной литературы, которая уже была отправлена в Россию, и, кроме того, просили дать явку киевской группе...»

В своем показании следователю по особо важным делам Феенко Богров признает, что «он разъяснил» дело Мержевской, подготовившей покушение на жизнь государя в 1909 г. Выданная Богровым и арестованная 11 октября 1909 г. в Киеве Мержевская пробыла в заключении, подвергалась исследованию психических способностей, и хотя дело о «покушении» было прекращено за недостатком улик, Мержевская 28 ноября 1911 г., по постановлению особого совещания, была выслана в Якутскую область на 5 лет, как «изобличенная в принадлежности к образовавшейся в Париже автономной боевой группе, оставившей целью царевубийство».

В 1907 году Мержевская-Любинская была заграницей. Заведующий заграничную агентурю устанавливает за ней тщательное наблюдение. Выясняется, что Мержевская играет крупную роль в партии соц.-рев. Это последнее обстоятельство подтверждается агентурными сведениями Богрова-Аленского, подробно сообщавшего жандармам 11 сентября:

«Сегодня в Киев из Севастополя пришла Мержевская и остановилась в доме № 5 по Трехсвятительской улице. Мержевская рассказала, что отколовшаяся от Центрального Комитета группа соц.-рев. командировала из Парижа в Севастополь отряд для совершения террористического акта против государя в день прибытия его в Севастополь. В состав этого отряда вошла, будто бы, и Мержевская, которая должна была находиться в числе публики с букетом цветов со вложенной внутри его бомбой, предназначенной для метания во время высочайшего проезда. По ее словам, все было подготовлено вполне, но Мержевская, прибывшая из Парижа в Россию через Александров, опоздала в Варшаве на поезд, не попав, благодаря этому, своевременно в Севастополь, почему упомянутый террористический акт не состоялся и был отложен. По ее же словам, она прожила в Севастополе трое суток в одной из лучших

гостиниц по паспорту на имя французской певицы.

15 сентября Мержевская пересела с квартиры Трахтенберга в гостиницу «Гранд-Отель», где прописалась по национальному паспорту на имя швейцарской гражданки Елены Люккенс... Из Киева Мержевская отправила в Париж на имя Розы Трахтенберг и Сарры Сперанской письма, из коих первое такого содержания:

«Дорогая Розина, конечно, я опоздала, так как надо было ехать в воскресенье. Из Варшавы не было других поездов, кроме как в 5 часов, пришлось ждать до следующего дня, а там я опоздала на поезд и осталась на станции. Три дня я провела в Севастополе в состоянии, не поддающемся описанию. Я ничего не знала, никого не видела, ничего не понимала. Только на третий день я узнала, что поздно. Все было возможно и блестяще устроено, но я опоздала. Понимаешь ли, что это значит, что это случай, судьба или моя вина. Какая безумная, проклятая сила портит и коверкает все в жизни. Сейчас я в Киеве у твоей матери. Что буду делать, не знаю. Пробуду здесь некоторое время и решу, как быть. Состояние анафемское—это понятно. Мысли путаются, в голове что-то пеленое—бессвязное: чувство только одно: я опоздала».

Во втором письме на имя Сперанской, она сообщает, что все время провела в вагоне, что душевное состояние более, чем отвратительное, и просит писать на имя матери Розы (т. е. Трахтенберг). Трехсвятительская, 5, для «Елены».

Приметы Мержевской: лет 27—28, волосы беловато-седые, худенькая, среднего роста, прическа с пробором посередине, волосы стриженные, производит впечатление крайне нервной, экзальтированной женщины. Мержевская имеет достаточные денежные средства, большую часть коих отдала на дело революции, причем предполагавшийся в Севастополе террористический акт был организован исключительно на ее средства. Мержевская ожидает приезда в Киев какой-то революционерки, для коей хлопочет о нелегальном «чистом» паспорте. 13 сентября Мержевская из Киева отправила в Петербург переводом по почте 50 рублей, адресовав в Политехникум, для некоей Таисы Львовны Хитровой. Можно предполагать, что личность, именующаяся Хитрово, та самая революционерка, для коей Мержевская хлопочет о паспорте. 27 сентября «Юлия», она же «Елена», со дня на день ждет из Парижа денег и как только таковые получит, то немедленно поедет в Москву. Она имеет связь в доме № 89 по Владимирской улице, где живут Галкины, Глузман и Плессе (Галкина Малина Ефимовна, 18 лет, ученица VIII класса, дочь купца, обыскана 12 октября 1909 г. Плесская, Любовь Ефимовна, 25 лет, студентка Парижского университета, замужем, арестована 12 октября 1909 г.).

30 сентября Юлия говорила, что ей непременно нужно поехать в Москву и там познакомиться с «Лидой» (вольнослушательница С.-Петербургского института, дочь статского советника Таисия Львовна Хитрово) и еще с какой-то дамочкой. Говорила, что «Лида» ей пишет все письма и просит сто рублей, которые ей необходимы на поездку в Париж, и, между прочим, высказалась так: да «Лида» пишет, что она нуждается в деньгах, причём разсызгает то в Москву, то обратно в Петербург, следовательно у нее деньги вьются. «Юлия» часто посылает в Париж телеграммы некоему Шерхтману, по всей вероятности, должнику и в каждой телеграмме ему пишет о деньгах, а также она часто пишет в Париж знакомым, чтобы они торопили Шерхтмана высылкой денег в сумме 180 рублей. «Юлия», между прочим, заговорила о господине, который теперь пока с падежною квартирою устроился, и хотя эта квартира и временная, но для него удобна, так как в доме № 89 по Владимирской улице есть всякая публика.

29 декабря в Киев на праздники из заграницы приезжал Ноплавский (ученик музыкального училища) и 29 декабря уехал в Льеж в консерваторию. Он рассказывал об «Юлии» (Мержевской) так: парижская ас-эровская публика у нее забрала кто сколько мог денег на свои надобности под векселя и расписки 35 тысяч руб., вследствие чего она обеднела, а теперь почти каждый радуется тому, что она сидит в Петропавловке и их беспоконить за долги некому, и что она совместно с другими намерена была пронести задуманные севастопольские планы, то это вне всякого сомнения. Уезжая из Киева, Ноплавский обещал «Дмитрию» (Богрову) многое сообщить из Парижа.

Из этих сведений Аленского-Богрова с несомненностью устанавливается провокаторская деятельность Богрова. Он похищает письма, например, у Мержевской, он дает адреса. Все, что слышит, он передает в охранку...

По его инициативе летят предписания, пишутся доклады, а, главное,

производятся аресты, кончающиеся каторгой...

Богров — охранник, это — факт, и напрасны были все изыскания его друзей, вроде Мушина в книге «Дмитрий Богров и убийство Столыпина» (Париж, 1914 год), пытавшегося представить Богрова каким-то волшебником, загниотизировавшим Кулябко, и при помощи «военной хитрости» обманувшего его вымыслом о террористах «Николае Яковлевиче» и «Нине Александровне», — все это было не так, — испытанный сотрудник был в Киеве перед очами Кулябко, Спиридовича и Веригина.

Как, по каким мотивам сделался Богров провокатором, мы не знаем. Мы знаем лишь, что Богров охранник с конца 1906 или начала 1907 года.

Что побудило его, сына состоятельных родителей, поступить в охрану?

Из воспоминаний Ив. Книжника (№ 5 «Красной Летописи») мы знаем, что Богров еще гимназистом находился под влиянием А. С. Гольденвейзера, человека прогрессивного. В доме его отца бывали жандармы. За карточным столом, рассказывает Ив. Книжник, отец Богрова просил за арестованного автора, тогда ренетитора родственников Богрова. Не тут ли, не в этой ли обстановке карточного азарта был Кулябкой причислен к охране юшоша? Мы знаем, что Богров в показаниях упоминает, что выдавал анархистам, видя в них прежде всего грабителей, думающих лишь о себе. Не о том ли говорили жандармы, сиди за карточным столом, об этих экспроприаторах, на жандармском языке только «грабителях»? Богров служил «честно» охране в Киеве. Все, что знал или слышал, он сообщал, и притом не только об экспроприациях, но и таких идейных людях, как Мержеуская, у которой он выкрадывал письма и представлял их начальству. Выданные им анархисты шли на каторгу, а он, изредка заходя в охранку, исправно получал 150 р. в месяц, которые тратил «на жизнь». Какую, — ясно из его показаний: карты, кафе-шантаны. Упоминание Рeginы, через которую он может получить билет, говорит, что Богров мог знать эту среду хорошо.

Если Богров не был завербован Кулябко в доме отца, то после первого же ареста в 1908 году стал сотрудником охранки. Он был ценным сотрудником — это видно по его «работе».

По описаниям знавших его у него была характерная черта: умел носить маску, лгать, и в этом был талантлив. Умел производить впечатление. Киевский жандармский генерал Иванов говорит про него: «Это один из самых замечательных людей, которых я встречал. Это удивительный человек»...

К тому же Богров был типичный неврастеник. Особенно это видно на портрете. Захваченный мутным потоком охранки, он пытался оставить свое гнусное заглавие. К тому же назревало дело о провокации, по возможность свалить на других провокаторов, защита Сандомирского и в частности Ив. Книжника отвратили на время опасность.

Почему Богров решил убить Столыпина? Над ним был приговор, сообщенный анархистами, и Богров придумывает нелепый план, с которым идет к Кулябко.

Итак, *Богров* — провокатор, после разоблачения вместо самоубийства кончающийся убийством Столыпина.

И. ГРОССМАН-РОЩИН

Помню его таким: высокого роста, худой, на щеках разлит румянец — но не производит впечатления физического избытка, скорее румянец чахоточного. Этот румянец придает характер болезненной молодости. Губы чуть отвисают, открывая выступающие, чрезмерно длинные, передние зубы. Небольшой лоб хорошо сформирован. В лице — нет движения. Оно недоуменно застыло... Говорят: Богров — весельчак, Богров искрится остроумием. Ни разу он на меня такого впечатления не произвел. Наоборот. Казалось, что этот человек никогда не знал простой радости, не знал „глухого“ счастья, не изведал прыгуна бунства жизни... В душе была осень, мгла... Был ли Дмитрий Богров романтиком? Нет. В нем жило что-то трезвенное, деликатное, запыленно-будничное, как вывеска бакалейной лавочки... Я очень легко себе представляю Богрова подрядчиком по починке больничных крыш, неплохим комми-вожжером шпигатной фабрики... И он бы серо и нудно делал нудное дело. Но точно так же представляю себе и такой финал: в местной газете, в отделе происшествий, появляется петитом набранная заметка: „в гостинице Мадрид“ покончил самоубийством комми-вожжер шпигатной фабрики Д. Богров. Причины самоубийства не выяснены...“

Да, романтика Богрова — если о ней можно говорить — то только как бы протест против нудной обыденщины и смертоносной „обнаженности“, что жила в нем и грызла его. Я ни разу не видел Богрова просто веселым, радостным, упоенным предстоящей борьбой и риском. Я помню Богрова ожившим только тогда, когда он острит... А острить он любил. Но было нечто своеобразное в этих остротах. Казалось, дайте Богрову сырой материал мира, и он все построит по образу и подобию парадоксальной остроты.

Помню, это было в Киеве, в гостинице „Лувр“. В моем номере сидел Богров. Он излагал план издательства. Постучались. Вошли студент и молодая девушка. Они вручили записку от товарища — и вспомнил, что мне

Из статьи «Дмитрий Богров, убийца Столыпина». Журнал «Былое», №26, 1924, стр. 152-158.

Иуда Соломонович ГРОССМАН (1883-1934), псевдоним РОЩИН — один из трех братьев — известных анархистов. Революционную деятельность начал социал-демократом, затем перешел к анархистам-коммунистам, после Октября к большевикам. В мае 1919 командировывался Москвой в Гуляй-Поле с целью склонить Махно к выступлению против восставшего атамана Григорьева.

уже говорили об этих товарищах, собирающихся вести анархическую работу в деревне, но они ставя условием — помогать им литературно и агитационно, главным образом, в духе антирелигиозной пропаганды. Студент был какой-то „вдохновенный юноша“, похожий на Падсона с некоторым уклоном в парикмахерскую „красивость“. У таких „революционеров“ к тридцати годам почти всегда оказывается состоятельная тетка, которая изумительно во-время умирает и еще более кстати оставляет небольшой капитал, который дает возможность открыть химическую лабораторию, а позже — магазинчик парфюмерных изделий. А девушка, серенькая, незаметная, как будто бы только и озабочена тем, чтобы еще больше сжаться и свернуться, сейчас же стала излагать свою теорию. Убежденно нападала на „мещанство“ экономического материализма, не знаящего, что сознанием и только сознанием определяется бытие. Что только на фундаменте религиозного сознания масс держится весь строй эксплуатации и насилия. Убейте в сознании трудового крестьянина идею бога, и никто и ничто не поработит их феишмам закона, собственности. Завязался спор. Богров сосредоточенно, внимательно слушал девушку. Его поразил этот душевный подъем, сосредоточенная вера и подлинная, внутренняя насыщенность. Он возражал. Вяло. Неумело. Товарищи ушли. Богров был мучительно угнетен. И мне показался он просто в чем-то несчастным, одиноким человеком.

... Я выбираюсь из Киева... Я в Умани... В Варшаве... Граница... Берлин... Прошло два года. В Париже получаю письмо от Дмитрия Богрова — не то из Дрездена, не то из Мюнхена.

С Богровым я встретился в Париже. Он был всё тот же. Внутренно безрадостный, осенний. Он по-старому — жутко остро. Подозрения то возникали, то опять исчезали... Дмитрий Богров не делался от этого ни более осенним, ни более „остроумным“.

Что побудило Дмитрия Богрова на покушение?.. — Кто скажет?.. Может надоело „острить“? Может, ключом послушат следующие строки из письма:

„Нет никакого интереса в жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни. И то, если моя практика это позволит. Тоскливо, скучно, а главное одиноко...“ (См. брошюру А. Мушина).

Может, Дмитрию Богрову не только надоело тщетные попытки заполнить внутреннюю пустоту?.. Может, им двигало и нечто другое? Ведь Богров — в этом я убежден — презирал до конца хозяев политической сцены, хотя бы потому, что великолепно знал им цену... Может быть, Богрову захотелось, уходя, „хлопнуть дверью“, да так, чтобы нарушить покой пьяно-кровожадной, дико-гоголющей реакционной банды?..

— Не знаю...

П. ЛЯТКОВСКИЙ

С. Богровым, или с «Дмитрием», как его называли в товарищеской среде (кажется, так звали его и домашние), я познакомился в январе 1907 г. Встречался в стенах Киевского университета, где он тогда состоял студентом по юридическому факультету, который и окончил, а также вне стен университета, на нелегальных собраниях того времени.

Наши взаимоотношения не были тесно-дружескими, а сталкивались мы довольно часто на общей политической работе, и потому эти отношения носили характер в большинстве случаев исключительно деловой.

Впервые о роли его, как агента киевской охранки, пришлось мне услышать в сентябре 1907 г., когда я вернулся назад в Киев из Петербурга после шестимесячного пребывания в предварилке. Перед моим приездом в Киеве был арестован тов. «Бельгиец», он же «Михаил», вместе с рабочими на одном нелегальном собрании. Был ли на этом собрании Богров, я не помню, но в связи с этим провалом он был арестован и, просидев в одном из киевских полицейских участков 2—3 дня, был выпущен. Вот этот-то тов. «Бельгиец» в одном из своих писем к нам, находящимся на воле, сообщал, что, по его глубокому убеждению, Богров—провокатор. Какие основания приводил «Бельгиец», я не помню. Это известие дошло и до Богрова.

Специального расследования по этому вопросу никто не вел, и вопрос о его провокации как-то сам по себе отпал, не оставив никакого следа, тем более, что Богров отнесся к этому довольно спокойно.

Во второй раз лично для меня этот вопрос вновь появился уже в киевской тюрьме («Лукияновке»), когда я находился там под следствием. В одной камере со мной находился мой сопроцессник Наум Тыш. Он как-то раз, получив письмо от жены (понятно, я говорю о письме, шедшем нелегальным путем), сообщил мне, что Богров—провокатор. На вопрос мой, какими он располагает данными, ответил, что, с одной стороны,—как его жена, так и все заграничные товарищи, на основании имеющихся у них данных, убеждены в причастности Богрова к охранке, а с другой стороны, он, Н. Тыш, подводя итог всему нашему провалу, приходит также к такому же заключению, ибо день его выезда из Киева Богров знал, да кроме того все явки в пограничной полосе для нелегальной контрабанды, сообщенные им Богрову, стали известны киевской охранке.

Из статьи «Нечто о Богрове». Журнал «Каторга и ссылка», кн. 123, 1926, стр. 35-49.

М. ЛЯТКОВСКИЙ (псевдоним «Петр») — университетский товарищ Д. Богрова, киевский анархист-коммунист.

Помнится, я отнесся к этому крайне осторожно и просил Тыша не подымать пока никакого шума, а просить лишь товарищей, находящихся на воле, возможно детальнее все это расследовать. Тыш со мной согласился.

Вскоре, однако, наш коридорный староста получил письмо от двоюродного брата Богрова, с.-д. меньшевика «Фомы», с просьбой выяснить, в чем, собственно, обвиняют «Дмитрия». Помню, староста обратился к Науму Тышу и ко мне. Лично я указал на Н. Т., от которого исходят эти сведения. Вслед за письмом «Фомы» была получена записочка и от самого Богрова, к кому она была адресована, не помню.

Эти два письма послужили основанием собраться в одной из камер нашего коридора всем, работавшим с Богровым еще на воле. На этом совещании было товарищей 10—12. После довольно бурного обмена мнениями, где Н. Т. категорически выступал в роли обвинителя, была вынесена какая-то туманная резолюция, которая и была переслана на волю. Эта резолюция, как я потом узнал, ничуть не удовлетворила ни «Фому», ни самого Богрова. И, видимо, они стали искать другие пути для оправдания.

Наконец, в третий и в последний раз о провокаторской роли Богрова пришлось мне услышать от другого моего сопроцессника Шмельте-Хорн. Он в категорической форме сказал мне, что сомнений нет никаких в провокаторстве Богрова. Это уже было после нашего суда, в 1909 г., когда была арестована тов. «Роза» с некоторыми другими товарищами, которые, будучи на воле (особенно тов. «Роза»), постоянно сталкивались с Богровым. Тов. «Роза» в своей тюремной переписке с Ш. выставляла ряд доказательств. Что это было за доказательства, Ш. мне не передавал.

Таким образом, лично для меня ко дню моего выхода из Лукьяновки 19 февраля 1911 г. было ясно, что Богров имеет уже запятанную политическую репутацию: его честь, как политического работника, под большим вопросом. Мне казалось странным,—почему же нет на страницах нелегальных партийных органов об этом официального сообщения. Не желая терять своей связи с товарищами, я, несмотря на то, что знал адрес Богрова, все же не заходил к нему на квартиру, чтобы навести справки о нем.

Однако, моя случайная встреча в одном из трамваев с «Фомой» изменила ход моих мыслей и мое решение. «Фома» от своего имени и от имени «Дмитрия» просил меня убедительно зайти к последнему: «Дмитрий», по словам «Фомы», узнав о моем выходе из Лукьяновки из газет, хочет со мной повидаться, поговорить, но найти не может. «Что же, зайду, раз Богров этого хочет. Только надо быть настроже»,—мелькнула у меня мысль. И тут же вспомнил, что кто-то из тов. (чуть ли не Н. Тыш) в одной из своих тюремных записок ко мне предлагал повидаться с Богровым и о своем впечатлении сообщить ему.

Я пообещал «Фоме» зайти и обещание исполнил. Действительно, в первый числа марта 1911 г. я в штатском костюме позвонил в квартиру Богрова на Бибиковском бульваре, д. № 1. Дверь открыла мне горничная, которая не сразу поняла, кого я хочу видеть. В комнату, которая служила чьим-то кабинетом, одновременно со мной из

боковой двери другой комнаты вышел Богров. Что мне бросилось сразу в глаза и крайне поразило в его наружности,—так это то, что он не по летам поседел. «Нервы... Волнения...»—мелькнуло у меня тогда в голове. Поздоровавшись, мы уселись за письменный стол... Вначале разговор не клеился. Разговор был сух, отрывист, односложен. Он интересовался моей жизнью в тюрьме, кто из товарищей там со мной еще сидел. Вспоминая ряд имен и фамилий, спрашивал, где они в настоящее время. Особенно его интересовал тов. Н. Тыш, с которым я был в очень дружеских отношениях, и этого не зная он не мог. Хотя я и переписывался в то время с Н. Т. и знал, следовательно, его местожительство, тем не менее, по вполне понятным соображениям, отвечал полным незнанием, как, впрочем, и на другие вопросы. Постепенно перешли к нашему провалу и суду и как-то незаметно он сам первый заговорил о том, что его т.т. обвиняют в целом ряде предательств и, обвиняя, указывают на сотрудничество его в охране, одним словом, все убеждены, что «Богров—провокаатор». Если до сего времени я не замечал в нем особого волнения, то, как только коснулись последнего, Б. стал проявлять заметно сильное беспокойство. Он стал оправдываться, выставляя, очевидно, известные ему пункты обвинения, и их опровергал. Я же наводящими вопросами старался что-либо узнать. Коснувшись снова нашего провала, он указал, что, по его глубокому убеждению, виновником нашего ареста является тот студент-грузин, который предоставил нам свою квартиру на Крещатике для конспиративного собрания. Этот студент через свою квартирную хозяйку был знаком с Кулябко (нач. киев. охран. отд.),—а, следовательно, остальное все ясно. Богров говорил, как о факте, что т.т., не разобравшись в его провокааторстве, следили за ним и что кто-то из них, повидимому, собирався его убить, и только благодаря счастливой случайности он избег смерти. Я вспомнил рассказ «Белоусова» и задал ему вопрос: «А куда скрылся этот тов. и почему он не привел своего решения в исполнение?». Богров ответил, что ему ничего неизвестно.

— Смотрите, как я поседел... Я сознательно ушел от политической работы. Я не могу заняться и общественной работой. Я помощник присяжного поверенного, но выступать не могу: мое имя опозорено. А что бы вы на моем месте сделали?

— Реабилитируйте себя,—ответил я.

— Что же думают остальные т.т.?—задал он мне снова вопрос.

Не будучи уполномоченным давать какие-либо объяснения от имени своих т.т., я высказал ему лишь свое предположение, что, вероятно, они со мной будут солидарны.

— Итак, вы все требуете от меня реабилитации, значит, для вас нет сомнения в моей провокации?

Я его перебил, указав, что ни я, ни мои т.т. от него не требуют реабилитации, а что на его личный вопрос я ему указываю путь реабилитации для того, чтобы вернуть свое душевное равновесие, которое он, по его же словам, совершенно потерял. Но он, видимо, мне не верил. Помню его принужденный смех...

— Так вот, пойти и сейчас на перекрестке убить первого попавшегося городского? Это ли реабилитация?

Я ничего не отвечал.

— Скажите мне,—продолжал он,—какой мотив мог бы побудить меня служить в охранке? Что говорят по этому поводу т. т.? Деньги? В них я не нуждаюсь. Известность? Но никто из генералов от революции по моей вине не пострадал. Женщины? — И он, пожав плечами, ничего не ответил.

Разговор уже стал близиться к концу. Чувствовалась неловкость. Я подошел к книгам, расставленным на этажерке. Взяв «Былое», я стал просматривать книгу. Не помню, какой это был номер и что в нем меня заинтересовало. Богров, заметив, видимо, что меня эта книга заинтересовала, предложил взять ее с собой. Тут же он указал, что «Былое» для него весьма ценно, так как по нему он знакомится с действительными революционерами и учится той поразительной конспирации, которой они себя окружали.

— Вы говорите—реабилитировать себя?—возобновил он разговор.—Только убив Николая, я буду считать, что реабилитировал себя.

— Да кто же из революционеров не мечтает убить Николая?—перебил я его.

— Нет,—продолжал он,—Николай—ерунда. Николай игрушка в руках Столыпина. Ведь я—еврей—убийством Николая вызову небывалый еврейский погром. Лучше убить Столыпина. Благодаря его политике задушена революция и наступила реакция.

На это я ему заметил, что нельзя быть таким наивным, чтобы не знать, как трудно будет добраться сквозь толщу всякой охраны и до Николая, и до Столыпина, что это не под силу одному человеку, а потому необходимо противопоставить этой охране свою организацию боевиков и что я лично готов принять участие в этой организации, а также подыскать для этой цели стойких, решительных товарищей. Но Богров перебил меня, вполне логично указав, что могущий произойти случайный провал может послужить новым доказательством его провокации, а потому он решает сам без всякой организации себя реабилитировать; как же добраться до Столыпина—он еще не знает. Осенью (1911 г.), как ему известно, будут в Киеве военные маневры, на которых будет Николай, а с ним, понятно, и Столыпин, до которого он предполагает добраться через свою связь с киевским обществом.

— Вы и товарищи еще обо мне услышите,—закончил он.

Эту же фразу он несколько раз повторил при прощании со мной. Такова была моя последняя встреча с Богровым.

— С тяжелым чувством вышел я на улицу. Провокатор ли он? Говорил ли он серьезно о Николае и Столыпине? Предполагать все возможно, но, не имея данных, обвинять недопустимо.

Беседовал ли Богров на эту тему еще с кем-нибудь, мне ничего не известно, равно как я положительно не могу сказать: возникла ли у него мысль об убийстве Столыпина под влиянием нашей беседы, или же она его еще и раньше занимала.

ВЛАДИМИР БОГРОВ

Для вступления Дм. Богрова в число сотрудников Киевского охранного отделения в 1907 г. есть и может быть лишь одно объяснение, а именно то же самое, какое им самим дано для объяснения своего появления в *Петербургском* охранном отделении в 1910 г., а впоследствии вновь в *Киевском* охранном отделении в 1911 г.: решение использовать охранное отделение для достижения своих революционных целей и, в частности, для совершения террористического акта, задуманного еще в 1907 г.

И поэтому то Дм. Богров, совершенно прекратив свою подпольную революционную работу по группе анархистов в 1909 г., тем не менее продолжает поддерживать связь с Киевским охранным отделением, твердо решив еще раз прибегнуть к его помощи в революционном деле.

Б. Струмилло приводит выдержку из дела Департамента полиции от 1911 г. № 124-а т. 1, перепечатанную также и в статье Е. Лазарева, в которой приводятся сведения, сообщенные Дм. Богровым за 1909 г. и 1910 г. об анархистах, социалистах-революционерах и социал-демократах Киевскому охранному отделению.

Именно, по поводу цитированных Струмилло «сведений» об анархистах, социалистах-революционерах и социал-демократах, будто бы сообщенных Дм. Богровым Киевскому охранному отделению и служащих

В. Богров. Ук. соч., стр. 62-77.

главным основанием отрицательных выводов Струмилло о личности Дм. Богрова — в том же деле Департамента полиции за 1911 г. № 124-в, имеются два других весьма важных документа: «справка о сотруднике Киевского охранного отделения Аленском и «справка по сведениям сотрудника Аленского (Богрова)». Эти документы, странным образом, Струмилло совершенно обходит молчанием, хотя именно они имеют решающее значение в оценке деятельности Дм. Богрова в киевском охранном отделении. В них доподлинно значится следующее:

Справка о сотруднике Киевского охранного отделения Аленском: . . . «Из обозрения сводок агентурных сведений, поступавших из Киевского охранного отделения усматривается, что сколько-нибудь серьезных сведений «Аленский» по анархистам-коммунистам не давал (курсив мой) . . . По докладу начальника С.-Петербургского охранного отделения полковника фон-Коттена, в июле прошлого года (1910-прим. мое) «Аленский» был рекомендован ему подполковником Кулябко. «Аленский» сразу не внушил доверия полковнику фон-Коттену и, так как он никаких сведений не давал, то в декабре 1910 г. названный штаб-офицер прекратил сношения с «Аленским», выдав ему содержание за январь. После сего «Аленский» уехал за границу, на юг Франции, откуда в январе сего года обратился к полковнику фон-Коттену с просьбой о материальной поддержке в виду переживаемого тяжелого положения. Полковник фон-Коттен деньги по указанному адресу «Аленскому» отправил, но таковые были возвращены за не востребованием (курсив мой).

Вот какова официальная оценка Департамента Полиции тех «сведений», которые были даны Дм. Богровым Киевскому Охранному отделению. Оказывается,

что ни одно из лиц, названных им охранному отделению не пострадало по его вине, так как лица эти либо вообще не подвергались аресту, обыску или привлечению к дознанию, следствию и суду, либо уже были привлечены к ответственности перед тем, как о них упомянул Дм. Богров, или были уже известны охранному отделению по сведениям, поступившим от других сотрудников, а также в результате ранее произведенных у них обысков. И такой важный документ, совершенно опровергающий значение справки Киевского охранного отделения о деятельности Дм. Богрова, остается Струмилло неизвестным, и ни он, ни позднейшие исследователи о нем ни слова не упоминают!

Если мы далее обратимся к делу ревизии сенатора Трусевича и его же производству «о преследовании должностных лиц при охране его Высоч. Пребыв. в Киеве в 1911 г.», то найдем здесь еще более подробный материал для характеристики тех «сведений», которые были сообщены Дм. Богровым Киевскому охранному отделению. К сожалению, в этом отношении я лишен возможности цитировать те материалы, на которые ссылаюсь, так как имевшиеся в моем распоряжении копии должен был передать при выезде за границу Начальнику Проскуровского Особого Отдела.

Поэтому я восстанавливаю по памяти то заключение, к которому пришел сенатор Трусевич в результате тщательного обследования дела Дм. Богрова, в связи с расследованием дел Киевского охранного отделения. Заключение это по смыслу своему таково:

«Рассмотрение характера сотрудничества Дм. Богрова в Киевском охранном отделении и сообщенных им «сведений» приводит к тому заключению, что сведения эти в большинстве случаев носили совер-

шенно безразличный характер и никак не могли оправдать того доверия, которое Кулябко и остальные чины, которым была поручена охрана пребывания государя в Киеве, проявили в отношении Дм. Богрова. Единственное дело, по которому сведения Дм. Богрова быть может имеют известное значение, это дело Мержеевской. Имеется полное основание утверждать, что Дм. Богров, известный Киевскому охранному отделению, как революционер-анархист, водил Кулябко за нос и использовал охранное отделение для достижения своих революционных целей».

Я категорически утверждаю, что ни в «Потоках», ни в Киеве до моего отъезда т. е. до 17-го августа, его не навещал никто из прежних товарищей анархистов или посторонних лиц, могущих произвести на него моральное давление в смысле принуждения к совершению террористического акта во время августовских торжеств. Такое посещение не было замечено и после 17-го августа ни прислугой, ни проживавшей в то время в нашей квартире теткой М. Богровой.

С другой стороны совершенно несомненно, что в течение этого времени решение Дм. Богрова совершить террористический акт, использовав для этой цели августовские торжества, окончательно созрело. Сидя, однажды со мной на балконе нашего дома, выходящем на Бибиковский бульвар, и возмущаясь грандиозными полнейшими приготовлениями, которые делались по случаю приема «высоких гостей», Дм. Богров, как бы вскользь задал мне вопрос, каково мое мнение — что произвело бы большее впечатление: покушение на Николая или на Столыпина. Я тогда не подозревал, какое реальное значение имел этот вопрос для брата. Этот вопрос был задан мне не

случайно, а являлся результатом долгих размышлений, тревоживших Дм. Богрова, — кого именно сделать жертвой своего выступления. Этот вопрос он поднимает и в разговор с Е. Лазаревым в Петербурге, и с П. Лятковским в феврале 1911 г. Он видно совершенно не сомневался в успехе своего выступления — для него было только важно решить, как его сделать наиболее целесообразным с революционной точки зрения.

Ввиду всех этих соображений, которые по моему глубочайшему убеждению найдут со временем ряд новых подтверждений при тщательном изучении всех материалов по делу Дм. Богрова, я и прихожу к тому выводу, что связь, установленная Дм. Богровым с охранными отделениями, сперва с Киевским (с 1907 по 1910 г.), затем с Петербургским (в 1910) и, наконец, снова с Киевским (в 1911 г.) являлась лишь продолжением его анархической революционной работы. Дм. Богров сообщал охранному отделению безразличные или заведомо ложные сведения, имея в виду в надлежащий момент использовать свою связь с ним в революционных целях. До настоящего времени остается недоказанным, чтобы Дм. Богров кого либо из революционеров, будь то его товарищи по группе анархистов, или члены других партий, выдал и причинил кому либо из них какой либо вред.

Одно обстоятельство можно было, однако, с несомненностью констатировать в тогдашнем настроении Дм. Богрова: это — полная неудовлетворенность своим буржуазным укладом жизни, своей юридической работой, своим времяпрепровождением. Ясно было для всех, что он тоскует, что работает он не в том направлении, какое ему кажется важным, что он стремится к чему то иному, но... осуществить его не может.

ЕГОР ЛАЗАРЕВ

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ С БОГРОВЫМ

Дело было, действительно, как раз па Троицу 1910 г., и при обстоятельствах, правильно изложенных в докладе Кулябко де-нартаменту полиции, от 2-го сентября 1911 г. Был теплый, солнечный день. Мы только что пообедали в 2 часа. Вдруг мне сообщают, что какой-то господин пришел и спрашивает, — можно ли меня видеть? Я просил пригласить пришедшего в мою комнату. Вскоре дверь отворилась, и в комнату вошел довольно высокий, стройный и изящно одетый молодой человек, который поклонившись, спросил:

— Простите.... Вы будете Егор Егорович Лазарев?

-- Я самый... Чем могу служить?

— Я имею к вам экстренное поручение: передать вам вот эти письма, которые приехала из Парржа одна дама, остановившаяся у Кальмановича. Письма ей поручили передать немедленно по приезде в Петербург вам, по адресу редакции «Вестника Знания». Но, по случаю праздников, которая редакция закрыта, и сегодня утром, она там все не нашла. А между тем письма весьма спешные: ей было сказано, чтобы она ни минуты не ждала и по приезде немедленно вам письма передала. Я только что от Кальмановичей. Но они тоже па даче в Финляндии. Ему тоже есть письмо. Кальмановичу послала экстренная телеграмма, чтобы немедленно приехал. Эта дама моя хорошая знакомая. Она была в отчаянии, что не может тотчас же выполнить поручение. Я решил ей помочь -- и взялся немедленно найти вас и передать письма. Я это делаю с тем большим удовольствием, что мне необходимо было повидаться с вами. Даже более того, я, собственно, и в Питер приехал, чтобы повидаться с вами.

Я пригласил его сесть и стал разбирать письма, тщательно

Из статьи «Дмитрий Богров и убийство Столыгина». Журнал «Воля России» (Прага), 1926, №VIII-IX, стр. 40-63.

Егор Егорович ЛАЗАРЕВ (род. 1855) — в начале революционной деятельности народник, в 1877-78 шел по процессу 193-х, оправдан, затем арестовывался и ссылался за пропаганду среди крестьян и солдат. Эмигрировал в Америку, в 1894 переехал в Европу и принял участие в создании партии эсеров. По амнистии 1905 года вернулся в Россию, сотрудничал в журнале «Вестник знания». В 1919 эмигрировал в Чехословакию, один из редакторов эсеровского журнала «Воля России».

рассматривая их.

— Здесь есть письмо для члена Гос. Думы Булата... сказал я.

— Она была и у него. Его нет в городе. В этом случае, приезжей сказано, чтобы все письма передать вам.

— Как прикажете?... Переговорить о вашем деле сначала, если вы имеете еще чтонибудь сказать, или вы позволите мне сначала прочитать письмо? — обратился я к Богрову.

— Егор Егорович, мне нужно переговорить с вами об очень важном деле. Я просил бы вас уделить мне свободный час. Если позволите я приду в другое, назначенное вами время. А теперь я не смею отнимать ваше время.... Я уйду на полчаса, чтобы не мешать вам, и потом зайду. Может быть вы захотите чтонибудь спросить приезжую даму, повидать ее или сообщить чтонибудь? Я человек свободный и весь к вашим услугам.

— Зачем уходить? Сегодня праздник, я свободен. Сейчас увидим, нужно ли приезжую видеть.

Письмо, действительно, было спешное. Между прочим, требовалось предупредить скрывавшегося товарища о том, что его место пребывания открыто и чтобы он немедленно исчез отсюда. Не отрываясь от письма глазами, я обдумывал, что делать. Обсудив положение и решив повидать в тот же день Кальмановича и других нужных лиц, я спокойно положил письмо в карман и обратился к гостю.

— Все равно ничего нельзя сделать: два дня праздников и нужные учреждения будут закрыты. Не во время приехала. Если ничто не задержит, я постараюсь быть у Кальмановичей. А теперь я к вашим услугам. Позвольте узнать с кем имею дело?

Новоспеченный помощник присяжного поверенного, Дмитрий Григорьевич Богров. Вам мое имя ничего не скажет. В торжественных случаях я прикрываюсь славой моего дедушки, написавшего свои «Записки старого еврея». Я чувствую себя в очень неловком положении, приступая к делу, которое меня интересует. Неловкость заключается в том, что вы меня совсем не знаете, а я вас знаю давно. Между тем дело, по которому я обращаюсь к вам, чрезвычайно деликатное и требует полного и с вашей стороны ко мне доверия. Я не знаю, удастся ли мне внушить вам необходимое ко мне доверие. Но я прошу вас облегчить мне эту задачу. Ибо без вашего доверия все мои планы разлетаются прахом.

Я чувствовал по тону, что он как будто бы стесняется сказать про свои, какие-нибудь любовные похождения, и смеясь пощрился его:

— Выше предисловие сразу захватывает любопытство слушателя, как в хорошем французском романе, который начинается картиной: «На башне св. Мадлены пробило 12 часов ночи, когда фигура, закутанная в черный плащ»... и т. д. Говорите прямо: перестали учиться, хотите жениться или губернаторское место получить? Будьте покойны, — с моей стороны препятствий не будет.

Богров улыбнулся, но, сразу понизив голос, спросил:

— Я хотел бы побеседовать с вами абсолютно конфиденциально. Нам никто здесь не помешает?

Я встал, отворил дверь в зало, заглянул. Там никого не было.

— Я живу у своих хороших знакомых. Мы совершенно одни. Можете говорить.

Богров прошелся несколько раз по комнате, и потом, подойдя близко ко мне, вдруг выпалил:

— Я решил убить Столыпина...

— Чем он вас огорчил? — спросил я, стараясь не показать свое удивление.

— Вам кажется это шуткой или сумасшествием с моей стороны. В этом и беда, что я-то вас знаю, а я для вас фигура темная. То, что я сказал, не шутка и не сумасшествие, а обдуманная задача, которую я решил во что бы то ни стало выполнить.

— Тогда — за чем же дело стало? Что же, вы хотите пригласить меня в компанию или в секунданты?...

— Егор Егорович, вам, повидимому, смешно, а мне очень тяжело. У меня нет подходящих товарищей, с которыми я мог бы посоветоваться. Я рассчитывал, что вы серьезно отнесетесь к моему сообщению.

— Дмитрий Григорьевич, у каждого человека есть свойственный ему темперамент. Предоставим свободу каждому быть самим собой. Вы человек серьезный, я человек шутливый. Но будьте уверены, что я слушаю вас с величайшим вниманием. Позвольте мне быть с вами столь же откровенным, каким вы являетесь сами. Это нужно, чтобы не было никаких недоразумений. И так, — почему вы рассерчали на Столыпина и почему обратились ко мне?

— Столыпинна лично я никогда не видал. Но думаю, что он является теперь самой зловредной фигурой и вождем правительственной реакции. Укажите другое, более зловредное лицо, и я вам буду очень благодарен.

— Итак, ваши разногласия со Столыпиным чисто идеологического свойства. Почему же вы обращаетесь к моему посредничеству? Чем я могу быть полезным, чтобы удовлетворить ваши желания?

— Вы должны знать, что я не новичек в идейном движении. С гимназической скамьи я прошел всю гамму прогрессивных воззрений, от либерализма до анархизма включительно. И предавался их изучению с большим энтузиазмом. Дальше анархизма идти было некуда. А я им также искренно увлекался. Пройдя всю эту идейную гамму, я, наконец, пришел к заключению, что чем идеи радикальнее, тем они более утончены. Я и теперь ценю моральную силу анархизма, но для обширных массовых движений и общественных переворотов необходима организованная партийная деятельность. Индивидуальное воздействие, или реакция, на среду совершается больше по вдохновению или настроению и не обращает внимания на настроение общества или народных масс, тогда как для определенного воздействия на массы человеческая деятельность должна быть не только индивидуально моральной, но и общественно целесообразной. Если бы я выступил с боевым актом перед своими товарищами раньше, то все анархисты одобрили бы мой поступок, но помочь мне не могли бы, а если бы помогли, то при настоящих условиях только дискредитировали — бы крупный общественный и политический акт. Выкинуть Столыпина с политической арены от имени анархистов, я не могу, потому что у анархистов нет партии, нет правил, обязательных для всех членов. Совершив удачно намеченный акт, я мог бы только ангажировать одного себя, заявив, что я действую от своего имени. Кем бы индивидуально я ни был, анархист, мопархист или безпартийный. Чтобы вы лучше поняли мою мысль и мое настроение, представьте такой случай: завтра какойнибудь пьяный хулиган закончит случайно со Столыпиным, или ревнивый муж пристрелит министра за его непрошенное вмешательство в чужую семейную жизнь. Во всех этих случаях — Столыпин становится безвредным и устраним с политической арены. Я спрашиваю, какое политическое значение будет иметь при таких условиях смерть или удаление Столыпина? Не более, чем нормальная, естествен-

ная смерть, т. е. — никакого политического значения. Теперь возьмите мой случай. Представьте себе и поверьте на время мне, что я решил безповоротно устранить Столыпина, по моим индивидуальным идеологическим соображениям. Теперь я вполне понимаю, что всякое индивидуальное действие лишь ослабит и воспитательное и политическое значение столь крупного факта. Другое дело, если бы хорошо организованная партия, в роде партии социалистов - революционеров, согласилась использовать мой акт, и в случае его удачи, санкционировать его как совершенный по постановлению, или просто с согласия партии....

— Браво!... Я начинаю понимать. Продолжайте.

— Продолжать, в сущности, нечего. Вы теперь ознакомились с моими взглядами и положением и понимаете щекотливость моего положения, а именно того, что я обращаюсь к вам, будучи вам совершенно неизвестным. Я решился обратиться к вам, оправданная это решение тем, что я компрометирую этим не вас, а себя. Вы понимаете, что мне не с кем откровенно поделиться и посоветоваться. Когда у меня окончательно созрело решение покопчить со Столыпиным, я стал искать путей, чтобы войти в сношения с вашей партией и получить от нее санкцию моего выступления. Через знакомых лиц я узнал, что с Ц. К. партии можно войти в сношения через Николая Александровича, который теперь в Москве, или через Нишу Александровну, которая должна быть в Петербурге. Но я узнал, что вы здесь, и решил приехать к вам. Чем бы ни кончились наши переговоры, решение мое неизменное. Я вам откровенно скажу, что я формально записался помощник. присяж. поверенного в Киеве, но я приехал сюда, в расчете быть ближе к цели. Чтобы получить право проживания здесь, я расписываю записаться в помощники к Кальмановичу или к одному из здешних присяжных поверенных. Вообще, я надеюсь основаться здесь, а не в Киеве. Итак, — вот каково положение. Обдумайте хорошенько. Поведайте обо мне справки, и в случае благоприятных сведений, помогите добиться санкции партии. Это все, чего я добиваюсь. Что вы скажете?

— Этот вопрос не так прост, как вы его себе представляете. Такие вещи экспромтом не делаются. Боевые выступления партии после тщательного обсуждения производятся по определенному плану, определенными лицами, которые, в сущности, идут на смерть, — вы не забывайте этого, — идут, конечно, совершенно добровольно как и вы, но поведение которых находится под конт-

144

родем. Участники должны быть люди партийные, надежные, преданные, лично известные по крайней мере тем членам Ц. К., которые ведают Боевой Организацией. Вы же предлагаете экспромт. Вы же сами говорите, что вы - то меня знаете, а я вас в первый раз вижу. Когда партия санкционирует боевой акт, она берет на свою ответственность не только все последствия акта, но и ответственность за личное поведение участников в нем. На откровенность позвольте ответить откровенностью. Я вас не знаю, но лично я вам верю. И однако, этого не достаточно. В этом деле больше чем в каком либо другом, все зависит от настроения, темперамента и силы воли. Настроение людей бывает переменчиво. Скажу больше: в этом отношении хорошо ли вы знаете сами себя?

— О моем настроении не беспокойтесь. Я пришел к вам не случайно и не экспромтом. Я знаю, на что иду и знаю все последствия. Я не новичек в революционном движении. Но все теоретические споры мне опротивели. Нужны дела, а не слова. Не все способны к активной и боевой деятельности — я это понимаю, — но не следует загораживать дорогу тем, которые сами рвутся в бой и, может быть, не способны ни на какую мирную и чисто культурную деятельность.

— Позвольте мне высказать мои мысли вслух: заметил я. Я смотрю на вас и люблюсь: Какой блестящий молодой человек, — умный, пачитанный, бывалый, — что называется — из молодых да ранний; вся жизнь у него вперед; сколько добра и пользы мог бы людям принести... и вдруг — разочарование.... — Что ж, вы Печорина в себе чувствуете? Вы простите, Д. Г., в таких делах люди должны говорить откровенно, устраняя всякую мысль об обиде. Я спрашиваю вас, что вас побуждает, человека молодого, цветущего здоровьем, брать на себя столь радикальную инициативу и ответственную роль.

— Я человек состоятельных родителей, учился в Мюнхене и знаю и изъездил почти всю Европу. Я был в Швейцарии с матерью и жил не подалеку от Клараца и вапей фермы. Я слышал и тогда про вас, но познакомиться не удалось. А я был падок тогда и на революционные теории и на самих революционеров. Я знал множество выдающихся лиц - революционеров, социалистов и анархистов почти всех стран Европы. Анархисты привлекали меня своей последовательностью. Не в условиях Э. Европы, при полной политической свободе в большинстве стран, деятельность анархистов раздваивается. Теоретики и такие святые люди, как Крапот-

кин, Реклю. Ньюспгюис и др. — простые мечтатели, а вульгарные анархисты представляют полуграмотный сброд из которого набираются провокаторы или выходят такие артисты, как Равашоль и К-о. Я пришел к заключению, что в русских условиях систематическая революционная борьба с центральными правящими лицами единственно целесообразна. В России режим олицетворяется в правящих лицах, которые тем и сильны, что остаются неизвестными и недоступными.

— Почему же вы облюбовали Столыпина, а не другое лицо, — если вы признаете центральный террор?

— Потому что, по моему, важнее Столыпина только царь. А до царя мне добраться, одному, почти невозможно. Но если бы партия взялась мне помочь, я отдался бы охотно в ее распоряжение.

— Вы еврей? — спросил я.

— Еврей.

— Тогда — вы человек неподходящий....

— Как так? Почему?

Потому что партия не позволяет нашего батюшку царя евреям убивать.....

— Вы думаете — из боязни еврейских погромов?

— Главным образом — поэтому. Вообще, не представляйте участия партии в боевой деятельности столь упрощенно. Захотелось вам убить Столыпина, партия сейчас — санкцию: бей в мою голову! Индивидуальный террор может быть очень вреден даже тогда, когда он направляется на осужденных уже партией лиц. Почему, напр., вы думаете, что партия оставила Столыпина в покое? В истории революционного движения были такие случаи, когда таких любителей — одиночек, как вы, товарищи запирали в карцер, чтобы своим вмешательством не помешали уже организованно поставленному предприятию.

— Тогда пусть партия укажет какое угодно другое лицо. Я готов отдать себя в полное распоряжение партии.

— Отчетливо ли вы сознаете, что делая это предложение, вы осуждаете себя на смерть?

— Если бы я этого не сознавал, я не обратился бы к вам. Я пришел просить не материальной или технической помощи партии, а помощи идейной и моральной. Я хочу обеспечить за собой уверенность, что после моей смерти останутся люди и целая партия, которые правильно истолкуют мое поведение, объяснив

его общественными, а не личными мотивами.

— И все таки, возникает еще один очень важный вопрос: Вы видите, что не партия, а вы сами берете на себя инициативу как в выборе лица, которое нужно устранить, так и в способах этого устранения. Но, чтобы санкционировать, при таких условиях, ваше выступление, партия должна знать вас основательно и убедиться, что вы способны не только выполнить акт, но и с надлежащим достоинством держать себя на следствии и суде. А для этого требуется необыкновенное мужество. Партия С. - Р. открыто объявила на жизнь и смерть войну самодержавию. Это правда. Но согласитесь сами, что партия, взявшая на себя страшную ответственность за судьбы своей страны перед целым светом, не может относиться к своим боевым выступлениям легкомысленно, санкционируя экспромтом предложение первого встречного. Боевые акты в гражданской войне являются более однозными, чем массовые убийства при внешней войне. Эта однозность может быть — если не покрыта, то значительно ослаблена в общественном мнении только проявлением высокого энтузиазма, самопожертвования и, если хотите, — истинного патриотизма. Только при таких условиях боевые акты могут быть целесообразны и находить себе оправдание. Поэтому и в Боевую Организацию прививаются не все желающие, а лица, проявившие себя в работе в партии, люди известные и испытанные, на которых можно положиться, что они исполнят свой долг до конца и поддержат честь и достоинство партии и дела, которое она защищает. Боевая деятельность, более чем всякая другая революционная деятельность, должна быть добровольной, т. е. исключаящей всякое принуждение или искусственное давление. Только полная самоотверженная готовность исполнить свой долг до конца, — до смертного конца, — дает людям силу выносить страшные волнения и часто долги лишения в период приготовления к последней битве.... С внешней стороны ваше предложение есть акт вполне добровольный. Но для меня вы являетесь лицом совершенно не знакомым. И позвольте спросить вас еще раз, — знаете ли вы сами себя? т. е. ручаетесь ли вы сами за себя? Не действуете ли вы под давлением какой либо временной, так сказать «навязчивой» идеи? Серьезно советую и прошу вас, обдумайте хорошенько еще раз и проверьте себя .

— Мне очень тяжело вас слушать, Е. Е., Несомненно, вы очень добрый человек, но я пришел не проповеди слушать, а просить совета и помощи. Вы считаете меня неразумным мальчиком.

Но я много пережил и много передумал. Решение мое неизменное. Никто больше Столыпина не заслуживает особого внимания революционеров. В этом и вы, конечно, согласны. Удар в центр быть может был бы более внушительен, но мне, решившему действовать на свой страх, это не по силам. А со Столыпиным я надеюсь справиться один. Повторяю: я знаю, на что я иду, знаю и последствия. Я прошу об одном, чтобы в общих интересах мое выступление сделать внушительным и целесообразным.

— Разрешите мне задать вам два вопроса.

— Пожалуйста. Я признаю за вами право отнестись ко мне самым строгим образом. Вы имеете право знать все и спрашивать обо всем.

— Сколько вам лет?

— Примерно 23.

— Вы получили образование за границей. Имеются у вас собственные средства?

— Своих средств нет, но у меня отец состоятельный человек.

— Вообще, я не понимаю, — откуда взялся у вас такой пессимизм?

— Как?... Почему пессимизм?

— Подумайте сами. Вы блестящий молодой человек, даже еще не успевший совсем расцвести... Умный, образованный, повидавший свет... Если не красавец, то недурен собой. Короче сказать, перед вами открывается блестящая карьера в любой отрасли общественной жизни. При желании вы можете принести огромную пользу культурной работой, не прибегая к таким крайним мерам. И вот, когда перед вами открывается настежь дверь общественной жизни и деятельности, вы вдруг заявляете «Не хочу жениться, хочу застрелиться». Потому что ваше предложение с посторонней точки зрения кажется именно таким нелепым парадоксом.

— Что же, по нашему, молодые люди не должны участвовать в боевой деятельности....

— Нет, в Боевой организации огромное большинство всегда состояло из молодых энтузиастов. Но там они сознавали себя звеном в цепи сложной партийной работы. Как в армии существуют разного рода оружия: пехота, кавалерия, артиллерия, так и в политической борьбе необходимо разделение труда. Артиллеристы, стоя в укромном месте, не чувствуют себя изолированными или забытыми. Они знают, что они исполняют определенную функцию в сложном процессе планомерной борьбы. Они знают, что имеются

люди, вожди, которые скажут, когда нужно выступать или отступить. Доверие к вождям, вера в правое дело устранил из головы организованно действующего человека заботу и тревоги за исход сложного целого. Он понимает, что успех этого целого зависит от поддержания дисциплины, от согласованности действий, от своевременного исполнения своих обязанностей, т. е. приказов со стороны лиц, специально наблюдающих за общим ходом битвы или движения. Тогда внимание отдельного воина сосредоточивается на выполнении только своих специальных обязанностей, часто чрезвычайно мелких и в то же время абсолютно необходимых. Когда сражение кончается победой, честь победы принадлежит всем, от простого солдата до главнокомандующего. Все это столь же справедливо и в сфере социальной или политической борьбы! При разделении труда, работа каждого чрезвычайно облегчается, потому что упрощается. Не такого положение ваше, вы сами по себе, один представляете целую армию: вы хотите быть и главнокомандующим и простым рядовым солдатом. Вам приходится ставить и цели, определять пути и средства для их достижения и приводить все это самому в исполнение. Не мудрено, если при таких условиях окажутся пробелы либо в определении целей и средств, либо в их достижении и практическом приложении. Вы и швец, и жнец, и на дуде игрец. Не всякий, конечно, способен быть членом боевой организации, но те молодые люди, которые, после многих испытаний, входят, наконец, в Боевую Организацию, только по своему желанию переменяют один род партийной или общественной службы на другой. Это вступление в члены Б. О. вызывается и сопровождается не пессимизмом, а наоборот, — усиленным оптимизмом, даже энтузиазмом, который совершенно удаляет мысль о предстоящей опасности и мысли о будущем: «Что-то скажет княгиня Мария Алексеевна»? Что бы ни случилось с ним, он знает, что его интересы и интересы партии, а значит интересы страны, народа или человечества совершенно тождественны. Есть люди близкие, товарищи, которые будут защищать его идеи, его действия, и как бы ни безнадежно было современное положение, но придет время, и будущие поколения поймут мотивы его деятельности, поймут и оправдают поступки его. Повторяю, ваше положение совершенно иное. Вы идете на смерть в одиночку, без связи даже с близкими товарищами. Такое поведение указывает на какое-то разочарование, на утрату веры в идеал, в красоту общественной жизни, на равнодушие к своей собственной жизни. Вот что я называю большим пессимизмом, который не вяжется ни с

вашим возрастом, ни с вашим общественным положением.

— Какой же ваш ответ на мое предложение, которое я после долгих размышлений решил поверить вам? Примите во внимание, что с такими предложениями и совещаниями не ходят славить из двора во двор. Мне не с кем больше посоветоваться о моих планах. Поэтому, подумайте на досуге о том, что я вам сказал, и позвольте мне еще раз зайти и побеседовать с вами. Я питаю надежду, что, надея справки обо мне и ознакомившись лично со мною, вы отбросите филантропию и перестанете жалеть легкомысленного молодого юношу, который хочет сметь свое мнение иметь, не спросившись более зрелых людей. Я вижу, — ваше настроение отеческое, а не деловое. Вы хотите наставить меня на путь истинный, дабы я усердно занимался своей адвокатской практикой и между прочим всякой иной культурной деятельностью; почитывал и пописывал революционные брошюрки, и т. п. А между тем вы ведь, знаете лучше меня — во что обошелся манифест 17 октября. Ведь, после уже манифеста карательные экспедиции залили рабочей и крестьянской кровью всю страну. Где I и II Думы? Ведь всему свету известно — как и при каких условиях они были разогнаны и какими последствиями сопровождались. Я еврей, и позвольте вам напомнить, что мы и до сих пор живем под господством черносотенных погудей. Евреи никогда не забудут Крушеванов, Дубровиных, Пуришкевичей и тому подобных злодеев. А где Герценштейн? а где Юлос? Где сотни и тысячи других растерзанных евреев — мужчины женщины и детей, с распоротыми животами, с отрезанными носами и ушами? Если в массах и выступают иногда активно против таких злодеяний, то расплачиваться в таких случаях приходится «стрелочникам», главные же виновники остаются безнаказанными. Указывать массам действительных виновников лежит на обязанности социалистических партий и на интеллигенции вообще. Вы знаете, что властным руководителем идущей теперь дикой реакции является Столыпин. Я прихожу к вам и говорю, что я решил устранить его, а вы мне советуете вместо этого заняться культурной адвокатской деятельностью... Я это объясняю только тем, что вы не подготовлены к обдуманному ответу. Поэтому, я прошу вас обдумать мое предложение и затем, — позвольте мне зайти к вам в другой раз. Время и место укажите сами. Я человек свободный и готов явиться к вам по первому призыву. Я надеюсь, что в следующий раз мы скорее пойдем друг друга.

— В этом отношении наши роли меняются: вы большой оп-

тимист, а я, напротив, пессимист. Во всяком случае, если ваше намерение неизменно, то при всех условиях вы должны вести себя так, чтобы впоследствии не скомпрометировать тех лиц, которых не следует компрометировать. Все свои знакомства вы должны ограничить, — так сказать — присутственными местами... Со мной, официально, вы встречаться не должны, даже у Кальмановичей, где я часто бываю. Приходите через неделю тоже в воскресенье, но вечером, часов в 9.

На прощание Богров с улыбкой и изысканной вежливостью просил извинить его, за его часто непочтительные возражения. На это я ответил тоже улыбкой и глубокой благодарностью ему — за то, что я так дешево отделался за свои неуместные советы и проповеди.

Таким образом, мы расстались очень довольные друг другом, после двух или трех часов беседы.

СПРАВКИ

Тотчас же после ухода Богрова я отправился исполнять поручение. В тот же день был послан нарочный, который должен был предупредить скрывавшегося товарища.

Поздно, вечером того же дня, я пошел к Кальмановичу, который в ту же ночь должен был выехать в Варшаву по судебному делу. Дамы, привезшей мне письма из Парижа, я уже не застал. Так что сообщения полковника Кулябко Департаменту Полиции, основанные на рассказах Богрова, довольно точны. Дама уехала с первым отходящим поездом в Москву.

Я сказал Самуилу Еремеевичу, что через Богрова я получил очень важные письма. Богрова я совсем не знаю и пришел спросить, — что он за человек и можно ли ему доверять. Дамы этой я не застал, а между тем он передавал от нее устные сообщения довольно деликатного свойства. Я нарочито преувеличил свои опасения. Кальманович успокоил меня, говоря, что Дмитрий Григорьевич многообещающий молодой человек, сын почтенного присяжного поверенного в Киеве, хорошо Кальмановичу известно. Дмитрий Богров, благовоспитанный молодой человек, образованный, пачитанный и может быть немножко черезчур радикальный. Но это современем сгладится. Скорее, его следует немного сдерживать. Он слишком привык к вольному заграничному языку. Можете быть спокойны, — закончил Кальманович.

Про себя, внутренне, я относился отрицательно к предложению Богрова, потому что обпаружение провокации Азефа всюду внесло деморализацию в партию. Если бы выступление Столыпина было предпринято партией и организовано, т. е. с принятием во внимание всех предосторожностей, в определенный момент, к которому Ц. К. подготовлен, тогда оно могло быть своевременно и, пожалуй, целесообразно. Но ставить самую партию в зависимость от постороннего человека, который ведет ответственное предприятие за свой страх, при тогдашних настроениях было прямо опасно.

Тем не менее, Богров мне казался симпатичным и во всяком случае искренним. В глубине души у меня сидело убеждение, что Богров руководится каким-то повышенным настроением, на манер фанатической пастойчивости Соловьева в стремлении совершить покушение на жизнь императора Александра II. Я считал его настроение болезненным и предполагал подействовать на него успокоительно, отговорить от жизненной ставки «на-банк» и направить его мысли, силы и способности на более длительную и производительную деятельность. Для того, чтобы, с этой целью, более основательно подготовиться к будущему свиданию с ним, я решил собрать о нем более основательные сведения. Через своих петербургских товарищей я познакомился с киевскими землячествами студентов, с надежными и идейными представителями их, эсэрами, всэками и бундистами. Киевляне всех оттенков единодушно утверждали, что Дмитрий Богров анархист. Относительно моральной оценки мнения эсэров разделились: один дал восторженные отзывы, ибо считал, что знакомство с Богровым заставило его серьезно заняться общественными вопросами. Другой сказал, что Богров человек умный, дельный, анархист, но в своем радикализме — человек просто с жиру бесится. Человек — барин, буржуй, нужды никогда не видал; не прочь покутить. «В таких анархистов я не верю», — записал свой отзыв другой. Но более определенный и более отрицательный отзыв дал мне бундист. Тот прямо сказал, что в серьезных делах лучше с Богровым не связываться.

— Почему? — спрашиваю я.

— Во первых, потому что он анархист и принципиальный скептик. Как бы кто основательно ни говорил, Богров непременно останется при особом мнении. Он никогда не соглашается ни с кем. Но это дело второстепенное.... А я всетаки советовал бы

с ним быть осторожным.... Пожалуйста, чтобы это было между нами... Про него разные пехорошие слухи ходят. Может быть это неверно. Но мы сторопимся от него и он сторопится от нас.

— «Пехорошие слухи», говорите вы, В каком же смысле? В смысле политической неблагонадежности, или в смысле легкомысленной жизни и поведения, кутежей или что нибудь в этом роде?

— Трудно, знаете, сказать что нибудь положительное, когда слышишь разнообразные слухи. Говорят даже, что он оговаривал при дознании. Но вероятнее всего, все эти слухи идут от того, что у анархистов никакой конспирации нет, и набирают они в свою среду всякую дрянь. Лучше стоять подальше от них. Так советуют наши товарищи.

Такие разноречивые отзывы киевлян только укрепили меня в отрицательном ответе на предложение Богрова. Я решил попытаться разбить его мрачное настроение. После расспросов киевлян у меня укрепилась мысль, что Богров истребал нервы, разочарован и впал в пессимизм.

Мои сведения о Богрове были все таки поверхностные и отзывы о нем противоречивые. Приходилось полагаться больше на собственное чутье. Тем более, что киевские студенты - социалисты мне заявили, что на безпристрастие «бундистов» в этом случае полагаться нельзя, ибо Богров — еврей, человек остроумный, любит лезвить, а «бундисты» ко всем евреям - социалистам, стоящим вне «Вувда», относятся вдвойне отрицательно. Сторонник же Богрова отзыв бундиста о Богрове назвал прямой «клеветой». Вернувшийся из Варшавы Кальманович дал самые лестные отзывы о самом Богрове и о его семье. «Что касается до «анархизма» Богрова, сказал он, то, после революции 1905 г. кто из молодежи не увлекался максимализмом?... Теперь же он мне кажется очень рассудительным человеком и, вероятно, будет хорошим присяжным поверенным», — так закончил свой отзыв Кальманович. Помните, что Кальманович даже предупредил меня, что Богров хочет переговорить со мной по какому-то важному делу, и спрашивал Кальмановича, можно ли со мной, Лазаревым, иметь дело для сношений с всеровской партией. Кальманович дал обо мне лестный отзыв. Этот запрос Богрова Кальмановичу был раньше приезда дамы из Парижа. Значит, Богров не обманывал, когда при свидании сказал мне, что независимо от данного поручения, он хотел видеть меня и даже чуть ли не для того и в Петербург

приехал.

При таких условиях произошло мое второе свидание с Богровым.

ВТОРОЕ СВИДАНИЕ С БОГРОВЫМ

Во второе свидание мы просидели и побеседовали более 3 часов. Богров пришел ровно в 9 часов и ушел за полночь. Я не буду подробно излагать все разговоры. И им, и мною были повторены аргументы первого свидания.

На вопрос, — к какому заключению я пришел по поводу его предложения, я прямо ответил, что решил по дружески отговорить его от выступления.

— Глядя на вашу молодость, образование, опытность и физическое здоровье, я совершенно убежден, что ваше крайнее решение было навеяно болезненным настроением. Мы ведь условились говорить друг с другом откровенно, — продолжая я. Я, напр., причиной вашего мрачного взгляда на жизнь, предполагаю несчастную любовь... Какова бы ни была причина вашего пессимизма, для меня ясно, что вы, охваченный тяжелым настроением, спесил яйцо, и, уединившись от всего света, как клушка сели на него и стали высидывать, надеясь получить цыпленка. Между тем, какое бы горе не наваливалось на человека, пока человек жив, всякое его горе — дело преходящее. Ведь, подумайте хорошенько, — раз это не личная месть, а глубоко общественное служение, зачем вы уставились глазами на кончик своего носа и не хотите видеть широких горизонтов общественной, национальной и мировой жизни, в которой растворяется личная жизнь? Ведь в нынешние времена общественная жизнь, в которой нам приходится участвовать, бесконечно сложна и требует самой разнообразной деятельности. Вы еще только вступаете в жизнь, и мне кажется, что при вашей решимости к самопожертвованию, и с вашими способностями вы могли бы принести пользы неизмеримо больше на других поприщах общественной жизни. А такие индивидуальные и изолированные выступления обыкновенно являются для всех неожиданными и, вызывая неизбежную реакцию, редко бывают удачными.

Вследствие этого, при неудаче, даже радикальные слои общества начинают нападать на изолированного неудачника. —

Я привел, как пример, покушение Березовского, Каракозова и Соловьева на Александра II, которые вели себя на суде с достоинством и умерли героями. Критикуя намерения своего собеседника, я провел аналогию между ним и Соловьевым. Тот тоже задумал убить царя, и как его ни уговаривали отказаться от этого намерения, он все-таки настоял на своем.

Богров внимательно выслушивал мои рассуждения, вставляя вопросы относительно дела Соловьева. В разговоре мы вспоминали разные случаи изолированных и организованных покушений, вплоть до дела Петрова.

— Но представьте себе, сказал Богров, — что намерение мое неизменно. По каким причинам такая боевая партия, как ваша, может отказаться от содействия со стороны идейных добровольцев, вроде меня? Я знаю, что успешное покушение на царя, — имело бы более существенное значение, но я не берусь за это потому, что для отдельного лица это дело теперь невозможное. Но я избираю не третье-разрядного стрелочника, а можно сказать второе лицо после царя. В оценке выступления против Столыпина едва ли можно сомневаться. Вы стоите на ложной точке зрения. Вам, повидимому, просто жаль меня. Я очень ценю это, но я прошу вас стать на деловую точку зрения. Ведь этот план я составил сам, не спрашивая никакой партии и решил сам без помощи кого либо, привести его в исполнение. Я все равно так и сделаю, но меня тяготила одна мысль; мой поступок могут истолковать так, что мой акт потеряет всякое политическое значение. Я уж вам говорил: какое значение будет иметь смерть Столыпина, если его случайно убьет сорвавшаяся вывеска, или его прикончит муж его любовницы? Егор Егорович... Вы первый, с кем я решил поделиться своими тревогами... Будьте старшим другом... отцом родным... Помогите мне добыть санкцию вашей партии. Мне казалось, что Ц. К. нашей партии не может отказать в моей просьбе... Поймите меня и то, что я прошу... Я не прошу никакой ни материальной, ни технической помощи от партии. Я знаю, что единственное возражение, которое, я мог ожидать, состоит в том, что вы и партия меня не знаете и не можете положиться, как я буду себя вести после акта и на суде. Вот, единственно это возражение, которое я хотел бы устранить. Что я предлагаю и прошу?... Обра-

тите на это внимание, — продолжал Богров умоляющим тоном, который меня и удивил и привел в смущение. — Я прошу партию о том, чтобы она санкционировала мой акт только в том случае, если она убедится, что я веду себя достойно и умру тоже достойно.

До самой смерти я не буду ангажировать партию. Пусть партия обещает, только, что она публично санкционирует мой акт после следствия и суда. Но мне это нужно знать теперь же, чтобы знать как себя держать. Вас же я прошу об одном, — передать мое предложение на усмотрение Ц. К. партии и поддержать его.

Признаться, слыша это, я был внутренне смущен: волнение Богрова передалось и мне. Но из этого волнения, в искренности которого я не мог сомневаться, я заключил, что он пуждается в дружеской, чисто моральной поддержке. Поэтому не показывая своего смущения, я твердым голосом сказал:

— Добрейший Дмитрий Григорьевич.... Я вижу, что вы не со вчерашнего дня носите эту мысль в вашей душе, и до сих пор вы варились в собственном соку. Но послушайте моего чисто дружеского, товарищеского совета: Отложите и пересмотрите ваше решение. Это необходимо и для вас самих, это необходимо и в интересах партии. Для вас, — потому, что при ваших способностях и решительном характере вы сделаете больше добра на других поприщах, а если бы когда нибудь и понадобилась боевая деятельность, так она не уйдет от вас. Между тем, захваченный этой идеей, вы мешаете себе жить всесторонней жизнью. И обещаю вам: если мы встретимся через год, что мы вместе посмеемся над вашим теперешним настроением. Но еще важнее это для партии. Почему вы знаете, что партия сама оставила в покое Столыпина? Такое ответственное выступление партия не может передоверить третьему и постороннему партии лицу. Помните, что я вполне ценю ваше доверие, с которым вы обратились ко мне. Я сочувствую вашему доброму гражданскому настроению, но я откровенно вам скажу, что партия не примет вашего предложения, а я отказываюсь передать его на усмотрение Ц. К.

— Почему же?...

— А потому что вы анархист... Не потому, что я против анархистов... У меня много друзей - анархистов. Но с точки зрения партийной и политической целесообразности, единение в таком ответственном деле социалистов - революционеров с анар-

хистами — недопустимо, вредно. Вы рассудите сами. Допустим, что акт совершился. Вы, анархист, арестованы. Кому придет в голову, что этот акт дело партии? Если вы прикроетесь партией, вам никто не поверит, и во всяком случае партия должна будет тотчас же высказаться, — подтвердить или опровергнуть. Если партия теперь санкционирует ваше выступление, она не может молчать тогда. Она должна будет подтвердить. Но во что тогда превратится партия?... Для анархистов борьба с государством и правительствами всеми средствами есть дело принципиальное. Для нас, социалистов, террористические акты могут быть допустимы только в исключительных случаях и только тогда, когда по совокупности обстоятельств каждый отдельный случай может найти себе достаточное оправдание в общественном мнении. Все социалистические партии уже пережили болезненный период экспроприаций. А наша партия уже переболела максимализмом. Как она может теперь сходить с ясно установленной позиции и сближаться с анархизмом? Если нужно устранить Столыпина с политической сцены, то партия это должна взять на себя сама, и акт совершить должны ее собственные члены, эсеры, а не анархисты.

— Но если бы вы передали мое предложение на усмотрение Ц. К., может быть он отнесется иначе, чем вы?

— Помните, Д. Г., дабы не было между нами никаких недоразумений, мы должны быть абсолютно откровенны друг с другом. Теперь я спрашиваю вас: хотите вы послушать меня и отложить, или даже оставить совсем, ваше намерение, или вы с упорством фанатика, будете настаивать на своем? С своей стороны, я считаю ваше предложение в настоящий момент настолько неприемлемым, что если бы я передал его на усмотрение Ц. К., то лично я стал бы настаивать, чтобы оно было отвергнуто. Это касается пункта о санкциях вашего предложения нашей партией. И я вам сказал почему. Что касается до моей личной оценки ваших планов, то я, как и социалдемократы и вообще русская интеллигенция, только порадуясь, если Столыпин будет наказан за все его реакционные подвиги. Но ведь вы интересуетесь не лично моей оценкой вашего поведения, а вы добиваетесь, чтобы партия взяла заранее на себя ответственность за ваше поведение, контролировать которое она не может. На это партия не согласится, и передавать ей об этом бесполезно. Все, кого я ни спрашивал, отзываются о вас, как

о заведомом анархисте. В последнее время партия получила столько жестоких ударов как от провокации, так и от ошибок своих собственных членов, что подвергнуть свою репутацию новым испытаниям она не согласится. Я вас убедительно прошу, и настаиваю, чтобы вы не пытались искать никакого другого посредничества: ни Николая Яковленича ни Нины Александровны, тем более, вы понимаете, что это люди нелегальные, и живут по кличкам. И вот, прежде чем расстаться, я прошу вас сказать мне определенно: согласны ли вы пересмотреть ваше решение и войти в общую революционную и культурную работу, или вы остаетесь при прежнем решении и желаете идти своей дорогой? Каков бы ни был ваш ответ, он должен быть искренним и нелицеприятным. Если вы откажетесь от вашего намерения, вы развяжете самого себя, и перед вами откроются широкие горизонты полезной общественной деятельности. Тогда, чем шире будет круг вашего знакомства и общественных связей, тем лучше. Если же вы остаетесь при прежнем решении, ваша жизнь и поведение должны быть обставлены так, чтобы в случае нашего выступления было скомпрометировано как можно меньше народа. Вы должны будете тогда прекратить всякие сношения не только со мной, но и вообще с радикальной и учащейся молодежью. Я жду вашего ответа....

Но ответа долго не было. Богров все время моей последней речи сидел за столом, подпирав голову на ладонь. Как теперь помню: не получая ответа, — потому ли что он огорчен, или потому что обдумывает ответ, — я сказал: «Подумайте хорошенько», и тотчас же на несколько минут вышел из комнаты.

Когда я вернулся, Богров стоял с шляпой в руке.

— Неужели это последнее ваше слово? — сказал он. Признаюсь, я и теперь не понимаю причин вашего отказа. Я был настолько уверен в вашем благоприятном ответе, что соответственно перестроил всю свою жизнь. Ведь, я приехал сюда с двойной целью, чтобы повидаться с вами и для того, чтобы быть ближе к цели. Я уже заранее здесь обеспечил себе положение и надеюсь скоро устроиться так, что смогу иметь доступ к разным высокопоставленным лицам. Я ни в какой посторонней помощи не нуждаюсь, и санкции партии прошу только под условием, если докажу, своим поведением после вероятного ареста, следствия и суда. Большого для партии я не могу ни дать ни обещать. Признаюсь, наше отношение во многом расстраивает все мои планы. Я вновь

остаюсь на-едине с своими думами, совершенно изолированным. У меня вновь нет никого, кто бы мог авторитетно истолковать мое поведение и объяснить его не личными, а общественными мотивами... Я убедительно вас прошу, подумать еще раз. Перед партией и перед всей страной ваш отрицательный ответ столь же ответственен, как и ответ положительный. В подтверждение я скажу: несмотря ни на что, я постараюсь привести свое решение в исполнение. Я стремлюсь сделать мое выступление более целесообразным, а вы этому мешаете. Вот результат наших разговоров...

Все это было сказано Богровым с сдержанным чувством, и тоном, переходящим в агрессивность, так что я очутился в положении человека, которому приходилось защищаться. Было уже поздно и надо было кончать и расставаться.

— Мы люди взрослые, и учить нам друг друга не приходится. Самый предмет разговора требовал честного отношения к вам, т. е. полной искренности и откровенности. По вашей инициативе произошел обмен мнениями: вы высказали ваше мнение, а я высказал свое, Я не осуждаю вашей инициативы, я только против того, чтобы партия приписывала на себя ответственность за ваше индивидуальное выступление. Надеюсь, мы расстанемся друзьями..

На этом мы расстались. Я предполагал — навсегда. Но недели через две, когда впечатления от сношения с ним стали улетучиваться, поздним вечером, часов в 9, совершенно неожиданно Богров пришел еще раз на мою квартиру. На этот раз свидание продолжалось лишь несколько минут. Он вошел в комнату, не раздеваясь, в легком летнем пальто.

— Простите, Е. Е., обстоятельства заставляют меня еще раз обратиться к вам и просить категорически ответить: могу я надеяться на поддержку партии или нет.

— Я считал вопрос выясненным, — сказал я и другого ответа дать не могу....

— В таком случае, еще раз прошу извинить меня, что побеспокоил вас. Согласно вашему указанию, — этого больше не случится.

Он протянул руку, мы попрощались, и он немедленно ушел. После того я его не встречал ни у Кальмановичей, ни на улицах, ни в каких общественных собраниях. И самый образ его улетучился из моей памяти.

В мае 1911 г. я был уже у себя, в Швейцарии, а 2 сентября весь свет уже знал, что Столыпин смертельно ранен Дмитрием Богровым, от чего через несколько дней, 5-го сентября, скончался. Только тогда я рассказал товарищам о моих сношениях с Богровым.

Из воспоминаний Лазарева следует, что эсеровская партия не давала Богрову санкции на убийство Столыпина. Между тем этот вопрос — от имени какой партии действовал Богров — был всегда одним из важнейших. В русском обществе со времен народолюбцев повелось признавать *политическими* только те убийства, которые санкционировались какой-либо *политической* партией или группой; в противном случае они считались уголовными. Какая же партия ответственна за выстрелы в Киеве? Неожиданный ответ дает Александр Солженицын в «Августе Четырнадцатого», где он подробно, используя исторические документы, прослеживает все обстоятельства покушения. Свой вывод он изложил в интервью французскому телевидению, взятом у него 31 октября 1983 г. в связи с выходом книги в переводе на французский язык. Соглашаясь с замечанием интервьюера, что «описание терроризма делает 'Август Четырнадцатого' очень актуальным для современного читателя», Солженицын говорит о Богрове, как представителе нового типа террористов, порожденного российской революцией:

Богров — совсем особенное явление. Всех остальных террористов направляла организованная сила: иди и убей! и неважно, что будет с тобой. А Богров — его никто не направляет. Его направляет, страшное дело, общественное мнение. Вокруг него существует как бы поле, идеологическое поле. И в этом идеологическом поле — государственный строй России считается достойным уничтожения. Столыпин считается ненавистной фигурой — за то, что он Россию оздоравливает и тем спасает. Никто не говорит Богрову: пойд и убей! Он не связан практически ни с каким подпольем. Ему 24 года, и он в 24 года решает, что он, пожалуй, убьет Столыпина и повернет направление России. Это более сложный, структурно более тонкий способ манипуляции — не простого подполья, а идеологического поля, общего направления. Но это еще страшнее, потому что, как видите, само идеологическое настроение общества может создать террор.

(Газета «Русская мысль», Париж, 1 ноября 1984 года. Специальное приложение. Интервьюировал известный тележурналист Бернар Пиво для своей еженедельной программы «Апострофы». Первый показ интервью состоялся 9 декабря 1983 г.)

Письмо Богрова родителям
1 сентября 1911

Дорогие мои, маме
папа и мама!

Знаю, что вы естественным
огорчены и поражены от
ударов, который я вам
нанесу, и в каждый
момент что естественным
что мне убивает. Но я
знаю вас не только за са-
мых лучших людей, которых
я встречал в жизни, но и
за людей которые все сво-
ему могут простить.
Простите же и вы, если
я совершаю какую-нибудь
ошибку вашим утверждениям

(См. на об.)

Я иначе не смогу и
вы сами знаете, что вот
два года, как я пробую
отказаться от старого. Но
новая спокойная жизнь не
для меня и, если бы я даже
и сдѣлал хорошую карьеру
я все равно кончил бы
тѣм же, чѣм теперь кончаю
Цѣлую много, много разъ
Митя

Дорогіе мой, милые папа и мама.

Знаю, что васъ страшно огорчить и поразить тотъ ударъ,
который я вамъ наносу, и въ настоящій моментъ это
единственное, что меня убиваетъ. Но я знаю васъ не толь-
ко за самыхъ лучшихъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ
жизни, но и за людей, которые все могутъ понять и про-
стить.

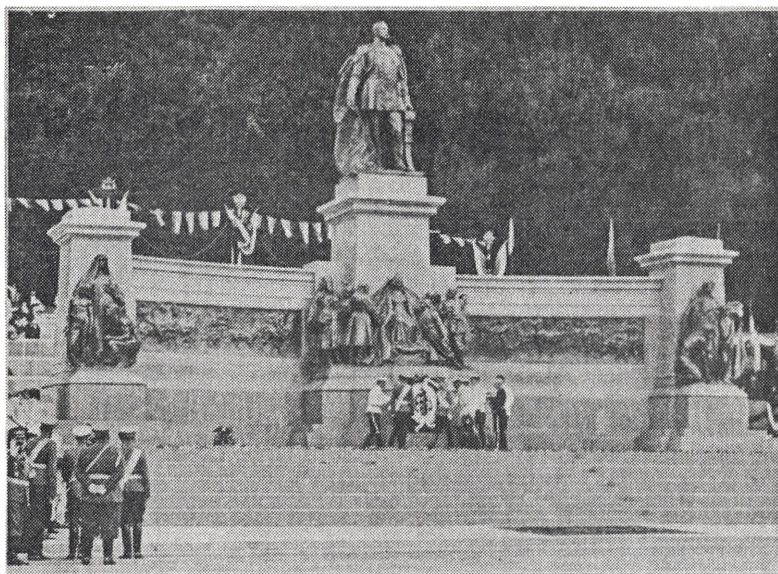
Простите же и меня, если я совершаю поступокъ, про-
тивный вашимъ убѣжденіямъ.

Я иначе не могу, и вы сами знаете, что вотъ 2 года,
какъ я пробую отказаться отъ старого.

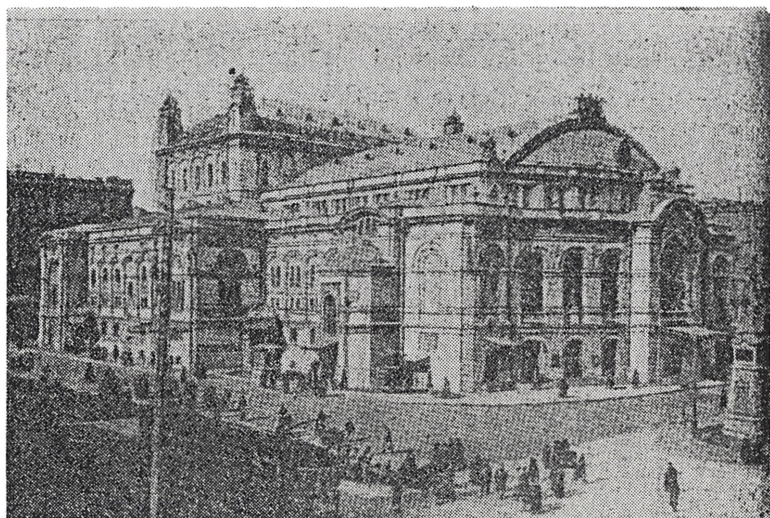
Но новая спокойная жизнь не для меня и если бы я
даже и сдѣлалъ хорошую карьеру, я все равно кончилъ бы
тѣмъ же, чѣмъ теперь кончаю.

Цѣлую много, много разъ. Митя

1 СЕНТЯБРЯ 1911

Киев, 30 августа 1911. Открытие памятника Александру II

Киевский городской театр. В настоящее время Государственный академический театр оперы и балета им. Т. Г. Шевченко.

НИКОЛАЙ II

10 сентября 1911 г. Севастополь.

Милая, дорогая мама.

Наконец нахожу время написать тебе о нашем путешествии, которое было наполнено самыми разнообразными впечатлениями, и радостными и грустными.

Начну по порядку.

Последние недели в Петергофе были переполнены: встречи, официальные приемы, две свадьбы и маневры — все это проходило, как кинематограф. Тебе, наверное, описали обе свадьбы — в Петергофе и в Павловске. Потом в Царском Селе я осматривал почти четыре часа подряд очень интересную выставку в память 200-летия Царского, устроенную в парке около Большого Дворца и вокруг озера. Наконец, в самый день нашего отъезда я был в Петербурге на спуске «Петропавловска», который был чрезвычайно эффектный и привел меня в такое умиление, что я чуть-чуть и разрыдался, как дитя.

В тот же вечер, 27 августа, мы поехали в Киев, куда прибыли 29-го утром. Встреча там была трогательная, порядок отличный. Сейчас же начались у меня приемы. Из Болгарии был прислан Борис ¹⁾ для возложения венка от его отца и народа на памятник апала ²⁾. Освящение состоялось 30-го

авг[уста] при хорошей погоде; мы приехали с холодом и дождем. Следующие три дня 31-го, 1-го и 2-го сентября я проводил на маневрах и большом параде, а эти вечера были заняты в городе.

Я порядочно уставал, но все шло так хорошо, так гладко, подъем духа поддерживал бодрость, как 1-го вечером в театре произошло пакостное покушение на Столыпина. Ольга и Татьяна ³⁾ были со мною тогда, и мы только-что вышли из ложи во время второго антракта, т[ак] к[ак] в театре было очень жарко. В это время мы услышали два звука, похожие на стук падающего предмета; я подумал, что сверху кому-нибудь свалился бинокль на голову, и вбежал в ложу.

Вправо от ложи я увидел кучу офицеров и людей, которые тащили кого-то, несколько дам кричало, а прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой.

Тут только я заметил, что он побледнел и что у него на кителе и на правой руке кровь. Он тихо сел в кресло и начал расстегивать китель. Фредерик ⁴⁾ и проф. Рейн ⁵⁾ помогали ему.

Ольга и Татьяна вошли за мною

Письмо Николая II матери, Императрице Марии Федоровне. Журнал «Красный архив», 1929, №4(35), раздел «Из записной книжки архивиста», стр. 209-211.

в ложу и увидели все, что произошло. Пока Столыпину помогали выйти из театра, в коридоре рядом с нашей комнатой происходил шум, там хотели покончить с убийцей, по моему — к сожалению, полиция отбила его от публики и увела его в отдельное помещение для первого допроса. Все-таки он сильно помнит и с двумя выбитыми зубами. Потом театр опять наполнился, был гимн, и я уехал с дочками в 11 час. Ты можешь себе представить, с какими чувствами?

Аликс⁶⁾ ничего не знала, и я ей рассказывал о случившемся. Она приняла известие довольно спокойно. На Татьяну оно произвело сильное впечатление, она много плакала, и обе они плохо спали.

Бедный Столыпин сильно страдал в эту ночь, и ему часто впрыскивали морфий. На след[ующий] день, 2 сент[ября], был великолепный парад войскам на месте окончания маневров — в 50 верстах от Киева, а вечером я уехал в гор. Овруч, на восстановление древнего собора св. Василия XII века.

Вернулся в Киев 3 сент[ября] вечером, заехал в лечебницу, где лежал Столыпин, видел его жену, кот[орая] меня к нему не пустила. 4 сент[ября] поехал в 1-ю Киевскую гимназию — она праздновала свой 100-летний юбилей. Осматривал с дочерями военно-исторический и кустарный музеи, а вечером пошел на пароходе «Головачев» в Чернигов. В реке было мало воды, ночью сидели на мелководье 10 и вследствие всего этого пришли в Чернигов на полтора часа позже. Это небольшой город, но также красиво расположенный, как Киев. В нем два очень древних собора. Сделал смотр пехотному полку и 2 000 потешных, был в дворянском собрании, осмотрел музей и обошел крестьян всей губернии. Поехал на пароход к заходу солнца и поплыл вниз по течению.

6 сент[ября] в 9 час. утра вернулся в Киев. Тут, на пристани узнал от Коковцова⁷⁾ о кончине Столыпина. Поехал прямо туда, при мне была отслужена панихида. Бедная вдова стояла, как истукан, и не могла плакать; братья ее и Веселкина находились при ней. В 11 час. мы вместе, т. е. Аликс, дети и я, уехали из Киева с трогательными прощаниями и порядком на улицах до конца. В вагоне для меня был

полный отдых. Приехали сюда 7 сент[ября] к дневному чаю. Стоял дивный теплый день. Радость огромная по-пасть снова на яхту!

На следующий день, 8 сентября, сделал смотр Черноморскому флоту и посетил корабли: «Пантелеймон» «Иоанн Златоуст» и «Евстафий». Последние два совсем новые. Действительно блестящий вид судов и веселые молодецкие лица команд привели меня в восторг, такая разница с тем, что было недавно. Слава богу!

Всего на рейде стоит: 6 броненосцев, 2 крейсера, 20 больших миноносцев и 2 транспорта. В этом составе эскадра обошла все Черное море и также заграничные порты.

Тут я отдыхаю хорошо и сплю много, потому что в Киеве сна не хватало: поздно ложился и рано вставал.

Аликс, конечно, тоже устала: она в Киеве много сделала в первый день и кое-кого там видела, в другие дни хотя никуда не выезжала, кроме, конечно, освящения памятника. Она сама находит, что чувствует себя лучше и крапче, нежели два года тому назад, при приезде в Севастополь.

11 сентября.

Утром ездил с детьми к обедне на Братское кладбище, которое теперь приведено в большой порядок благодаря Комитету Севастопо[льской] обороны Сандро⁸⁾ и его помощника ген. Зайончковского. — Третьего дня был шторм, и как раз попала в него на переходе сюда из Одессы бедная Ирина⁹⁾. Она долго не могла встать утром и присхала к нам перед завтраком злая и молчаливая. Позже она разленилась и уехала в Айтодор на моторе.

Многие из господ ездят в Ливадия и привозят очень приятные известия о новом доме; его находят красивым снаружи, уютным и удобным внутри. Мы придем туда к 20-му, как просит нас архитектор Краснов; раньше не стоит, т[ак] к[ак] Аликс лучше отдохнет на яхте, чем в доме с неустраиваемыми комнатами!

И пахуюсь в переписке с Коковцовым относительно будущего министра внутренних дел. Выбор очень трудный. Надо, чтобы вновь назначаемый знал хорошо полицию, кот[ор]

рая] сейчас в ужасном состоянии. Этому условию отвечает государственный секретарь Макаров¹⁰⁾; он был товарищем при Столыпине и год тому назад составил законопроект о полиции. Я еще думаю о Хвостове,¹¹⁾ бывшем вологодским губернатором, теперь он в Нижнем. Не знаю, на ком остановиться.

Теперь пора кончать.
Христос с тобой! Крепко обнимаю
тебя, моя дорогая мама. Поклон
всем.

Сердечно тебя любящий твой

Н и к и.

Примечания составителя

1) *Борис* — сын и наследник болгарского царя Фердинанда; на престоле с 1918 по 1946.

2) «*apapá*» — так Николай II в интимной переписке с матерью называл своего деда, императора Александра II.

3) *Ольга* (род. 1895) и *Татьяна* (род. 1897) — великие княжны, старшие дочери Николая II. Расстреляны вместе со всей царской семьей в ночь на 17 июля 1918 в Екатеринбурге (Свердловск).

4) *Владимир Борисович Фредерикс* (1838-1927) — барон, граф, министр императорского двора.

5) *О Г. Е. Рейне* см. примеч. на стр. 197.

6) *Аликс* — Александра Федоровна (род. 1872), императрица, супруга Николая II. Расстреляна в ночь на 17 июля 1918.

7) *О В. Н. Коковцове* см. примеч. на стр. 58.

8) *Сандро* — великий князь Александр Михайлович (род. 1866), внук Николая I, муж старшей сестры Николая II Ксении Александровны. С 1900 по 1905 возглавлял торговый флот России, затем организатор первых авиационных школ. Умер в эмиграции.

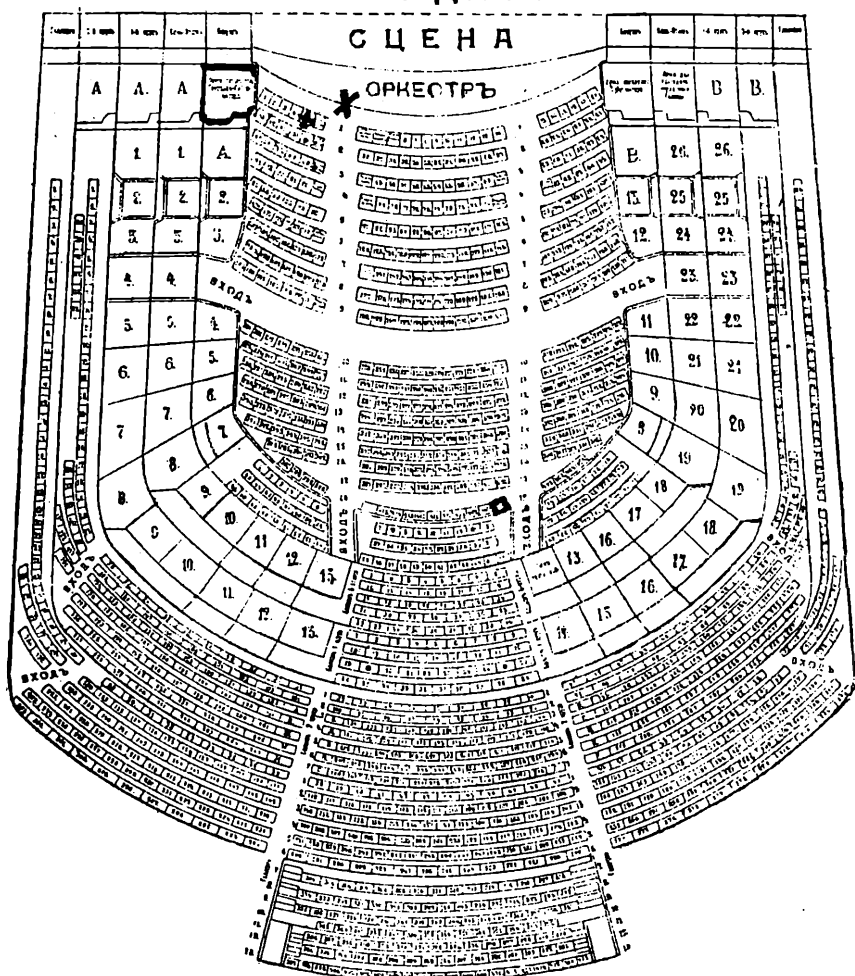
9) *Ирина* — великая княжна Ирина Александровна (род. 1896) — дочь Александра Михайловича, супруга князя Феликса Юсупова, одного из убийц Распутина.

10) *Об А. А. Макарове* см. примеч. на стр. 255.

11) *Алексей Николаевич Хвостов* (1872-1918) — в 1911 нижегородский губернатор, в 1915-16 министр внутренних дел. Расстрелян большевиками в сентябре 1918.

ПЛАНЪ

КИЕВСКАГО ГОРОДСКОГО ТЕАТРА

□ — генерал-губернаторская ложа, в которой во время спектакля находился царь.

+ — кресло № 5 — место Столыпина.

□ — кресло № 406 — место Богрова.

× — место, где стоял Столыпин в момент покушения.

А. С. ПАНКРАТОВ

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ 1911 ГОДА.

(Впечатлѣнія очевидца убійства П. А. Столыпина).

КІЕВСКІЙ городской театр — мѣсто служенія искусству — сдѣлался ареной кроваваго дѣла. Кажется, впервые террористы выбрали театр для совершенія убійства. Нѣтъ болѣе неудобнаго мѣста для ихъ цѣлей, какъ театр. Прежде всего никакой надежды на спасеніе у убійцы возникнуть не можетъ. Около министровъ, на которыхъ болѣе всего охотятся революціонеры, не бываетъ въ театрѣ разношерстной толпы, въ которой можно бы затеряться. Первый рядъ, въ которомъ обычно сидятъ министры на парадныхъ спектакляхъ, всегда въ яркомъ электрическомъ свѣтѣ и у всѣхъ на виду. Подойти къ первому ряду трудно, такъ какъ всегда можно ждать, что проходъ охраняется. Наконецъ выбѣжать некуда — кругомъ нѣсколько полицейскихъ цѣпей. Что касается кіевскаго

событія, то тамъ дѣло еще болѣе усложнялось, такъ какъ на спектаклѣ присутствовалъ Государь Императоръ съ августѣйшими дочерьми. Значить, охрана была усилена.

И все-таки кровавое дѣло совершилось. Охрана не только не спасла, но была введена въ заблужденіе ловкимъ убійцей и охраняла высокопоставленныхъ лицъ отъ всѣхъ, кромѣ самого убійцы.

Дѣло было обставлено такъ, что въ театрѣ на парадный спектакль пройти было очень трудно. Спектакль устраивался городомъ. Билеты были расписаны между видными и всѣмъ извѣстными людьми: чиновниками, дворянами и общественными дѣятелями. И многіе даже изъ такихъ извѣстныхъ людей не получили права входа въ театръ, такъ какъ число мѣсть было ограничено. Часть билетовъ разошлась между думцами, часть между видными кіевлянами: польскими магнатами, состоящими въ придворныхъ должностяхъ или вообще близкими по своимъ симпатіямъ къ русскому двору,

Журнал «Исторический вестник», т. 126, октябрь 1911, стр. 613-639.

Александр Саввич ПАНКРАТОВ (1872-1922) — журналист, в 1911 сотрудник ежемесячника «Новая жизнь» (не путать с большевистской газетой того же названия).

чиновниками, дворянами и военными начальниками. Часть предоставлялась въ пользованіе прїѣхавшихъ съ Государемъ и вообще на кievскія торжества людей. Кромѣ придворныхъ и министровъ съ ихъ приближенными чиновниками, въ Кіевъ съѣхались со всего Юго-Западнаго края губернаторы, вице-губернаторы, предводители дворянства, новые земскіе дѣятели и начальники военныхъ частей. Накопецъ нельзя было отказать въ билетахъ членамъ кievскихъ монархическихъ организацій, которые на торжествахъ вообще играли очень видную роль и которымъ вездѣ отводились лучшія мѣста. Къ длинному списку обязательныхъ гостей управа для фона прибавила горсточку учащихся дѣвочекъ и мальчиковъ, отвѣдя имъ часть галерки. Наконецъ, полиція и жандармерія вмѣла въ театрѣ видное количество своихъ представителей; жандармскій мундиръ можно было встрѣтить въ антрактахъ: въ фойе, въ буфетѣ, въ коридорахъ.

Для за два до перваго сентября я былъ въ городской управѣ и просилъ дать мнѣ билетъ, какъ представителю одной московской газеты. Чиновникъ махнулъ въ отвѣтъ рукой:

— Куда тамъ! Генераламъ отказываемъ...

Это не было преувеличеніемъ. Уже послѣ злополучнаго спектакля я случайно разговорился съ однимъ путейскимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Онъ жаловался и негодовалъ:

— Мнѣ не дали билета, а Богрову дали...

По одному этому можно судить о составѣ посѣтителей параднаго спектакля. Тамъ были отборныя лица. Поэтому ни у кого и мысли не могло возникнуть о возможности какихъ-нибудь революціонныхъ эксцессовъ въ такой парадной обстановкѣ. Террористу немыслимо было пройти туда.

Припоминая разные моменты кievскихъ торжествъ, можно сказать, что убійцамъ представлялось много гораздо болѣе удобныхъ положеній, чѣмъ театрѣ. Начиная съ 29-го августа Государь съ августѣйшей семьей и министры ежедневно бывали среди толпы. Всякій знаетъ, что переодѣтые сыщики и полицейскіе, сдерживающіе толпу,—фикція, какъ охрана. Какъ могутъ они предотвратить несчастье, когда неизвѣстная и разнокалиберная толпа находится въ 3—4 шагахъ отъ высокопоставленныхъ лицъ? Къ тому же часто Государь и за нимъ всѣ экипажи ѣхали тихо. Помню одинъ моментъ: въ первый же день по прїѣздѣ въ Кіевъ Государь Императоръ съ августѣйшей семьей и министрами направились изъ дворца въ Кіевско-Печерскую лавру. Народу было тьма. Кошныя жандармы еле сдерживали толпу въ переулкахъ, прилегающихъ къ Александровской и Никольской улицамъ. Но кое-гдѣ, особенно близко къ лаврѣ, были перерывы, гдѣ на тротуарѣ не было толпы, а стояло 2—3 ряда зрителей. Я попалъ въ одинъ изъ этотъ перерывовъ. Здѣсь было пусто. Тихо замедленной рысью проѣхала мимо насъ процессія. Такихъ моментовъ было много. Толпа была такъ близка къ Государю и министрамъ, что иногда становилось страшно. Купеческій садъ вечеромъ 31-го августа представлялъ уже совсѣмъ удобную позицію для покушенія. Представьте себѣ шеститысячную толпу

въ постоянномъ движеніи при очень тускломъ освѣщеніи. Ночь была темная. Сейчасъ же за линіей сада зіялъ чернѣй обрывъ, въ который можно прыгнуть и исчезнуть. Тамъ уже всякіе слѣды терялись. Убійца могъ просто даже скрыться въ толпѣ. Былъ одинъ моментъ, когда толпа бросилась къ обрыву смотрѣть иллюминацію Труханова острова, смяла и уничтожила цвѣтники. Тутъ въ этой суматохѣ было уже очень легко исчезнуть. До чего трудно было въ этотъ вечеръ предохранить купеческій садъ, въ которомъ были высокіе гости, отъ сомнительныхъ людей, можно судить по такому случаю. Мы, корреспонденты газетъ, стояли около Царскаго шалаша и замѣтили, что въ толпѣ трется какой-то человѣкъ въ мѣщанскомъ картузѣ и пиджакѣ. Всмотрѣлись: и костюмъ, и движенія обличали въ немъ очень подозрительнаго человѣка. Замѣтила полиція и его отвела въ участокъ. Явился вопросъ: какъ онъ вошелъ въ садъ? Да просто, гораздо проще, чѣмъ всѣ мы, къ которымъ предъявили требованіе показать билетъ. Онъ влѣзъ со стороны обрыва въ садъ. Поздно вечеромъ намъ передали, что нѣкоторые изъ фрачниковъ лишились своихъ часовъ. Видимо, работала цѣлая шайка мошенниковъ, которая не вся же цѣликомъ влѣзла по откосу. Можно думать, что часть этой шайки вошла въ садъ и на законномъ основаніи. На такомъ же основаніи могъ проникнуть туда и террористъ. Послѣ оказалось, что Богровъ былъ въ саду, и только какая-то случайность помѣшала ему совершить свое кровавое дѣло здѣсь..

Наконецъ, что касается П. А. Столыпина, то по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ въ первые дни безстрашно ходилъ пѣшкомъ безъ охраны по Институтской улицѣ: изъ генераль-губернаторскаго дома, гдѣ жилъ, въ отдѣленіе государственнаго банка, гдѣ остановился В. Н. Коковцовъ.

Однако судьбѣ угодно было допустить убійство въ томъ мѣстѣ, гдѣ менѣе всего можно было ждать его. Это склоняетъ меня къ мысли, что покушеніе Богрова было случайно, безъ заранѣе выработаннаго плана. А удалось оно только благодаря крайней оплошности охраны и благопріятному для убійцы стеченію обстоятельствъ, въ силу котораго никто не задержалъ Богрова, когда онъ подходилъ къ министру: между тѣмъ ему надо было пройти длинные ряды стульевъ отъ поперечнаго прохода до третьяго ряда.

Билета не имѣли, кромѣ меня, многіе изъ моихъ коллегъ. Лишь два сотрудника мѣстныхъ газетъ сумѣли, благодаря связямъ въ городской управѣ, достать билеты заблаговременно. Но у насъ, безбилетныхъ, оставалась надежда на придворную цензуру, къ которой мы были, такъ сказать, приписаны. Придворная цензура состояла изъ трехъ чиновниковъ: д. с. с. Н. И. Оприца и двухъ его помощниковъ П. Н. Петрова и А. В. Суслова. Всѣ они съ рѣдкой любезностью, мягкостью и добросердечіемъ относились къ намъ. Мы были увѣрены, что намъ, имѣющимъ уже разрѣшительный билетъ отъ императорскаго двора и товарища министра Курлова, генераль Н. И. Оприцъ не откажетъ въ просьбѣ провести въ театръ. Наканувъ онъ провелъ насъ въ купеческій садъ. Но когда я обра-

него стояли военный министр Сухомлиновъ и шталмейстеръ графъ Потоцкій. Первые ряды на большое протяженіе были пусты. Было одиннадцать съ половиною часовъ. Оставалось 12 минутъ до окончанія спектакля: послѣ этого послѣдняго антракта должна была пройти только небольшая картина.

Я вышелъ въ коридоръ, прошелся и когда опять поровнялся съ своей ложей, то услыхалъ два одинъ за другимъ послѣдовавшихъ сухихъ, по рѣзкихъ треска. Первая моя мысль была такова: «Что-то лопнуло. Электрическій приборъ какой-нибудь?». Всѣ были страшно далеки отъ мысли о покушеніи. Какой-то офицеръ пробѣжалъ мимо и проговорилъ: «Это шампанское». Но Н. Н. Балабуха, выбѣжавшій, кажется, изъ буфета, сказалъ: «выстрѣлы». Мы бросились въ свою ложу. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. У меня въ это время промелькнула мысль: «не самоубійство ли?». Потомъ эту мысль вытѣснила другая: «если покушеніе, то поцѣпно на кого?... Послѣ, когда всѣ дѣлились своими впечатлѣніями, я узналъ, что у всѣхъ была эта послѣдняя мысль.

Наша ложа была пуста. Прежде всего до меня донеслось восклицаніе дамы, сидящей за роялемъ въ оркестрѣ:

— Государь живъ.

Общее напряженіе послѣ этихъ словъ немного упало. Одновременно послышался чей-то пронзительный, видимо, женскій крикъ. Кто-то, должно быть, упалъ въ обморокъ. Мы посмотрѣли внизъ и замерли. П. А. Столыпинъ стоялъ блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, лицомъ уже къ сценѣ и лѣнивымъ, вѣрнѣе, большимъ длительнымъ движеніемъ снималъ съ себя китель. Когда снялъ и передалъ кому-то изъ группы, его окружавшей, я увидалъ на его бѣломъ жилетѣ немного повыше праваго кармана красное пятно величиной въ мѣдный пятакъ. Затѣмъ раненый повернулъ лицо къ Государевой ложѣ, которая была уста, и лѣвой рукой сдѣлалъ по направленію къ ней жестъ. Этотъ жестъ я видѣлъ отчетливо. Онъ или усюканвалъ, или, вѣрнѣе всего, предостерегалъ:

— Не ходите сюда.

Послѣ этого онъ сѣлъ въ кресло, вытянулъ какъ-то неестественно ноги и уронилъ голову на грудь. Видимо, онъ сталъ слабѣть. Въ моей памяти запечатлѣлась одна подробность: кто-то въ военнопіи формѣ быстро подошелъ изнутри Царской ложи къ ея барьеру, заглянулъ въ залъ и такъ же быстро удалился вглубь. Кто—я не могъ вспомнить.

Одновременно съ пораненіемъ министра я увидалъ другую картину. Какой-то высокій молодой человѣкъ, мнѣ показалось, бѣлокурый, съ закинутыми назадъ полосами, очень блѣдный, сильнымъ движеніемъ рукъ отбросилъ отъ себя двухъ военныхъ, пытавшихся его схватить, обернулся на мигъ лицомъ къ намъ и кинулся къ правому выходу, но сейчасъ же былъ схваченъ и сбить съ ногъ. Человѣкъ пятьдесятъ чиновниковъ, военныхъ, камергеровъ, «союзниковъ» набросилось на него. Убийцу уже не было видно, онъ лежалъ на полу. Толпа мяла его, терзала, била. Какой-то чиновникъ, стоя въ ложѣ Потоцкихъ около выхода, обнималъ шпату.

Края» и я. Кое-как размѣстились. Ложа была мало удобна для того, чтобы смотрѣть изъ нея на сцену, но зато весь партеръ и, главное, первые ряды его были у насъ на виду, а Царская ложа была прямо противъ насъ.

Театръ весь былъ бѣлый отъ бѣлыхъ платьевъ женщинъ и кителей. Въ партерѣ я насчиталъ только около 20 фрачниковъ и почти всѣ они были расположены сзади, за исключеніемъ петербургскаго городского головы Глазунова, мѣсто котораго было въ третьемъ ряду недалеко отъ кресла П. А. Столыпина.

Минуть за десять до прїѣзда Государя въ залѣ появились министры. Вошелъ Кассо, Сухомлиновъ, Саблеръ. Наконецъ прошелъ къ своему креслу предсѣдатель совѣта министровъ. Взоры всѣхъ были устремлены на него. Онъ сталъ лицомъ къ публикѣ. Его румяное лицо было ясно и, повидимому, спокойно. Никому въ залѣ не приходило въ голову, что черезъ полтора часа этотъ большой, сильный человѣкъ будетъ сидѣть въ креслѣ блѣдный, съ закрытыми отъ слабости глазами. Министръ разговаривалъ о чемъ-то съ подошедшимъ къ нему Кассо. Потомъ бесѣдовалъ съ какимъ-то полнымъ молодымъ администраторомъ. Раскланивался съ Глазуновымъ и другими лицами. Однимъ изъ послѣднихъ вошелъ въ залъ В. Н. Коковцовъ и прошелъ въ противоположную отъ кресла П. А. Столыпина сторону перваго ряда, ближе къ нашей ложѣ.

Наконецъ, около 9 часовъ прїѣхалъ Государь съ двумя августѣйшими дочерьми: Ольгой и Татьяной. Государь сѣлъ въ выступѣ генераль-губернаторской ложи и былъ весь открытъ театру. Около него, также на виду у зрителей, сѣли августѣйшія княжны. Намъ было видно, что въ глубинѣ Царской ложи рядомъ съ Государемъ занялъ мѣсто болгарскій княжичъ Борисъ Тырновскій, а за нимъ великіе князья Андрей Владимировичъ и Сергѣй Михайловичъ. Одинъ изъ великихъ князей положилъ на барьеръ передъ Государемъ афишу, которую Царь уже въ темнотѣ долго рассматривалъ и читалъ и затѣмъ передалъ дочерямъ.

Послѣ троекратнаго гимна начался первый актъ «Сказки о Царѣ Салтанѣ». Постановка была прекрасная, голоса также недурны. Играли г-жа Воронецъ, которую выписали специально для этой пьесы изъ Одессы, гг. Улухановъ, Орѣшкевичъ, Томскій (Кочуровъ) и др. Я видѣлъ, какъ Столыпинъ во время перваго дѣйствія раза два взглянулъ на Государя. Казалось, что его мало интересуесть сцена, а тревожить или просто занимаетъ что-то другое. Но лицо его попрежнему оставалось внѣшне спокойно. Кончился актъ. Всѣ встали. Государь просидѣлъ на мѣстѣ минуту и затѣмъ вышелъ въ свое фойе. Туда же направились и великія княжны. П. А. Столыпинъ оставался на мѣстѣ. Около него образовалась группа. Сзади его кресла, но въ третьемъ ряду, я увидалъ его великорослаго адъютанта-гѣлохранителя г. Есаулова.

Такъ же прошелъ и второй актъ, послѣ котораго всѣ присутствовавшіе въ Царской ложѣ ушли въ свое фойе. П. А. Столыпинъ всталъ, повернулся лицомъ къ публикѣ и оперся на барьеръ. Около

него стояли военный министр Сухомлиновъ и шталмейстеръ графъ Потоцкій. Первые ряды на большое протяженіе были пусты. Было одиннадцать съ половиною часовъ. Оставалось 12 минутъ до окончанія спектакля: послѣ этого послѣдняго антракта должна была пройти только небольшая картина.

Я вышелъ въ коридоръ, прошелся и когда опять поровнялся съ своей ложей, то услыхалъ два одинъ за другимъ послѣдовавшихъ сухихъ, но рѣзкихъ треска. Первая моя мысль была такова: «Что-то лопнуло. Электрическій приборъ какой-нибудь?». Всѣ были страшно далеки отъ мысли о покушеніи. Какой-то офицеръ пробѣжалъ мимо и проговорилъ: «Это шампанское». Но Н. Н. Балабуха, выбѣжавшій, кажется, изъ буфета, сказалъ: «выстрѣлы». Мы бросились въ свою ложу. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. У меня въ это время промелькнула мысль: «не самоубійство ли?». Потомъ эту мысль вытѣснила другая: «если покушеніе, то понятнo на кого»... Послѣ, когда всѣ дѣлились своими впечатлѣніями, я узналъ, что у всѣхъ была эта послѣдняя мысль.

Наша ложа была пуста. Прежде всего до меня допелось восклицаніе дамы, сидящей за роялю въ оркестрѣ:

— Государь живъ.

Общее напряженіе послѣ этихъ словъ немного упало. Одновременно послышался чей-то пронзительный, видимо, женскій крикъ. Кто-то, должно быть, упалъ въ обморокъ. Мы посмотрѣли внизъ и замерли. П. А. Столыпинъ стоялъ блѣдный, безъ кровинки въ лицѣ, лицомъ уже къ сценѣ и лѣнивымъ, вѣрнѣе, большимъ длительнымъ движеніемъ снималъ съ себя китель. Когда снялъ и передалъ кому-то изъ группы, его окружавшей, я увидалъ на его бѣломъ жилетѣ немного повыше праваго кармана красное пятно величиной въ мѣдный пятачекъ. Затымъ раненый повернулъ лицо къ Государевой ложѣ, которая была пуста, и лѣвой рукой сдѣлалъ по направленію къ ней жестъ. Этотъ жестъ я видѣлъ отчетливо. Онъ или успокаивалъ, или, вѣрнѣе всего, предостерегалъ:

— Не ходите сюда.

Послѣ этого онъ сѣлъ въ кресло, вытянулъ какъ-то неестественно ноги и уронилъ голову на грудь. Видимо, онъ сталъ слабѣть. Въ моей памяти запечатлѣлась одна подробность: кто-то въ военнопіи формѣ быстро подошелъ изнутри Царской ложи къ ея барьеру, заглянулъ въ залъ и такъ же быстро удалился вглубь. Кто—я не могъ вспомнить.

Одновременно съ пораненіемъ министра я увидалъ другую картину. Какой-то высокій молодой человѣкъ, мнѣ показалось, бѣлокурый, съ закинутыми назадъ волосами, очень блѣдный, сильнымъ движеніемъ рукъ отбросилъ отъ себя двухъ военныхъ, пытавшихся его схватить, обернулся на мигъ лицомъ къ намъ и кинулся къ правому выходу, но сейчасъ же былъ схваченъ и сбитъ съ ногъ. Человѣкъ пятьдесятъ чиновниковъ, военныхъ, камергеровъ, «союзниковъ» набросилось на него. Убійцу уже не было видно, онъ лежалъ на полу. Толпа мяла его, терзала, била. Какой-то чиновникъ, стоя въ ложѣ Потоцкихъ около выхода, обматывалъ шапку.

Блеснуло лезвіе и опустилось на убійцу. Этотъ же чиновникъ выскочилъ изъ ложи на спину или на грудь его и сталъ топтать. Въ эту страшную минуту театръ жилая страшною жизнью. Сверху изъ ложъ изступленно кричали:

— Убить его! Убить!

Кричали женщины. Кричали истерически, жестикулируя руками. У мужчинъ оказалось болѣе благоразумія. На крикъ «убить» они отвѣчали:

— Зачѣмъ убивать? На судъ. Оставьте его.

У меня осталась въ памяти такая картина. Рядомъ съ нами была ложа извѣстнаго кievскаго администратора. Тамъ стояли двѣ женщины и кричали: «убить». Я видѣлъ ихъ изступленные лица. А онъ урезонивалъ.

— Что вы! Что вы! Развѣ можно?

Среди яростныхъ криковъ толпы, избивающей убійцу, вдругъ выдѣлился одинъ хриплый голосъ:

— Гимнъ.

Но его не поддержали. Нашъ сосѣдъ по ложѣ закричалъ:

— Не надо... Министръ еще въ залѣ.

Потомъ избитаго убійцу толпа выволокла изъ зала. Я его больше не видалъ. Перевелъ глаза на Столыпина. Онъ сидѣлъ, склонившись на бокъ, закрывъ глаза. Его поддерживали. Въ газетахъ писали, что послѣ выстрѣловъ находившіяся вблизи премьера лица побѣжали отъ него прочь. Это невѣрно. Всѣ остались здѣсь и окружили раненаго. Его подыали человекъ восемь и, насколько можно осторожно, вынесли изъ зала. Этотъ переносъ, видимо, усилилъ боль, — гримасы блѣднаго лица выдавали мучительныя страданія. Министръ сжалъ зубы, чтобы не стонать и не кричать.

Процессія съ раненымъ еще не вышла изъ зала, какъ въ ложѣ появился Государь. Открыли занавѣсъ. Вся труппа въ костюмахъ, во главѣ съ антрепренеромъ Брыкинымъ и режиссеромъ Гедевичемъ, стояла на сценѣ. Запѣли гимнъ. вмѣстѣ съ артистками запѣлъ весь театръ. Подъемъ былъ необычайный. Нѣкоторыя артистки стояли на сценѣ на колѣняхъ и протягивали руки къ Государю. Государь кланялся. Театръ кричалъ «ура». Гимнъ былъ повторенъ три раза. Когда Государь ушелъ, кто-то на верхахъ запѣлъ «Спаси, Господи». Его поддержали артисты и весь театръ. Молитву пропѣли три раза.

Государь съ августѣйшими дочерьми сейчасъ же уѣхалъ во дворецъ. Спектакль не былъ доконченъ. Всѣ стали развѣзаться. П. А. Столыпина вынесли въ тотъ же выходъ, въ который выволокли и убійцу. Раненаго положили на маленькій малиновый диванчикъ, стоявшій далеко отъ кассы. Здѣсь профессора Рейнъ и Оболонскій остановили ему кровь. Затѣмъ въ каретѣ скорой медицинской помощи больного увезли въ хирургическую лечебницу Маковскихъ. Передаютъ, когда карета скорой помощи, вызванная по телефону, ѣхала въ театръ, ее не хотѣли пропустить сквозь полицейскую цѣпь, требовали пропускъ. Но кучеръ стегнулъ ло-

валось до міліона. Однак нѣсколько лѣтъ тому назадъ фортуна стала измѣнять ему. Во время поѣздки въ Петербургъ онъ проигралъ въ одномъ изъ клубовъ болѣе ста тысячъ рублей. Съ этого момента онъ потерялъ хладнокровіе, сталъ играть безъ выдержки и вскорѣ проигралъ почти всѣ деньги, нажитыя за нѣсколько лѣтъ удачной игры. Выстроенный имъ на Бибиковскомъ бульварѣ громаднй домъ пришлось заложить.

Самого убійцу также знали, какъ молодого человѣка, почти не занимавшагося адвокатурой, но увлекающагося азартными играми, тотализаторомъ и спортомъ. Впрочемъ, увлеченіе его не носило широкаго масштаба, не было безпардоннымъ. Онъ проигрывалъ небольшія деньги. О революціонной дѣятельности его никто не зналъ. Тѣмъ менѣе могъ кто-нибудь знать объ его связи съ охраннымъ отдѣленіемъ.

Но всѣ эти подробности отошли въ сторону передъ главнымъ: «Богровъ свирѣй». Уже въ ночь покушенія много свиревъ, паспѣхъ собравшись, покинули Кіевъ. Въ томъ, что сегодня или въ крайнемъ случаѣ послѣ 6-го сентября, когда Государя уѣдетъ изъ Кіева, неминуемъ погромъ, никто не сомнѣвался. На биржѣ началась паника. Я былъ въ тотъ день у биржевого нотаріуса. Онъ сказалъ:

— Платежи по векселямъ поступаютъ туго. Нѣкоторые изъ свиревъ приходятъ и говорятъ, что отъ уплаты они воздерживаются, такъ какъ не надѣются, что завтра не будутъ разорены.

Событія всего дня развивались какъ разъ въ сторону погрома. Утромъ начали служить вездѣ молебны о выздоровленіи раненаго министра. Въ Софійскомъ соборѣ такой молебенъ состоялся въ два часа дня. Послѣ богослуженія толпа изъ членовъ монархическихкихъ организацій человѣкъ въ полтора ста съ пѣніемъ «Спаси, Господи», собралась во дворѣ собора. Среди нихъ появились большіе портреты Государя Императора и Государыни Императрицы. Начались бурныя, зажигательныя рѣчи. Ораторы открыто и страстно призывали къ погрому. Въ особенности много и сильно въ этомъ направленіи говорилъ студентъ Голубевъ отъ имени «союза Михаила Архангела». За нимъ взялъ слово одинъ старикъ въ бѣлой парусиновой поддевкѣ, съ широкой трехцвѣтной національной лентой черезъ плечо и со значкомъ союза русскаго народа. Онъ говорилъ:

— Православные. Ничего не предпринимайте до 6-го числа. Мы оскорбимъ этимъ Царя-батюшку...

Полиція первое время была совершенно безсилна. Она ограничилась сначала тѣмъ, что никого изъ постороннихъ не пускала въ двери собора. Но съ толпой манифестантовъ подѣлать ничего не могла. Кіевской полиціи тутъ не было, была московская. Я встрѣтился на площади съ однимъ знакомымъ по Москвѣ помощникомъ пристава. Онъ былъ въ отчаяніи.

— Положительно не знаю, что дѣлать. У нихъ планъ: эта толпа пойдетъ отсюда къ Крещатику, а другая направляется сей-часъ съ Подола на Крещатику. Тамъ они соединятся и начнутъ

Дѣйствительно, г. Есаулова не было въ тотъ моментъ въ залѣ. Послѣ я бесѣдовалъ съ докторомъ Маковскимъ, который сообщилъ, — не знаю, съ чьихъ словъ, — что тѣлохранитель по окончаніи второго акта былъ послапъ П. А. Столыпинымъ приготовить автомобиль, такъ какъ министръ хотѣлъ однимъ изъ первыхъ сейчасъ же послѣ третьяго акта уѣхать изъ театра домой. Начальникъ охраннаго отдѣленія Кулябко послѣ передавалъ, что автомобиль министра былъ приготовленъ и дожидался его у подъѣзда, поэтому незачѣмъ было посылать адъютанта готовить его.

Объ охранѣ во всѣхъ группахъ говорили съ ожесточеніемъ и негодованіемъ.

— Въдь при такой халатности и не Столыпина можно было убить...

— Да, не было ничего легче...

Нѣкоторые задавали вопросъ:

— Какъ могло случиться, что въ театрѣ, наполненный отборными въ смыслѣ благонадежности лицами, попалъ революціонеръ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ сталъ извѣстенъ только на другой день.

Въ другой группѣ шелъ такой разговоръ:

— Кто стрѣлялъ?

— Какой-то Богровъ, здѣшній адвокатъ. Его сейчасъ опознали одинъ бывший въ театрѣ членъ суда...

— Кто онъ, русскій?

— Нѣтъ, еврей...

Полковникъ, стоявшій около, облегченно произнесъ:

— Славу Богу, что не русскій...

И перекрестился.

Онъ забылъ, видимо, что у насъ были Рысаковъ, Желибовъ, Перовская, Калиевъ, Сазоновъ, Карповичъ...

Тутъ въ разговорѣ выяснилась одна подробность. Нѣкоторые думали, что выстрѣлъ былъ произведенъ со сцены.

Мы вышли изъ театра и пошли сначала пѣшкомъ въ помѣщеніе цензуры. Кіевъ, видимо, уже зналъ о печальномъ событіи. На улицахъ составлялись группы и даже стояли толпы, гдѣ передавались подробности покушенія. Слышались мрачныя предсказанія:

— Погрома не избѣжать...

Утромъ 2-го сентября Кіевъ проснулся въ очень тревожномъ настроеніи. Сейчасъ же выяснилось опредѣленно, что убійца еврей. Его многіе знали, знали отца его и всю семью.

Отецъ Богрова извѣстный въ городѣ присяжный повѣренный, членъ дворянскаго клуба и предсѣдатель старшинъ въ еврейскомъ клубѣ. Извѣстенъ онъ былъ Кіеву и какъ счастливый игрокъ въ азартныя игры. Собственно говоря, онъ и жилъ въ послѣднее время картами, практику же забросилъ. Его состояніе оцѣни-

валось до милліона. Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ фортуна стала измѣнять ему. Во время поѣздки въ Петербургъ онъ проигралъ въ одномъ изъ клубовъ болѣе ста тысячъ рублей. Съ этого момента онъ потерялъ хладнокровіе, сталъ играть безъ выдержки и вскорѣ проигралъ почти всѣ деньги, нажитыя за нѣсколько лѣтъ удачной игры. Выстроенный имъ на Бибиковскомъ бульварѣ громаднѣй домъ пришлось заложить.

Самого убійцу также знали, какъ молодого человѣка, почти не занимавшагося адвокатурой, но увлекающагося азартными играми, тотализаторомъ и спортомъ. Впрочемъ, увлеченіе его не носило широкаго масштаба, не было безпардоннымъ. Онъ проигрывалъ небольшія деньги. О революціонной дѣятельности его никто не зналъ. Тѣмъ менѣе могъ кто-нибудь знать объ его связи съ охраннымъ отдѣленіемъ.

Но всѣ эти подробности отошли въ сторону передъ главнымъ: «Богровъ еврей». Уже въ ночь покушенія много евреевъ, пасѣхъ собравшихся, покинули Кіевъ. Въ томъ, что сегодня или въ крайнемъ случаѣ послѣ 6-го сентября, когда Государь увидитъ изъ Кіева, неминуемъ погромъ, никто не сомнѣвался. На биржѣ началась паника. Я былъ въ тотъ день у биржевого нотаріуса. Онъ сказалъ:

— Платежи по векселямъ поступаютъ туго. Нѣкоторые изъ евреевъ приходятъ и говорятъ, что отъ уплаты они воздерживаются, такъ какъ не надѣются, что завтра не будутъ разорены.

Событія всего дня развивались какъ разъ въ сторону погрома. Утромъ начали служить вездѣ молебны о выздоровленіи раненаго министра. Въ Софійскомъ соборѣ такой молебенъ состоялся въ два часа дня. Послѣ богослуженія толпа изъ членовъ монархическихкихъ организацій человѣкъ въ полтора ста съ гнѣіемъ «Спаси, Госноди», собралась во дворѣ собора. Среди нихъ появились большіе портреты Государя Императора и Государыни Императрицы. Начались бурныя, зажигательныя рѣчи. Ораторы открыто и страстно призывали къ погрому. Въ особенности много и сильно въ этомъ направленіи говорилъ студентъ Голубевъ отъ имени «союза Михаила Архангела». За нимъ взялъ слово одинъ старикъ въ бѣлой царусиновой поддевкѣ, съ широкой трехцвѣтной національной лентой черезъ плечо и со значкомъ союза русскаго народа. Онъ говорилъ:

— Православные. Ничего не предпринимайте до 6-го числа. Мы оскорбимъ этимъ Царя-батюшку...

Полиція первое время была совершенно безсильна. Она ограничилась сначала тѣмъ, что никого изъ постороннихъ не пускала въ двери собора. Но съ толпой манифестантовъ подѣлать ничего не могла. Кіевской полиціи тутъ не было, была московская. Я встрѣтился на площади съ однимъ знакомымъ по Москвѣ помощникомъ пристава. Онъ былъ въ отчаяніи.

— Положительно не знаю, что дѣлать. У нихъ планъ: эта толпа пойдетъ отсюда къ Крещатику, а другая направляется сейчасъ съ Подола на Крещатики. Тамъ они соединятся и начнутъ

громить. Погрома не избѣжать. Послушайте, что они говорят!

Толпа со двора Софійскаго собора направилась съ пѣніемъ и рѣчами на Софійскую площадь. Здѣсь у памятника Богдану Хмельницкому она задержалась на минуту. Помощникъ пристава опять хотѣлъ было убѣдить манифестантовъ разойтись. Но толпа направилась къ Михайловской площади. Я пошелъ съ ней. Толпа манифестантовъ была, въ сущности, очень небольшая, больше было зѣнакъ и любопытныхъ. Около памятника св. Ольги, на которомъ въ то время еще было надѣто полотно, такъ какъ памятникъ не былъ освященъ, толпу постигла неудача. Московская полиція поняла, что надо дѣйствовать смѣло, иначе быть большой бѣдѣ. Помощникъ пристава выбралъ трехъ «агитаторовъ», среди которыхъ очутился студентъ Голубевъ, и арестовалъ ихъ. Портреты были отобраны. Толпа зашумѣла было, стала грозить, что донесетъ начальству, но... все-таки разошлась. Въ это время другую толпу, шедшую съ Подола, разсѣяли казаки. Послѣ стало извѣстно, что члены монархическихъ организацій обращались съ жалобой на полицію почему-то къ оберъ-прокурору В. К. Саблеру.

Любопытно, что, когда главари манифестаціи были арестованы, нѣкоторые жители подошли къ полицейскимъ офицерамъ и благодарили ихъ.

— За что же? Мы исполнили нашу обязанность,—удивились тѣ.

Тревога, конечно, не улеглась.

Утромъ состоялось экстренное собраніе городской думы. Это собраніе въ Кіевѣ названо «историческимъ». Открывалъ засѣданіе, городской голова, между прочимъ, сказалъ:

— Всѣ мѣры, которыя мы, представители города, приняли для безопасности высокихъ особъ, были по силѣ нашей возможности. Если и произошло прискорбное событіе, то не по винѣ городского управления. Преступникъ былъ допущенъ другимъ административнымъ учрежденіемъ, которому, по распоряженію губернатора, мы передали нѣсколько билетовъ.

Это поразило всѣхъ страшно. Лидеръ кіевскихъ думскихъ націоналистовъ гласный Іозефи предложилъ головѣ опредѣленно и точно отвѣтить:

— Какъ Богровъ попалъ въ театр?

Голова отвѣтилъ:

— Къ намъ обратилась администрація съ просьбой выдать 10 билетовъ для чиновъ охраны. Вотъ въ этой книгѣ (показываетъ книгу) есть расписка въ полученіи этихъ билетовъ начальникомъ охраннаго отдѣленія подполковникомъ Кулябкомъ.

Всѣ стали смотрѣть книгу. Дѣйствительно, богровскій билетъ (кресло № 406) былъ выданъ охранному отдѣленію. Тогда г. Іозефи предложилъ, чтобы не потерялись слѣды и доказательства, сфотографировать мѣсто въ книгѣ съ распиской, чтобы открыто заявить всѣмъ, что городское управленіе въ этомъ страшномъ событіи ни при чемъ. Это предложеніе было принято собраніемъ и утверждено губернаторомъ. вмѣстѣ съ этимъ г. Іозефи обратился къ гласнымъ съ такой рѣчью:

Послѣ перваго осмотра и перевязки ранъ больного ему прописали абсолютный покой. Къ нему никого не пускали изъ постороннихъ за все время его болѣзни. На другой день пріѣхала его супруга Ольга Борисовна, она не отходила отъ его постели. Да дежуриль врачъ, безъ котораго больной боялся оставаться. Исключеніе было сдѣлано только для В. Н. Коковцова, который исполняль обязанности предсѣдателя совѣта министровъ и, конечно, не могъ миновать указаній и руководства П. А. Столыпина. Онъ нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ раненымъ. Третьяго сентября въ седьмомъ часу вечера Государь Императоръ по пріѣздѣ изъ Овруча прямо съ вокзала направился въ лечебницу. Врачи не были противъ того, чтобы Царь бесѣдовалъ съ министромъ. Но О. В. Столыпина, съ которой Государь милое бесѣдовать наединѣ, видимо, высказала опасеніе, что бесѣда можетъ отразиться на здоровьѣ больного. Поэтому Государь, высказавъ соболѣзнованіе Ольгѣ Борисовнѣ и разспросивъ о состояніи здоровья раненаго, изволиль отбыть во дворецъ. Въ «Кіевляннинѣ» тогда была напечатано, что О. В. Столыпина въ разговорѣ съ Государемъ сказала:

— Сусанины, Ваше Величество, не перевелись на Руси.

Я уже сказалъ, что въ первый день у врачей была надежда на выздоровленіе. Самъ больной также одно время вѣрилъ въ то, что останется жить. Но это продолжалось недолго. А. А. Столыпинъ мнѣ передавалъ, что больной все время чувствовалъ, что умираеть.

— «Смерть незамѣтно подкрадывается ко мнѣ», говорилъ онъ. Братъ не вѣрилъ никакимъ увѣрсніямъ врачей. Они успокаивали его, говорили, что недѣли черезъ двѣ онъ встанеть, а онъ не вѣрилъ и говорилъ: «Нѣтъ, я чувствую, что умираю». Самообладаніе онъ сохраниль удивительное. Только во снѣ прорывались стоны, все же остальное время онъ молчалъ, терпѣливо переносилъ муки.

вторая пуля, прострѣливъ руку министра, пошла въ ногу перваго скрипача оркестра Антона Берглера. Раненый музыкантъ долго, но тицетно кричалъ: «Помогите!» На него никто не обращалъ вниманія: одни думали, что онъ призываетъ на помощь П. А. Столышину, другіе, — что съ нимъ истерика. Только спустя полчаса онъ былъ доставленъ въ Тарасовскую больницу. Рана Берглера оказалась неопасной.

Владѣлецъ лечебницы докторъ Маковскій, съ которымъ я тогда бесѣдовалъ, рассказывалъ, что врачи съ перваго момента раздѣлились на оптимистовъ и пессимистовъ. На другой день прѣхалъ извѣстный петербургскій хирургъ профессоръ Цейдлеръ. Онъ опредѣленно сталъ на сторону оптимистовъ. Ослушавъ больного, онъ вышелъ въ комнату, гдѣ собрались врачи, и сказалъ:

— Ручаюсь, что больной выздоровѣетъ.

Но, напримѣръ, Маковскій, по его словамъ, уже въ первый день ставилъ 65 противъ выздоровленія и 35 за выздоровленіе. А за день до смерти ставилъ уже 95 противъ. Онъ сообщалъ, что врачи съ перваго момента опредѣлили прострѣлить печени. Между тѣмъ, въ официальныхъ бюллетеняхъ о печени говорилось, что врачи не установили точно прострѣлъ печени. По вскрытіи, какъ рассказывалъ мнѣ профессоръ Оболонскій, вскрывавшій трупъ, оказалось, что печень не только прострѣлена, но разможжена, такъ какъ пуля, ударившись о владимирскій орденъ, расплющилась и вошла въ организмъ какъ разрывная. Любопытно, что врачи въ первый день говорили о благотѣльной роли владимирскаго креста. Онъ, дескать, ослабилъ силу раненія. Но оказалось какъ разъ наоборотъ.

Раненый министръ по дорогѣ въ лечебницу стоналъ, жаловался на боль, просилъ телеграфировать женѣ, чтобы она не беспокоилась. «Что суждено, тому не миновать», говорилъ онъ. Когда его привезли въ лечебницу, онъ крѣпко держалъ рукой раненую грудь. Врачи разрѣзали на немъ жилеть и рубашку и отвели руку.

Министръ думалъ, что онъ сейчасъ умретъ. Приобщился св. тайнъ. Но обнаруживалъ при этомъ рѣдкое присутствіе духа. Онъ уже не стоналъ отъ нестерпимыхъ болей, сдерживался. Въ самую тяжелую минуту, когда лежалъ на операціонномъ столѣ, онъ вспомнилъ о раненомъ музыкантѣ и спросилъ объ его здоровьѣ. «Славу Богу», сказалъ онъ, когда услышалъ, что рана музыканта не опасна. Вообще, по отзывамъ врачей, министръ былъ рѣдкій, исключительный больной. Докторъ Маковскій говорилъ мнѣ, что за 16 лѣтъ практики онъ встрѣтилъ перваго такого дисциплинированнаго больного. Министръ былъ послушный, терпѣливый, деликатный больной. Обычно же больные капризны. Онъ иногда говорилъ: «Какъ мнѣ совѣстно, сколько хлопотъ и убытковъ я вамъ принесъ». Ни стонъ, ни жалобъ мы отъ него не слышали. Иногда только онъ говорилъ: «Вольно». Или: «Тоска меня одолѣваетъ».

Послѣ перваго осмотра и перевязки ранъ больного ему принесли абсолютный покой. Къ нему никого не пускали изъ постороннихъ за все время его болѣзни. На другой день пріѣхала его супруга Ольга Борисовна, она не отходила отъ его постели. Да дежурилъ врачъ, безъ котораго больной боялся оставаться. Исключеніе было сдѣлано только для В. Н. Коковцова, который исполнялъ обязанности предсѣдателя совѣта министровъ и, конечно, не могъ миновать указаній и руководства П. А. Столыпина. Они нѣсколько разъ бесѣдовали съ раненымъ. Третьяго сентября въ семьмомъ часу вечера Государь Императоръ по пріѣздѣ изъ Овруча прямо съ вокзала направился въ лечебницу. Врачи не были противъ того, чтобы Царь бесѣдовалъ съ министромъ. По О. В. Столыпина, съ которой Государь милостиво бесѣдовать наединѣ, видимо, высказала опасеніе, что бесѣда можетъ отразиться на здоровьѣ больного. Поэтому Государь, высказавъ соболѣзнованіе Ольгѣ Борисовнѣ и разспросивъ о состояніи здоровья раненаго, изволилъ отбыть во дворецъ. Въ «Кіевляннинѣ» тогда была напечатано, что О. В. Столыпина въ разговорѣ съ Государемъ сказала:

— Сусанины, Ваше Величество, не перевелись на Руси.

Я уже сказалъ, что въ первый день у врачей была надежда на выздоровленіе. Самъ больной также одно время вѣрилъ въ то, что останется жить. Но это продолжалось недолго. А. А. Столыпинъ мнѣ передавалъ, что больной все время чувствовалъ, что умираетъ.

— «Смерть незамѣтно подкрадывается ко мнѣ», говорилъ онъ. Врать не вѣрилъ никакимъ увѣрсіямъ врачей. Они успокаивали его, говорили, что недѣли черезъ двѣ онъ встанетъ, а онъ не вѣрилъ и говорилъ: «Нѣтъ, я чувствую, что умираю». Самообладаніе онъ сохранилъ удивительное. Только во снѣ прорывались стоны, все же остальное время онъ молчалъ, терпѣливо переносилъ муки.

«Смерть Столыпина»

Утро 1-го сентября было особенно хорошимъ, солнце на безоблачномъ небѣ свѣтило ярко, но въ воздухѣ чувствовался живительный осенній холодокъ. Въ восьмомъ часу утра я отправился ко дворцу, чтобы быть при отъѣздѣ Государя на маневры. Послѣ проводовъ Государя, ко мнѣ подошелъ Начальникъ Кіевскаго Охраннаго Отдѣленія полковникъ Кулябко и обратился съ слѣдующими словами: «Сегодня предстоитъ тяжелый день; ночью прибыла въ Кіевъ женщина, на которую боевой дружиной возложено произвести террористическій актъ въ Кіевѣ; жертвой намѣченъ, повидимому, Предсѣдатель Совѣта Министровъ, но не исключается и попытка Цареубійства, а также и покушенія на Министра Народнаго Просвѣщенія Кассо; рано утромъ я доложилъ обо всемъ Генераль-Губерна-

Из книги: А. Столыпин, «П. А. Столыпин», Париж, 1927, Приложение, стр. 86-102. В несколько иной редакции этот текст опубликован в журнале «Часовой», №№ 328 и 330, 1953.

Алексей Федорович ГИРС (род. 1871) — действительный статский советник, камергер, в 1909-12 киевский губернатор, затем губернатор минский и нижегородский. Умер в эмиграции. Рукописи его воспоминаний хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Я повернулъ въ ближайшую улицу, незамѣтно вышелъ изъ экипажа и пошелъ за министромъ по противоположному тротуару, но П. А. скоро скрылся въ подъѣздѣ Государственнаго Банка, гдѣ жилъ Министръ Финансовъ Коковцевъ.

Въ пятомъ часу дня начался съѣздъ приглашенныхъ на ипподромъ. На кругу передъ трибунами выстроились въ шахматномъ порядкѣ учащіеся школь Кіевскаго Учебнаго Округа. Яркое солнце освѣщало ихъ рубашки, бѣлѣвшія на темномъ фонѣ деревьевъ. Незадолго до 5 часовъ прибылъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ, и я встрѣтилъ его на условленномъ мѣстѣ. Выйдя изъ автомобиля, П. А. Столыпинъ сталъ подниматься по лѣстницѣ, но встрѣтившіе его знакомые задерживали его и я видѣлъ обезпокоенное лицо Кулябки, который дѣлалъ мнѣ знаки скорѣе проходить. Мы шли мимо ложъ занятыхъ дамами. П. А. остановился у одной изъ нихъ, въ которой сидѣла вдова умершаго савовника. Здороваясь съ нимъ и смотря на его обвѣшанный орденами сюртукъ, она промолвила: "Петръ Аркадьевичъ, что это за крестъ у васъ на груди, точно могильный?" Извѣстная своимъ злымъ языкомъ, дама незадолго до того утверждала, что дни Столыпина на посту Предсѣдателя Министровъ сочтены и она хотѣла его уколоть, но эти слова, которымъ я невольно придалъ другой смыслъ, больно ударили меня по нервамъ. Сидѣвшія въ ложѣ другія дамы испуганно переглянулись, но Столыпинъ совершенно спокойно отвѣтилъ: "этотъ крестъ, почти могильный, я получилъ за труды Саратовскаго Мѣстнаго Управленія Краснаго Креста, во главѣ котораго я стоялъ во время Японской войны".

Затѣмъ Министръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ

впередъ, и я просилъ его войти въ ложу, предназначенную, какъ я уже сказалъ, Совѣту Министровъ и Свитѣ. Министръ войти въ ложу не пожелалъ и на мой вопросъ почему, возразилъ:

“безъ приглашенія Министра Двора я сюда войти не могу”. Съ этими словами П. А. Столыпинъ сталъ спускаться съ трибуны по лѣстницѣ, направляясь на площадку передъ трибунами, занятой приглашенной публикой. У окружавшаго площадку барьера, съ правой стороны, Министръ остановился. Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ, что сидѣвшіе кругомъ, въ разныхъ мѣстахъ, лица въ штатскихъ костюмахъ поднялись со своихъ сидѣній и незаметно стали полукругомъ, на разстояніи около 20 шаговъ отъ насъ, по ту и другую сторону барьера. П. А. Столыпинъ имѣлъ видъ крайне утомленный. “Скажите, началъ П. А. свою бесѣду со мной, кому принадлежитъ распоряженіе о воспрещеніи учащимся-евреямъ участвовать 30-го августа, наравнѣ съ другими, въ шпалерахъ во время шествія Государя съ крестнымъ ходомъ къ мѣсту открытія памятника?” Я отвѣтилъ, что это распоряженіе было сдѣлано Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа Зиловымъ, который мотивировалъ его тѣмъ, что процессія имѣла церковный характеръ. Онъ исключилъ поэтому всѣхъ не христіанъ, т. е. евреевъ и магометанъ. Министръ спросилъ: “отчего же вы не доложили объ этомъ мнѣ, или Начальнику Края?” Я отвѣтилъ, что въ Кіевѣ находился Министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ котораго зависѣло отмѣнить распоряженіе попечителя округа. П. А. Столыпинъ возразилъ: “Министръ Народнаго Просвѣщенія тоже ничего не зналъ. Произошло то, что Государь узналъ о случившемся раньше меня. Его Величество, крайне этимъ недоволенъ и повелѣлъ мнѣ примѣрно взыскать съ виновнаго. По-

добныя распоряженія, которыя будутъ приняты какъ обида, нанесенная еврейской части населенія, нелѣпы и вредны. Они вызываютъ въ дѣтяхъ національную рознь и раздраженіе, что недопустимо и ихъ послѣдствія ложатся на голову Монарха”.

Въ концѣ сентября попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа, Тайный Совѣтникъ Зилловъ, былъ уволенъ отъ службы.

Во время этихъ словъ я услышалъ, какъ возлѣ меня что то щелкнуло, я повернулъ голову и увидѣлъ фотографа, сдѣлавшаго снимокъ со Столыпина. Возлѣ фотографическаго аппарата стоялъ человекъ въ штатскомъ сюртукѣ съ рѣзкими чертами лица, смотрѣвшій въ упоръ на Министра. Я подумалъ сначала, что это помощникъ фотографа, но самъ фотографъ съ аппаратомъ ушелъ, а онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ. Замѣтивъ находившагося рядомъ Кулябко, я понялъ, что этотъ человекъ былъ агентомъ охраннаго отдѣленія, и съ этого момента онъ уже не возбуждалъ во мнѣ безпокойства.

Знакомые начали подходить къ П. А., но Министръ не былъ на этотъ разъ словоохотливъ, и разговоръ не завязывался. Вскорѣ онъ опять остался одинъ со мной. Стрѣлка показывала далеко за 5, но Государь противъ обыкновенія сильно запаздывалъ, а изъ Святошина сообщили, что Онъ еще не проѣхалъ съ маневровъ. Я сталъ рассказывать о кіевскихъ дѣлахъ. Министръ слушалъ безучастно. Онъ оживился только, когда я заговорилъ о ходѣ землеустроительныхъ работъ по расселенію на хутора въ Уманскомъ уѣздѣ — первомъ въ Россіи по количеству расселенныхъ и по площади, охваченной движеніемъ, принявшимъ въ цѣломъ округѣ стихійный характеръ. Послѣ минуты раздумья Министръ сказалъ: “если ни что не помѣшаетъ я

сѣзжу послѣ отъѣзда Государя на нѣсколько дней въ Корсунь, а оттуда проѣду посмотрѣть уманскіе хутора, но объ этомъ никому не говорите, пока я не переговорю съ Начальникомъ Края". Когда я заговорилъ о выборахъ въ земство и о достигнутыхъ результатахъ, Министръ сталъ слушать внимательно. Онъ называлъ фамиліи нѣкоторыхъ лицъ и интересовался ихъ характеристикой, а затѣмъ сказалъ слѣдующее: "Государь очень доволенъ составомъ земскихъ гласныхъ. Онъ надѣется, что ихъ воодушевленіе искренно и прочно. Я радъ, что увѣренность въ необходимости распространенія земскихъ учреждений на этотъ край сообщилась Государю. Вы увидите, какъ край расцвѣтетъ черезъ десять лѣтъ. Земство можно было ввести здѣсь давно, конечно, съ нужными ограниченіями для польскаго землевладѣнія. Я замѣтилъ также, что та острота, которой сопровождались пренія Государственнаго Совѣта и Думы по вопросу о національныхъ куріяхъ, не имѣетъ корней на мѣстѣ. Поляки вездѣ съ большимъ интересомъ и вполне лойяльно отнеслись къ выборамъ. Я самъ въ свое время много работалъ съ поляками, знаю, что они прекрасные работники, и потому не сомнѣваюсь, что земская дѣятельность послужитъ къ общему сближенію"

Съ опозданіемъ часа на полтора пріѣхалъ Государь съ дѣтьми. П. А. встрѣтилъ Государя внизу и прошелъ въ ложу рядомъ съ Царской. Охранявшая Министра охрана, въ томъ числѣ и агентъ, стоявшій у фотографическаго аппарата, сошла со своихъ мѣстъ и окружила государя, Его Семью, Министровъ и Свиту. Смотръ потѣшныхъ прошелъ, ставлялъ Его Особу. Старшіе чины Министерства Внутреннихъ дѣлъ и чины Государственной Канцеляріи несли дежурство у гроба. Послѣ отпѣванія

и разъѣздъ закончился около 8 часовъ вполне благополучно.

Къ 9 часамъ начался съѣздъ приглашенныхъ въ театръ. На театральной площади и прилегающихъ улицахъ стояли сильные наряды полиціи, у наружныхъ дверей — полицейскіе чиновники, получившіе инструкціи о тщательной провѣркѣ билетовъ. Еще утромъ всѣ подвальные помѣщенія и ходы были тщательно осмотрѣны. Въ залѣ, блиставшей огнями и роскошью убранства, собиралось избранное общество. Я лично руководилъ разсылкой приглашеній и распредѣленіемъ мѣстъ въ театрѣ. Фамилии всѣхъ сидѣвшихъ въ театрѣ мнѣ были лично извѣстны, и только 36 мѣстъ партера, начиная съ 12 ряда, были отправлены въ распоряженіе завѣдывавшаго охраной Генерала Курлова, для чиновъ охраны, по его письменному требованію. Кому будутъ даны эти билеты, я не зналъ, но мнѣ была извѣстна цѣль, для которой они были высланы и этого было достаточно. Въ карманѣ сюртука у меня находился планъ театра и при немъ списокъ, на которомъ было указано, кому какое мѣсто было предоставлено.

Въ 9 часовъ прибылъ Государь съ Дочерьми. Къ своему креслу, къ первому отъ лѣваго прохода, съ правой стороны, прошелъ Столыпинъ и сѣлъ въ первомъ ряду. Рядомъ съ нимъ налѣво, по другую сторону прохода, сѣлъ Генераль-Губернаторъ Треповъ, направо — Министръ Двора графъ Фредериксъ. Государь вышелъ изъ аванъ-ложи. Взвился занавѣсъ и раздались звуки народнаго гимна. Игралъ оркестръ, пѣлъ хоръ и вся публика. Патриотическій подъемъ охватилъ и увлекъ всѣхъ. Шла "Сказка о Царѣ Салтанѣ" въ новой, чудесной постановкѣ. Я весь отдался чувству высокаго эстетическаго наслажденія. Мнѣ казалось, что здѣсь мож-

но быть спокойнымъ: вѣдь всѣ сидящіе въ театрѣ извѣстны, а снаружи онъ хорошо охраняется и ворваться съ улицы никто не можетъ. Кончилось первое дѣйствіе. Я всталъ около своего кресла, во второмъ ряду, за кресломъ Начальника Края. Къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ подошелъ ген. Курловъ. Я слышалъ, какъ Министръ спрашивалъ его, задержана ли террористка и настаивалъ на скорѣйшей ликвидаціи этого дѣла. Началось второе дѣйствіе, прослушанное съ тѣмъ же напряженнымъ вниманіемъ. При самомъ началѣ второго акта, когда Государь съ Семейю отошелъ въ глубь аванложи, а П. А. Столыпинъ всталъ и, обернувшись спиной къ сценѣ, разговаривалъ съ графомъ Фредериксомъ и графомъ Юсифомъ Потоцкимъ, я на минуту вышелъ къ подъѣзду, чтобы сдѣлать какое-то распоряженіе. Возвращаясь, я встрѣтилъ Министра Финансовъ Коковцева, пожимавшаго руку встрѣчнымъ и говорившаго: “я уѣзжаю сейчасъ въ Петербургъ и тороплюсь на поѣздъ”. Простившись съ Министромъ, я медленно пошелъ по лѣвому проходу къ своему креслу, смотря на стоявшую передо мной фигуру П. А. Столыпина. Я былъ на линіи 6 или 7 ряда, когда меня опередилъ высокій чело-вѣкъ въ штатскомъ фракѣ. На линіи второго ряда онъ внезапно остановился. Въ т о же время въ его протянутой рукѣ блеснулъ револьверъ, и я услышалъ два короткихъ сухихъ, выстрѣла, послѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Въ театрѣ громко говорили и выстрѣлъ слышали немногіе, но когда въ залѣ раздались крики, всѣ взоры устремились на П. А. Столыпина, и на нѣсколько секундъ все замолкло. П. А. какъ будто не сразу понялъ, что случилось. Онъ наклонилъ голову и посмотрѣлъ на свой бѣлый сюртукъ, который съ правой стороны, подъ грудной кнѣвкой, уже заливался кровью. Мед-

ленными и увѣренными движеніями онъ положилъ на барьеръ фуражку и перчатки, разстегнулъ сюртукъ и, увитя жилетъ, густо пропитанный кровью, махнулъ рукой, какъ будто желая сказать: “все кончено!” Затѣмъ онъ грузно опустился въ кресло и ясно и отчетливо, голосомъ слышимымъ всѣмъ, кто находился недалеко отъ него, произнесъ: “счастливъ умереть за Царя”. Увидя Государя, вышедшаго въ ложу и ставшаго впереди, онъ поднялъ руки и сталъ дѣлать знаки, чтобы Государь отошелъ. Но Государь не двигался и продолжалъ на томъ же мѣстѣ стоять, и Петръ Аркадьевичъ, на виду у всѣхъ, благословилъ его широкимъ крестомъ.

Преступникъ, сдѣлавъ выстрѣлъ, бросился назадъ, руками расчищая себѣ путь, но при выходѣ изъ партера, ему загородили проходъ. Сбѣжалась не только молодежь, но и старики, и стали бить его шашками, шпагами и кулаками. Изъ ложи бѣль-этажа выскочилъ кто то и упалъ около убійцы. Полковникъ Спиридовичъ, вышедшій во время антракта по службѣ на улицу и прибѣжавшій въ театръ, предотвратилъ едва не происшедшій самосудъ: онъ вынулъ шашку и, объявивъ, что преступникъ арестованъ, заставилъ всѣхъ отойти.

Я все-таки пошелъ за убійцей въ помещеніе, куда его повели. Онъ былъ въ изодранномъ фракѣ, съ оторваннымъ воротничкомъ на крахмальной рубашкѣ, лицо въ багрово-синихъ подтекахъ, изо рта шла кровь. — Какимъ образомъ вы прошли въ театръ? спросилъ я его. Въ отвѣтъ онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана билетъ. То было одно изъ кресель въ 18 ряду. Я взялъ планъ театра и списокъ и противъ номера кресла нашелъ запись: “отправлено въ распоряженіе генерала Курлова для чиновъ охраны”. Въ это время вошелъ Кулябко, прибѣжавшій съ улицы, гдѣ онъ все старался задержать тер-

рористку, по примѣтамъ, сообщеннымъ его освѣдомителемъ. Кулябко сразу осунулся, лицо его стало желтымъ. Хриплымъ отъ волненія голосомъ, съ ненавистью глядя на преступника, онъ произнесъ: “это Багровъ, это онъ, мерзавецъ, насъ морочиль”. Всмотрѣвшись въ лицо убійцы, я призналъ въ немъ человѣка, который днемъ стоялъ у фотографа, и понялъ роль, сыгранную этимъ предателемъ.

Я вышелъ искать Начальника Края. Генераль Треповъ распоряжался у Царской ложи, подготовляя отъѣздъ Государя. Онъ опасался, что выстрѣлъ въ театрѣ былъ первымъ актомъ болѣе широкаго плана и что засады могутъ быть на улицѣ. Всю площадь передъ театромъ сильными полицейскими нарядами очистили отъ публики; у подъѣзда Царской ложи было нѣсколько закрытыхъ автомобилей, въ одинъ изъ нихъ помѣстился Государь съ Дочерьми, въ другихъ размѣстилась свита. Начальникъ Края ѣхалъ впереди и, минуя улицы, на которыхъ собрался народъ, чтобы видѣть проѣздъ Царя, привезъ Его во дворецъ.

Проводивъ Государя до автомобиля, я вернулся въ театръ. П. А. Столыпина уже вынесли, залъ наполовину опустѣлъ, но оркестръ все продолжалъ играть гимнъ. Публика пѣла “Боже, Царя храни” и “Спаси, Господи, люди Твоя”, но въ охватившемъ всѣхъ энтузіазмѣ чувствовался надрывъ, слышался вопль отчаянья, какъ будто люди сознавали, что пуля, пробившая печень Столыпина, ударила въ сердце Россіи. Я распорядился понемногу тушить огни и прекратить музыку.

Когда публика разъѣхалась, я вошелъ въ комнату, гдѣ на диванѣ, съ перевязанной раной и въ чистой рубашкѣ, съ закрытыми глазами, лежалъ П. А. Столыпинъ. Отъ окружавшихъ его профессоровъ, извѣстныхъ кіевскихъ врачей, и узналъ, что

они распорядились отвезти раненаго въ лечебницу доктора Маковскаго, что на Мал. Владимирской, и что у подъѣзда театра уже стоитъ карета скорой помощи. Я обратился къ одному изъ врачей и спросилъ его, есть ли надежда на спасеніе. “Рана очень опасная, сказалъ мнѣ докторъ, но смертельна она или нѣтъ, сейчасъ сказать нельзя. Все зависитъ отъ того, въ какой степени повреждена печень”. Когда П. А., смертельно блѣднаго на носилкахъ выносили въ карету, онъ открылъ глаза и скорбнымъ страдающимъ взглядомъ смотрѣлъ на окружающихъ.

Въ то время, когда В. Н. Коковцевъ находился въ пріемной, въ лечебницу пріѣзжалъ генераль Курловъ. Онъ сталъ докладывать В. Н. по поводу случившагося, но В. Н. выслушалъ его сухо и сдѣлалъ суровую реплику. Курловъ отошелъ и, замѣтивъ меня, сказалъ: “ всю жизнь я былъ преданъ П. А., и вотъ результатъ”. Онъ протянулъ мнѣ руку, и на его глазахъ заблестѣли слезы. Всю ночь, до самаго разсвѣта, провелъ В. Н. Коковцевъ у изголовья кровати раненаго, въ бесѣдѣ съ нимъ. Видя въ В. Н. своего естественнаго замѣстителя, изнемогавшій отъ раны, Петръ Аркадьевичъ послѣднія силы свои отдалъ на посвященіе его въ текущіе и сложные вопросы государственной жизни беззавѣтно любимой имъ Матери-Россіи.

На слѣдующій день Государь ѣздилъ въ Овручъ. По выходѣ изъ дворца Его Величество объявилъ, что желаетъ навѣстить Столыпина. Царскій автомобиль направился на Мал. Владимирскую. При входѣ въ лечебницу Государь спросилъ встрѣтившихъ Его врачей, можетъ ли Онъ видѣть Петра Аркадьевича. На это старшій врачъ отвѣтилъ, что свиданіе съ Его Величествомъ взволнуетъ больного

и можетъ ухудшить его состояніе, о чемъ онъ откровенно докладываетъ по долгу врача и вѣрноподданнаго. Узнавъ, что въ лечебницѣ находится, только что прибывшая изъ Ковенскаго имѣнія, супруга П. А. Столыпина — Ольга Борисовна, Государь пожелалъ ее видѣть и не надолго прошелъ къ ней въ пріемную.

Въ тотъ-же день, по инициативѣ группы членовъ Государственной Думы изъ партіи націоналистовъ и земскихъ гласныхъ Края, въ 2 часа дня, во Владимірскомъ Соборѣ, Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, соборне съ четырьмя Епископами, было отслужено торжественное молебствіе о выздоровленіи Столыпина. Соборъ былъ переполненъ. Собравшіеся истово молились и многіе плакали.

Два послѣдующихъ дня прошли въ тревогѣ, врачи еще не теряли надежды, но по вопросу о возможности операціи и извлеченія пули, консиліумъ, съ участіемъ прибывшаго изъ Петербурга профессора Цейдлера, вынесъ отрицательное рѣшеніе.

4-го сентября вечеромъ, здоровье П. А. сразу ухудшилось, силы стали падать, сердце слабѣло и около 10 ч. вечера 5-го сентября, онъ тихо скончался.

Вѣсть о кончинѣ Столыпина быстро распространилась по городу и все подернулось скорбью и печалью. Государь 5-го сентября находился въ Черниговѣ. 6-го сентября утромъ Онъ возвратился въ Кіевъ на пароходѣ по Днѣпру и съ пристани, не заѣзжая во дворецъ, проѣхалъ поклониться праху Своего вѣрнаго слуги, жизнь положившаго за Россію. Въ присутствіи Государя, вдовы и ближайшихъ лицъ Свиты, у тѣла Столыпина была отслужена панихида.

“Я хочу быть похороненнымъ тамъ, гдѣ найду свою смерть”, говорилъ П. А., предчувствуя свой близкій конецъ отъ руки революціонера. Указаніе Столыпина было свято исполнено его близкими и мѣстомъ вѣчнаго его упокоенія была избрана Киево-Печерская Лавра.

8-го сентября вечеромъ печальная процессія двинулась изъ лечебницы въ Печерскъ, сопровождаемая многочисленной толпой русскихъ людей. Все было величественно и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и это такъ гармонировало съ свѣтлымъ обликомъ того, кто безвременно отошелъ въ вѣчность. 9-го сентября утромъ, въ Трапезной церкви, заставленной вѣнками съ національными лентами, собралось Правительство, представители арміи и флота и всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ, многіе члены Государственнаго Совѣта, центръ и почти все правое крыло Государственной Думы, а также болѣе сотни крестьянъ, прибывшихъ изъ ближайшихъ деревень отдать послѣдній долгъ почившему Киевскій Генераль-Губернаторъ Генераль-Адъютантъ Треповъ, по повелѣнію уѣхавшаго 7 сентября Государя, представлялъ Его Особу. Старшіе чины Министерства Внутреннихъ дѣлъ и чины Государственной Канцеляріи несли дежурство у гроба. Послѣ отпѣванія гробъ вынесли и опустили возлѣ церкви, рядомъ съ исторической могилой другого русскаго патріота Кочубея.

Сейчасъ же послѣ смерти Столыпина, въ той же группѣ земскихъ гласныхъ и членовъ Государственной Думы изъ партіи націоналистовъ, возникла мысль о постановкѣ ему памятника въ Киевѣ. Было использовано пребываніе въ Киевѣ Государя Императора и замѣстителя Предсѣдателя Совѣта

Министровъ Коковцева и на Всероссійскій сборъ пожертвованій уже 7 сентября утромъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Пожертвованія потекли столь обильно, что въ три дня въ одномъ Кіевѣ была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятникъ, — такъ обаятельна была память Столыпина. Мѣстомъ постановки памятника была избрана площадь возлѣ Городской Думы, на Крещатикѣ, а исполненіе его поручено итальянскому скульптору Ксименесу, бывшему въ Кіевѣ. Въ 1912 году, ровно черезъ годъ послѣ смерти П. А., памятникъ былъ открытъ въ торжественной обстановкѣ, среди съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи, его почитателей. Столыпинъ былъ изображенъ какъ бы говорящимъ съ Думской кафедрой, на камнѣ высѣчены сказанныя имъ слова, ставшія пророческими:

“Вамъ нужны великія потрясенія — намъ нужна Великая Россія”.

Г. Е. РЕЙН

Прологъ драмы. Въ концѣ августа и въ началѣ сентяб-ря 1911 г. въ Кіевѣ состоялся, въ Высочайшемъ присутствіи, рядъ блестящихъ торжествъ, по случаю освященія памятника Императору Александру Второму. Съ этимъ событіемъ совпало и открытіе дѣятельности земскаго самоуправленія въ западныхъ губерніяхъ, а также возстановленіе древняго собора Св. Василія въ г. Овручѣ.

Для охраны высокыхъ особъ былъ разработанъ цѣлый рядъ чрезвычайныхъ мѣропріятій и были ассигнованы значительные кредиты.

Еще лѣтомъ пріѣзжали въ Кіевъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, командиръ особаго корпуса жандармовъ, Генераль Лейтенантъ П. Г. Курловъ и начальникъ собственной Его Величества охраны полковникъ А. В. Спиридовичъ для ориентировки на мѣстѣ и для установленія необходимыхъ мѣръ.

Начальникомъ Кіевскаго охраннаго отдѣленія былъ недоброй памяти подполковникъ Кулябко. Спиридовичъ ему вполне довѣрялъ, какъ бывшему своему сослуживцу и родственнику, но находилъ его «слишкомъ мягкимъ, добрымъ, довѣрчивымъ» — качества, конечно, мало пригодныя для завѣдывающаго сыскной частью.

Академик Г. Е. Рейн «Из пережитого. 1907-18», в двух томах. Изд-во «Парабола», Берлин, 1934, т. I, стр. 124-149. Впервые рассказ Г. Е. Рейна о смерти Столыпина был опубликован в сокращенном виде в журнале «Иллюстрированная Россия», №№ 38 и 39 за 1933 г.

Георгій Ермолаевич РЕЙН (род. 1854) — действительный тайный советник, почетный лейб-хирург, академик. В 1908-15 председатель Медицинскаго совета Министерства внутреннихъ делъ, в 1916 главноуправляющій Государственнымъ здравоохраненіемъ.

Въ Петербургѣ, въ августѣ мѣсяцѣ, установлена была и центральная организація охраны во время кievскихъ торжествъ и притомъ не совсѣмъ удачная. По Всеподданнѣйшему докладу П. А. Столыпина во главѣ всей охранной организаціи былъ поставленъ генераль Курловъ, съ широкими полномочіями и съ непосредственнымъ подчиненіемъ его дворцовому коменданту генераль-адъютанту В. А. Дедюлину. Между тѣмъ въ Кіевѣ былъ генераль-губернаторъ — генераль-адъютантъ Ф. Ф. Треповъ. Власть генераль-губернатора, въ предѣлахъ вѣреннаго ему края, была не меньше министра. Подчиненіе генераль-губернатора товарищу министра, хотя бы и частичное и въ чрезвычайномъ порядкѣ, было явленіемъ ненормальнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было едва ли и цѣлесообразно, такъ какъ мѣстнымъ властямъ лучше извѣстны мѣстныя условія, чѣмъ пріѣхавшимъ изъ далекаго центра.

Какъ только генераль-адъютантъ Ф. Ф. Треповъ получилъ упомянутое выше распоряженіе, онъ, ссылаясь на номеръ письма объ этомъ министра, кратко телеграфировалъ, прося доложить Государю его просьбу объ отставкѣ.

Столыпинъ собственноручно, на маленькомъ почтовомъ листкѣ бумаги отвѣтилъ:

«Дорогой Федоръ Федоровичъ. Меня подвели. Я твердо вѣрю, что Вашей отставкой Вы не пожелаете омрачить свѣтлыхъ дней пребыванія Государя въ Кіевѣ и разрѣшите мнѣ не давать движенія Вашей телеграммѣ. Душевно Вашъ Столыпинъ». (Кто подвелъ Столыпина, такъ и не удалось выяснить. Возможно, что это были Курловъ и Дедюлинъ, съ которымъ Курловъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ).

Итакъ, генераль-губернаторъ былъ устраненъ отъ официальнаго высшаго завѣдыванія охраною Царской Семьи и сопровождавшихъ ее министровъ.

Это, съ одной стороны, уменьшало престижъ его власти въ краѣ, а съ другой, создавшееся на практикѣ нѣкоторое двоевластіе производило извѣстную путаницу и смятеніе въ средѣ агентовъ охраны. Указанныя неправильности высшей организаціи охраны остались, вѣроятно, не безъ извѣстнаго вліянія на катастрофу.

Еще припоминаю одно обстоятельство.

Лѣтомъ 1911 года, послѣ одного изъ моихъ докладовъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ по Медицинскому Совѣту, П. А. Столыпинъ завелъ со мною разговоръ о Кіевѣ, куда онъ направлялся осенью съ Государемъ. Я ему сообщилъ, что Кіевъ — городъ сложный, населенный различными на-

ціональностями и излюбленный соціалистами-революціонерами. Тамъ служилъ Судейкинъ, убитый впоследствии Дегаевымъ; тамъ стрѣляла въ театрѣ въ жандармскаго полковника Новицкаго Дора Капланъ, такъ неудачно, ранившая впоследствии Ленина; тамъ, на Бибиковскомъ бульварѣ, Гершуни, глава боевой организаціи партіи С. Р., сговаривался съ Косюрой объ убійствѣ Харьковскаго губернатора князя Оболенскаго; тамъ же совершенно было покушеніе на б. начальника Кіевскаго охраннаго отдѣленія А. В. Спиридовича и т. д. Я рассказала Петру Аркадьевичу, какъ, переѣхавъ въ Кіевъ послѣ избранія моего на кафедру въ университетѣ, я былъ пораженъ двумя вещами. Во первыхъ, около одного зданія виднѣлся сильный нарядъ воинскихъ и полицейскихъ чиновъ. Это было зданіе, гдѣ судили нѣсколькихъ революціонеровъ. Во вторыхъ, несмотря на жаркіе дни, въ воздухѣ носились какъ будто мелкія снѣжинки. Это былъ пухъ изъ перинъ послѣ еврейскаго погрома.

Припомнивъ все сказанное, а также и то, что на Столыпина и послѣ взрыва на Аптекарскомъ островѣ много разъ готовились покушенія, я посоветовала Петру Аркадьевичу носить подъ платьемъ во время пребыванія въ Кіевѣ легкой панцырь, о которыхъ тогда много писали. На это П. А. Столыпинъ отвѣтилъ приблизительно такъ: «пулю можно предупредить, а отъ бомбы никакой панцырь не спасетъ».

Какая была бы красивая картина, если бы и послѣ выстрѣла преступника Столыпинъ остался невредимъ! Онъ могъ бы еще долгіе годы послужить любимой имъ Россіи. Въдѣ ему не было и 50 лѣтъ въ день кончины.

Выстрѣлъ въ театрѣ. Какъ сравнительно легко было попасть въ Купеческій садъ, такъ, наоборотъ, трудно было получить билетъ на парадный спектакль 1 сентября. Многимъ выдающимся общественнымъ дѣятелямъ и виднымъ представителямъ мѣстнаго общества такъ и не удалось попасть въ театръ, несмотря на всѣ хлопоты и протекціи.

Во время спектакля 1-го сентября зрительный залъ представлялъ красивую картину. Военные были въ мундирахъ защитнаго цвѣта въ орденахъ и въ лентахъ, гражданскіе чины — въ бѣлыхъ кителяхъ и орденахъ, немногіе штатскіе во фракахъ, дамы въ роскошныхъ вечернихъ туалетахъ, сіяющихъ всѣми лучшими фамильными драгоценностями русскои и польской аристократіи. Говорили, что нѣкоторые туалеты были выписаны изъ Парижа. Изъ министровъ я

замѣтилъ барона Б. В. Фредерикса, В. Н. Коковцова, В. А. Сухомлинова и Л. А. Кассо. (А. В. Кривошеинъ и И. Г. Щегловитовъ прибыли въ Кіевъ позже). Исполненіе «Царя Салтана» артистами и оркестромъ было превосходно, декорации роскошныя. Въ общемъ, парадный спектакль производилъ чарующее впечатлѣніе и создавалъ общее чудное настроеніе. И вотъ при такой обстановкѣ произошло ужасное, непоправимое злодѣяніе.

Во время спектакля я сидѣлъ въ креслѣ 5-го или 6-го ряда справа. Въ антрактѣ я вышла изъ театральной залы черезъ правый проходъ въ коридоръ, какъ вдругъ услышала два короткихъ сухихъ звука, характерныхъ для браунинга, раздавшихся по направленію Царской ложы. Мгновенно пришла мысль о покушеніи на Государя. Вбѣжавъ въ залъ, я увидѣлъ, что въ Царской ложѣ никого не было, а на пересѣченіи лѣваго продольнаго прохода и поперечнаго видна была кучка людей, наносившихъ удары какому то чело-вѣку — очевидно преступнику.

У барьера оркестра, обернувшись лицомъ къ залу, противъ своего кресла, стоялъ Столыпинъ. Около него въ этотъ моментъ я никого не замѣтилъ. Я подбѣжалъ къ Столыпину. Онъ былъ блѣденъ, изъ кисти правой руки сильно брызгала струйка крови изъ раненой артеріи, окрасившая мой мундиръ и ленту, а на правой сторонѣ груди, на границѣ съ брюшной полостью, виднѣлось зловѣщее кровавое пятно, увеличивавшееся на моихъ глазахъ. Орденъ Св. Владиміра, прикрѣпленный къ петлицѣ форменнаго бѣлаго кителя, былъ прострѣленъ какъ разъ по срединѣ. Выходное отверстіе пули же было видно. Другая пуля, прострѣлившая кисть правой руки, пролетѣла въ оркестръ и ранила музыканта.

Миниетръ былъ въ полномъ сознаніи и снималъ свой китель, вѣроятно, для облегченія предстоящей перевязки. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ самъ велѣлъ задержать удаляющагося преступника. Я усадилъ раненаго въ кресло, наскоро перевязалъ платкомъ прострѣленную руку и сталъ прижимать, черезъ жилетъ кровоточащую рану на груди. Въ это время подбѣжало нѣсколько чело-вѣкъ, въ томъ числѣ врачи, — мои бывшіе ученики по Кіевскому университету. Рѣшено было вызвать немедленно карету скорой помощи и перевести раненаго въ ближайшую частную клинику д-ра Маковского, вполнѣ благоустроенную.

Между тѣмъ театръ сталъ наполняться. Публика, узнавшая, что Государь въ безопасности, потребовала Гимнъ. Государь показался въ ложѣ, и торжественные звуки «Боже

Царя Храни» огласили театральную залу. Раненый министр блѣднѣлъ все больше и больше и былъ близокъ къ обмороку, очевидно, вслѣдствіе внутренняго кровотечения. Обстановка шумнаго театра была совсѣмъ не подходящая для тяжкаго больного, а потому мы его вынесли на рукахъ въ вестибюль театра. Совершенно обезсилѣвшій, почти въ обморокѣ, онъ оказался очень тяжелымъ для 6-8 человекъ, и на нѣсколько мгновеній пришлось его опустить въ вестибюль на полъ, но въ этотъ моментъ подѣхала прекрасная карета скорой помощи, съ носилками и опытнымъ персоналомъ. Черезъ нѣсколько минутъ раненый уже былъ въ клиникѣ. Я, безъ фуражки, вскочилъ въ первый попавшійся экипажъ и послѣдовалъ за каретой, увозившей раненаго. Все описанное происходило быстро, чѣмъ мое описаніе: Отъ момента роковаго раненія до доставки раненаго въ клинику прошло, по моему расчету, менѣе 20 минутъ.

Смерть Столыпина. Въ клинику, куда привезли раненаго министра, тотчасъ же пріѣхалъ профессоръ хирургіи Кіевскаго университета Н. М. Волковичъ и другіе извѣстные хирурги. Въ клиникѣ же собралась группа сановниковъ, потрясенныхъ грознымъ пережитымъ событіемъ и желавшихъ узнать опасна ли рана и переживетъ ли Столыпинъ нанесенное ему раненіе и его послѣдствія.

Раненый былъ немедленно перенесенъ въ операционную комнату для точнаго изслѣдованія раны и для перевязки. Все было готово и для немедленной операціи, если бы она потребовалась.

Изслѣдованіе показало, что пуля, пронизавъ печень спереди назадъ, остановилась подъ кожей спины, справа отъ позвоночника. Судя по направленію пулевого канала, ни крупныя кровеносныя сосуды, ни кишечникъ не были ранены, — поэтому и имѣя въ виду, что раны печени не требуютъ, по господствовавшему среди хирурговъ мнѣнію, немедленнаго оперативнаго пособія, сопряженнаго при томъ съ тяжелою операціею вскрытія брюшной полости на ослабленномъ отъ кровотечения больномъ, рѣшено было единогласно прибѣгнуть къ консервативному, выжидательному леченію. Для удаленія пули, не представлявшей въ данный моментъ никакой опасности для организма, показаній не было.

Около часа ночи пульсъ больнаго рѣзко упалъ, вѣроятно отъ возобновившагося внутренняго кровотечения. Былъ

моментъ, когда пульсъ почти не прощупывался, и, казалось, что мы потеряемъ больного, но послѣ впрыскиваній подъ кожу камфоры и физиологическаго раствора поваренной соли, пульсъ вновь появился, и непосредственная опасность для жизни больного миновала. Остальная часть ночи прошла благополучно.

Утромъ 2 сентября состояніе здоровья раненаго было вполне удовлетворительно, самочувствіе хорошее. Онъ пожелалъ причесаться, привелъ въ порядокъ лѣвою рукою передъ зеркаломъ свои усы, у него появился аппетитъ.

Петръ Аркадьевичъ, въ трогательныхъ выраженіяхъ благодарилъ меня за то, что я остался при немъ, и не поѣхалъ сопровождать Государя въ Овручъ — городъ Волынской губерніи, однимъ изъ представителей которой я былъ на торжествахъ. Онъ обмѣнялся со мною нѣкоторыми впечатлѣніями и между прочимъ сообщилъ, что на лицѣ приближавшагося къ нему Богрова онъ замѣтилъ быструю смѣну выраженій — и страха, и волненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы сознанія исполняемаго долга.

Въ теченіе дня состояніе раненаго продолжало быть удовлетворительнымъ. Внутреннее кровотеченіе, видимо, остановилось, пульсъ и температура нормальны, — словомъ первыя послѣдствія раненій были счастливо ликвидированы.

Послѣ благополучнаго ликвидированія первичныхъ послѣдствій раненія, явилась надежда на возможность выздоровленія раненаго, о чемъ было доложено Государю, и появились свѣдѣнія въ печати. Но, какъ извѣстно, раны въ полость живота однѣ изъ самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ. Въ данномъ случаѣ предстояло заживленіе раны печени и брюшины, чреватое всякими осложненіями. Если рана была заражена частицами одежды, занесенными пулею въ глубину пулевого канала, что обыкновенно и наблюдается при огнестрѣльныхъ ранахъ, то предстоялъ воспалительный процессъ, болѣе или менѣе тяжкій и опасный для жизни, въ зависимости отъ силы и характера инфекціи.

Я принялъ на себя организацію ухода за раненымъ министромъ, пока не прибыли супруга министра Ольга Борисовна и два ея брата сенаторы Алексѣй Борисовичъ и Дмитрій Борисовичъ Нейдгардтъ.

«Государь былъ очень взволнованъ раненіемъ Столыпина и проявилъ горячее участіе». (В. Н. Коковцовъ).

Больной былъ окруженъ самымъ заботливымъ уходомъ, и были примѣнены всѣ необходимыя лечебныя мѣропріятія. Множество врачей пожелали давать свои совѣты и пріѣзжали въ лечебницу. Я собиралъ ихъ всѣхъ въ нижнемъ этажѣ, въ пріемномъ кабинетѣ лечебницы. Тамъ составлялся и под-писывался ежедневный бюллетень и сообща обсуждались всѣ предложенія и всѣ необходимыя мѣры. Въ комнату же больного допускались только проф. Волковичъ и четыре врача, принявшіе на себя дежурство при больномъ въ теченіе круглыхъ сутокъ, по очереди.

Вскорѣ прибылъ изъ Петербурга экстреннымъ поѣздомъ проф. Цейдлеръ, который пользовалъ дѣтей Столыпина послѣ взрыва на Аптекарскомъ Островѣ. Онъ былъ вызванъ семьею больного по телеграфу. Мы сдѣлали всѣ сообщая новое подробное изслѣдованіе раненаго. Проф. Цейдлеръ согласился съ установленнымъ діагнозомъ и, въ виду того, что появились лихорадочныя явленія, удалилъ пулю, легко прощупывавшуюся подъ кожей спины. Однако, видъ извлеченной пули, которую я тотчасъ же показалъ больному, не порадовалъ его, какъ это обыкновенно бываетъ при огнестрѣльныхъ ранахъ.

Самочувствіе больного рѣзко ухудшалось. Съ конца вторыхъ сутокъ послѣ раненія, а особенно въ началѣ третьихъ мы были сильно встревожены появившимися признаками воспаления брюшины и общаго септического зараженія организма. Въ это время, 3 сентября вечеромъ, навѣстилъ больного министра Государь, по возвращеніи изъ поѣздки въ г. Овручъ. Министръ Финансовъ В. Н. Коковцовъ, вступившій, какъ старшій членъ Совѣта Министровъ, въ исполненіе обязанностей Предсѣдателя Совѣта, почти не покидалъ клиники.

Медицина и уходъ близкихъ людей оказались безсильны спасти больного, и въ концѣ четвертыхъ сутокъ послѣ раненія, вечеромъ 5 сентября П. А. Столыпинъ скончался. Судебно-Медицинское вскрытіе, произведенное проф. судебной медицины Н. А. Оболонскимъ установило, что П. А. Столыпинъ погибъ отъ огнестрѣльной раны, нанесенной ему преступникомъ. На вскрытіи вся печень оказалась раздробленною нѣсколькими глубокими трещинами, радіально расходившимися во всѣ стороны отъ пулевого канала. Пуля браунинга средняго калибра имѣла 2 перекрещивающихся надрѣза и дѣйствовала какъ разрывная. Разрывному дѣйствию пули способствовали и занесенныя ею въ рану частицы прострѣленного ордена. Раненій крупныхъ сосудовъ и повреж-

деній кишечника не оказалось. Такимъ образомъ, вскрытіе подтвердило прижизненный діагнозъ, но столь глубокихъ раненій печени не предполагалось. Въ виду найденныхъ поврежденій печени, возможно допустить, что смертельная инфекция могла проникнуть не только черезъ пулевой каналъ, но и изъ полости кишечника черезъ вскрытые желчные пути.

Когда вскрыли завѣщаніе Столыпина, написанное задолго до покушенія Богрова, въ первыхъ же строкахъ его стояло: «Я хочу быть погребеннымъ тамъ, гдѣ меня убьютъ».

Во исполненіе завѣщанія, онъ былъ погребенъ въ Кіевѣ, въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Могила его находится рядомъ съ могилами Кочубея и Искры. Погребеніе произошло при чрезвычайно торжественной обстановкѣ. Безчисленныя толпы народа провожали до могилы останки преждевременно погибшаго министра-героя.

Многіе думаютъ, и я въ томъ числѣ, что если бы не было преступленія 1 сентября, не было бы, вѣроятно, и міровой войны и не было бы и революціи съ ея ужасными послѣдствіями. Столыпину приписываютъ многократно повторенное имъ утвержденіе: Только война можетъ погубить Россію. — Если съ этимъ согласиться, то убійство Столыпина имѣло не только всероссійское, но и міровое значеніе.

П. Т. САМОХВАЛОВ

«Приблизительно часов в десять вечера 1-го сентября, во время парадного спектакля в присутствии Высочайших особ и министров, я сделал очередной обход площади и вокруг театра. Везде был полный порядок. И вот, когда я подходил к главному подъезду театра, одна из входных дверей быстро распахнулась и из нее не вышел, а выбежал начальник Киевского охранного отделения полковник Кулябко, сразу же натолкнувшийся на меня.

— Как хорошо, что я вас нашел, — забормотал он взволнованным голосом. — В театре несчастье!.. Аленский убил Стрыгина!.. Аленский задержан... Поезжайте скорее к нему на квартиру и проведите там обыск...

Слова Кулябки поразили меня, как громом.

— Какой Аленский? Где он живет? — вырвалось у меня.

— Аленский... наш сотрудник... фамилия его Вогров... Вы же знаете, где дом Вогровых.

Дальнейших слов Кулябки я уже не слушал. Подбежав к стоянке экипажей, я вскочил в первую попавшуюся мне на глаза коляску и приказывал ехать. По пути я захватил с собой трех или четырех встретившихся мне городовых. Едва я успел сойти с экипажа, как увидел спешившего мне навстречу заведующего филерским отрядом киевского охранного отделения С. И. Демидюка. Встреча с ним здесь была для меня новой неожиданностью. Помню, что я обрадовался его появлению, так как каждый лишний, а тем более опытный человек, при обыске большая помощь. Но в то же время в моем мозгу промелькнуло удивление: почему это старший филер не находится в данное время там, где ему надлежало быть, то есть у театра... Помню, что Демидюк первый обратился

Из книги: В. Маевский, «Борец за благо России», Мадрид, 1962, стр. 139-145.

П. Т. САМОХВАЛОВ — ротмистр Киевского жандармского управления, затем армейский полковник. Умер в эмиграции.

ко мне с вопросом:

— Куда вы направляетесь, ваше высокоблагородие?

— Вы знаете, где квартира Богрова? — спросил я.

— Так точно, знаю.

— Пойдемте со мной... Богров убит в театре Столыпина... нужно произвести обыск на квартире Богрова.

В моей памяти ясно запечатлелось, как Демидюк, после этих моих слов, сначала отшатнулся в сторону, потом схватился за голову, а затем испуганным голосом сказал:

— Ваше высокоблагородие... в квартиру Богрова входить нельзя... У него на квартире скрываются террористы... с бомбами... они приехали в Киев для совершения террористического акта... Здесь со мной 15 филеров... мы уже несколько дней безотлучно наблюдаем за его квартирой... всех, выходящих с его квартиры неизвестных лиц нам приказано арестовывать...

Заявление Демидюка явилось новым ударом по нервам. Нужно было как можно скорее выработать план действий, чтобы задержать террористов с наименьшими для нас потерями и не допустить побега их из квартиры.

— Самсон Иванович... Потрудитесь собрать ко мне всех ваших людей! — приказал я.

Одного из городских я отправил в ближайший полицейский участок с требованием о высылке усиленного отряда полиции. А пока исполнялось приказание, отданное мною Демидюку, я расставил городских на парадной и черной лестницах, ведущих к квартире Богрова. Из числа подходивших филеров выделил несколько человек для наблюдения за окнами, как с улицы, так и со двора, а остальных оставил при себе. Когда собравшихся было уже достаточно, чтобы идти в квартиру Богрова я приказал им следовать за мною. Квартира Богрова находилась на втором этаже. Парадная лестница была освещена. Только-что мы стали подниматься по ступенькам лестницы, как нам навстречу попался какой-то неизвестный господин с чемоданом в руках, быстро стремившийся к выходу.

— Куда вы идете? — спросил я, загораживая ему дорогу.

— Я спешу на вокзал... боюсь опоздать... Поезд скоро отходит — говорю господин с чемоданом, видимо испуганный нарядом полиции.

— Потрудитесь остаться!.. пока мы не установим вашу личность, вы арестованы... Обыщите его! — сказал я и направился по лестнице вверх.

Вот, наконец, и дверь в квартиру Богрова. На двери обычная медная дощечка с фамилией владельца квартиры.

— Приготовить револьверы! — приказываю я и нажимаю кнопку звонка. В квартире тишина. Нажимаю кнопку во второй и третий раз... Наконец, слышны шаги. Дверь открывает какая-то женщина. Я и за

мною несколько филеров быстро входим в квартиру. Остальные филеры остаются пока за дверью.

— Кто у вас в квартире? — задаю я вопрос женщине.

Она, испуганная нашим появлением, бормотала какие-то слова, из которых можно было понять, что кроме нее в квартире нет никого; что старые господа живут на даче, а молодой барин куда-то ушел.

— Сколько комнат в вашей квартире? — спросил я.

— Двенадцать и кухня — ответила женщина.

В прихожей, куда мы вошли, горело электричество; в комнаты вели три двери. Две из них, которые шли налево и направо от входа, были затворены; третья же дверь, полуотворенная, вела в совершенно темную комнату. Из комнаты не доносилось ни шума, ни разговора. Оставив часть вооруженных людей на лестнице и другую часть в прихожей, я взял с собою несколько человек, а также и женщину, отворившую нам двери, и направился с ними сначала в комнату, которая находилась налево от входа. Женщину я заставил открывать электричество при входе в каждую комнату, чтобы не терять лишнего времени на обнаружение штепселей.

— Это комната молодого барина! — заявила служанка.

Осветив ее, мы в ней никого не нашли. На письменном столе «молодого барина» был полный беспорядок. На полу валялись обрывки бумаг, а перед печкой пепел от сожженной бумаги. Надо было спешить с обходом квартиры, а потому не останавливаясь здесь, я направился через прихожую в следующие комнаты. И вот, когда мы зажгли электричество в последней комнате и нашли ее пустой, как и все предыдущие, то помню, что я опустился на диван и перекрестился.

— Живы? — спросил у Самсона Ивановича.

— Так точно, ваше высокоблагородие! — ответил он. Мы молчали.

— Где же ваши террористы?

— Теперь ясно, что морочил он нас, — ответил Самсон Иванович. — Да еще как морочил-то мерзавец, — продолжал он, — ведь он сегодня вызывал по телефону полковника Кулябко и заявил, что террористы из окон заметили наших филеров и потребовал, чтобы мы не держались очень близко перед окнами.

В комнате убийцы были обнаружены лишь обрывки не имеющих значения бумаг. Куча пепла от сгоревшей бумаги, обнаруженная в печке, указывала на то, что Богров уничтожил все важное и его компрометирующее раньше ухода своего в театр. Женщина, отворившая нам двери, оказалась кухаркой Богровых. При допросе она твердо стояла на своем первом заявлении о том, что в квартире ее господ никаких посторонних лиц не проживало и не было случая, чтобы ей приходилось за последние дни, отпирая входную парадную дверь на звонки, впускать или

выпускать из квартиры неизвестных ей лиц, приходивших к «молодому барину». Из показаний других свидетелей, членов семьи Богрова, заявление служанки впоследствии подтверждалось до мельчайших подробностей. Таким образом, после обыска в квартире Богровых и после опроса свидетелей, у меня составилось определенное представление, что сотрудник полковника Кулябко, по кличке «Аленский», — в действительности Дмитрий Богров или, как его называла служанка, «молодой барин», — с каким-то злым умыслом в продолжении нескольких дней, самочинно или по чьему-либо поручению или сговору, давал Кулябке и другим чинам охраны заведомо ложные сведения о том, что в квартире его отца и комнате, им занимаемой, скрываются террористы, прибывшие в Киев с оружием и бомбами для совершения террористического акта, приурочивая таковой ко времени пребывания в Киеве Государя, Его Семьи и Кабинета министров.

При производстве подробного опроса служанки Богровых было обращено особое внимание на выяснение лиц, посещавших эту квартиру за последнее время, причем пришлось натолкнуться на следующий чрезвычайно интересный факт. Служанка, между прочим, показала, что 1-го сентября, — т. е. в день убийства Столыпина — часа в два или три, ее посетил один ее знакомый, даже ее кум, некто Сабаев. По ее словам он вошел к ней в кухню с черного хода и, видимо, очень торопясь, спросил, нельзя-ли из их квартиры поговорить по телефону. Служанка ответила Сабаеву, что в квартире находится только «молодой барин», а потому он, Сабаев, может свободно пройти в прихожую и поговорить по телефону. В дальнейшем она показывала, что Сабаев прошел из кухни один в комнаты. Говорил-ли он по телефону или нет, она не знает. Но, возвратившись в кухню, Сабаев наскоро протиснулся и ушел... Чем он занимается, она точно не знает, но слышала, что он служит писарем где-то в полиции или в охранном отделении.

Это показание обратило на себя особенное внимание потому, что в Киевском охранном отделении действительно служил писарем чиновник Сабаев с тем же именем и отчеством, как назвала его служанка. Вызванный для допроса, он показал, что в кухарках у Богровых действительно служит его кума и что первого сентября около трех часов дня он к ней заходил. Затем он подробно рассказал, как было это дело Первого сентября он, кончив утренние занятия в охранном отделении, шел домой. Проходя по улице, недалеко от дома Богровых, он встретился с заведывающим наружным наблюдением С. И. Демидюком, который подовзал Сабаева к себе и спросил о том, розданы ли уже сегодня билеты для пропуска на ипподром. Когда Сабаев ответил утвердительно, то Демидюк поинтересовался узнать, кто получил билеты для его жены и детей. Сабаев ответил, что этого не знает. Так как скачки на иппо-

дроме в этот день, при Высочайшем присутствии, начинались в пять часов дня, а Демидюк за ними сам отлучиться с поста не имел возможности, то он стал упрашивать Сабаева возвратиться в охранное отделение, взять назначенные для семьи Демидюка билеты и отправить их по назначению. Сабаев решительно отказался возвратиться, ссылаясь на то, что не имеет свободного времени; но так как Демидюк очень настаивал, то Сабаев согласился передать эту просьбу по телефону на одной, близ находящейся отсюда квартиры, в которой кума его служит кухаркой. Демидюк, не интересуясь где живет кума Сабаева и у кого служит, очень обрадовался предложению Сабаева и просил так и сделать.

В дальнейшем своем показании Сабаев рассказал: «Зайдя в квартиру Богровых, где служит моя кума, я застал ее на кухне и, осведомившись, что в квартире находится только один «молодой барин», просил разрешения пройти к телефону. Кума мне охотно это разрешила, и я, пройдя несколько комнат и никого в них не встретив, подошел к телефону, снял трубку и, как полагается, громко назвал номер телефона Киевского охранного отделения. Дверь из комнаты, к которой я стоял спиной, отворилась, и кто-то громко произнес: «Из нашей квартиры с охранным отделением разговаривать нельзя!» Я быстро обернулся и увидел в дверях комнаты человека, которого я знал, как секретного сотрудника охранного отделения под кличкой «Аленский», которому за день или за два перед этим я — бывший дежурным по охранному отделению — поздно ночью отворял двери и впускал его для свидания с полковником Кулябко. Что сотрудником «Аленским» является Богров, я не только не знал, но и не предполагал. «Аленский» в свою очередь, видимо, узнал меня и, быстро хлопнув дверью, скрылся в своей комнате. Я же настолько растерялся от этой неожиданной встречи с секретным сотрудником, что положил трубку телефона на место, быстро прошел в кухню и, не задерживаясь у кумы, ушел домой».

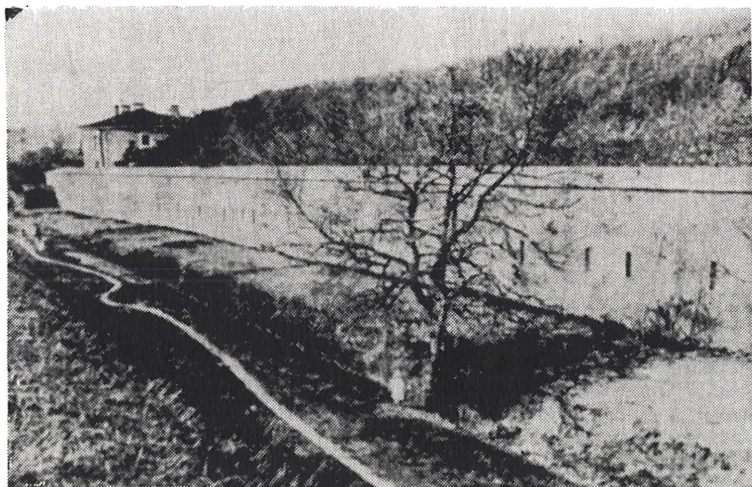
Но выйдя с квартиры Богрова, Сабаев уже с Демидюком не встретился и о своем посещении квартиры Богровых до этого времени никому не говорил, и никто его по этому поводу не расспрашивал. А служанка Богровых так описала состояние «молодого барина» после ухода ее кума Сабаева: «После того, как Сабаев ушел, я часто заходила из кухни в комнаты и заметила, что наш «молодой барин» был чем-то очень расстроен. Раньше я его таким не видала. Он выходил из своей комнаты, подходил к окнам, выходящим на улицу, шумел бумагой в своей комнате и рвал ее. Затем он куда-то уходил и возвратился лишь тогда, когда стемнело. Отпирая ему парадную дверь, я заметила, что он был все в таком же расстроенном состоянии. Потом

он затворился в своей комнате, и было слышно, как хлопал печной дверкой. Когда он выходил вторично, и я вышла в прихожую, чтобы запереть за ним дверь, то помню, что «молодой барин», уже одетый в пальто, вновь возвратился в свою комнату. Но вскоре оттуда вышел и быстро куда-то удалился из квартиры... С тех пор он домой не возвращался».

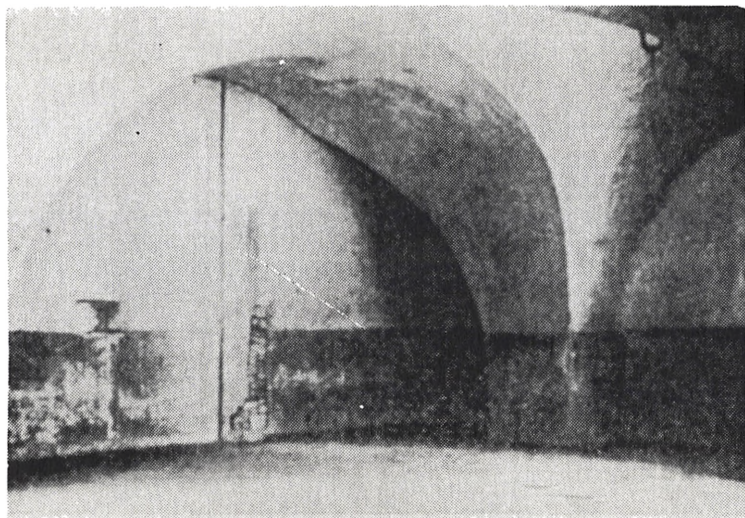

Во дворе тюрьмы

**СЛЕДСТВИЕ, СУД,
КАЗНЬ**

Крепость «Косой Капонир»

Камера смертников

С сентября 1971 в помещениях «Косого капонира» размещается филиал Исторического музея УССР.

СЛЕДСТВИЕ

Арестованный послѣ избіенія Богровъ былъ переведенъ въ помѣщеніе при театрѣ, куда прибыли чины прокурорскаго надзора. Первымъ явился судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ при кіевскомъ окружномъ судѣ В. П. Фененко, затѣмъ товарищъ прокурора Слѣпушкинъ, а черезъ нѣсколько времени прибылъ прокуроръ кіевской судебной палаты Чаплинскій.

Богровъ былъ обысканъ и при немъ нашли записку слѣдующаго содержания:

„Николай Яковлевичъ“ очень взволнованъ. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ наблюдаетъ изъ окна черезъ бинокль и видитъ наблюденіе. Увѣренъ, что за нимъ поставлено наблюденіе скверно, слишкомъ откровенно. Я не проваленъ еще“.

Затѣмъ слѣдственныя власти приступили къ допросу.

Несмотря на полученныя тяжкія увѣчья, Богровъ, весь окровавленный и избитый, давалъ показанія спокойно, съ особымъ хладнокровіемъ. Онъ заявилъ, что всю исторію съ „Николаемъ Яковлевичемъ“ и „Нинной Александровной“ онъ выдумалъ.

Кромѣ Богрова, тутъ же было допрошено нѣсколько ближайшихъ свидѣтелей покушенія. Первымъ допрошенъ былъ графъ Іосифъ Потоцкій, бесѣдовавшій со Столыпинымъ во время покушенія. Когда графа Потоцкаго спросили, узнаетъ ли онъ въ Богровѣ лицо, произведшее выстрѣлъ, тотъ заявилъ, что затрудняется положительно отвѣтить на вопросъ. Послѣ этого заявленія все вниманіе слѣдственныхъ властей было направлено на личный допросъ Богрова, который продолжался до 5 часовъ утра непрерывно.

Въ отвѣтъ на упрекъ, что покушеніе было произведено имъ въ такой торжественный день и направлено на Столыпина, являвшагося гостемъ въ Кіевѣ, Богровъ заявилъ:

— Столыпинъ — министръ, и потому я смотрю на него какъ на лицо, находящееся при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, а не какъ на гостя. Я по взглядамъ убѣжденный анархистъ, — добавилъ Богровъ.

Кулябко и Курловъ дѣлали попытку отправить Богрова для допроса въ охранное отдѣленіе, — по словамъ генерала Курлова, эта мѣра, благодаря бесѣдѣ Богрова съ самимъ Кулябко, могла выяснить соучастниковъ Богрова, — но этому энергично воспротивился прокуроръ судебной палаты, и Богрова рѣшено было отправить въ кіевскую крѣпость.

Богрова вывели изъ театра и усадили въ экипажъ. Съ одной стороны сидѣлъ полиціймейстеръ полковникъ Скалонъ, съ другой — жандармскій полковникъ и впереди жандармъ съ револьверомъ, направленнымъ въ Богрова. Затѣмъ въ слѣдующихъ трехъ экипажахъ размѣстились жандармы, которые его провожали въ „Косой капониръ“, гдѣ Богрова заключили въ одиночную камеру.

На слѣдующій день генераль Курловъ снова

возбудилъ передъ судебными властями вопросъ о допущеніи подполковника Кулябко на свиданіе съ Богровымъ, но и эта попытка была безуспѣшна. Судебныя власти не разрѣшили ему этого.

Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Столыпина было поручено судебному слѣдвателю Фененко и жандармскому полковнику Иванову, подъ руководствомъ товарища прокурора Слѣпушкина.

Не безынтересными являются показанія, данныя слѣдствію Курловымъ, Спиридовичемъ, Веригинымъ и Кулябко о томъ, какимъ образомъ Богровъ оказался въ театрѣ, извлекаемая нами изъ доклада Трусевича.

Въ объясненіяхъ своихъ, говоритъ сенаторъ Трусевичъ, на разслѣдованіи генераль Курловъ, статскій совѣтникъ Веригинъ и полковникъ Спиридовичъ категорически отрицали всякую освѣдомленность свою о томъ, что Богровъ былъ допущенъ на гуляніе въ садъ Купеческаго Собранія и въ городской театръ. Спиридовичъ, кромѣ того, намекалъ, что во всемъ этомъ случаѣ отъ него что то умышленно скрывали, но опредѣленныхъ разъясненій не представилъ. Кулябко же утверждалъ противное, доказывая, что о посѣщеніи Богровымъ купеческаго сада и спектакля было извѣстно всѣмъ означеннымъ должностнымъ лицамъ. При оцѣнкѣ этого противорѣчія, продолжаетъ Трусевичъ, нельзя не отмѣтить, что каждое изъ приведенныхъ заявленій имѣетъ въ своемъ основаніи вполне понятныя побужденія. Въ то время, когда подполковнику Кулябко, въ видахъ устраненія отвѣтственности, весьма важно сослаться на приказанія начальства, прочіе прикосновенные чины заинтересованы въ признаніи Кулябко дѣйствовавшимъ самовольно, безъ ихъ вѣдома и со-

гласія. Затѣмъ, полк. Спиридовичъ въ своемъ показаніи пояснилъ, что послѣ 1 сентября въ разговорѣ съ нимъ и Веригинымъ относительно посѣщенія Богровымъ сада Купеческаго Собранія, генераль Курловъ высказалъ, что объ этомъ обстоятельстве ему не было извѣстно, но Веригинъ замѣтилъ, что, какъ ему кажется, Кулябко докладывалъ генералу и объ этомъ. Отвѣтивъ отрицательно, ген. Курловъ перемѣнилъ тему бесѣды.

Богровъ же на первомъ допросѣ у судебного слѣдователя, въ ночь на 2-ое сентября, будучи внѣ всякой возможности снестись какимъ-либо образомъ съ Кулябкой, удостовѣрилъ, что снабженіе его билетомъ было рѣшено при участіи Веригина утромъ 1-го сентября. Равнымъ образомъ, подп. Кулябко въ ту же ночь на вопросы лица прокурорскаго надзора заявилъ, что Богровъ былъ на спектаклѣ съ вѣдома генерала Курлова, Веригина и Спиридовича.

Въ дальнѣйшемъ Кулябко добавилъ, что изъ докладовъ его генералу Курлову о двукратной посылкѣ Богрова изъ театра домой у товарища министра не могло оставаться сомнѣній, что Богровъ находился въ то время въ театрѣ. По утверженію же ген. Курлова, онъ изъ разговора съ Кулябко въ театрѣ понялъ, что Богровъ не находился на спектаклѣ, а приѣзжалъ туда для извѣщенія Кулябки о положеніи дѣла. Ссылка Кулябки на то, что Богровъ маскировалъ свои возвращенія домой необходимостью взять перчатки съ очевидностію доказывала генералу Курлову, что Богровъ занимаетъ мѣсто въ театрѣ. Наконецъ, съ полной несомнѣнностью установленъ фактъ, что Богровъ открыто находился въ томъ самомъ партерѣ зрительнаго зала, въ которомъ были Веригинъ и Спиридовичъ, изъ коихъ

первый видѣлся съ нимъ утромъ, а Спиридовичъ настолько хорошо помнилъ Богрова въ лицо, что узналъ его даже въ моментъ крайняго волненія, намѣреваясь нанести ему ударъ саблей. При указанныхъ условіяхъ представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы Кулябко пропустилъ Богрова въ театръ, съ намѣреніемъ скрыть это распоряженіе отъ своихъ ближайшихъ друзей и генерала Курлова, освѣдомленнаго о всѣхъ мелочахъ розыска по этому дѣлу.

Сейчасъ же послѣ покушенія, въ квартирѣ Богрова, по приказанію подп. Кулябко, былъ произведенъ обыскъ жандармскимъ ротмистромъ Самохваловымъ, при чемъ остервенѣлая полиція вела себя отчаянно грубо. Квартира была окружена цѣлымъ войскомъ. Восемьдесятъ чиновъ вошли внутрь и безнадежно искали мифическаго „Николая Яковлевича“.

А въ ночь на 2 сентября Кулябко, съ одобренія ген. Курлова, приступилъ къ обыскамъ и арестамъ по всему Кіеву. 78 человекъ было арестовано и среди нихъ чуть ли не всѣ родственники и знакомые Богрова. Арестовывались и обыскивались безъ разбора всѣ, кто случайно подвертывался подъ руки или чей адресъ случайно попадалъ на глаза охранникамъ. И по удостовѣренію Трусевича, и по существу самаго дѣла, конечно, весь этотъ разгулъ оказался безрезультатнымъ.

Безрезультатной оказалась и вся та кипучая медицинская дѣятельность, которая была проявлена въ леченіи Столыпина, поставить на ноги или, по крайней мѣрѣ, продлить агонію котораго составляло въ правящихъ кругахъ государственную задачу.

5 сентября П. А. Столыпинъ умеръ отъ ранъ, нанесенныхъ ему Богровымъ.

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ

1-го сентября 1911 г. в г. Киеве подполковник отдельного корпуса жандармов Ивацов, вследствие предложения прокурора киевской судебной палаты, допрашивал Богрова, который показал:

«Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров, вероисповедания иудейского, от роду 24 года, званием помощника присяжного поверенного. Проживаю в г. Киеве, Библиковский бульвар, № 4, кв. 7. К делам политического характера не привлекался. На предложенные вопросы отвечаю: решив еще задолго до наступления августовских торжеств совершить покушение на жизнь министра внутренних дел Столыпина, я искал способ осуществить это намерение. Так как я не имел возможности встретиться с министром, я решил обратиться к начальнику охранного отделения П. П. Кулябко, которому я рассказал, что ко мне обращался некий молодой человек, который готовился совершить покушение на одного из министров и что этот молодой человек проживает у меня на квартире. Кулябко, будучи очень взволнован сообщенными сведениями, поставил наблюдение за моей квартирой для установления личности этого молодого человека. У Кулябко я был кажется 27 августа, затем 31 августа и, наконец, встретился с ним в Европейской гостинице 1 сентября в № 14. При свидании с Кулябко в первый раз присутствовал полковник Спиридович и еще один господин (кажется Веригин). При последнем свидании присутствовал тот же господин, конечно, Кулябко вполне искренно считал мои слова истинными. Вследствие этого Кулябко дал мне билет в Купеческое Собрание и затем в театр. За билетом в Купеческое я послал в охранное отделение посыльного, билет ему был выдан в запечатанном конверте с надписью «для Аленского». Билет в театр был прислан мне на квартиру в 8 часов вечера Кулябко, который меня предупредил по телефону № билета 406, 18 ряда. Билет передал мне какой-то филер, который знал в лицо меня, как звал меня много филеры. В Купеческом я пробыл с 8 часов вечера до конца торжества. Репюльвер был со мной. Стоял на аллее, недалеко от малороссийского хора ближе к входу. Потом переменял место и стоял на пути прохода государя за хором, приблизительно против ресторана. Имел при себе револьвер. Почему не выполнил своего намерения, не знаю. Еще раз повторяю, что подполковник Кулябко не знал о цели моих посещений. В театр я пришел в 8 часов вечера, вошел через главный вход, после этого увидел Кулябко, который спросил: «ну, что ушел ли ваш квартирант?». Я ответил, что он еще у меня на квартире, что он заметил наблюдение и поэтому не выходит. Кулябко предложил мне съездить под каким-нибудь предлогом домой и посмотреть, не собирается ли мой гость уходить. Я вышел из театра приблизительно в 8 ч. 25 м. вечера, перешел на другую сторону Владимирской ул. и приблизительно через 15 минут вернулся обратно. Вошел я через правый боковой вход, при чем неизвестный мне офицер не пропускал меня, так как часть билета была прорвана при первом контроле. Я обратился за помощью к Кулябко, который удостоверил, что я уже был в театре. Тогда

Протоколы опубликованы Борисом Струмилло в статье «Материалы о Дм. Богрове», ж. «Красная летопись», № 1(10), 1924, стр. 229-238.

О Б. Струмилло см. примеч. на стр. 125.

меня впустили. Во время первого антракта я не сходил с места. Во время второго я прошел в коридор, где Кулябко сказал мне, что он сильно беспокоится на счет моего квартиранта, и предложил ехать немедленно домой. Я выразил согласие, он повернул в другую сторону и прошел в проход, в котором стоял Столыпин. Подойдя к нему на расстояние 2—3 шагов, я вынул револьвер «браунинг» и произвел два выстрела. После этого повернулся и пошел к выходу, но был задержан. Револьвер мною приобретен в бытность мою за границей в Берлине, в магазине в 1908 г., вместе с револьвером мною были куплены патроны в количестве 50—60 штук. Стрелять мне приходилось мало, в общем стрелял я раз 30, иногда в цель, иногда в воздух.

Все рассказанное мною Кулябко было вымышленно (курсив наш. Ст.). Никто у меня не останавливался. В первое свидание я рассказал в самом неопределенном виде, что ко мне на дачу, где я жил в течение 2-х недель, приезжал молодой человек по кличке «Николай Яковлевич», с которым я будто бы познакомился в С.-Петербурге. Человек этот расспрашивал меня об условиях, в которых будут протекать Киевские торжества и видимо интересовался условиями, при которых мог бы иметь место террористический акт. Кулябко спросил у меня приметы этого человека, а также просил сообщить, если будет что-нибудь новое. Между прочим он указал на пачку билетов, которые лежали у него на столе, и спросил: «а билет на торжества у вас есть?» Я ответил, что билет мне не надобен, ибо я боюсь афишироваться. При этом разговоре присутствовал Спиридопич и Веригин. Только при следующем разговоре по телефону я попросил билет в Купеческое. Билет мне был дан. После Купеческого я вечером часов в 11 зашел в охранное отделение; Кулябко уже спал, я написал ему сообщение, что «Николай Яковлевич» приехал ко мне, почует у меня и завтра намерен встретиться с неизвестною дивчией «Нинной Александровной», у которой есть бомба. *Все это опять-таки было ложью*. (Курсив наш. Ст.). Кулябко поставил к моему дому наблюдение для того, чтобы заметить выход «Николая Яковлевича» и встречу его с «Нинной Александровной». Во время свидания в «Европейской гостинице», я напирал на необходимость выдолбить меня из компании бмбистов и с этой целью просил создать предлог в виде ухода моего в театр. В то же время посещение мною театра давало бы возможность предупредить покушение тем, что я не дал бы нужного заговорщикам сигнала.

Ни к какой партии я не принадлежу. Имел года три тому назад связи с анархистами, но связи эти безвозвратно порвал. С тех пор я занимался исключительно своим образованием. В январе 1910 года окончил Киевский университет и в апреле того же года уехал в С.-Петербург, где пробыл до ноября 1910 г. Из С.-Петербурга я уехал по болезни и в течение 2-х месяцев, январь и февраль 1911 г., пробыл в Ницце, откуда вернулся в Киев. В С.-Петербурге я жил по Лиговской ул. в д. № 69, кв. 19, у двоюродного брата Льва Богрова, занимался отчасти адвокатурой, отчасти состоял помощником секретаря в Комитете по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов при министерстве торговли и промышленности, где получал 50 р. в месяц жалованья, судебная практика в мировых учреждениях давала мне 25—30 р. в месяц и от 75—100 руб. ежемесячно высылали мне отцу.

С анархистами я познакомился в 1907 году в Киеве в университете через студента Татчевя под кличкой «Ираклий». В состав группы входили Иуда Гросман, Леонид Таратута, Петр, Кирилл Городецкий и несколько рабочих будочников. Состав группы многократно менялся в течение 1908 г., туда вошел целый ряд новых лиц: Сандомирский Герман, Филипп Тыш, Дубинский. Никаких преступных делений я за все время принадлежности к анархистам не совершал. Прижкнул к анархистам и искал связей с ними сначала из-за желания подробнее познакомиться с их учением, а затем, по очень короткое время, был заражен царившим там босвым духом. Я принимал участие в целом ряде собраний, происходивших в квартирах у членов их, и высказывал мнение свое по разным вопросам. Домов, где были собрания, не припомню. В организации с 1908 г. ни в С.-Петербурге, ни за границей с присяжным поверенным С. Г. Крупиным, помощником которого я состою с марта 1910 года, я раньше знаком не был. Просил же его принять меня в помощники потому, что рассчитывал у него на работу по уголовным делам. Узнал я про то, что в С.-Петербурге в Комитете борьбы с фальсификацией имеется вакансия на место помощника секретаря, через родственника своего доктора Семена Леонидовича Райковича, при чем на место был утверждён в Мюнхене и до конца 1906 года состоял одновременно студентом Мюнхенского и Киевского университетов, присажая в Киев, чтобы сдать экзамены.

Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, т.-е. отступления от устано-

ввишегося в 1905 году порядка: роспуск Государственной Думы, изменение избирательного закона, притеснение печати, инородцев, игнорирование мнений Государственной Думы и вообще дельный ряд мер, подрывающих интересы народа. С середины 1907 года я стал давать сведения охранному отделению относительно группы анархистов, с которой имел связь. В охранном отделении состоял до октября 1910 года, но последние месяцы никаких сведений не давал. В сентябре 1908 года я предупредил охранное отделение о готовящейся попытке освободить заключенных в тюрьму Тыша и «Филиппа». Необходимо было немедленно принять меры и я предложил Кулябко арестовать и меня. Я был арестован и содержался в Старокиевском участке 2 недели.

В охранном отделении я шел под фамилией «Аленский», и сообщал сведения о всех вышеприведенных лицах, о сходках, о проектах экспроприаций и террористических актов, которые и распространялись Кулябко. Получал я 100—150 р. в месяц, иногда одновременно по 50—60 р. Тратил их на жизнь. В 1910 г. в июле или августе я встретился с Столыпным при осмотре им С.-Петербургского водопровода. Расстояние между нами было шагов 10—12, но, по указанию начальника водопровода, я удалился. Был ли у меня при себе револьвер тогда, не помню, но мысли совершать покушение не было. Никакого определенного плана у меня выработано не было, я только решил использовать всякий случай, который может меня привести на близкое от министра расстояние, именно сегодня, ибо это был последний момент, в который я мог рассчитывать на содействие Кулябко, так как мой обман немедленно должен был обнаружиться. Настоящее показание написано мною собственноручно. *Дмитрий Богров*. Подполковник *Иванов*. Предъявленный мне револьвер принадлежит мне (система Браунинг № 239630), он был заряжен восемью патронами, из коих один был в дуле, а семь в обойме. *Д. Богров*. При допросе присутствовали: товарищ прокурора судебной палаты Царюк и прокурор суда Брандорф. Подлинный подписал: подполковник *Иванов*.

2-го сентября 1911 года, следовательно по особо важным делам В. И. Фененко в Косом кационире ¹⁾, где содержался Богров, допрашивал Богрова.

Богров показал:

«Я не признаю себя виновным в том, что состоял участником преступного общества, именуемого себя группой анархистов и имеющей целью своей деятельности насильственное испровержение установленного основными законами образа правления, но признаю себя виновным в том, что, задумав заранее лишить жизни председателя совета министров Столыпина, произвел в него 1-го сентября сего года 2 выстрела из револьвера Браунинга и причинил ему опасные для жизни ранения, каковое преступление, однако, совершено мною без предварительного уговора с другими лицами и не в качестве участника какой-либо революционной организации.

Вырос я в семье отца моего и матери, которые проживают в Киеве, при чем отец присяжный поверенный и домовладелец. Дом отца моего находится на Бибиковском бульваре под № 4 и стоит приблизительно 400 тысяч рублей. Долга на этом доме имеется сто тысяч рублей. Таким образом, мой отец является вполне обеспеченным человеком. Я лично всегда жил безбедно, и отец давал мне достаточные средства для существования, никогда не стесняя меня в денежных выдачах. После окончания Киевской 1-ой гимназии в 1905 г., я поступил в Киевский университет на юридический факультет. В сентябре того же года я уехал в Мюнхен для продолжения учения, так как Киевский университет был закрыт. Вернулся я из Мюнхена осенью 1906 г. В то время я уже был настроен революционно, хотя ни в каких конкретных поступках это мое настроение не выразилось. Вернувшись в Киев, я в декабре 1906 г. примкнул через студенческий кружок к группе анархистов-коммунистов, с которыми я познакомился через студента Татиева под кличкой «Праклий». В настоящее время (в 1911 г.) он куда-то выслан, куда — не знаю. В состав группы входил Пуда Гросман, Леонид Таратута, какой-то Петр, фамилии которого не помню, Кирилл Гродский и несколько рабочих булочников. Эта группа имела при мне 10—15 собраний, происходивших на разных квартирах, но на каких именно — указать не могу, так как забыл адрес. На этих собраниях разрабатывались организационные планы и высказывались предположения о возможности совершения разных экспроприаций, но определенных замыслов не было. Я лично за все время принадлежности к группе анархистов-коммунистов ни в каких преступлениях не участвовал. Состав партии часто менялся и в течение 1908 г. все вышеупомянутые лица из нее вышли, будучи арестованы, а в состав ее вошли приехавшие из-за границы: Герман Салдомирский, Шаум Тыш, Дубинский и какой-то Филип, фамилии которого не помню. Примкнул я к группе

анархистов вследствие того, что считал правильной их теорию и желал подробнее познакомиться с их деятельностью. Однако вскоре, в середине 1907 г. я разочаровался в деятельности этих лиц, ибо пришел к заключению, что все они преследуют, главным образом, чисто разбойничьи цели. Поэтому я, оставаясь для видимости в партии, решил сообщить Киевскому охранному отделению о деятельности членов ее. Решимость эта была вызвана еще тем обстоятельством, что я хотел получить некоторый излишек денег. Для чего мне был нужен этот излишек — я объяснить не желаю. Когда я впервые явился в середине 1907 года в охранное отделение, то начальник его Кулябко спросил меня об имеющихся у меня сведениях и, убедившись, понемногу, что таковые совпадают с его сведениями, Кулябко принял в число своих сотрудников и стал уплачивать мне 100 — 150 р. в месяц. Тратил я эти деньги на жизнь, при чем от отца своего в то время получал, кроме стола и квартиры, около 50 р. в месяц. В охранное отделение я ходил раза два в неделю и между прочим сообщал сведения о готовящихся преступлениях, как, например, Борисоглебской организации максималистов, об экспроприации в киевском политехническом институте, лаборатории в Киеве, на Подоле, по которой была привлечена Р. Михальсов, разъяснил дело Мержевской, подготовлявшей покушение на жизнь государя в 1909 г., и много других замыслов анархистов.

Кроме того я предупредил охранное отделение о готовившейся попытке освободить находившихся в Лукьяновской тюрьме Тыша и Филиппа при помощи бомб. Для предупреждения этого преступления необходимо было арестовать участников накануне и для того, чтобы моя роль, как сотрудника не была раскрыта, я тоже был арестован фактически охранным отделением и содержался в Староконевском участке с 10 сентября по 25 сентября 1908 г., после чего был отпущен и продолжал свою деятельность в охранном отделении, где шел под фамилией «Алевский».

Всего работал в охранном отделении около 2½ лет. (Курсив наш. Ст.) и в течение этого времени был несколько раз за границей, при чем одна моя поездка длилась с сентября 1908 г. по май 1909 г. Эти мои поездки предприняты мною для моих личных надобностей и не носили характера командировок от охранного отделения, но Кулябко пользовался этими поездками и сохранял со мною связь, поручая собирать сведения о заграничной деятельности анархических организаций и продолжая выплачивать мне ежемесячно деньги.

В охранном отделении я работал до начала 1910 г., а затем уехал в Петербург, по окончании в феврале месяце 1910 г. курса в Киевском университете. Там я продолжал числиться помощником киевского присяжного поверенного С. Г. Крупинова и иногда получал практику через знакомых пис. пов.: Кальмамовича, Рашковича, Дубосарского и др. Вскоре по приезде в Петербург в июле месяце 1911 г., я решил сообщить петербургскому охранному отделению или департаменту полиции вымышленные сведения для того, чтобы в революционных делах вступить в тесные сношения с этими учреждениями и детально ознакомиться с их деятельностью.

На вопрос, почему у меня после службы в киевском охранном отделении явилось вновь стремление служить революционным целям, я отвечать не желаю.

По прибытии в Петербург, я снова сделался революционером, но ни к какой организации не примкнул. На вопрос о том, почему я через такой короткий промежуток времени из сотрудников охранного отделения снова сделался революционером, я отказываюсь отвечать. Может быть по-вашему это нелогично, но у меня своя логика. Могу только добавить, что в киевском охранном отделении я действовал исключительно в интересах сего последнего. Задумав сообщить петербургским жандармским властям вымышленные сведения, я написал Кулябко письмо, в котором, сообщая, что у меня есть важные сведения, запрашивал его, куда мне их сообщить. На это письмо я получил телеграфный ответ с указанием, что мне нужно обратиться к петербургскому начальнику охранного отделения фон-Коттесу. У этого последнего я был раз 10 и, передавая ему вымышленные и довольно безразличные сведения, понемногу, заслужил его доверие. Мне думается, что меня рекомендовал ему Кулябко. Коттес платил мне 150 р. в течение 4 месяцев. После этого я серьезно заболел в С.-Петербурге, и врачи послали меня на юг Франции, куда я прибыл в декабре месяце 1910 г. и оставался там до марта 1911 г. Там я никаких сношений с революционными организациями не имел и никаких поручений от них не получал. Вернувшись в Киев, я прожил здесь до конца июля месяца, ни с Кулябко, ни с революционерами не виделся. В июле же месяце я поехал на дачу около Кременчуга, где пробыл недели две у своих родителей. После этого я вернулся в Киев в начале августа и оставался здесь безвысидно до вчерашнего дня.

Еще в 1907 году у меня зародилась мысль о совершении террористического акта

в форме убийства кого-либо из высших представителей правительства, каковой мысль являлась прямым последствием моих анархических убеждений. Затем в период моей работы в киевском охранном отделении я эту мысль оставил. А в нынешнем году снова вернулся к ней, при чем я решил убить министра Столыпина, так как я считал его главным виновником реакции и находил, что его деятельность для блага народа очень вредна. Зная о предстоящих в Киеве августовских торжествах и о предполагаемом приезде Столыпина, я решил воспользоваться этим обстоятельством для осуществления своего замысла. Но так как мне трудно было проникнуть в то место, где должен был иметь пребывание Столыпина, то я придумал ввести Кулябко в заблуждение и при его помощи получить доступ в означенные места. Для этой цели я 26 или 27 августа отправился к Кулябко на квартиру, предварительно уведомив его по телефону о том, что имею сообщить ему некоторые сведения. Кулябко принял меня у себя дома и при нашем разговоре присутствовали полк. Спиридович и камер-юнкер Веригин. Я сообщил всем этим лицам вымышленные сведения, схема которых была выработана мною заранее по следующему плану. В бытность мою в С.-Петербурге я и посетил фон-Коттену должное известие о моем знакомстве с молодым террористом, и вот теперь я и решил воспользоваться этой же несуществующей личностью, которую назвал «Николаем Яковлевичем», для того, чтобы создать связь между сведениями, сообщенными раньше фон-Коттену и ныне сообщаемыми мною Кулябко и тем самым придать этим сведениям большую достоверность. Я решил рассказать Кулябко, что этот «Николай Яковлевич» с женщиной «Ниней Александровной», также не существующей, условились приехать в Киев во время августовских торжеств для совершения убийства одного из видных министров, что они просили меня дать им возможность прибыть в Киев не по железной дороге и не на пароходе, а на моторной лодке для того, чтобы избежать полицейского наблюдения и что «Николай Яковлевич» имеет намерение остановиться у меня на квартире. После передачи всех этих сведений я решил убедить Кулябко дать мне пропуск в то место, где будет Столыпин, для того, чтобы иметь возможность предупредить покушение на него. Получив же эти пропуска, я решил воспользоваться близостью Столыпина и стрелять в него. Весь этот план и был мною осуществлен, при чем Кулябко, несомненно, вполне искренно считал мои слова правдивыми. Я виделся с Кулябко всего 3 раза, а именно: 26 или 27 августа в присутствии Спиридовича и Веригина, затем ночью 31 августа у него на квартире и, наконец, 1 сентября в «Европейской гостинице» в № 14 в присутствии того же Веригина. В эти три раза я ему рассказал все вышесказанное и прибавил, что «Николай Яковлевич» и «Нина Александровна» приехали, и первый из них остановился у меня на квартире. Тогда Кулябко учредил за ней очень густое наблюдение, но, конечно, никакого не выследил, так как никто ко мне не приезжал. При первом свидании с Кулябко, он, указывая мне на чашку пригласительных билетов на торжества, спросил меня, имею ли я такové, но я, не желая возбудить у него подозрения, ответил ему, что мне такových не надо; однако, я твердо решил достать такие билеты и с этой целью телефонировал ему в 6 часов 31 августа, что в видах успеха дела мне необходим билет на вход в Купеческий сад. Кулябко, очевидно, понял, что мое присутствие в саду требуется для предупреждения покушения и сообщил мне, что билет мне будет выдан и чтобы я прислал за ним посыльного. Таким образом, я и получил билет и находился в Купеческом саду 31 августа, где стоял сначала около эстрады с малороссийским хором, а затем перешел на аллею, ближе к царскому шатру; стоял я в первом ряду публики и хорошо видел прохождение государя, но Столыпина в тот момент не заметил и видел его только издали и то неотчетливо; поэтому я не мог в него тогда стрелять.

Вернувшись из Купеческого сада и убедившись, что единственное место, где я могу встретить Столыпина, есть городской театр, в котором был назначен народный спектакль 1-го сентября, я решил непременно достать туда билет и с этой целью пошел в охранное отделение и в виду того, что Кулябко уже спал, я написал представляемую мною записку. В этой записке я сообщил, что у Нины Александровны имеется бомба, что у Николая Яковлевича имеются высокопоставленные покровители, и что покушение на государя не состоится из опасения еврейского погрома. Я рассчитывал, что эта записка произведет на Кулябко серьезное впечатление и что он примет меня лично и тогда я выпрошу у него билет на спектакль. Так оно и вышло: Кулябко меня принял и из разговора с ним я понял, что он мешал ни в чем не подозревает и что я имею все шансы на получение билета. Но окончательно этот вопрос не был тогда разрешен, поэтому я на следующий день снова пошел к Кулябко и сообщил ему, а также присутствующему Веригину, что билет мне необходим но первых днях того, чтобы быть извиняемым от компании бомбистов, но вторых для разных других целей, полезных для

охранного отделения. По эти делу были изложены мною весьма неопределенно и туманно, и я, главным образом, рассчитывал, что Кулябко среди окружающей его суматохи не станет особенно в них разбираться, а из доверия ко мне выдаст билет. Мои предположения в этом смысле вполне оправдались, и билет был мне прислан в 8 ч. с флиором охранного отделения, о чем меня предупредил по телефону Кулябко. Билет был за № 406, 18 ряд и был написан на мое настоящее имя, только с ошибкой в заглавной букве моего отчества. Приехал я в театр во фраке в 8^{1/4} и встретил Кулябко, которому сообщил, что Николай Яковлевич попрежнему находится у меня на квартире и, повидимому, заметил наблюдение. Тогда Кулябко, боясь прозевать его, просил меня съездить домой и удостовериться, но вышел ли он из дому. Я удалился на некоторое время из театра и в первом антракте не имел случая приблизиться к Столыпину. Затем во время второго антракта, высматривая, где находится Столыпин, я в коридоре встретился с Кулябкой, который мне сказал, что очень опасается за деятельность Николая Яковлевича и Нины Александровны и предложил мне ехать домой следить за Николаем Яковлевичем. Я согласился, но когда Кулябко отшел от меня, оставив меня без всякого наблюдения, я воспользовался этим моментом и прошел в проход партера, где между креслами приблизился к Столыпину на расстоянии 2—3 шагов. Около него почти никого не было, и доступ к нему был совершенно свободен. Револьвер браунинг, тот самый, который вы мне представляете, находился у меня в правом кармане брюк и был заряжен 8 пулями. Чтобы не было заметно, что карман оттопыривается, я прикрыл его театральной программой. Когда приблизился к Столыпину на расстоянии 2 аршин, я быстро вынул револьвер из кармана и быстро вытянув руку, произвел 2 выстрела и, будучи уверен, что попал в Столыпина, повернулся и пошел к выходу, но был схвачен публикой и задержан.

Я знаю, что перед задержанием у меня кто-то отнял револьвер, но кто именно — не знаю. Пули в патронах, которыми я стрелял, отравлены не были. До этого случая я никаких попыток на убийство Столыпина или кого-либо другого не делал. После задержания меня прокурор суда отобрал у меня бумажник, в нем находилась записка, писанная мною собственноручно, начинающаяся словами: «Николай Яковлевич очень зволюван... Подтверждаю, что я совершил покушение на убийство статс-секретаря Столыпина единолично без всяких соучастников и не в исполнение каких-либо партийных приказаний».

Это показание Богровым собственноручно подписано.

Одновременно по поводу его показания составлен был другой протокол, подписанный со слов Богрова Чаплиским, Брандорфом и Фененком, подписать его Богров отказался, мотивируя тем, что «правительство, узнав о его заявлении, будет удерживать евреев от террористических актов, устраняя организацией погромов. В неподписанном протоколе говорилось, что Богров, давая показания, между прочим упомянул, что у него возникла мысль совершить покушение на жизнь государя, но была оставлена из боязни вызвать еврейский погром. Он, как еврей, не считал себя вправе совершить такое деяние, которое вообще могло бы навредить на евреев подобно последствие и вызвать стеснения их прав».

4-го сентября 1911 г. на допросе у жандармского подполковника Иванова Богров показал (дело департамента полиции № 124-а, т. I):

«Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров. Относительно причин, побудивших Кулябко выдать мне билет, показываю следующее: я сообщил Кулябко, что почтешавший у меня «Николай Яковлевич», собирается в 9 ч. вечера выйти для встречи с «Ниней Александровной» куда-то в окрестности Владимирского Собора и просил инструкций, как мне поступить в случае, если кто-либо из этой компании даст мне какое-нибудь поручение. Кулябко категорически воспретил мне исполнять какое бы то ни было поручение. Тогда я заявил, что при таких условиях я должен быть изолирован от компании бомбистов, иначе возбуду подозрение их и что лучше всего для этой цели выдать мне билет в театр, ибо, показав этот билет «Николаю Яковлевичу» и другим, я смогу принять на себя исполнение роли наблюдателя за Столыпим и неправильно данным сигналом испортить их предприятие. Билет я получил в 8 ч. вечера через флиера «Самсона Ивановича» на углу Библиковского бульвара и Пушкинской улицы, куда я вышел встреченный долгим неподлченным билетом. Я прилагал все усилия

к тому, чтобы достать билет в театр на 1-е сентября именно потому, что полагал, что более мне не представится удобного случая для встречи с Столыпиным, ибо мой обман должен был быть выяснен в самом непродолжительном времени охранным отделением. План покушения мною разработан не был. Я был уверен, что, находясь в театре, смогу уличить момент для того, чтобы приблизиться к министру. При разговоре 1-го сентября я просил Кулябко дать мне место поближе к креслу Столыпина, но он и Веригин ответили мне, что в первых рядах будут сидеть только генералы и потому мне сидеть там неудобно. Вообще Кулябко обращал внимание, что я очень взволнован, но приписывал это волнение тому, что я неожиданно попал в центр заговора; вместе с тем он мог бы обратить внимание на то, что держал я себя весьма не конспиративно, приходил днем в охранное отделение, телефонировал туда из своей квартиры, посылал туда посильного и т. п., ходил в Европейскую гостиницу и, наконец, решался открыто посещать такие места, как Купеческое и театр, куда, как лицо неблагонадёжное, билетов получить не мог бы. Билет в Купеческое был мною получен от Кулябко, без всякой особенной мотивировки. Я по телеграфу часов в 6 вечера просил его выдать мне билет, и он предложил прислать за ним посильного.

По возвращении из Цотиков меня посещали несколько раз: Владимир Абрамович Скловский, мой товарищ по гимназии и по университету, который, однако, о моих планах совершенно осведомлен не был, пом. прис. поверенного Лев Леонтьевич Фельдзер, с которым я встречался ежедневно в кабинете прис. пов. Александра Соломоновича Гольденвейзера, который находится за границей; студент Киевского университета, Самуил Леонтьевич Фельдзер, мой товарищ по гимназии, заходил ко мне только один раз, возвращаясь от доктора. Я категорически утверждаю, что все эти лица не имели ни малейшего понятия о моих планах. Сведения, которые я давал Кулябко, им не записывались, и письменный след о них сохранялся лишь в одной записке, которую я посылал ему 31 августа из охранного отделения в квартиру. Подлинный подлинник: *Дмитрий Богров*. Подполковник *Иванов*.

10-го сентября 1911 г. на допросе у жандармского полковника Иванова Богрова показал (дело Департамента Полиции № 124, лпт. А, т. 1):

«Зовут меня Дмитрий Григорьевич Богров. В предъявленной мне фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка Петра Лятковского) я признаю того человека, который явился ко мне в первых числах марта сего года и сообщил мне что в Лукьяновской тюрьме, из которой он вышел в феврале месяце, существует сильное раздражение против меня.

Еще раньше в 1908 г., приблизительно в мае месяце, отбывающее наказание за участие в анархической группе Наум Тыш, «Филипп» и несколько других лиц возбудили против меня обвинение в провокации. Обвинение это, однако, окончилось ничем, и доверие ко мне было восстановлено. Однако, в 1910 году, приблизительно в сентябре или октябре месяце, в тюрьму поступили новые сведения, а именно письмо от некоего «Николая», настоящее имя которого Рафаель Черный, в котором он обвинял меня в растрате партийных денег, а также письмо из Парижа с запросом о некоторых обстоятельствах в моей деятельности. В виду этого в Лукьяновской тюрьме вновь был возбужден и решен в утвердительном смысле вопрос о моем соучастии в охранном отделении.

П. Лятковский был уполномочен находящимися в тюрьме анархистами расспросить меня о деньгах и вообще сообщить мне свои впечатления. После разговора с Лятковским, уехавшим через несколько дней домой, на Кавказ, я в течение двух месяцев не имел никаких сведений и свиданий с кем-либо из анархистов. Лятковский приходил ко мне один раз, был одет в студенческую форму. Дверь ему, насколько помню, открывала горничная и впустила его в мою комнату, находящуюся направо от главной передней. Разговор с Лятковским велся в миролюбивой форме, и, уходя от меня, он взял у меня две книги (помню, что часть журнала «Былое»). Приблизительно числа 6—7 мая месяце ко мне явилось два человека, из которых одного я знал по Парижу, как анархиста, состоявшего в группе «Буревостник». Имени и клички я его не помнил, но он назвался «Василий». Что касается второго из моих посетителей, то о нем я никакого понятия не имел, но он говорил, что также меня знает из Парижа. Не называясь он мне никак.

«Василий» и неизвестный заявили мне, что они присланы из Парижа, в качестве членов «революционной комиссии», имеющей целью объехать те города России, в которых была, но прекратилась революционная работа, отчасти в целях выяснения оста-

вшивших на местах сил, спрятанных материалов (шифра, револьверов), отчасти же для выяснения причины провалов организаций. От меня лично они требуют отчета в деньгах, которые находились у меня на руках в течение 1908 года, при этом они представили мне мой отчет в 2.000 руб., помещенный в № 4 «Бунтаря», копию подробного ответа, присланного мною в 1908 году в Париж Иуде Гросману, и указывали на погрешности его, доходившие по собранным им справкам до 520 рублей. Я оспаривал правильность их счетов и сначала пришел с ними к соглашению, по которому должен был уплатить им 260 рублей. Деньги я должен был доставить через два дня, но к условленному сроку явился один «Василий» и заявил, что они «ревизионная комиссия» на прежнее решение не согласны и что требуют все деньги сполна. Я попросил еще три дня срока и потом внес «Василию» все требуемые от меня деньги.

Деньги я получил от родителей, при чем в первый раз от матери моей 150 рублей, а через два дня от отца 210 рублей, 160 рублей были у меня. Обстоятельства эти мои родители могут подтвердить. «Василий» — светлый шатен, низкого роста, слабого сложения, лет 24—26, маленькая бородка и усы. Другой неизвестный, повидимому, еврей, чрезвычайно маленький брынет, без усов и бороды, лет 20—21. Расписки я у них о вручении мною денег не взял, а вместо того написал вместе с «Василием» письмо Гросману в Париж, где подтверждал вторичную уплату мною уже раз истраченных на партийные цели денег. Всего я виделся с членами «ревизионной комиссии» три раза, из коих два раза у себя дома, а один раз в центральной молочной на Кредастикке. После этого я считал все мои партийные счета окончательно законченными, но в конце июля месяца в Потоки мне было переслано заказное письмо из Парижа; письмо это было адресовано мне в Киев. Пересылая его должно быть швейцар. Письмо это было написано Максимом Раевским, «Томом» и еще кажется Василием Железным, а также Аскарковым. Все эти лица состояли членами парижской группы «Буревестник».

В письме этом, написанном в явно враждебном тоне, от меня требовались ответы на целый ряд вопросов о моей прежней деятельности, а именно: 1) передавал ли я при подготовлявшемся побеге из Лукьяновской тюрьмы Н. Тыша и «Филиппа», который организовала Роза Сельская, телеграмму в тюрьму для вывоза означенных лиц к следователю; 2) был ли известен кому-либо, кроме меня, адрес «Николая» в Варшаве; 3) каковы были мои отношения к борисоглебским максималистам, почему я сам не ездил в Борисоглебск, и кто та «Роза», которую я посылал в Воронеж за литературой. На это письмо я не ответил непосредственно написавшим его, а вновь написал Гросману о том, чтобы он передал «Буревестникам», что подобными письмами они меня могут легко провалить, если такое письмо попадет в руки полиции, и что я, отстранившись от всяких партийных дел, ни в какую переписку вступать не желаю. После этого письма, 16 августа ко мне на квартиру явился известный мне еще с 1907—1908 года «Степа». Последний был в Киеве в 1908 году летом. Он бежал с каторги, куда был сослан по приговору екатеринославского суда за убийство офицера. Преступление его, насколько помню, было совершено в следующей обстановке: «Степа» направился на какой-то террористический акт или на экспроприацию и был вооружен браунингом. На улице его внимание обратил на себя офицер, бранивший солдата, не отдавшего ему чести. «Степа» выхватил браунинг и ранил или убил офицера, затем был арестован и приговорен к каторжным работам на 8 или 10 лет.

В Киеве он был на пути за границу, при чем со мной встретился только для того, чтобы я ему помог деньгами. Я дал ему денег (8 рублей) и адрес в Черкассы, куда он и отправился. После этого «Стену» я видел в 1909 г. в Париже в русской столовой. Он говорил мне, что работает на заводе, но собирается эмигрировать в Америку. При его появлении 16-го августа «Степа» был одет очень прилично, вообще настолько изменял свою внешность, что я его совершенно не узнал. Открыл я ему двери сам, ибо в это время жил уже в двух комнатах, имеющих отдельный парадный ход. Приметы «Степы»: высокого роста, лет 26—29, темный шатен, усы, падающие вниз, волосы слегка завиваются, довольно полный и широкоплечий. «Степа» заявил мне, что моя провокация безусловно и окончательно установлена, что сомнения, которые были раньше из-за того, что многое приписывалось убитому в Женеве в 1908 году провокатору Нейдору (кличка «Бегемот», настоящая фамилия, кажется, Левин из г. Минска), теперь рассеялись, и что решено о всех собранных фактах довести до сведения общества, разослав объявления об этом во все те места, в которых я бываю, как, например суд, комитет присяжных поверенных и т. п., вместе с тем, конечно, мне в ближайшем будущем угрожает смерть от кого-то из членов организации. Объявления

эти будут разосланы в самом ближайшем будущем.

Когда я стал оспаривать достоверность парижских сведений и компетентность партийного суда, «Степа» заявил мне, что реабилитировать себя я могу только одним способом, а именно путем совершения какого-либо террористического акта, при чем намекал мне, что наиболее желательным актом является убийство начальника охранного отделения П. И. Кулябко, но что во время торжеств в августе я имею «богатый выбор». На этом мы расстались, при чем последний срок им был дан мне 5-го сентября.

После этого разговора я, потеряв совершенно голову, из опасения, что вся моя деятельность в охранном отделении будет раскрыта, решил совершить покушение на жизнь Кулябко. Для того, чтобы увидеться с ним, я по телефону передал, что у меня имеются важные сведения, и приготовил в общих чертах рассказ о «Николае Яковлевиче».

Но, будучи встречен Кулябко очень радушно, я не привел своего плана в исполнение, а вместо этого в течение получаса рассказывал ему и приглашенным им Спиридовичу и Веригину вымышленные сведения.

Уйдя от Кулябко, я опять в течение трех дней ничего не предпринимал, потом, основываясь на его предложении (при первом свидании) дать мне билеты в Купеческое и театр, я попросил у него билет в Купеческое. Там я вновь не решился произвести никакого покушения и после Купеческого ночью поехал в охранное отделение с твердой решимостью убить Кулябко. Для того, чтобы его увидеть, я в письменном сообщении еще больше подчеркивал грозившую опасность. Кулябко вызвал меня к себе на квартиру, встретил меня совершенно раздетым, и хотя я при такой обстановке имел все шансы скрыться, у меня не хватило духа на совершение преступления, и я вновь ушел. Тогда же ночью я укрепился в мысли произвести террористический акт в театре. Буду ли я стрелять в Столыпина, или в кого-либо другого, я не знал, но окончательно остановился на Столыпине уже в театре, ибо, с одной стороны, он был одним из немногих лиц, которых я раньше знал, отчасти же потому, что на нем было сосредоточено общее внимание публики.

В предъявленной мне фотографической карточке (мне предъявлена фотографическая карточка Муравьева) я не признаю знакомого мне лица, и отрицаю, чтобы это лицо посещало меня на квартире. Относительно «Степы» я в 1908 году давал сведения Кулябко. Билет в театр мне был передан («Самсоном Ивановичем» в 8 часов вечера на углу Пушкинской и Библиковского бульвара. В 5 часов вечера 1 сентября я по телефону передал Кулябко о том, что «Николай Яковлевич» заметил наблюдение и беспокоится. Разговор мой по телефону 31-го августа с Кулябко, когда я просил билет в Купеческое, был случайно услышан одним из клепцов моего патрона Певзнером, который мне об этом в иронической форме заявил. Относительно сохранившихся в Черкассах и Киеве оружия и шрифта могу соответственно тому, что слышал от членов ревизионной комиссии и знал сам, сообщить следующее: в Киеве около пуда шрифта должно быть закопано в усадьбе на Боричевом Току, где в 1908 году произошел взрыв бомбы.

В Черкассах из Киева в том же году был отправлен транспорт в 21 браунинг, которые в значительной части были спрятаны в усадьбе, в которой было оказано вооруженное сопротивление группой анархистов. Где в настоящее время находится Петр Литковский, члены «ревизионной комиссии» и «Степа», не знаю. Полагаю, что Литковский на родине, на Кавказе; «Степа» же на юге России, но не в Екатеринославе. Настоящее показание написано мною собственноручно. Подлинное подписано: *Дмитрий Богров. Подполькович Иваков.*

СУД

Судъ надъ Дмитріемъ Вогровымъ происходилъ въ „Косомъ капонирѣ“ 9 сентября 1911 г.

Мрачное неуклюжее зданіе „Косого капонира“ находится въ крайнемъ правомъ углу Печерской крѣпости, надъ почти недоступнымъ обрывомъ.

Собачья тропа, стелющаяся по горѣ, съ одной стороны, съ другой — земляные валы столѣтней кладки.

Изъ глухихъ окошечекъ, замурованныхъ частыми рѣшетками — жуткая, дышащая ужасомъ перспектива легендарной Лысой горы, ставшей теперь мѣстомъ казни осужденныхъ военнымъ судомъ.

Зданіе одноэтажное, очень старое, но построено изъ хорошо обожженного желтаго кирпича.

Черезъ массивныя дубовыя ворота идетъ входъ въ узкій треугольникъ, составленный высокими посѣрѣвшими стѣнами корпуса.

Въ основаніи треугольника — небольшая дверь, прикрытая снаружи рѣшеткой.

За нею извилистый корридоръ, теряющійся во мракѣ. Здѣсь подвалы. Мрачные, кошмарные подвалы старинныхъ олеографій, съ соча-

щейся водой, крысами и плѣсенью. Говорять, что здѣсь—мѣсто карцера для провинившихся заключенныхъ.

Винтовая лѣстница ведетъ вверхъ во второй корридоръ, со сводчатымъ потолкомъ, глухими, точно провалившимися въ стѣны дверями, лишенными послѣдняго слова тюремной техники — автоматическихъ глазковъ и форточекъ.

Тяжелые замки висять на дверяхъ.

Въ углу, гдѣ корридоръ дѣлаетъ рѣзкій изгибъ, тянется вверхъ узенькая лѣстничка...

Въ темнотѣ вверху теряется двойная окованная желѣзомъ дверь.

Это — важнѣйшая секретная камера.

Въ ней содержался когда-то Аслановъ.

Въ ней содержался и Богровъ...

Засѣданіе суда происходило въ самой большой камерѣ второго корридора.

Сюда было доставлено 30 стульевъ и большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ.

За судейскимъ столомъ находились: генераль Рейнгартенъ, полковникъ Акутинъ, подполковникъ Мѣщаниновъ, подполковникъ Кравченко и подполковникъ Маевскій.

Предсѣдательствовалъ генераль Рейнгартенъ. Обвинялъ прокуроръ кievскаго военнаго суда, генераль Костенко. Секретаремъ былъ Мѣсниченко.

Защитника не было, — отъ защиты подсудимый категорически отказался.

Въ залъ суда были допущены исключительно представители высшей администраціи и судебной власти. Тутъ находились: министр юстиціи И. Г. Щегловитовъ, кievскій генераль-губернаторъ генераль Ф. Ф. Треповъ, командующій войсками Н. І. Ивановъ, кievскій гу-

бернаторъ А. Ф. Гирсъ, прокуроръ судебной палаты Чаплинскій и окружного суда Брандорфъ, судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ В. М. Фененко, разслѣдовавшій дѣло, комендантъ крѣпости Медеръ, губернской предводитель дворянства Куракинъ, Алексѣевъ, Зальца и др. Всего около 20 человекъ.

Засѣданіе открылось въ 4 часа дня.

Подсудимый Богровъ былъ доставленъ въ судъ подъ конвоемъ.

На немъ та же фракная пара, въ которой онъ былъ взятъ въ театръ.

Воротникъ, манжеты, галстухъ — сняты.

Обвинительный актъ написанъ на трехъ листахъ.

Чтеніе его заняло около получаса.

Свидѣтелей вызвано 12, изъ нихъ явилось только 7. Неявившіеся свидѣтели-сановники, очевидцы покушенія. Показанія неявившихся свидѣтелей не были прочитаны, за исключеніемъ одного.

Изъ неявившихся свидѣтелей допрошенъ былъ только начальникъ кievскаго охраннаго отдѣленія подполковникъ Кулябко. Отъ допроса остальныхъ свидѣтелей прокуроръ отказался.

Богровъ подробно рассказалъ, какъ морочилъ руководителей охраны.

По просьбѣ Богрова, Кулябко во время его объясненій былъ оставленъ въ залѣ.

Много говорилось о томъ, какимъ путемъ былъ полученъ Богровымъ билетъ на парадный спектакль.

Засѣданіе продолжалось три часа.

Совѣщаніе длилось не болѣе 20 минутъ.

Резолюціей суда Богровъ, признанный ви-

новнымъ по предъявленнымъ ему 102 (принадлежность къ революціонной партіи) и 279 (покушеніе на убійство) ст.ст., приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Кромѣ того, судъ вынесъ особое постановленіе, что разборомъ дѣла установлены данныя, достаточныя для возбужденія преслѣдованія противъ руководителей охраны.

Резолюція суда была выслушана Богровымъ совершенно спокойно.

Держался Богровъ спокойно и во все время суда, удивляя всѣхъ своей выдержкой и самообладаніемъ. Онъ произвелъ огромное впечатлѣніе на судей рассказомъ о своей жизни и объясненіями.

Послѣ объявленія резолюціи Богровъ обратился къ предсѣдателю съ просьбой дать ему поѣсть и жаловался, что кормятъ его отвратительно.

Предсѣдатель распорядился, чтобы просьба Богрова была удовлетворена.

Черезъ часъ послѣ приговора резолюція была объявлена въ окончательной формѣ.

Въ приговорѣ подробно изложены мотивы.

Приговоръ въ тотъ же вечеръ былъ отправленъ командующему войсками кievскаго военнаго округа на утвержденіе.

Отъ подачи кассационной жалобы Богровъ отказался.

Приговоръ по его дѣлу былъ утвержденъ командующимъ войсками черезъ 24 часа послѣ его объявленія, а именно, въ 10 часовъ веч., и 10 сентября немедленно былъ направленъ къ исполненію.

Письмо Богрова родителям,
написанное после суда

Дорогіе мама и папа! Единственной мечтой моей
было, чтобы глубоко про вас думать и как, дорогіе мои. Я
знаю, что вас глубоко поразила неожиданность всего происшедшаго,
знаю, что вы должны были растеряться под внезапностью обнару-
женія дѣйствительныхъ и мнимыхъ тайнъ. Что обо мнѣ пишу-
тъ, что дошло до свѣдѣнія вашего, я не знаю. Последняя моя
мечта была бы, чтобы у васъ, милые, осталось обо мнѣ мнѣніе,
какъ о человѣкѣ, можетъ быть и несчастномъ, но честномъ. Простите
меня еще разъ, забудьте все дурное, что слышите, и примиритесь со
своимъ горемъ, какъ я мирюсь со своею участью. Въ васъ я теряю
самыхъ лучшихъ, самыхъ близкихъ мнѣ людей, и я радъ,
что вы переживаете меня, а не я васъ. Цѣлую васъ много,
много разъ. Цѣлую и всѣхъ дорогихъ близкихъ и у всѣхъ,
и у всѣхъ, у всѣхъ прошу прощенья. Вашъ сынъ
Митя.

10 сентября 1911 г.

Дорогіе мама и папа!

Единственный моментъ, когда мнѣ становится тяжело,
это при мысли о васъ, дорогіе мои. Я знаю, что васъ глу-
боко поразила неожиданность всего происшедшаго, знакъ,
что вы должны были растеряться подъ внезапностью обнару-
женія дѣйствительныхъ и мнимыхъ тайнъ. Что обо мнѣ
пишутъ, что дошло до свѣдѣнія вашего, я не знаю. По-
слѣдняя моя мечта была бы, чтобы у васъ, милые, остал-
лось обо мнѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ, можетъ быть и
несчастномъ, но честномъ. Простите меня еще разъ, за-
будьте все дурное, что слышите, и примиритесь со своимъ
горемъ, какъ я мирюсь со своею участью. Въ васъ я теряю
самыхъ лучшихъ, самыхъ близкихъ мнѣ людей, и я радъ,
что вы переживаете меня, а не я васъ. Цѣлую васъ много,
много разъ. Цѣлую и всѣхъ дорогихъ близкихъ и у всѣхъ,
у всѣхъ прошу прощенья.

Вашъ сынъ Митя.

10 сентября 1911 г.

КАЗНЬ

Въ ночь на 12-е сентября, въ 4 ч. смертный приговоръ кіевскаго военно-окружнаго суда былъ приведенъ въ исполненіе.

Казнь предполагалось совершить еще въ субботу, но потомъ было рѣшено не отступать отъ обычая, не допускающаго казни накануне праздниковъ и воскресныхъ дней.

Палачомъ былъ одинъ изъ каторжанъ лукьяновской тюрьмы. Палачъ поставилъ условіемъ, что его немедленно послѣ казни переведутъ въ другую тюрьму, такъ какъ онъ боялся мести со стороны своихъ товарищей.

Казнь происходила подъ обрывомъ Лысогорскаго форта. Это — часть упраздненной кіевской крѣпости, находящаяся въ 4-хъ верстахъ отъ „Косого капонира“, гдѣ содержался Богровъ.

Приготовленія къ казни начались еще въ воскресенье вечеромъ. На Лысой горѣ была сооружена висѣлица, вырыта яма. Вся мѣстность, прилегающая къ Лысогорскому форту, была тщательно обыскана полиціей, ротой пѣхоты и сотней казаковъ. Въ воскресенье, съ вечера, были разставлены кругомъ казаки, оцѣпившіе плотнымъ кольцомъ мѣсто казни.

Въ первомъ часу ночи въ Печерскій полицейскій участокъ прибыли: товарищъ прокурора, помощникъ секретаря суда, полиціймейстеръ, два его помощника, пять приставовъ, наряды городскихъ и околоточныхъ, городской врачъ, еврейскій общественный раввинъ. Нѣсколько времени спустя, въ участокъ прибылъ губернаторъ А. Ф. Гирсъ, но, переговоривъ съ полиціймейстеромъ и товарищемъ прокурора, сейчасъ же уѣхалъ. Кромѣ официальныхъ лицъ, въ участкѣ находилось

около 30 „союзниковъ“ и правыхъ, въ томъ числѣ товарищъ предсѣдателя кievскаго клуба націоналистовъ, сотрудникъ „Нов. Времени“,

Больше Богровъ въ камерѣ не проронилъ ни слова. Изъ камеры вывели Богрова за руки двое городовыхъ. Усадили въ арестантскую карету и подъ усиленнымъ конвоемъ конной жандармеріи отвезли на Лысую Гору. Здѣсь его уже ожидали должностныя лица и вся „публика“, прибывшая изъ участка.

Когда Богрова вывели изъ кареты, „союзники“ стали его разсматривать. Одинъ изъ офицеровъ приблизилъ къ его лицу электрической фонарикъ.

— Лицо, какъ лицо, ничего особеннаго, — сказалъ Богровъ.

— Ну, господа, опознайте, — это онъ... спросилъ „союзниковъ“ товарищъ прокурора.

— Онъ, онъ, — зашумѣли „союзники“.

Раздавались также возгласы: „Какъ же? Онъ самый. Вѣдь, я его въ театрѣ здорово побилъ“. Анатолій Савенко, нынѣ украшающій своимъ присутствіемъ 4-ую Гос. Думу, предсѣдатель союза русскаго народа Постный, предсѣдатель союза русскихъ рабочихъ Цитовичъ. Всѣ они получили разрѣшеніе присутствовать при казни, такъ какъ выражали сомнѣніе, что Богровъ будетъ повѣшенъ

Были поданы почтовые лошади, всѣ усѣлись въ кареты и поѣхали на Лысую Гору.

Когда дежурный офицеръ вошелъ въ „Косой капониръ“, въ камеру Богрова, тотъ спалъ. Его разбудили. Богровъ сразу догадался въ чемъ дѣло, и сталъ поспѣшно одѣваться. Одѣлся онъ въ тотъ же фракъ, въ какомъ былъ въ театрѣ...

Богрову стали связывать руки.

— Пожалуйста, покрѣпче завяжите брюки,

— обратился Богровъ къ офицеру, — а то задержка выйдетъ.

Богровъ держалъ себя спокойно и разглядывалъ собравшихся, освѣщенныхъ свѣтомъ факела. Кто-то изъ союзниковъ сталъ иронизировать надъ фракомъ Богрова. Услыхавъ это, Богровъ замѣтилъ:

— Пожалуй, въ другое время мои коллеги-адвокаты могли бы мнѣ позавидовать, если бы узнали, что уже десятый день я не выхожу изъ фрака.

Помощникъ секретаря окружного суда громко прочелъ приговоръ.

Богровъ выслушалъ его спокойно.

— Можетъ быть, желаете что-нибудь сказать раввину? — спросилъ его товарищъ прокурора.

— Да, желаю, — отвѣтилъ Богровъ, но въ отсутствіи полиціи.

— Это невозможно, — возразилъ товарищъ прокурора.

— Если такъ, — сказалъ Богровъ, то можете приступить.

Къ Богрову подошелъ палачъ...

Въ этотъ моментъ Богровъ обратился къ присутствующимъ съ просьбой передать его послѣдній привѣтъ родителямъ.

Затѣмъ палачъ связалъ ему руки назадъ, повелъ къ висѣлицѣ, надѣлъ на него саванъ.

Уже подъ саваномъ Богровъ спросилъ:

— Голову поднять выше, что ли?

Затѣмъ на шею Богрова была накинута веревка. Богрова подвели къ висѣлицѣ. Онъ самъ взошелъ на табуретъ. Въ этотъ моментъ палачъ вытолкнулъ табуретъ изъ-подъ ногъ Богрова.

Тѣло повисло.

Въ такомъ положеніи, какъ это требуетъ законъ, тѣло висѣло около 15 минутъ.

Царила глубокая тишина. Факелы по прежнему горѣли. Кто-то сказалъ: „Небось стрѣлять не будетъ“. — „Теперь не время разговаривать...“ — возразилъ ему какой-то голосъ.

Палачъ снялъ тѣло. Подошли врачъ и союзники. Врачъ констатировалъ смерть.

Трупъ положили въ яму, закрыли досками, засыпали и сравняли съ землей.

Все это въ общемъ продолжалось около 45 минутъ. Въ три часа утра все было кончено.

Союзники, присутствовавшіе при казни Богрова, уѣзжая съ Лысой Горы, взяли на память по куску веревки.

Во время казни они вели себя безобразно. Охрана была снята.

Всѣ вернулись обратно въ городъ.

Киевская карета смертников

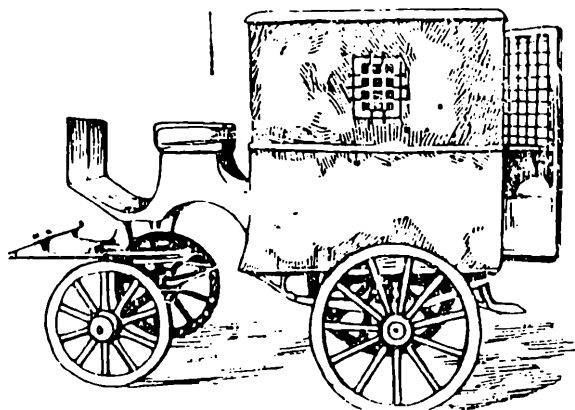

Рисунок из книги: С. Ушерович «Смертные казни в России», Харьков, 1933.

ВЕРА БОГРОВА

Мы с Володей окончательно переселились в Петербург в 1911 г. Уже была нанята там квартира, мебель нашего дома была отправлена из Киева, кое-что мы с большим удовольствием покупали в Петербурге... В общем все было готово к началу новой жизни на новом месте — и к появлению нашего первого ребенка! Но лето мы еще провели на родной нашей Украине: родители сняли дачу в Потоках Полтавской губернии, на берегу реки Псла. Чудесное было место! Здесь мы съехались все вместе в последний раз. Впрочем Митя и Володя не все лето жили там с нами: и Митя и Володя были помощниками присяжного поверенного, уже заняты были у своих патронов и приехали только к концу лета. А Сережа в это время был женат и весь последний год уже не жил с нами — тоже переехал в Петербург.

В конце августа стали мы все разъезжаться. Мне тогда уже приходилось довольно трудно — роды ожидалась в середине сентября. Родители хотели к этому времени приехать в Петербург, но перед тем решили еще поехать на короткий курс лечения за границу. Когда во второй половине августа приехал в Петербург Митя — мы ненадолго — и в последний раз — были все вместе, т.е. родители, тетя Маша с девочками, Митя и мы с Володей — и с будущей внучкой. В последний раз мы видели Митю, когда он провожал нас в Киеве при отъезде нашем в Петербург. Разъехались мы все в конце августа, а увиделись с родителями уже только летом 12-го года, когда мы приехали к ним с нашей уже восьмимесячной Таней в Берлин, где они временно обосновались — Володя, впрочем, еще раньше ездил туда ненадолго...

Из рукописных воспоминаний (см. примеч. на стр. 99).

Вот в эту нашу новую квартиру и явился к нам рано утром 2-го сентября Сережа с газетой в руках, с невероятной, ужасной вестью о том, что случилось накануне, 1-го сентября в Киеве... Оба — и Сережа и Володя — были совершенно ошеломлены, смотрели друг на друга и на меня непонимающими, невидящими глазами... Никто, никто из всей семьи — ни Володя, с которым Митя всегда был очень близок, ни Сережа, который мог быть близок ему как революционер — не только ничего подобного не ожидали, но просто этому не поверили! Казалось, что это какое-то недоразумение, кто-то что-то перепутал — этого не может быть!

Такова была наша общая первая реакция!.. Но все было так подробно и правдоподобно рассказано, приведены были имена родных, адреса — слишком верны были разные подробности...

Не помню уж, когда ушел Сережа. Мы с Володей остались одни и вдвоем неподвижно, как окаменелые, сидели на нашем новом диване, не говоря ни слова, не в состоянии были даже вообразить себе — что же дальше будет — с Митей? С нами? А родители? Не знали чего ожидать, не знали, что же нам делать? К нам не приходил — и не звонил в этот день никто!

За Володей пришли в тот же день, попозже. Я осталась совсем одна — опять-таки не зная, что ожидать... Прошел день, прошел вечер, наступила ночь — и опять возник вопрос, что же теперь делать? Не ложиться же спокойно спать в свою постель? Это было немыслимо! Я прилегла, не раздеваясь — поддалась уговорам милой девушки, нашей прислуги — на широком диване — тахте, стоявшей в столовой... Стена эта была смежной с лестницей. Мы жили в шестом этаже и был у нас лифт — но по ночам он не действовал... Стало очень, очень тихо — и я должно быть задремала... Но вдруг услышала шаги! Много, много шагов, гулких и мерных, по всем бесконечным ступеням всех шести этажей... По лестнице подымалось несколько человек, мерно и четко ступая. Все громче, все ближе... Сомнения быть не могло — шли за мной. Сознаю, сердце у меня замерло...

Раздался звонок... Сколько было людей за дверьми — не знаю, но казалось, что очень много... Вряд ли столько, сколько нужно людей чтобы арестовать одну женщину? Но был среди них и «главный» — сам «околодочный» — в светло-серой шинели — он со мной и говорил: сказал, чтобы я взяла вещи и следовала за ним. Не знаю уж, какие там вещи собрала моя Груша: сложила она их в так называемый «порт-плед» и кто-то понес его вслед за мной. Порт-плед этот я еще видела в участке — первом этапе моего следования в какие-то другие

места, мне тогда неизвестные... В участке мне полагалось ждать: была еще совсем черная ночь. Меня посадили у окна, на стол положили мой порт-плед и я, положив на него голову, в полудреме ожидала рассвета, ожидала утра...

Должно быть, было еще очень рано, когда вокруг меня все зашевелилось — и я подняла голову со своего порт-пледа, служившего мне в эту ночь подушкой... Кто-то сказал, что пора ехать... Но не помню уж, кто мне сказал... как я узнала... что повезут меня в 3-е отделение... Потому, что я знала, что я помнила из маминых рассказов — это было страшное место — и сердце невольно опять ёкнуло... Но у дверей участка ждала обыкновенная петербургская пролетка с верхом и на резиновых шинах, которыми я так восхищалась, когда приехала в Петербург (но которыми в обыденной жизни редко приходилось пользоваться... это была «роскошь» — больше ездили в трамваях!) — мне предложили... помогли... сесть... и сел со мной опять-таки околоточный... не знаю уж, тот ли самый, который меня арестовал — или другой — во всяком случае совершенно такой же, в такой же светло-серой шинели — и поехали мы по набережной, вдоль Невы... Было еще раннее утро, где-то уже взошло солнце, но свет, освещение реки, противоположного берега — было совершенно необыкновенно — и я невольно загляделась на реку, на небо, на другой берег... И вдруг мой околоточный, слегка откашлявшись, сказал: «Не правда ли, сударыня, какой прекрасный вид!» — И я этому околоточному ответила: «Да, очень красиво!» — Вот какой разговор был у меня 3-го сентября 1911 года — день моего ареста, с везшим меня в 3-е отделение!

Там, куда меня привезли, долго ждать мне не пришлось — меня почти сейчас же повели «на допрос»...

В маленькой комнатке меня ждал молодой человек в военной форме, очень аккуратный, очень хорошо причесанный и очень вежливый... Он спросил меня, что я знаю по этому делу — на что я, конечно, могла ответить только, что не знаю ничего!.. Он вежливо настаивал, пытался уточнить свои вопросы — и напоминал мне, что я должна говорить правду! На это я только могла сказать — «Неужели Вы не видите, что я не умею говорить неправду?» На что этот вежливый молодой человек очень вежливо ответил: «Мы не имеем права полагаться на свои собственные впечатления» — и больше ни о чем не спрашивал — и отпустил меня... И это был мой единственный «допрос»!

Во дворе этого самого 3-го отделения меня фотографировали — анфас и в профиль — где-то поблизости взяли отпечатки моих пальцев... Затем ненадолго меня оставили в

какой-то полутемной камере... Кажется, принесли какую-то еду — но не помню, чтобы я ела... только отдохнула немного — и снова стала думать — что же будет дальше — что будет с Митей, с Володей, с родителями? Спустя некоторое время вывели меня во двор — и здесь ждала меня большая, громоздкая черная карета, запряженная парой черных лошадей... На козлах сидели две черные фигуры — городовые? полицейские? охранники? Не знаю, как их назвать? Меня посадили в эту карету и со мной сел еще один такой черный человек... И кто-то громко приказал: «В Литовский замок!» Сознаюсь — тут уж я не выдержала — хотя до того времени крепко держала себя в руках... Я вскрикнула — и слезы полились у меня из глаз — к счастью, беззвучно... Литовский замок! Что может быть страшней... Ведь дальше — только каторга! Это я знала, мне об этом говорила мама! Мы с ней одно время — когда короткое время я была на Коммерческих курсах в Петербурге — жили как раз напротив Литовского замка, на Офицерской улице — и каждый раз, когда мы проходили мимо — рассказывала мне мама о том, как женщин-революционерок — после суда и приговора и перед отправлением на каторгу — отвозили в литовский замок. И вот меня — хоть меня и не судили, хоть меня и не допрашивали «по настоящему» — все же везли прямо в Литовский замок! Что же, значит, произошло, что происходит такое ужасное за пределами этой черной кареты — что я должна идти на каторгу? За пределами черной кареты происходило действительно неопишимо ужасное: там происходили и допросы, и суды. Был вынесен и приговор... Ничего обо всем этом я тогда не знала... Но в пределах этой кареты произошло нечто совсем иное — хотя и мало вероятное... Мой «страж» — человек в черной шинели, сопровождавший меня, арестованную в связи с государственным преступлением, — стал утешать, успокаивать меня! Поглядывая в переднее оконце на двух других «полицейских» — или тюремных стражников — сидевших на козлах, он тихим голосом — не глядя на меня, — стал говорить: «да вы, барыня (или быть может, сударыня? во всяком случае какое-то привычное, старое, родное русское слово!) — не убивайтесь, ничего плохого вам не будет.» А я все-таки смогла выговорить: «Да ведь Литовский замок...» И услышала ответ тем же тихим голосом: «Так что же, что Литовский замок? Ведь только там есть больница — потому вас туда и везут! Сами знаете, вам ведь больница может и очень нужна будет! Потому туда и везут...» И еще что-то тихо говорил он — пока я не успокоилась... Надеюсь, что я все-таки смогла — и сказала ему — спасибо! Если же не тогда, то всю мою жизнь я не

перестаю этому человеку в черной шинели говорить — спасибо!

Когда мы приехали, наконец, в это страшное место, то меня действительно привели в помещение, совсем не похожее на те тюремные камеры, о которых столько пришлось слышать и читать! Меня ввели в обыкновенную большую комнату в 2 окна — и окна были большие и без всяких решеток. Правда, во входной двери был «глазок», а в углу стояла «параша»... Это были единственные признаки тюремного заключения! В комнате стояли по стенам четыре кровати, по середине стоял большой стол с длинными скамьями по сторонам... Когда меня в эту комнату ввели, там была еще одна — тоже чрезвычайно взвинченная женщина. Я успела обменяться с ней несколькими словами — это была Розовская, младшая сестра Сережиной жены Розы. Арестована она была по тому же «делу» — и не понимала, не знала, почему — так как она, явно, ничего и не могла знать... Ее быстро увели — и я осталась одна — в «одиночном заключении»! Когда же я спросила — да почему же? — мне ответили: «Ну, знаете, неудобно ей быть с вами — она незамужняя, девушка — а вдруг у вас роды начнутся... »

Вскоре — вероятно вследствие моих повторных заявлений и отношений — ко мне привели врача-специалиста, он меня исследовал — и сказал, что беспокоиться нечего, что роды могут наступить не раньше, чем через 2 недели... А между тем роды начались в ту же ночь. Я еле дождалась утра — и снова подняла тревогу! — Тут уж прибежала ко мне не только надзирательница, но и сама главная начальница, и какие-то еще «чины» — очевидно, «высшие» — потому что были они в серых шинелях — и меня не вежливо, а прямо-таки ласково просили не беспокоиться, что санитарная карета уже в пути — а с нею и вызванная по телефону мама! Так все это и случилось: меня с величайшими предосторожностями спустили во двор и уложили в санитарную карету... Мама была со мной... Уже очень скоро мы оказались в клинике — и там меня перенесли в эту отдельную, ожидавшую меня, комнату (какая прелестная была комната!) — и сразу уложили в постель (какая чудесная это была постель!). Но было это 13-го сентября — и по дороге в эту комнату, в эту постель — какая-то полужнакомая мне сестра успела сообщить мне ужасную новость о казни Мити — в то же утро, на рассвете..

Со мной однако — несмотря на прогноз тюремного доктора — не все было благополучно: роды начались — но приостановились — и меня продержали в постели еще целых два дня... Мама была все время около меня. Настоящие роды возобновились только в ночь на 15-е — и в 1 ч.40 мин. моя дочь

уже была на свете! Произошло все, говорят, чрезвычайно благополучно, но все же у меня об этом процессе осталось впечатление довольно неприятное...

После этого меня начали навещать друзья и знакомые — и я понемногу узнала все! Володя еще не был освобожден — он пришел ко мне только 17-го. Мы узнали, что родители в Россию не вернулись: их не пустили друзья, бывшие тогда тоже за границей — и приехавшие немедленно к ним: эти друзья опасались, что их немедленно — может быть уже на границе — арестуют, и что Григорий Григорьевич этого не перенесет... Но через кого-то, возвращавшегося в Россию, они передали вещи, купленные ими для ребенка...

Что же было дальше? Никто из родственников, товарищей, знакомых — вопреки ожиданиям — не пострадал. Аресты были — но кратковременные. Меня в клинике навестила Роза, Сережина жена: и она, и Сережа арестованы были — но уже очень скоро были отпущены, — как и молоденькая сестра Розы, которая была так перепугана, когда я видела ее в тюрьме... Знакомых и друзей приходило ко мне столько, что ясно было — никто не боится соприкосновенья со мной — опасности нет никакой... «Охраны» вокруг меня — как мы с мамой думали сначала — не было никакой с самого приезда в клинику. Не было никаких признаков «слежки», или каких-нибудь ограничений, каких-либо запрещений, каких-либо претеснений и после того... Володин патрон Вельдбрехт, совершенно частным образом посоветовал ему некоторое время «не привлекать к себе вниманья» — не выступать в суде... — и это было все... Володя тогда решил заняться «теорией» — да он и всегда к теоретическим наукам был склонен... Решил готовиться «на магистра» (университет он кончил с дипломом первой степени), готовиться к магистерскому экзамену, писать работу, защищать диссертацию. В петербургском университете пошли ему навстречу — и он усиленно стал заниматься дома. Писал он статьи, которые печатались в журнале «Право» — принимались там с полной готовностью, без всяких затруднений. Я дала себе тогда срок в 6 месяцев, чтобы выкормить своего ребенка: через 6 месяцев, когда началось «прикармливанье», с которым уже могла справиться наша очень опытная и очень добросовестная няня — я вернулась на курсы. И там, опять-таки, все пошло нормально — и не было даже со стороны курсисток никакого любопытства, никаких расспросов, ни вопросов, ни намеков...

Родители, однако, в это время в Россию так и не вернулись: они наняли в Берлине большую квартиру, обставили ее — и туда к ним начали приезжать родственники со всех

концов России. Тете Маше, которая была в Киеве все это ужасное время, и которая приняла на себя все самые тяжелые удары — родители поручили все ликвидировать — продать и дом: с Киевом было покончено — порваны были все связи. Покончив с этим трудным делом, тетя Маша с девочками переехала тоже в Берлин... Поехал туда и дедушка Рашкович, отец Екатерины Яковлевны, хоть и был он уже очень стар... В последние годы он был частным поверенным в каком-то провинциальном городе — недалеко от Киева — но всегда «наведывался» к нам — приезжал погостить. Теперь уж ему стало невыносимо оставаться одному, вдали от семьи, от своих двух дочерей! Некоторое время — неделю — прожил он у нас, в Петербурге — но этого было ему недостаточно, и он совершенно самостоятельно, несмотря на возраст — а было ему тогда за восемьдесят! — отправился впервые в своей жизни «заграницу»! И даже не в сравнительно близкий Берлин, а еще дальше — в Ниццу, где родители — и на этот раз — как и всегда раньше, проводили самые суровые месяцы зимы: Григорий Григорьевич плохо переносил холод и сырость, и родные, оберегая его от возможных заболеваний — увозили его среди зимы в Ниццу. Туда-то и направился наш дедушка — и прибыл благополучно, а затем вместе со всеми вернулся в Берлин, куда окончательно был перенесен центр семейной жизни.

Как я уже говорила, Володя на короткое время съездил повидаться с родителями — еще до их отъезда в Ниццу. Я же поехала в Берлин с ребенком — 8-месячной Таней только в начале лета. Родители наняли дом на берегу моря, в Альбеке — ради этой самой Тани, которой это пребывание и в самом деле пошло на пользу. Целые дни проводила она со своей няней на солнце, на песке — и единственная из всех нас в это лето была безмятежно счастлива!

Еще два года после этого мы ездили в Германию и проводили лето с родителями, — пока в 1914 г. не разразилась война. Тогда уж пришлось нам уезжать — мы оказались «нежелательными иностранцами» — чуть ли не шпионами — и кружным путем — через Швецию и Финляндию — поехали мы в Россию.

Вместе с семьей Владимира Богрова вернулся в Россию и Богров-отец. Вначале он поселился на квартире сына (Петроград, ул. Преображенская, ныне ул. Радищева, 20), затем купил себе собственную (ул. Сергиевская, ныне ул. Чайковского, 67). Умер в январе 1918.

**ОХРАНА ДЕРЖИТ
ОТВЕТ...**

**ПЕРЕД
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМОЙ**

**Запросы депутатов III Государственной
думы и ответ министра внутренних дел**

ЗАСЕДАНИЕ 15 октября 1911 г.

Председательствующий объявляет, что поступили заявления о запросах, и просит секретаря огласить их.

Секретарь Государственной Думы. Первые три заявления о запросах—по поводу убийства Председателя Совета Министровъ П. А. Столыпина. Первое заявление по этому поводу фракціи союза 17 октября. Оно гласитъ слѣдующее (*читаетъ*): «Г. Председателю Государственной Думы. 1 сентября сего года въ Кіевѣ евреемъ Мордкой Богровымъ было произведено покушеніе на жизнь Председателя Совета Министровъ. 5 сентября П. А. Столыпинъ отъ полученной раны скончался. Революціонныя партіи и враги Россіи, объединившись, исполнили свою давнишнюю угрозу отомстить тому, кто когда-то подавилъ революцію, и устранить грознаго для нихъ противника, твердо стоявшаго на стражѣ цѣлости и величія Россіи. Условія, при которыхъ произошло убійство, свидѣлствуютъ о томъ, что вся постановка охраны во время кіевскихъ торжествъ была въ высокой степени неудовлетворительной и что со стороны нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, на

«Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты». Гостипография, Спб, 1911, столбцы 25-31.

которыхъ была возложена охрана, были допущены преступныя дѣйствія, которыя сдѣлали возможнымъ самое покушеніе и могли бы повлечь за собой еще другія ужасныя послѣдствія: во власти убійцы и лицъ, имъ руководившихъ, было направить покушеніе и противъ Государя Императора и противъ Царской Семьи. Такими должностными лицами, преступно нарушившими свой долгъ, являются, по нашимъ свѣдѣніямъ, генераль-лейтенантъ Курловъ, полковникъ Спиридовичъ, подполковникъ Кулябко и камеръ-юнкеръ Веригинъ. Возможно, что ревизія сенатора Трусевича, а также слѣдствіе раскроютъ и другихъ прикосновенныхъ къ этому преступленію лицъ. Интересы государства и возмущенная народная совѣсть требуютъ, чтобы разслѣдованіе этого темнаго и печальнаго дѣла было доведено до конца, чтобы были раскрыты всѣ прикосновенныя къ убійству лица и чтобы преступники эти, каково бы ни было ихъ положеніе, понесли отвѣтственность въ полной мѣрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется полная несостоятельность существующей постановки политическаго сыска и охраны и необходимость коренной реорганизаціи всего этого дѣла, какъ въ интересахъ цѣлесообразности, такъ и въ интересахъ правомѣрности. Въ виду сего мы предлагаемъ Государственной Думѣ обратиться къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 33 Учр. Гос. Думы, съ нижеслѣдующимъ запросомъ: 1) Извѣстны ли Министру Внутреннихъ Дѣлъ такія незаконномѣрныя дѣйствія должностныхъ лицъ, которыя имѣли своимъ послѣдствіемъ совершеніе злодѣянія 1 сентября, 2) если извѣстны, то какія мѣры онѣ

предполагаетъ принять къ полному раскрытію преступныхъ дѣйствій такихъ должностныхъ лицъ и къ привлеченію ихъ къ отвѣтственности на основаніи закона, и 3) какія мѣры онъ намѣренъ принять для предупрежденія подобныхъ преступленій путемъ реорганизаціи учреждений, призванныхъ охранять государственный порядокъ отъ проявленій террора и анархіи?». Настоящій запросъ просимъ признать слѣдующимъ. Первый подписавшійся А. И. Гучковъ.*

Второе заявленіе о запросѣ—русской національной фракціи. «Г. Предсѣдателю Государственной Думы. Злодѣйское убійство главы Правительства П. А. Столыпина, Министра Внутреннихъ Дѣлъ—главнаго начальника полиціи и политической охраны—убійство, совершенное служившимъ въ охранѣ евреемъ Мордкой Гершовымъ Богровымъ, дерзновенно заявившимъ, что онъ намѣревался посягнуть на Священную Особу Государя Императора, къ чему была ужасная возможность, и что онъ не привелъ въ исполненіе этого замысла единственно изъ опасенія народнаго самосуда надъ его соплеменниками, обнаружило полнѣйшую несостоятельность охраненія не только высшихъ представителей власти, но даже драгоцѣнной жизни русскаго Монарха. Оказалось, что организація охраны совершенно не отвѣчаетъ ея задачамъ, веденіе дѣла представляется неумѣлымъ и беззаботнымъ до преступности, наконецъ, въ охранѣ состоитъ на службѣ много лицъ, не заслуживающихъ никакого довѣрія, а также не мало евреевъ, непримиримыхъ враговъ Россіи и ея государ-

* Об А. И. Гучкове см. примечание на стр. 311.

ственной строя, при чемъ они нерѣдко занимаютъ отвѣтственное и даже руководящее положеніе. Между тѣмъ изъ множества уголовныхъ процессовъ съ несомнѣнною выяснилась предательская роль евреевъ въ политическихъ злодѣяніяхъ. Должностнымъ лицамъ, завѣдывавшимъ охраной во время кievскихъ торжествъ, были предоставлены исключительныя полномочія и въ ихъ распоряженіе отпущены необходимыя денежныя средства въ широкихъ размѣрахъ, и тѣмъ не менѣе злодѣяніе совершилось. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что такое состояніе охраны, коей ввѣряется безопасность Государя Императора, Высочайшихъ Особъ и представителей Правительства, не можетъ быть допущено и къ преобразованію ея слѣдуетъ приступить безъ промедленія. Въ виду сего мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ Государственной Думѣ предъявить Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Министру Юстиціи, на основаніи ст. 33 Учр. Гос. Думы, слѣдующій запросъ: 1) Извѣстно ли Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи о преступномъ бездѣйствіи должностныхъ лицъ, которымъ была ввѣрена охрана Священной Особы Государя Императора, Его Августѣйшей Семьи и представителей высшаго Правительства и которые, несмотря на предоставленныя имъ полноту власти и достаточныя денежныя средства, допустили въ присутствіи Монарха убійство главы Правительства служившимъ въ охранной полиціи евреемъ Богровымъ; 2) какія мѣры принимаютъ Министры для выясненія степени виновности указанныхъ должностныхъ лицъ въ цѣляхъ неуклоннаго примѣненія къ нимъ судебной кары по всей

строгости уголовныхъ законовъ; 3) предполагаетъ ли Правительство приступить къ преобразованію охраны въ виду выяснившейся полной ея несостоятельности?». Настоящій запросъ просимъ признать спѣшнымъ. Первые подписавшіеся: Балашевъ, Алексѣевъ, Червинскій.*

Третье заявленіе о запросѣ—соціалъ-демократической фракціи. «1 сентября сего года убитъ въ Кіевѣ Предсѣдатель Совѣта Министровъ П. А. Столыпинъ. Вся обстановка убійства и рядъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его, ясно указывающіе на прикосновенность къ этому убійству чиновъ охраны, приковали къ себѣ общественное вниманіе, поразившее своею необычайностью, и еще разъ въ наиболѣе рѣзкой формѣ поставили предъ русскимъ обществомъ вопросъ о той системѣ управленія, которая доминируетъ надъ всей общественной и государственной жизнью Россіи и которая создавала и создаетъ безконечный рядъ кровавыхъ событій русской дѣйствительности. Не вдаваясь въ глубь исторіи, можно указать, что за послѣднее десятилѣтіе мы имѣли цѣлый рядъ аналогичныхъ фактовъ убійства высшихъ русскихъ сановниковъ при содѣйствіи чиновъ политической охраны. Никто не сомнѣвается теперь, что убійства министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, Уфимскаго губернатора Богдановича, Великаго Князя Сергѣя Александровича, С.-Пе-

* Лидеры думской фракціи «умеренныхъ националистов» (партия «Всероссийскій національный союз»).

Петр Николаевич БАЛАШЕВ (род. 1871) — землевладелец, депутат от Подольской губернии.

Петр Николаевич АЛЕКСЕЕВ (род. 1872) — учитель гимназии, депутат от русского населения Варшавы.

Григорій Евгеньевич ЧЕРВИНСКИЙ (род. 1853) — мировой судья, депутат от Подольской губернии.

тербургскаго градоначальника Лауница были организованы сотрудником охраны, известным провокатором Азефомъ. Известно также, что начальникъ Петербургскаго охраннаго отдѣленія полковникъ Карповъ убитъ социалистомъ-революционеромъ Воскресенскимъ - Петровымъ, приглашеннымъ на службу въ охранное отдѣленіе, убитъ въ то время, когда онъ готовлялъ съ Петровымъ провокаціонный актъ. Таковы общезвѣстные болѣе яркіе факты изъ дѣятельности политической охраны съ широко развитой ею системой провокаціи. Но если эта система требовала жертвъ себѣ вверху среди самыхъ творцовъ и защитниковъ ея, то въ страпѣ она уносила тысячи жертвъ, тяготѣла надъ обществомъ кровавымъ кошмаромъ. Культивируемая сверху система провокаціи распцвѣла пышнымъ цвѣтомъ во всей охранной организаціи до самыхъ ея низовъ. Повсюду инсценируются: издательства нелегальной литературы («Революціонная Россія», Томскъ), мастерскія бомбъ (Куоккала, Хорольскій въ Екатеринбургской губ.), транспортировка изъ-за границы нелегальной литературы и оружія (Виленское охранное отдѣленіе, «Джопъ Крафтонъ»), подготовка террористическихъ актовъ, покушенія на представителей власти (фонъ-Оглю въ Пятигорскѣ) и т. д.; благодаря такой широкой дѣятельности, тысячи жертвъ, втянутыхъ этой адской машиной, идутъ въ ссылку, въ тюрьму, каторгу, на висѣлицу. Съ торжествомъ черной реакціи, дѣятельность охраны съ ея провокаціонными приемами занимаетъ доминирующее, всепоглощающее мѣсто правительственной дѣятельности. вмѣсто удовле-

творенія требованій широкихъ демократическихъ слоевъ населенія, вмѣсто установленія элементарныхъ условій правовой жизни, столь необходимыхъ для развитія творческихъ силъ многомилліоннаго великаго народа, вмѣсто торжественно обѣщанныхъ политическихъ свободъ надъ страной, безгранично господствуетъ грубый произволъ и административное усмотрѣніе, и все управленіе государствомъ сводится къ развитію этой охранной дѣятельности. Вся общественная жизнь приносится въ жертву этому молоху русской полицейской государственности. Но ставъ независимой, самодовлѣющей организаціей, на которую Правительство, не имѣющее за собой никакого жизнеспособнаго общественнаго класса, опиралось, какъ на единственную свою опору въ борьбѣ съ народомъ, охрана стала государствомъ въ государствѣ, правительствомъ среди правительства, министерствомъ въ министерствѣ. Товарищъ Министра, завѣдывающій полиціей, сталъ хозяиномъ положенія, передъ нимъ сталъ трепетать и самъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Такимъ образомъ, охрана, созданная Правительствомъ, какъ орудіе борьбы съ обществомъ, требующимъ громадныхъ правъ, какъ орудіе грубаго насилія противъ политически пробудившагося народа, усилила разложеніе, деморализацію и анархію высшихъ правительственныхъ органовъ. Она стала орудіемъ междоусобной борьбы лицъ и группъ правительственныхъ сферъ между собою. Самымъ яркимъ проявленіемъ, зрѣлымъ плодомъ этой анархіи органовъ государственной власти является фактъ убійства въ Кіевѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ Столыпина. Сто-

лыпинъ, который открыто предъ страной защищалъ необходимость для современнаго русскаго Правительства существующей системы политическаго сыска и охраны, Столыпинъ, который по словамъ кн. Мещерскаго («Гражданинъ», № 37) говорилъ при жизни: «охранникъ меня убьетъ», Столыпинъ, создавшій культъ охраны, погибъ отъ руки охранника, при содѣйствіи высшихъ чиновъ охраны. При какихъ обстоятельствахъ совершилось убійство Столыпина—извѣстно. Онъ убить Богровымъ, состоявшимъ на службѣ въ охранѣ, «агентомъ внутренняго освѣщенія». Богровъ былъ вызванъ начальникомъ Кіевской охраны полковникомъ Кулябко въ Кіевъ специально для охраны Столыпина, онъ получилъ входной билетъ въ театръ, гдѣ совершилъ убійство, отъ самого начальника охраны, съ вѣдома другихъ высшихъ чиновъ охраны на кіевскихъ торжествахъ: Веригина, Спиридовича и Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Курлова, главнаго руководителя охраны. Богровъ допущенъ былъ въ театръ для того, чтобы раскрыть тамъ террористовъ, которые, по его заявленію охранѣ, должны были совершить покушеніе на жизнь Столыпина. Приходится предполагать при этомъ, что чины охраны сознательно, намѣренно должны были пропустить въ театръ и самихъ террористовъ, такъ какъ всѣ входные билеты выдавались охраной и, конечно, съ чрезвычайнымъ выборомъ. Такое предпріятіе совершалось для наибольшей славы охраны, когда покушеніе будетъ остановлено въ послѣдній моментъ. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе и тотъ

фактъ, что одинъ изъ выходовъ театра не былъ совершенно охраняемъ, и Богровъ послѣ произведенныхъ выстрѣловъ въ Столыпина направился именно къ этому выходу. На основаніи уже этихъ фактовъ, ставшихъ достояніемъ общественнаго мнѣнія, въ обществѣ вплоть до самыхъ правыхъ его круговъ вполне опредѣленно формируется обвиненіе въ несомнѣнной причастности охраны къ убійству Столыпина. Тамъ, гдѣ все было сосредоточено на охранѣ, тамъ, гдѣ на охрану было затрачено до милліона рублей изъ государственнаго казначейства, тамъ, гдѣ охраной непосредственно руководилъ самъ Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Шефъ жандармовъ, тамъ чиновники охраны при содѣйствіи высшихъ чиновъ охраны, якобы папргающихъ все свое вниманіе на охранѣ Столыпина, — Столыпинъ убить. Пользуясь фактомъ убійства Столыпина, какъ новымъ кровавымъ проявленіемъ разлагающаго дѣйствія охраны съ ея провокаціонною системою, которая логически вытекаетъ изъ современной политики Правительства и командующихъ классовъ и тяжелымъ кошмаромъ лежитъ на всей гражданской самодѣятельности общества, мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ Государственной Думѣ предъявить въ порядкѣ ст. 33 Учр. Гос. Думы нижеслѣдующій запросъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ и Министру Внутреннихъ Дѣлъ: 1) «Сознаютъ ли они, что убійство бывшаго Предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, равно какъ и другія аналогичныя убійства высшихъ сановниковъ (Плеве, Великаго Князя Сергѣя, Лауница, Богдановича)

являются естественнымъ логическимъ слѣд-
ствиемъ существующей организаціи политиче-
ской полиціи съ широко развитой ея системой
провокаціи, которая естественно, разлагая пра-
вящія сферы, кладя на нихъ пятно позора со-
трудничества съ наемными убійцами, налагаетъ
на общество гнетъ наглаго, грубаго насилія,
парализующаго живыя силы народа; 2) на-
мѣрены ли они что-либо предпринять
для уничтоженія организаціи политической
охраны съ ея системою провокаціи?»
Запросъ предлагаемъ признать сиѣшнымъ.
Первый подписавшійся Покровскій 2. *

* Порядковые номера присваивались в Думе депутатам-одно-
фамильцам.

Иван Петрович ПОКРОВСКИЙ (1872-1963) — врач, депутат от
Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии. Большо-
вик, председатель социал-демократической фракции в III Думе.

ЗАСЕДАНИЕ 16 ноября 1911 г.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Макаровъ.*

Гг. члены Государственной Думы. Мнѣ предстоитъ отвѣтить вамъ на два вопроса, которые хотя и объединены внѣшнимъ образомъ ужаснымъ событіемъ 1 сентября нынѣшняго года, но тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, по содержанию своему значительнымъ образомъ различествуютъ другъ отъ друга. Первый запросъ, исходящій отъ 34 членовъ Государственной Думы, редактированъ такимъ образомъ: «1) признаютъ ли Предсѣдатель Совѣта Министровъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, что убійство бывшего предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, равно какъ и другія аналогичныя убійства высшихъ сановниковъ (статсъ-секретаря Плеве, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, Петербургскаго градоначальника фонъ-деръ-Лауница и губернатора Богдановича) являются естественнымъ логиче-

«Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты», Спб, 1911, столбцы 2056-2064.

* Александр Александрович МАКАРОВ (1857-1919) — действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета. С 1889 по 1906 прокурор губернских судебных палат. С мая 1906 по январь 1909 товарищ министра внутренних дел, с сентября 1911 по декабрь 1912 министр внутренних дел и шеф жандармов, с июля по декабрь 1916 министр юстиции. Расстрелян большевиками.

скимъ слѣдствіемъ существующей организаціи политической полиціи съ широко развитой ея системой провокаціи, которая, естественно, разлагая правящія сферы, налагаетъ на общество гнетъ грубаго насилія, парализующаго живыя силы народа, и 2) намѣрены ли Предсѣдатель Совѣта Министровъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ что-либо предпринять для уничтоженія организаціи политической охраны съ ея системой провокаціи? Такимъ образомъ, центромъ этого запроса является, по моему мнѣнію, обвиненіе Правительства въ насажденіи системы провокаціи (*голосъ съва*: правильно) и темой запроса должна быть признана тема уже старая, неоднократно обсуждавшаяся въ засѣданіяхъ общаго собранія Государственной Думы. (**Кузнецовъ**,* *съ мѣста*: но это истина). Подобное обвиненіе Правительства не новость и я сказалъ бы, что я не понимаю прежде всего, почему это обвиненіе приурочивается къ гнусному злодѣянію, совершенному 1 сентября? (**Булатъ**,** *съ мѣста*: какой наивный). Я не понимаю этого потому, что понятіе о провокаціи, съ моей точкой зрѣнія, представляется понятіемъ совершенно определеннымъ, не разъ устанавливавшимся п въ этомъ залѣ. Я напому вамъ, гг., что еще въ засѣданіи 11 февраля 1909 г. нынѣ покойный предсѣдатель Совѣта Министровъ коснулся этого вопроса и совершенно правильно, по моему мнѣнію, опредѣлялъ это понятіе. Онъ тогда говорилъ съ этой же самой трибуны, что «по револю-

* Георгій Сергеевич КУЗНЕЦОВ (род. 1881) — слесарь, социал-демократ, депутат от Екатеринославской губернии.

** Андрей Андреевич БУЛАТ (наст. фамилия БУЛОТА, 1872-1941) — присяжный поверенный, депутат от Вильно (Вильнюса), председатель думской фракции трудовиков. С 1915 по 1917 в эмиграции в США. В 1940-41 зав. юридическим отделом Президиума Верховнаго Совета Литовской ССР. В 1941 расстрелян немцами.

ціонной терминологіи всякое лицо, доставляющее свѣдѣнія Правительству, есть провокаторъ; въ революціонной средѣ такое лицо не будетъ названо предателемъ или измѣнникомъ, оно будетъ объявлено провокаторомъ. Это пріемъ не безсознательный, это пріемъ для революціи весьма выгодный; во-первыхъ, каждый революціонеръ, который улавливается въ преступномъ дѣяніи, обычно заявляетъ, что лицо, которое на него донесло, само спровоцировало его на преступленіе, а во-вторыхъ, провокація сама по себѣ есть актъ настолько преступный, что для революціи не безвыгодно съ точки зрѣнія общественной оцѣнки подвести подъ это понятіе дѣйствія каждаго лица, соприкасающагося съ полиціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считаетъ провокаторомъ только такое лицо, которое само принимаетъ на себя инициативу преступленія, вовлекая въ это преступленіе третьихъ лицъ, которыя вступили на этотъ путь по побужденію агента-провокатора». Вотъ, что является, по моему крайнему убѣжденію, провокаціей. Спрашивается, неужели же убійство бывшаго, покойнаго нынѣ, предсѣдателя Совѣта Министровъ можетъ быть приписано провокаціи? Не безумно ли предполагать, что на это убійство спровоцировалъ кто-нибудь Богрова, кромѣ его же соратниковъ по революціи, кромѣ социалистовъ-революціонеровъ (*слѣва голосъ*: онъ не революціонеръ) или кромѣ тѣхъ лицъ, которыя ему подъ угрозою смерти приказали сдѣлать этотъ террористическій актъ для того, чтобы оправдаться въ ихъ глазахъ? (**Гегечкори,***

* Евгений Петрович ГЕГЕЧКОРИ (1881-1954) — социал-демократ, депутат от Кутаисской губернии. В 1918-21 министр иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии. После захвата Грузии большевиками эмигрировал во Францию.

мьста: это старая пѣсня). Богровъ можетъ быть названъ предателемъ, но онъ не провокаторъ, и въ событіи 1 сентября я ничего общаго съ провокаціей не вижу. Я полагаю, что и авторы запроса, 34 члена Государственной Думы, въ существѣ создавали, что провокація притянута здѣсь совершенно зря, а потому, чтобы установить эту связь, они и присоединяютъ къ событію 1 сентября нынѣшняго года убійства другихъ лицъ: Великаго Князя Сергія Александровича, статсъ-секретаря Плеве, генераль-майора фонъ-деръ-Лауница и губернатора Богдановича; другими словами, они сводятъ настоящій свой запросъ по существу къ темъ, уже давно обсуждавшимся въ этомъ же самомъ залѣ Государственной Думы, при участіи покойнаго П. А. Столыпина, а именно 11 и 13 февраля 1909 г. Но, милостивые государи, тогда обсужденіе это окончилось тѣмъ, что запросъ о провокаторской дѣятельности Азефа былъ отвергнутъ (*слѣва шумъ, смѣхъ и голоса*: bravo, поздравляю; *звонокъ Предсѣдателя*), и Государственная Дума къ переходу къ очереднымъ дѣламъ, предложенномъ фракціями союза 17 октября, націоналистовъ и умѣренно-правыхъ, признавъ объясненія Правительства удовлетворительными (*шумъ и смѣхъ слѣва; звонокъ Предсѣдателя*) и исчерпывающими, выразила увѣренность, что въ борьбѣ съ терроромъ Правительство будетъ пользоваться всѣми законными средствами, отвергла запросъ и перешла къ обсужденію очередныхъ дѣлъ. (*Шумъ слѣва; звонокъ Предсѣдателя*). Съ тѣхъ поръ, г. члены Государственной Думы, никакихъ новыхъ свѣдѣній по этому поводу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не поступало (*Булатъ съ*

мста: бѣдные, бѣдные) и полагаю, что этимъ я и отвѣчаю на старый запросъ о провокаторской дѣятельности Азефа, къ которому, въ сущности, и сводится запросъ 34 членовъ Государственной Думы. Правда, я не скрою отъ васъ, съ тѣхъ поръ въ подпольной иностранной печати, въ изданияхъ «Соціалистъ-Револүціонеръ» Черпова и въ «Будущемъ», издающемся Бурцевымъ, появились разоблаченія объ участіи Азефа въ этихъ дѣлахъ. Но, милостивые государи, эти разоблаченія идутъ отъ такихъ лицъ, которыя на мой взглядъ довѣрія не заслуживаютъ. Эти лица не стѣсняются въ средствахъ для проведенія своихъ партійныхъ цѣлей, для опороченія Правительства и для того, чтобы сѣять смуту въ Россіи. (*Голосъ слѣва*: слабо). Эти люди похваляются даже тѣми убійствами, которыя они совершили, и ниже достоинства Правительства полемизировать съ сочиненіями Савинкова, Бурцева, Петрова (*голосъ справа*: правильно); пропагандировать же ихъ сочиненія съ этой трибуны не входитъ въ задачи Правительства. (*Справа продолжительныя рукоплесканія и голоса*: браво, правильно; *голоса слѣва*: а «Новое Время». Мещерскій?). Между воззрѣніями и симпатіями лицъ, которыя избрали своимъ девизомъ «Черезъ учредительное собраніе къ демократической республикѣ» и между представителями Правительства точекъ соприкосновенія быть не можетъ. (*Справа и въ центръ рукоплесканія и голоса*: браво). Заявляю открыто, что считаю ихъ врагами Россіи (*справа и въ центръ рукоплесканія и голоса*: браво), и употребляю всѣ усилія для того, чтобы обезвредить отъ ихъ тлетворнаго вліянія нашу родину. (*Рукоплесканія справа*). Затѣмъ обращаюсь ко второму запросу и не отрицаю прежде всего, что отвѣчать на этотъ запросъ мнѣ гораздо труднѣе, чѣмъ отвѣ-

чать на запросъ первый. Центръ тяжести второго запроса, въ противоположность первому,—ужасное злодѣяніе 1 сентября нынѣшняго года. При одномъ воспоминаніи объ этомъ злодѣяніи, гг., передо мною встаетъ благородная фигура покойнаго предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, мирно бесѣдующаго въ театрѣ; я слышу выстрѣлы въ него; я вижу, какъ онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ своему креслу и безпомощно садится въ него. А тамъ, гг., въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста преступленія, въ Царской ложѣ, находится Государь Императоръ съ своей Августѣйшей Семейю, и только милость Божія отвлекла руку убійцы отъ выстрѣла въ этомъ направленіи! Я раздѣляю, гг., ужасъ, который долженъ испытывать при этомъ всякій вѣрноподанный Государя Императора и любящій сынъ своей родины. (*Голоса справа: браво*). Я присоединяюсь къ тому чувству негодованія, которымъ проникается каждый изъ васъ, когда онъ думаетъ о томъ, что Богровъ былъ допущенъ въ театръ однимъ изъ агентовъ Правительства. Мнѣ трудно отвѣчать прежде всего на этотъ запросъ (*Булатъ, съ мѣста: октябристы, снимите вашъ запросъ*) потому, что я не могу при обсужденіи его отрѣшиться отъ тѣхъ чувствъ, которыя меня въ этотъ моментъ волнуютъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, я долженъ однако сказать, гг., что и самая постановка запроса, въ особенности п. 3 его, лишаетъ меня возможности держаться того обыкновенія, котораго я всегда держусь,—открыто, прямо, опредѣленно высказать вамъ то, что я думаю, безъ недомолвокъ. (*Кузнецовъ, съ мѣста: а на счетъ фракціи? слева смѣхъ: голоса справа: остановите ихъ*). Вы спрашиваете прежде всего, извѣстны ли Министрамъ Внутреннихъ

Дѣль и Юстиціи тѣ незаконномѣрныя дѣйствія должностныхъ лицъ, которыя имѣли своимъ послѣдствіемъ совершеніе злодѣянія 1 сентября—убійства предсѣдателя Совѣта Министровъ, статсъ-секретаря П. А. Столыпина. На этотъ вопросъ я вамъ долженъ отвѣтить, что, хотя Правительству и неизвѣстны результаты произшедшей сенаторомъ Трусевичемъ ревизіи, но тѣмъ не менѣе мой отвѣтъ: да, извѣстны, по крайней мѣрѣ извѣстны въ части, извѣстны въ томъ отношеніи, что лицо, допустившее Богрова въ театръ, совершило несомнѣнно служебное нарушеніе; оно нарушило циркуляръ 3 октября 1907 г., которымъ предписывается... (*слѣтъ и шуль слѣва: Крупенскій, * съ мѣста: выгнать ихъ*).

Предсѣдатель. Покорнѣйше прошу соблюдать тишину.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Макаровъ... не поручать секретнымъ сотрудникамъ обязанности наблюдательныхъ агентовъ. Секретному сотруднику Богрову была поручена обязанность наблюдательнаго агента въ театрѣ, и этимъ самымъ были нарушены тѣ обязанности, которыя были возложены на лицо, наблюдавшее за Богровымъ и за устройствомъ охраны. Прежде всего такимъ виновнымъ лицомъ является, конечно, начальникъ Кіевскаго охраннаго отдѣленія (*голосъ слѣва: а Курловъ?*), затѣмъ, если разслѣдованіемъ установлено, что это дѣлалось съ вѣдома и согласія выше Богрова стоявшихъ лицъ, то и они виновны въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ соучастниковъ. (*Голосъ справа: bravo*).
П. 2 запроса гласитъ: «какія мѣры предпола-

* Павел Николаевич КРУПЕНСКИЙ (род. 1863) — землевладелец, депутат от Бессарабской губернии, член фракции умеренных националистов.

гается принять къ полному раскрытію преступныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ и къ привлеченію ихъ къ законной отвѣтственности»? Я отвѣчаю, что Правительство не только предполагаетъ принять, но оно беззамедлительно и приняло соответствующія мѣры къ раскрытію этихъ дѣйствій. Какъ вамъ извѣстно, было немедленно исходатайствовано Высочайшее соизволеніе на производство ревизіи Кіевскаго охраннаго отдѣленія, при чемъ порученіе этой ревизіи было возложено на лицо, не находящееся въ вѣдомствѣ Мѣнистерства Внутреннихъ Дѣлъ, на сенатора (*смылъ слева*), и при томъ такого, который по прежнимъ своимъ служебнымъ обязанностямъ имѣлъ полную возможность изучить это дѣло. (*Слева шумъ, смылъ и голоса: провокаторъ*). Вслѣдъ засимъ, гг., всеподданнѣйшимъ докладомъ 12 сентября, въ цѣляхъ возможно широкаго опредѣленія объема этого порученія, «дабы устранить», какъ говорится въ докладѣ, «нежелательные толки о какихъ-либо ограниченіяхъ предстоящаго разслѣдованія», было исполнено Высочайшее разрѣшеніе на предѣставленіе сенатору Трусевичу, при выполненіи возложеннаго на него порученія, войти въ разсмотрѣніе дѣятельности *всмылъ* должностныхъ лицъ, принимавшихъ участія въ осуществленіи охраны во время пребыванія Его Императорскаго Величества въ г. Кіевѣ. Когда затѣмъ выяснилось, что объемъ правъ Сенатора Трусевича, по исполненію имъ этого разслѣдованія, представляется необходимымъ увеличить, Правительство вошло съ третѣимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ о расширеніи этихъ правъ. Изъ этого, по моему, слѣдуетъ, гг. члены Государственной Думы, что Правительство выразило дозволено

опредѣленно свое намѣреніе пролѣсть на это дѣло самый яркій свѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высказалось, что оно ничего въ этомъ дѣлѣ скрывать не намѣрено. (*Голоса справа*: bravo). Но васъ интересуетъ, помимо того, какія мѣры были предприняты къ раскрытію преступныхъ дѣяній, что сдѣлало Правительство для привлеченія виновныхъ должностныхъ лицъ къ отвѣтственности. По этому поводу, я долженъ вамъ сказать, что въ настоящее время я лишень возможности прямо и откровенно заявить вамъ, кто же изъ нарушившихъ свой долгъ будетъ подлежать законной отвѣтственности. Вы понимаете, что этотъ вопросъ можно разрѣшить только тогда, когда будетъ закончено сенаторское разслѣдованіе. Между тѣмъ это разслѣдованіе еще не окончено, матеріаль, собранный ревизіей, не систематизированъ, отчетъ не составленъ, и поэтому Правительство не располагаетъ тѣми данными, которыя удалось обнаружить въ этомъ отношеніи сенатору Трусевичу. (*Голосъ слева*: пора прекратить это). Могу сказать вамъ только одно, что ревизія сенатора Трусевича должна получить и получить въ законѣ указанное ей направленіе. Что касается, наконецъ, п. 3 вашего запроса, то это и есть тотъ пунктъ, который, къ сожалѣнію моему, не даетъ мнѣ возможности дать вамъ желательный, подробный и опредѣленный отвѣтъ. (*Голосъ слева*: странно). Вы спрашиваете, какія предполагается принять мѣры при организаціи учреждений, призванныхъ охранять государственный порядокъ отъ террора и анархіи, для предупрежденія подобныхъ преступленій. Дѣло въ томъ, гг., что если бы я подробно изложилъ вамъ всѣ эти мѣры, то это значило бы представить вашему вниманію всю

предполагаемую организацію охранныа дѣла въ Россіи. (*Кузнецовъ, съ мѣста: провокаціи*). Между тѣмъ вы, конечно, поймете, что такого рода заявленія здѣсь, съ этой трибуны, я сдѣлать вамъ не могу (*Крупенскій, съ мѣста: не имѣете права*), не имѣю права, потому что, если бы я это сдѣлалъ, я бы сыгралъ только въ руку революціи. (*Голоса справа: браво, правильно; рукоплесканія справа и въ центръ; слева шумъ, смѣхъ и голосъ: хитро сказано*). Мы уже знаемъ, что со стороны социалистовъ-революціонеровъ предпринимались мѣры для проникновенія въ охранныя отдѣленія съ цѣлью ознакомленія съ организаціей политической полиціи въ Россіи. Противъ такого проникновенія предпринимаются, конечно, всѣ мѣры, и не намъ итти навстрѣчу желанію социалистовъ-революціонеровъ ознакомиться съ тѣми способами борьбы, которые Правительство имѣетъ въ виду примѣнять по отношенію къ нимъ. (*Голоса справа: совершенно вѣрно, правильно*). Я могу вамъ сказать лишь одно, что по мѣрѣ того, какъ въ революціонныхъ кружкахъ мѣняются пріемы и тактика, должны мѣняться пріемы и тактика и у лицъ, борющихся съ революціей,—у Правительства и у его агентовъ. (*Шумъ слева*). Среди социалистовъ-революціонеровъ тактика измѣнилась. Какъ я уже вамъ доложилъ, появляется стремленіе проникнуть въ охранныя отдѣленія, какъ это сдѣлалъ Петровъ, убившій начальника С.-Петербургскаго охранныа отдѣленія Карпова. Кромѣ того, чрезвычайно развилась склонность къ сыску. Сыскъ поставленъ въ революціонныхъ партіяхъ очень сильно въ настоящее время. (*Слева голосъ: а у васъ?*). Этотъ сыскъ старается изловить всѣхъ сотруд-

никовъ Правительства (*смѣлъ и шумъ слева*), всѣхъ секретныхъ его агентовъ. Противъ измѣненія тактики революціонеровъ надо примѣнить, конечно, и намъ новые приемы. Я вамъ могу сказать только одно, что я вмѣляю себѣ въ обязанность провести полное отстраненіе секретныхъ сотрудниковъ отъ всего того, что такъ или иначе связано съ организаціей розыскаго дѣла. (*Голосъ слева*: вы бы конвенцію съ ними заключили). Я нахожу нужнымъ не допускать секретныхъ сотрудниковъ къ осуществленію внѣшней охраны ни подъ какимъ видомъ; я признаю необходимымъ установить несомѣстимость исполненія обязанностей сотрудника съ какими бы то ни было революціонными выступленіями и я выражаю вторично уже въ этомъ залѣ полное и безусловное обсужденіе провокаціи въ томъ смыслѣ, какъ она опредѣлена мною выше. (*Слева смѣлъ и голосъ*: на словахъ. Вы это уже три года тому назадъ говорили. *Шумъ; звонокъ Предсѣдателя*). Вотъ, гг. члены Государственной Думы, тѣ положенія, которыя я признаю возможнымъ сообщить вамъ, не считая, что это вызоветъ какія-нибудь невыгодныя послѣдствія для постановки розыскаго дѣла. Дальнѣйшихъ соображеній своихъ о борьбѣ съ революціей я вамъ излагать не могу, ибо, это было бы измѣной тому дѣлу, которому я призванъ служить Высочайшей властью. (*Рукоплесканія справа*). Я думаю, гг., что вы въ большинствѣ согласитесь со мной въ этомъ отношеніи, ибо должны съ этимъ согласиться всѣ, кому дорогъ успѣхъ борьбы съ революціонерами, кто принимаетъ близко къ сердцу благополучіе Россіи (*голосъ слева*: министровъ), кто стремится всѣми силами души, чтобы государственная и общественная жизнь ско-

рѣе вступила въ періодъ широкаго, но мирнаго, не омрачаемаго революціонными выступленіями развитія, всѣ, кто истинно любитъ свою родину. (*Бурныя рукоплесканія справа и въ центръ; слева рукоплесканія и голоса: браво, бисъ, провалился*).

РЕЗОЛЮЦИЯ ДУМЫ («Формула перехода к очередным делам»)

Формула, внесенная фракціей союза 17 октября, гласитъ слѣдующее: «Выслушавъ объясненія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и выражая увѣренность, что Правительство подвергнетъ отвѣтственности по суду тѣхъ должностныхъ лицъ, виновность коихъ выяснится въ дѣлѣ объ убійствѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, и безотлагательно приступитъ къ коренной реорганизаціи политической полиціи съ подчиненіемъ ея дѣятельности на мѣстахъ губернаторамъ, градоначальникамъ и прокурорскому надзору,—Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

«Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты», Спб, 1911, столбец 3005.

ПЕРЕД ГОСУДАРСТВЕННЫМ СОВЕТОМ

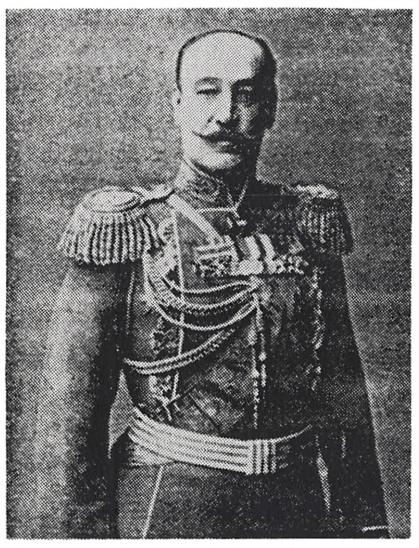
Рассмотрению в I-м департаменте Государственного совета подлежали дела о преступлениях или других противоправных деяниях, в которых были замешаны лица министерского уровня. По делу руководителей Охраны, не сумевших предотвратить убийство Столыпина, перед Государственным советом предстали:

Павел Григорьевич КУРЛОВ (1860-1923) — шталмейстер Двора, генерал-лейтенант от кавалерии. В 1889-1900 прокурор губернских судебных палат. В 1907 вице-директор департамента полиции, затем начальник Главного тюремного управления. В 1907-11 товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов. В 1914-15 и.о. генерал-губернатора в Прибалтике. При Временном правительстве арестован, после Октября освобожден, в 1918 эмигрировал.

Александр Иванович СПИРИДОВИЧ (1873-1952) — генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. В корпусе с 1899, в 1903-05 начальник Киевского жандармского управления. С начала 1906 начальник дворцовой охраны, с августа 1916 ялтинский градоначальник. Автор нескольких книг по истории революционных партий.

Митрофан Николаевич ВЕРИГИН (1878-1920) — статский советник, с 1906 секретарь департамента полиции, в 1911 одновременно и.о. вице-директора департамента.

Николай Николаевич КУЛЯБКО (1873-1920) — полковник Отдельного корпуса жандармов, муж сестры генерала А. И. Спиридовича. С 1897 помощник пристава Московской полиции, в 1907-11 начальник Киевского охранного отделения. После увольнения от должности работал в Киеве агентом по продаже швейных машин.

(Сверху вниз) Помощник министра внутренних дел П. Г. Курлов, дворцовый комендант В. А. Дедюлин, начальник дворцовой охраны А. И. Спиридович

20-го марта въ 1-мъ деп. Гос. Совѣта былъ рассмотрѣн докладъ сенатора М. М. Трусевича* о произведенномъ имъ разслѣдованіи обстоятельствъ убійства П. А. Столыпина. Изложивъ подробно обнаруженные имъ обстоятельства, сенаторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію.

Оцѣнка распоряженій должностныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ осуществленіи мѣръ охраны во время кievскихъ торжествъ, приводитъ къ заключенію, что вслѣдствіе допущенія Мордки Богрова въ садъ вупеческаго собранія 31 августа и на парадный спектакль въ городской театръ 1 сентября 1911 года возникала чрезвычайная опасность для Егo Императорскаго Величества, и Богровъ получилъ возможность выполнить свое злодѣяніе въ отношеніи покойнаго предсѣдателя совѣта министровъ. Описанное положеніе, въ которомъ оказался Богровъ, создано при участіи должностныхъ лицъ, въ виду чего распоряженія ихъ въ этой области должны быть отнесены къ числу наруженій, имѣвшихъ весьма важныя послѣдствія.

Что касается до товарища министра вн. д., командира корпуса жандармовъ, шталмейстера Высоч. двора, ген.-лейт. Курлова, исполняющаго обязанности вице-директора департамента полиціи, въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго двора, статскаго совѣтника Веригина, и находящихся въ отставкѣ, начальника подвѣдомственной дворцовому комитету охранной агентуры, полковника отдѣльнаго корпуса жандармовъ Спиридовича и бывшаго начальника кievскаго охраннаго отдѣленія, подполковника того же корпуса Кулябки, то, независимо отъ обнаруженныхъ разслѣдованіемъ въ отношеніи ген. Курлова, полковника Спиридовича и подполковника Кулябки нарушеній дисциплинарнаго характера, названныя четыре лица допустили превышеніе и бездѣйствіе власти, имѣвшія весьма важныя послѣдствія. Эти преступленія выразились въ томъ, что:

1. Генералъ Курловъ, статскій совѣтникъ Веригинъ, полков-

А. Мушин. Ук. соч. Приложение «В Государственном совете».

* Максимилиан Иванович ТРУСЕВИЧ (род. 1863) — тайный советник, сенатор, член Государственного совета. С 1885 по 1906 прокурор губернских судебных палат. С июня 1906 по март 1909 директор департамента полиціи.

никъ Спиридовичъ и подполковникъ Кулябко, въ нарушение возложенныхъ на нихъ обязанностей по обезпеченію безопасности во время кievскихъ торжествъ, а равно вопреки установленному порядку и существующимъ распоряженіямъ по департаменту полиціи, допустили на происходившій 1 сентября 1911 г. въ кievскомъ городскомъ театрѣ въ Высочайшемъ присутствіи парадный спектакль помощника присяжнаго повѣреннаго Мордку Богрова, завѣдомо для нихъ политически неблагонадежнаго, что создало непосредственную опасность для Священной Особы Его Императорскаго Величества и для Августѣйшей семьи, а также повлекло за собою лишеніе названнымъ Богровымъ жизни предсѣдателя совѣта министровъ, министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Столыпина.

II. Тѣ же Курловъ, Веригинъ, Спиридовичъ и Кулябко, получивъ отъ упомянутаго Богрова измышленныя имъ свѣдѣнія о прибытіи въ Кіевъ революціонной группы для совершенія террористическихъ посягательствъ, проявили бездѣйствіе власти, не войдя въ тщательное обсужденіе упомянутыхъ донесеній Богрова и оставивъ таковыя безъ надлежащаго изслѣдованія, что дало ему возможность осуществить задуманное имъ злодѣяніе.

III. Кромѣ того, ген. Курловъ, будучи своевременно освѣдомленъ о несоотвѣтствіи подполковника Кулябко занимаемой имъ должности начальника кievскаго охраннаго отдѣленія, о неудовлетворительномъ положеніи розыска въ этомъ учрежденіи, а равно о недостаточности личнаго его состава для выполненія предстоявшей по случаю означенныхъ торжествъ работы, не только не принялъ мѣръ къ устраненію указанныхъ неурядковъ, но и возложилъ на подполковника Кулябко выходившія изъ круга его прямыхъ обязанностей порученія по организаціи и завѣдыванію наружною охраною, причѣмъ не освободилъ начальника охраннаго отдѣленія отъ исполненія таковыхъ даже и послѣ полученныхъ отъ Богрова свѣдѣній червостепенной важности, требовавшихъ тщательной провѣрки.

IV. Подполковникъ Кулябко, вопреки установленному порядку и изданнымъ по департаменту полиціи распоряженіямъ, допустилъ 31 августа 1911 г. упомянутаго Богрова, завѣдомо для него, Кулябки, политически неблагонадежнаго, въ садъ купеческаго собранія на торжество въ высочайшемъ присутствіи, чѣмъ создалъ явную опасность для священной особы Его Императорскаго Величества, такъ какъ Богровъ, замыслившій уже террористическій актъ и вооруженный револьве-

ромъ, находился на ближайшемъ разстояніи отъ пути шествія Его Императорскаго Величества.

Описанныя дѣянія, заключающія въ себѣ признаки преступленій, подлежащихъ разсмотрѣнію въ судебномъ порядкѣ, вызываютъ необходимость въ возбужденіи противъ генерала Курлова, статскаго совѣтника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябко уголовного преслѣдованія по установленнымъ въ законѣ правиламъ.

Въ засѣданіи 1-го департамента Гос. Совѣта, происходившемъ подъ предѣлательствомъ А. А. Сабурова, помимо членовъ департамента, участвовали министр юстиціи Н. Г. Щегловитовъ и за министра внутр. дѣлъ товарищъ его, д. с. с. Золотаревъ.*

При выясненіи дальнѣйшаго направленія дѣла возникъ вопросъ о томъ, какъ разсматривать дѣянія всѣхъ 4 упомянутыхъ лицъ. Являются ли они преступниками политическими или просто учинившими преступленія по должности. Политическій характеръ дѣйствій ген. Курлова и др. усмотрѣнъ въ томъ, что послѣдствіемъ ихъ явилось убійство съ политической цѣлью. Министръ юстиціи и тов. мин. внутр. дѣлъ высказались въ томъ смыслѣ, что, какъ установлено разслѣдованіемъ, никакого предварительнаго уговора должностныхъ лицъ съ Богровымъ не было, и ихъ можно лишь обвинять въ томъ, что своимъ бездѣйствіемъ и небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу они дали ввести себя въ заблужденіе. Такимъ образомъ, ихъ можно обвинять только въ преступленіяхъ по должности.

Съ этимъ 1-й деп. Гос. Совѣта согласился.

Затѣмъ возникъ вопросъ, подлежатъ ли Курловъ и др. гражданскому или военному суду?

Нѣкоторые высказались за то, что дѣло подлежитъ вѣдѣнію военного суда, потому что трое изъ привлеченныхъ военные и притомъ бывший товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Курловъ, благодаря которому дѣло въ настоящее время разсматривается

* Андрей Александрович САБУРОВ (ум. 1916) — действительный тайный советник, сенатор, член Государственного Совета, в 1880-81 министр просвѣщенія.

Иван Григорьевич ЩЕГЛОВИТОВ (1861-1918) — действительный тайный советник, член Государственного Совета, сенатор; с 1881 по 1904 на разныхъ должностяхъ в Министерствѣ юстиціи, с 1906 товарищъ министра, затемъ до 1915 министр юстиціи, в 1917 председатель Государственного Совета. Расстрелянъ большевиками.

Игнатій Михайлович ЗОЛОТАРЕВ (1868-1918) — тайный советник, сенатор, в 1911-15 товарищъ министра внутреннихъ делъ.

въ 1-мъ деп. Гос. Совѣта, а не въ сенатѣ, — въ генеральскомъ чинѣ. Но министръ юстиціи указалъ на то, что всѣ они обвиняются въ дѣяніяхъ, совершенныхъ ими при исполненіи обязанностей полицейскихъ, а не военныхъ и что поэтому ихъ слѣдуетъ судить гражданскимъ судомъ. Съ этимъ также согласился 1-й деп. Гос. Совѣта.

23 апрѣля состоялось новое засѣданіе 1-го деп. Гос. Совѣта, на которомъ предсѣдательствующій Н. С. Таганцевъ* сообщилъ о поступленіи въ департаментъ объясненій ген. Курлова, Кулябко, Спиридовича и Веригина, причѣмъ заявилъ, что всѣ объясненія были представлены въ установленный срокъ. Объясненія же ген. Курлова опоздали на 2 дня, по уважительнымъ причинамъ, въ виду сложности работы.

Затѣмъ предсѣдательствующій сообщилъ, что и по существу своему, также и по обилію матеріала, дѣло представляется весьма сложнымъ.

Помимо объясненій, изъ конхъ объясненіе П. Г. Курлова очень пространно, — имѣется 9 томовъ матеріаловъ ревизіи сенатора М. И. Трусевича и обширный отчетъ П. Г. Курлова объ израсходованіи суммъ, специально ассигнованныхъ на охрану во время путешествія Высокихъ особъ.

Въ виду этого, Н. С. Таганцевъ полагаетъ, что слѣдовало бы изъ среды департамента избрать одно лицо, которому и поручить детально ознакомиться съ дѣломъ и составить докладъ.

Согласившись съ этимъ, 1-й департаментъ Гос. Совѣта постановилъ избрать для этой цѣли Е. Ф. Турау,** на котораго и было возложено составленіе доклада.

Докладъ былъ составленъ, и 11 мая дѣло Курлова и К^о было заслушано въ первомъ департаментѣ Гос. Совѣта.

Въ обстоятельномъ и подробномъ докладѣ Е. Ф. Турау, прежде всего, отмѣчаетъ, что мало придаетъ значенія не только объясненіямъ, но даже и самому докладу сенатора

* Николай Степановичъ ТАГАНЦЕВЪ (1843-1923) — действительный тайный советник, член Государственного Совета, сенатор, заслуженный профессор, один из главных деятелей эпохи судебных реформ Александра II. Его сын Виктор Николаевичъ расстрелян въ августѣ 1921 вместе с поэтомъ Гумилевымъ и другими по так называемому «делу Таганцева».

** Евгений Федоровичъ ТУРАУ — тайный советник, сенатор, обер-прокурор уголовно-кассационнаго департамента Сената.

Трусевича.

Онъ больше всего придаетъ значеніе тому матеріалу, который былъ въ распоряженіи сенатора Трусевича и представленъ въ 1-й департаментъ Гос. Совѣта. Устанавливать изъ этихъ матеріаловъ фактъ растраты—не представляется возможности, ибо на всѣ произведенные расходы представлены росписки получавшихъ суммы лицъ. Существеннымъ и важнымъ представляется вопросъ о самой организаціи охраны во время путешествія Высочайшихъ особъ и министровъ. Съ этой точки зрѣнія дѣло представляется весьма серьезнымъ и требуетъ самаго внимательнаго отношенія. При этомъ вопросъ не должно разсматривать съ точки зрѣнія того, зналъ или не зналъ ген. Курловъ о томъ, что Богровъ допущенъ въ садъ купеческаго собранія и въ театръ. Курловъ увѣряетъ, что онъ не зналъ; другія показанія даютъ основаніе думать, что онъ зналъ. Но центръ тяжести не въ томъ. Вѣдь если допустить, что Курловъ не зналъ, то является вопросъ, какъ же была организована охрана, если лицо, коему ввѣрена была безопасность Высочайшихъ особъ, могло не знать, что въ театрѣ находится лицо, именуемое „сотрудникомъ“, а на самомъ дѣлѣ — предатель. Вѣдь лицо, стоящее во главѣ охраны, должно было знать всѣхъ, кто находится въ театрѣ, гдѣ Высокія особы находились свободно. Если бы еще Богровъ былъ переодѣтъ, скажемъ, въ военную форму. А то вѣдь онъ былъ въ штатскомъ, и, очевидно, онъ, генералъ Курловъ, если дѣйствительно не зналъ Богрова въ лицо, долженъ былъ произвести провѣрку лицъ, присутствовавшихъ въ театрѣ.

Столь исключительно серьезное положеніе, какъ нахожденіе въ театрѣ Высочайшихъ особъ и министровъ, казалось бы, обязывало его самого слѣдить за прибывающими, а не полагаться на своихъ подчиненныхъ. Ему, а не подчиненнымъ, было оказано довѣріе. А онъ всю свою дѣятельность сосредоточилъ на улицѣ, гдѣ террористу гораздо труднѣе было бы учинить свое злодѣяніе, чѣмъ въ театрѣ, гдѣ онъ могъ убить кого угодно. Какъ онъ допустилъ, чтобы въ театрѣ было неизвѣстное ему лицо, да къ тому еще человѣкъ, которому никакъ нельзя довѣрять, ибо неизвѣстно, кого онъ въ данную минуту предастъ. Въ концѣ концовъ, Богровъ былъ не что иное, какъ доносчикъ, а еще великій преобразователь Россіи говорилъ, что любитъ доносъ, но ненавидитъ доносчиковъ.

Еще ярче сказалась преступная небрежность въ томъ, что, допустивъ Богрова въ театръ, къ нему не приставили никакого

наблюденія, и онъ свободно разгуливалъ по залу, выбирая жертву и имѣя полную возможность остановить свой выборъ на комъ угодно.

Еще болѣе преступнымъ и рѣшительно никакого оправданія не заслуживающимъ является тотъ фактъ, что, получивъ столь важное и серьезное сообщеніе отъ Богрова, стоявшія во главѣ охраны лица отнеслись къ этому необычайно легкомысленно.

Предполагалось свиданіе нѣсколькихъ террористовъ, и глава дѣла ген. Курловъ, поручивъ своему подчиненному, это какъ будто второстепенное дѣло, спокойно занялся другими дѣлами.

Если бы къ этому отнеслись внимательно, то сразу обнаружилась бы вся мистификація Богрова.

Все легкомысліе Курлова и другихъ сказывается въ томъ, что, когда въ Кіевѣ предполагались налицо террористы, ихъ всецѣло довѣрили предателю Богрову.

Что Богровъ явно мистифицировалъ, можно заключить по его собственнымъ показаніямъ на судѣ. Онъ объяснилъ, что актъ онъ выполнилъ подъ угрозой революціонеровъ. Возможно, что онъ рассчитывалъ, что его приговорятъ не къ смертной казни, и надѣялся современемъ бѣжать. Во всякомъ случаѣ, у него не было исхода.

Самая постановка охраны въ зрительномъ залѣ доказываетъ крайне невнимательное отношеніе. Правда, въ залѣ было 95 агентовъ и около 100 офицеровъ. Но они были размѣщены такъ, что преступникъ имѣлъ доступъ къ кому угодно. Докладчикъ находитъ, что наиболѣе существеннаго вопроса о проникновеніи Богрова въ театръ не исчерпываетъ ни докладъ сенатора Трусевича, ни объясненія всѣхъ 4 лицъ.

Анализируя по матеріаламъ ходъ событій, докладчикъ доказываетъ, что налицо былъ не одинъ только актъ, характеризующій бездѣйствіе власти, а рядъ дѣяній подходящихъ подъ эту категорію преступленій. Систематическое бездѣйствіе началось съ момента появленія Богрова, до того около 2 лѣтъ не работавшаго въ охранномъ отд., бывшаго, стало быть, внѣ поля зрѣнія начальника охраннаго отдѣленія.

Объ этомъ періодѣ дѣятельности Богрова никакихъ свѣдѣній охранное отдѣленіе не имѣетъ. И подозрительность, которая прежде всего обязательна для охранниковъ, на сей разъ по совершенно непонятнымъ соображеніямъ, отпала. Богрову оказываютъ такое довѣріе, что всѣ его шаги и рассказы принимаютъ за аксіому. Ему всецѣло довѣряютъ. Эта неумѣстная

довѣрчивость доходить даже до того, что когда Богровъ, послѣ столь важныхъ сообщеній, исчезаетъ на 2 дня, это ничуть никого не тревожитъ.

Выдѣленіе Спиридовича и Веригина въ группу невиновныхъ, какъ это дѣлаетъ Курловъ, неосновательно. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что такое серьезное дѣло, какъ готовящійся террористическій актъ, было предметомъ общаго обсужденія и было бы, пожалуй, еще болѣе преступно, если бы они не заинтересовались всѣми деталями.

Многое въ дѣлѣ осталось невыясненнымъ, но наличность бездѣйствія, повлекшаго весьма тяжкія послѣдствія, неоспорима. И потому докладчикъ настаиваетъ на назначеніи предварительнаго слѣдствія.

Присутствовавшіе въ засѣданіи министры юстиціи и внѣш. дѣлъ присоединились къ докладчику. Оба они указали на совершенно непростительное бездѣйствіе. А. А. Макаровъ прибавилъ, что дѣло охраны Высокихъ особъ въ Кіевѣ во время торжествъ, да и вообще все охранные дѣло въ Кіевѣ поставлено было очень скверно.

Предварительное слѣдствіе, по его мнѣнію, необходимо для выясненія не только преступности указанныхъ лицъ, но и всей постановки охраны въ Кіевѣ, которая представляется очень запутанной для него, не специалиста въ этомъ дѣлѣ.

Пренія, происходившія подѣ председательствомъ Н. С. Таганцева, отняли немного времени, которое почти цѣликомъ (около 3 часовъ) ушло на докладъ.

Единогласно постановлено назначить надѣ дѣйствіями всѣхъ четырехъ предварительное слѣдствіе по ст. 3339 и 2-й ч. 341 статьи.

И въ іюнѣ послѣдовало утвержденіе сенатора Шульгина* слѣдователемъ.

Въ ноябрѣ слѣдствіе было закончено и 11 декабря дѣло Курлова и К^о снова было поставлено на обсужденіе 1-го деп. Гос. Совѣта. Предсѣдательствовалъ А. А. Сабуровъ. Докладчикомъ выступилъ опять Е. Ф. Турау.

Докладчикъ заявилъ, что произведенное сенаторомъ П. З.

* Николай Захарович ШУЛЬГИН (род. 1855) — тайный советник, сенатор, член Верховнаго уголовного суда.

Шульгинимъ слѣдствіе подтвердило большинство данныхъ, добытыхъ разслѣдованіемъ М. И. Трусевича. Въ общемъ же слѣдствіе сенатора Шульгина отличается большей опредѣленностью и яркостью, свидѣтельскія показанія представлены въ болѣе обширномъ видѣ. Сенатору Шульгину удалось возстановить все показаніе Богрова, данное имъ въ военно-окружномъ судѣ. Показаніе это въ протоколъ военно-окружного суда внесено не было, и сенатору Шульгину пришлось возстановлять его путемъ допроса присутствовавшихъ въ судѣ лицъ.

Показаніе это излагаетъ ходъ сношеній Богрова съ чинами охраны и обстоятельства, предшествовавшія покушенію въ театрѣ, совершенно въ такомъ видѣ, какъ это излагалось въ газетахъ на основаніи доклада сенатора М. И. Трусевича.

Представленное въ департаментъ обширное заключеніе обер-прокурора кассационнаго департамента Сената сенатора П. А. Кемпе* заканчивается слѣдующей формулировкой обвиненія: въ отношеніи всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ слѣдуетъ считать установленнымъ бездѣйствіе власти, имѣвшее особо важныя послѣдствія, при чемъ заявленіе ихъ, что нахождение Богрова въ театрѣ не грозило опасностью Государю Императору и Его Августѣйшей Семѣ, не можетъ быть признано правильнымъ, ибо Богровъ имѣлъ полную возможность подойти во время представленія къ Царской ложѣ или даже взять съ собою въ театръ разрывной снарядъ и бросить его въ Царскую ложу при совершеніи убійства статсъ-секретаря Столыпина, какового несчастья не случилось только благодаря опасенію Богрова такимъ злодѣяніемъ вызвать среди кievскаго населенія еврейскій погромъ.

Исходя изъ этого, П. А. Кемпе, руководствуясь статьями 207, 222, 1252, 1075, 1105 и 1107 уст. угол. суд., полагаетъ предать суду судебнаго присутствія уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената, съ участіемъ сословныхъ представителей: занимавшаго должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ по завѣдыванію полиціей и вмѣстѣ съ тѣмъ командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ отставнаго генераль-лейтенанта Курлова, начальника подвѣдомственной дворцовому коменданту дворцовой охраны полк. Спиридовича, бывшаго начальника кievскаго охраннаго отдѣленія подполковника Кулябко и исполнявшаго обязанности вице-директора директора департамента полиціи статскаго совѣтника Веригина по обвиненію:

* Петр Альбертович КЕМПЕ — тайный советник, сенатор, обер-прокурор уголовно-кассационнаго департамента Сената.

Подполковника *Кулябко* въ томъ: 1) что 1 сен. 1911 г., въ г. Кіевѣ, въ нарушение возложенныхъ на него въ качествѣ начальника кіевскаго охраннаго отдѣленія обязанностей по обнаруженію государственныхъ преступленій и обезпеченію безопасности во время бывшихъ въ августѣ и сентябрѣ 1911 г. кіевскихъ торжествъ, а равно вопреки изданнымъ по департаменту полиціи распоряженіямъ и положенію о выдачѣ входныхъ билетовъ въ мѣста Высочайшихъ посѣщеній исключительно благонадежнымъ лицамъ, зная о сношеніяхъ съ преступнымъ сообществомъ анархистовъ-коммунистовъ, бывшаго помощника присяжнаго повѣреннаго, еврея Мордки Богрова, сообщившаго ему, съ цѣлью получить доступъ на торжества въ Высочайшемъ присутствіи, ложныя свѣдѣнія о готовящемся покушеніи на жизнь гг. министровъ Столыпина и Кассо, а также зная, что вечеромъ 1 сентября 1911 г. въ кіевскомъ городскомъ театрѣ будетъ присутствовать на представленіи Государь Императоръ съ Августѣйшей Семейю, допустилъ названнаго Богрова — этого явно политически неблагонадежнаго и опаснаго человѣка — въ партеръ зрительнаго зала названнаго театра, не удостовѣрившись объ отсутствіи у него оружія или взрывчататаго снаряда, не учредивъ внутри театра охраны Царской ложи и вышеуказанныхъ министровъ и оставивъ его, Богрова, въ театрѣ безъ всякаго надзора, каковое преступное бездѣйствіе власти со стороны его, *Кулябко*: а) создало непосредственную опасность для Священной Особы Его Императорскаго Величества и для Августѣйшей Семейи, давъ Богрову полную возможность покуситься на Ихъ жизнь, причѣмъ такого злодѣянія не послѣдовало лишь благодаря боязни Богрова вызвать этимъ еврейскій погромъ, и б) позлекло за собою лишеніе тѣмъ же Богровымъ жизни предсѣдателя совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Столыпина;

2) что онъ не произвелъ надлежащаго изслѣдованія заявленій Богрова о революціонномъ сообществѣ путемъ учрежденія надзора за самимъ Богровымъ и выясненія дѣйствительнаго нахождения въ квартирѣ его члена названнаго преступнаго сообщества;

3) что допустилъ Богрова — этого явно политически неблагонадежнаго и опаснаго человѣка — въ садъ кіевскаго Купеческаго собранія на торжество въ Высочайшемъ присутствіи, не удостовѣрившись объ отсутствіи у него оружія, не учредивъ внутри означеннаго сада охраны Царскаго ше-

ствія и оставивъ самого Богрова въ саду безъ всякаго надзора, каковымъ своимъ преступнымъ дѣйствіемъ власти создалъ непосредственную опасность для Священной Особы Его Императорскаго Величества, такъ какъ Богровъ, замыслившій террористическій актъ и вооруженный револьверомъ, находился въ ближайшемъ разстояніи отъ пути шествія Государя.

Генераль-лейтенантъ *Курловъ* въ томъ: 1) что, будучи по Высочайшему повелѣнію отъ 21-го мая 1911 г. въ качествѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ по завѣдыванію полицією командированъ въ Кіевъ для сосредоточенія въ своихъ рукахъ всей власти по обнаруженію государственныхъ преступленій и обезпеченію безопасности во время кіевскихъ торжествъ въ Высочайшемъ присутствіи и зная изъ сдѣланныхъ ему начальникомъ кіевского охраннаго отдѣленія Кулябко 27-го и 31-го августа и 1-го сентября 1911 года докладовъ, что бывший помощникъ присяжнаго повѣреннаго *Мордка Богровъ* находится въ сношеніяхъ съ преступнымъ сообществомъ анархистовъ-коммунистовъ и заявилъ о прибытіи въ Кіевъ членовъ этого сообщества для террористическихъ посягательствъ, а также о нахожденіи одного изъ означенныхъ злоумышленниковъ въ квартирѣ упомянутаго Богрова, онъ, Курловъ, въ нарушение возложенныхъ на него вышеизложенныхъ обязанностей, не взирая на явную опасность, грозившую всей Царской Семьѣ и вышеназваннымъ министрамъ, не распорядился о надлежащемъ изслѣдованіи вышеозначеннаго заявленія Богрова путемъ учрежденія надзора за самимъ Богровымъ и выясненія дѣйствительнаго нахожденія въ его квартирѣ члена названнаго преступнаго сообщества, каковое умышленное бездѣйствіе власти имѣло своимъ послѣдствіемъ несвоевременное обнаруженіе ложности заявленія Богрова, сдѣланнаго съ цѣлью получить доступъ на торжества въ Высочайшемъ присутствіи, и повлекло за собою лишеніе тѣмъ же Богровымъ жизни статсъ-секретаря Столыпина;

2) что не только не воспретилъ выдачу Богрову билетовъ на упомянутыя торжества и допущеніе послѣдняго 1-го сентября 1911 года въ кіевскій городской театръ, но не распорядился даже, въ случаѣ выдачи оныхъ, объ учрежденіи за Богровымъ на торжествахъ бдительнаго надзора и выясненіи отсутствія у него метательныхъ снарядовъ или оружія.

Полковникъ *Спиридовичъ* и ст. сов. *Веригинъ* въ томъ: 1) что не доложили своему начальству о неотложной необходимости надлежащаго изслѣдованія заявленія Богрова путемъ

учрежденія надзора за самимъ Богровымъ и выясненія дѣйствительнаго находенія въ его квартирѣ члена названнаго преступнаго сообщества, каковое умышенное съ ихъ стороны бездѣйствіе власти имѣло своимъ послѣдствіемъ несвоевременное обнаруженіе ложности заявленія Богрова, сдѣланнаго съ цѣлью получить доступъ на торжества въ Высочайшемъ присутствіи и порекло за собою лишеніе тѣмъ же Богровымъ жизни статсъ-секретаря Столыпина.

2) что не только не воспрепятствовали выдачѣ Богрову билетовъ на упомянутыя торжества и допущенію послѣдняго 1-го сентября 1911 г. въ кievскій городской театръ и не доложили объ этомъ своему начальству, но не распорядились даже, чтобы въ случаѣ выдачи оныхъ былъ учрежденъ за Богровымъ на торжествахъ бдительный надзоръ и было выяснено отсутствіе у него метательныхъ снарядовъ или оружія.

Вышеописанныя преступныя дѣянія, въ виду ихъ особенной важности, предусмотрѣны въ отношеніи всѣхъ обвиняемыхъ 339 и 2 ч. 341 ст. уг. улож. о наказ.

Докладчикъ Е. Ф. Турау въ продолжительной и обстоятельной рѣчи поддерживалъ заключеніе оберъ-прокурора Кемпе о необходимости предать суду всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ. Представленныя ген. Курловымъ объясненія о томъ, что Богровъ былъ допущенъ въ театръ безъ его, Курлова, вѣдома, не могутъ имѣть смягчающаго значенія; даже болѣе того, это усугубляетъ его вину. Богровъ вѣдь прошелъ, значитъ ген. Курловъ не зналъ, что въ театрѣ находится неизвѣстное лицо. И не обратилъ вниманія на это, несмотря на то, что Богровъ рѣзко выдѣлялся въ толпѣ. По показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, почти вся публика въ театрѣ, въ виду жаркаго времени, была въ свѣтлыхъ одеждахъ, а военные въ платьѣ защитнаго цвѣта, а Богровъ былъ во фракѣ и пестрѣлъ чернымъ пятномъ.

На Курлова была возложена обязанность охранять, и онъ обязанъ былъ лично удостовѣриться обо всѣхъ присутствовавшихъ. Въ необычайно серьезныхъ вопросахъ, — а дѣло очень серьезно, ибо въ театрѣ были Высочайшія Особы, нельзя всю вину взваливать на подчиненныхъ. Потому и былъ командированъ Курловъ, что столь отвѣтственное дѣло, какъ охрана Высокихъ Особъ, нельзя было возложить на мѣстное охранное начальство.

Докладчикъ не придаетъ особаго значенія вопросу о томъ, что Богровъ былъ пропущенъ въ театръ. Важно, что Богровъ нахо-

дился въ театрѣ, а тотъ, кому была поручена охрана, не зналъ, что въ театрѣ опасный человѣкъ. Ему поручили охрану, онъ и долженъ отвѣчать. Счастливымъ случаемъ спасъ Россію отъ величайшаго несчастья. А отъ этого несчастья долженъ былъ гарантировать своей бдительностью и внимательностью тотъ, кому ввѣрена была самая серьезная миссія.

Вотъ почему докладчикъ находитъ, что не только Кулябко, но и всѣ трое остальныхъ подлежатъ преданію суду, какъ это предлагаетъ оберъ-прок. Кемпе.

Послѣ доклада возникли чрезвычайно горячія пренія, обнаружившія неожиданное теченіе. Правое крыло 1-го департамента во главѣ съ П. П. Кобылинскимъ выступило весьма рѣшительно въ защиту ген. Курлова, а также полк. Спиридовича и с. с. Веригина. По мнѣнію правыхъ, по отношенію ген. Курлова можно признать наличность несчастья, а не бездѣйствіе. Центръ тяжести именно въ томъ, зналъ ли Курловъ, что допущенъ въ театръ Богровъ. Онъ не въ состояніи одинъ все осуществить и долженъ положиться, въ нѣкоторыхъ деталяхъ на подчиненныхъ, заслуживающихъ довѣрія. Кулябко занималъ отвѣтственный постъ, и Курловъ имѣлъ всѣ основанія довѣрить ему извѣстныя обязанности ввѣреннаго ему огромнаго и сложнаго дѣла. Между тѣмъ, изъ обстоятельствъ дѣла вытекаетъ заключеніе, что ген. Курловъ не зналъ о допущеніи Богрова въ театръ. Утвержденіе противнаго основано на первоначальныхъ показаніяхъ Кулябко. Но показанія Кулябко многочисленны и противорѣчивы. Въ объясненіяхъ, данныхъ Кулябкой Госуд. Совѣту, когда впервые слушалось дѣло о назначеніи предварительнаго слѣдствія, а также на предварительномъ слѣдствіи, Кулябко отказался отъ своихъ первоначальныхъ показаній и заявилъ, что допустилъ Богрова въ театръ безъ вѣдома Курлова и специально просилъ именно эти показанія считать дѣйствительными. Прокурору Чаплинскому Кулябко сначала заявилъ, что не можетъ считать себя виновнымъ въ происшедшемъ несчастьи, такъ какъ Богровъ былъ допущенъ въ театръ съ вѣдома генер. Курлова. Но тутъ же Кулябко спохватился и добавилъ: „да нѣтъ, виновать я, конечно, одинъ; мнѣ остается пустить себѣ пулю въ лобъ“. На предварительномъ слѣдствіи по дѣлу объ убійствѣ П. А. Столыцина Кулябко заявилъ, что officialнаго доклада о нахожденіи Богрова въ театрѣ онъ не дѣлалъ и что ни Курлову, ни Веригину, ни Спиридовичу онъ не говорилъ, что Богровъ будетъ въ театрѣ, да и не могъ говорить объ этомъ, такъ какъ окончательное рѣшеніе этого вопроса послѣдовало

за полчаса до начала спектакля. Самъ сенаторъ Трусевичъ признаеть показанія Кулябки сбивчивыми и противорѣчивыми.

Такимъ образомъ, по мнѣнію защитниковъ Курлова, послѣдній не зналъ, что Богровъ-Аленскій допущенъ въ театръ, и отвѣтственнымъ является одинъ Кулябко. Ему Курловъ имѣлъ имѣлъ полное основаніе вѣрить техническое выполненіе розыскныхъ мѣръ, какъ лицу, занимающему среди чиновъ, вѣдающихъ политической розыскъ, самостоятельное положеніе и имѣющему практической опытъ въ розыскомъ дѣлѣ. Кулябко тѣмъ болѣе отвѣтственъ, что Курловъ съ 15 по 27 августа былъ боленъ. Первый докладъ объ Аленскомъ былъ сдѣланъ Кулябкой 27 августа. Курловъ могъ не придать особо серьезнаго значенія заявленію о возможномъ пріѣздѣ террористовъ, потому что при путешествіи Высокихъ Особъ всегда получаютъ многочисленныя угрожающія сообщенія, какъ это было не только теперь, но и въ 1909 и въ 1910 г. Неустановленію Курловымъ наблюденія за Богровымъ сторонники Курлова не придаютъ значенія. Во-первыхъ, это было, по ихъ мнѣнію, всецѣло дѣло Кулябко, а во-вторыхъ, суть не въ наблюденіи, а въ допущеніи Богрова въ театръ; благодаря только этому допущенію Богрову удалось совершить злодѣяніе. Далѣе, сторонники Курлова находятъ, что вообще нельзя одновременно винить и Курлова, и Кулябко. Если виноватъ послѣдній въ неисполненіи извѣстныхъ обязанностей, то Курловъ не при чемъ. Если виноватъ Курловъ, а Кулябко выполнялъ его указанія, то нельзя обвинять Кулябко. Тутъ же во всемъ виноватъ Кулябко.

Курловъ, а также Спиридовичъ и Веригинъ виноваты развѣ въ томъ, что довѣряли Кулябкѣ. Но они не могли ему не довѣрять какъ по его положенію, такъ и по его опытности. И, во всякомъ случаѣ эта довѣрчивость неизбежна, тѣмъ болѣе при обиліи работы и не является ни преступленіемъ, ни бездѣйствіемъ власти. Ихъ дѣйствія можно подвести подъ ст. 410 и 411, влекущія за собой удаленіе отъ службы безъ суда.

Равнымъ образомъ, виноваты — помимо Кулябко — Спиридовичъ и Веригинъ. Они отговариваются формальностями, тѣмъ, что не ихъ дѣло и не ихъ миссія была вѣдать охранной. Когда дѣло идетъ о такихъ вопросахъ, оно касается всѣхъ гражданъ, а тѣмъ болѣе лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Они-то вѣдь знали, кто такой Богровъ-Аленскій, знали и по дѣламъ его со словъ Кулябко, и въ лицо,

видѣли Богрова въ театрѣ и все же молчали. Всѣ данныя говорятъ за то, что со стороны всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ была преступная небрежность, бездѣйствіе, полное отсутствіе сознанія великой важности возложеннаго на нихъ порученія. Вина ихъ тѣмъ болѣе тяжка и не заслуживаетъ смяченія, что послѣдствія могли быть самыя тягостныя.

При голосованіи единогласіе получило лишь по вопросу о преданіи суду по указаннымъ оберъ-прокуроромъ Кемпе статьямъ подполк. Кулябки.

По отношенію къ ген. Курлову, Веригину и Спиридовичу— 6 членовъ Госуд. Совѣта высказались за примѣненіе 410 и 411 ст. (упущенія и нерадѣнія въ отправленіи должности) и устраненіе, согласно названнымъ статьямъ, отъ должности безъ преданія суду. Пять членовъ Гос. Совѣта и министръ внутр. дѣлъ А. А. Макаровъ высказались за преданіе суду и этихъ трехъ по 339 и 341 ст. ст. (преступное бездѣйствіе власти).

Такъ какъ на сторонѣ послѣднихъ былъ предсѣдатель 1-го департамента А. А. Сабуровъ, то большинство получило за преданіе суду всѣхъ обвиняемыхъ.

„Меньшинство“ настояло на томъ, чтобы въ журналъ, который будетъ представленъ на утвержденіе, было внесено и ихъ мнѣніе.

Формулировку обвиненія, сдѣланную въ заключеніи П. А. Кемпе, признано необходимымъ, въ виду неудачной ея редакціи, могущей стѣснить судъ слишкомъ детальнымъ перечисленіемъ проступковъ, вмѣняемыхъ въ вину обвиняемымъ, измѣнить, упростивъ ее и придавъ ей самую общую форму.

Съ этого момента дѣло Курлова и Ко. стало принимать весьма любопытный оборотъ. Защитники Курлова пустили въ ходъ всю свою закулисную силу, чтобы мнѣніе меньшинства восторжествовало. Происходила борьба. То сей, то онъ на бэкъ гнулся. И газетамъ приходилось чуть-ли не каждый день опровергать то, что было напечатано наканунѣ. Съ одной стороны, сообщались точныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ формальномъ ходѣ дѣла: о черновыхъ работахъ по составленію обвинительнаго акта; объ авторѣ его, оберъ-прокурорѣ Сената Кемпе; о томъ, что засѣданія верховнаго уголовного суда будутъ происходить въ Екатерининскомъ залѣ и что дѣло будетъ слушаться частью при открытыхъ дверяхъ, частью при закрытыхъ, тогда, когда будутъ разбираться вопросы, связанные съ техникой и порядкомъ охраны высокопоставленныхъ особъ; о времени слушанія дѣла (20-я числа февраля 1913 г.); и

даже о защитникѣ Веригина М. Г. Казариновѣ. Съ другой стороны утверждалось, что журналъ 1-го департамента Госуд. Совѣта утвержденія не получилъ, и дѣло въ отношеніи всѣхъ обвиняемыхъ, кромѣ Кулябко, будетъ прекращено или, въ другой версіи, что журналъ, будетъ утвержденъ, но всѣ обвиняемые, кромѣ Кулябко, будутъ помилованы, а ген. Курловъ получить высокое назначеніе. 31 декабря газеты сообщили, что журналъ будетъ утвержденъ. А 1 января 1913 г. стало извѣстно, что изъ состава 1-го департамента Гос. Совѣта были два члена лѣваго крыла, Н. С. Таганцевъ и Н. Э. Шнеманъ, понизивъ такимъ образомъ количество членовъ департамента до 10, изъ которыхъ сторонниковъ преданія всѣхъ обвиняемыхъ суду образовалось меньшинство, а только одного Кулябко — большинство. Дѣло Курлова и Ко., говорили газеты, теперь обезпечено.

6-го января петербургскія газеты заявили, что вопреки ранѣе напечатаннымъ свѣдѣніямъ, журналъ 1-го деп. Гос. Сов. утвержденія не получилъ. Въ этотъ же день московскія газеты опубликовали циркулировавшій въ кулуарахъ Гос. Сов. слухъ, что дѣло Курлова и Ко. получило уже окончательное разрѣшеніе: все дѣло прекращено безъ всякихъ послѣдствій для ген. Курлова, полк. Спиридовича и ст. сов. Веригина; Кулябко же рѣшено отстранить отъ службы.

Слухъ этотъ оправдался вполне.

ПЕРЕД ИМПЕРАТОРОМ

Эпизод, описываемый В. Н. Коковцовым на следующих страницах, имел место 14 октября 1912 г. в охотничьем уголье Спала под Варшавой, где Николай II отдыхал после торжеств, которыми в России была отмечена 100-летняя годовщина Бородинской битвы.

В. Н. КОКОВЦОВ

Мой докладъ затягивался, приближалось время къ завтраку. Государь сказалъ мнѣ:

«Отложите остальное до послѣ-завтрака; погода такая скверная, что никуда нельзя выйти, а у Меня на душѣ есть большой камень, который Мнѣ хочется снять теперь же. Я знаю, что Я Вамъ причину неприятности, но я хочу, чтобы Вы Меня поняли, не осудили, а главное не думали, что Я легко не соглашаюсь съ Вами. Я не могу поступить иначе. Я хочу ознаменовать исцѣлѣніе Моего Сына какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ и рѣшилъ прекратить дѣло по обвиненію генерала Курлова, Кулябки, Веригина и Спиридовича. Въ особенности Меня смущаетъ Спиридовичъ. Я вижу его здѣсь на каждомъ шагу, онъ ходитъ какъ тѣнь около Меня, и Я не могу видѣть этого удрученнаго горемъ человѣка, который, конечно, не хотѣлъ сдѣлать ничего дурного и виновать только тѣмъ, что не принялъ всѣхъ мѣръ предосторожности.

Не сердитесь на Меня, Мнѣ очень больно, если Я огорчаю Васъ, но Я такъ счастливъ, что Мой Сынъ спасенъ, что Мнѣ кажется, что всѣ должны радоваться кругомъ Меня, и Я долженъ сдѣлать какъ можно больше добра».

Для того, чтобы это обращеніе Государя ко мнѣ и мой отвѣтъ Ему были понятны, я долженъ напомнить, чѣмъ было вызвано обращеніе Государя ко мнѣ.

Послѣ смѣрти Столыпина отъ лули Багрова назначено было слѣдствіе черезъ Сенатора Трусевича, о чемъ я писалъ уже въ своемъ мѣстѣ; оно установило съ очевидностью вопіющую небрежность, допущенную четырьмя лицами: Товарищемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Курловымъ, Начальникомъ Кіевскаго Охраннаго Отдѣленія Кулябко, Вице-Директоромъ Департамента Полиціи Веригинымъ и, состоявшимъ при Курловѣ, подполковникомъ Спиридовичемъ. Совѣтъ Министровъ рѣшилъ предать всѣхъ ихъ суду.

Графъ В. Н. Коковцовъ, «Из моего прошлаго. Воспоминанія 1903-1919 гг.», в двухъ томахъ, Париж, 1933, т. II, стр. 116-118.

О В. Н. Коковцове см. примеч. на стр. 58.

Противъ этого не возражалъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Макаровъ. Покойный Министръ Юстиціи Щегловитскій былъ однимъ изъ ревностныхъ поборниковъ необходимости привлеченія ихъ къ суду.

Первый департаментъ Государственнаго Совѣта потребовалъ отъ нихъ объясненій и, находя ихъ совершенно неудовлетворительными, постановилъ испросить Высочайшее разрѣшеніе на преданіе ихъ Верховному Уголовному Суду послѣ разсмотрѣнія дѣла въ I-омъ Департаментѣ Правительствующаго Сената и назначенія имъ предварительнаго слѣдствія.

Рѣшеніе Государя по этому дѣлу ожидалось мною уже болѣе мѣсяца, и меня крайне озабочивало, почему такъ медлитъ Государь съ утвержденіемъ постановленія (меморіи) Государственнаго Совѣта, тогда какъ и я и Министры Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи неоднократно докладывали Ему это дѣло, и Государь прекрасно усвоилъ себѣ, казалось, ту мысль, что преданіе суду не предрѣшить окончательнаго рѣшенія дѣла. Оно требуетъ еще производства новаго полнаго слѣдствія черезъ Сенатъ, Верховный Судъ могъ придти къ совершенно другому выводу, и это рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, должно было идти на утвержденіе Государя.

Говоря со мною, Государь, видимо, волновался и смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, ожидая моего отвѣта. Я хорошо помню первую, сказанную мною слова.

«По Вашимъ словамъ», началъ я, «я вижу, Государь, что Вы приняли уже окончательное рѣшеніе и вѣроятно привели его уже въ исполненіе». Государь подтвердилъ это наклоненіемъ головы. «Мои возраженія будутъ, поэтому, совершенно безцѣльны и только огорчать Васъ въ такую минуту, которой я не хотѣлъ бы ничѣмъ омрачить. Но я долженъ высказать Вамъ то, что лежитъ у меня на душѣ, и не съ тѣмъ, чтобы склонить Васъ переменить Ваше рѣшеніе, а только для того, чтобы Вы не имѣли повода упрекнуть меня въ томъ, что я не предостерегъ Васъ отъ вредныхъ послѣдствій Вашего великодушнаго шага. Ваше Величество, знаете, какъ возмущена была вся Россія убійствомъ Столыпина и не только потому, что убить Вашъ вѣрный слуга, но еще болѣе потому, что съ такою же легкостью могло совершиться гораздо болѣе несчастіе. Всѣмъ было ясно до очевидности, что при той преступной небрежности, которая проявилась въ этомъ дѣлѣ, Батровъ имѣлъ возможность направить свой браунингъ на Васъ и совершить овоа злоа дѣло съ такою же легкостью, съ какою онъ убилъ Столыпина. Все, что есть вѣрнаго и преданнаго Вамъ въ Россіи, никогда не помирится съ безнаказанностью виновниковъ этого преступленія, и всякій будетъ недоумѣвать, почему остаются безъ преслѣдованія тѣ, кто не обрѣталъ Государя, когда каждый день

привлекаются къ отвѣтственности неизмѣримо менѣ виноватые, незамѣтные агенты правительственной власти, нарушившіе свой служебный долгъ. Вашихъ великодушныхъ побужденій никто не пойметъ, и всякій станетъ искать разрѣшенія своихъ недоумѣній во вліяніи окружающихъ Васъ людей и увидитъ въ этомъ, во всякомъ случаѣ, несправедливость.

И это тѣмъ хуже, что Вашимъ рѣшеніемъ Вы закрываете самую возможность пролить полный свѣтъ на это'темное дѣло, что могло дать только окончательное слѣдствіе, назначенное Сенатомъ, и Богъ знаетъ, не раскрыло ли бы оно нѣчто большее, нежели преступную небрежность, по крайней мѣрѣ, со стороны генерала Курлова.

Если бы Ваше Величество не закрыли теперь этого дѣла, то въ Вашемъ распоряженіи всегда была бы возможность помиловать этихъ людей въ случаѣ осужденія ихъ. Теперь же дѣло просто прекращается, и никто не знаетъ и не узнаетъ истины. Будь я на мѣстѣ этихъ господъ и подскажи мнѣ моя совѣсть, что я не виновенъ въ смерти Столыпина и не несу тяжкаго укора за то, что не сберегъ и моего Государя, я просто умолялъ бы Васъ предоставить дѣло своему законному ходу и ждалъ бы затѣмъ Вашей милости уже послѣ суда, а не передъ слѣдствіемъ».

Государь внимательно выслушалъ меня и оказалъ мнѣ:

«Вы совершенно правы. Мнѣ не слѣдовало поступать такъ, но теперь уже поздно. Я сказалъ Спиридовичу, что Я прекратилъ дѣло и вернулъ меморію Государственному Секретарю. Относительно Курлова Я увѣренъ, что онъ, какъ частный человѣкъ, самъ подастъ въ отставку, и Я прошу Васъ передать Мои слова Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Васъ же прошу, Владиміръ Николаевичъ, объяснить въ Совѣтѣ Министровъ, чѣмъ Я руководствовался, и не судить Меня. Повторяю — Вы совершенно правы, и Мнѣ не слѣдовало поддаваться Моему чувству».

ПЕРЕД ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Из материалов Чрезвычайной следственной комиссии

Чрезвычайная Следственная Комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств была учреждена Временным правительством 5(18) марта 1917 под председательством московского присяжного поверенного Н. К. Муравьева и действовала до Октябрьской революции. Ее задачей было собрать обвинительный материал для проведения беспрецедентного в истории судебного процесса (за три десятилетия до Нюрнбергского) над руководителями свергнутого режима. В том, что Россия при царе управлялась преступниками, врагами собственного народа и даже прямыми немецкими агентами — Временное правительство не сомневалось. Об этом давно говорил, по словам Милюкова, «инстинктивный голос всей страны».

Но начались допросы, и ко всеобщему разочарованию перед комиссией предстали малозначительные, средней руки чиновники, которым, в общем, если и было что инкриминировать на суде, то лишь явное несоответствие своему служебному положению. В газетах стали появляться заголовки: «Гора родила мышь». К середине лета в стране окончательно иссяк интерес к работам комиссии. Вопрос о немецких агентах встал тогда в новой и более актуальной плоскости: произошло июльское восстание большевиков — репетиция Октябрьской революции.

Материалы, собранные комиссией, частично опубликованы в книге: «Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства». Редакция П. Е. Щеголева, тт. I-VII, М-Л, 1924-1927.

ДОПРОС А. И. СПИРИДОВИЧА

28 апреля 1917 года.

Председатель. — Скажите вот что: когда в Киеве был убит Столыпин, вы были там?

Спиридович. — Да.

Председатель. — По должности вашей начальника охраны особы бывшего императора. Вы служили раньше в Киеве. Вы знали тогдашнего начальника киевского охранного отделения, одного из ваших преемников по должности, Кулябко?

Спиридович. — Кулябко женат на моей сестре. Мы с ним вместе учились.

Председатель. — Он жив, Кулябко?

Спиридович. — Он в полку, на фронте. Всю войну в полку.

Председатель. — Как его зовут?

Спиридович. — Николай Николаевич.

Председатель. — Скажите в общих чертах, какие совещания вы имели с Кулябко и Курловым по охране тогдашнего царя, и какое, в частности, вы имели отношение к Богрову и к выстрелу Богрова в этой истории, окончившейся смертью Столыпина?

Спиридович. — Относительно охраны императора я делал все то, что нужно было согласно инструкции.

Председатель. — Но сосредоточим ваше внимание на Богрове, на ваших совещаниях с Курловым и Кулябко, касающихся Богрова, и на всем том, что происходило в театре. Скажите в общих словах, что вам Богров сообщил?

Спиридович. — Это все было мною подробно указано на следствии. Разрешите предупредить, что я не могу все помнить и теперь могу спутать. Позвольте еще раз напомнить, что я был там начальником охраны, а не начальником розыска. Все мои обязанности относились к принятию мер по охране, к распределению нарядов охраны, к допуску в места посещения посторонней публики, — вот в чем состояли мои обязанности. Распределение мест в театре, билетов в театр — это меня не касалось, это лежало, с одной стороны, на местных органах, а затем был создан особый орган — бюро по выдаче билетов. Это бюро и вело дело.

Председатель. — Сообщите, пожалуйста, при каких условиях вы совершали эти поездки? Царь, например, едет в Киев — вы едете с целым отрядом?

«Падение царского режима», т. III, стр. 38-44.
Об А. И. Спиридовиче см. примеч. на стр. 267.

Спиридович. — На этот счет существует целая печатная инструкция.

Председатель. — Где она может находиться?

Спиридович. — В департаменте полиции, должно быть.

Председатель. — В каком отделе, — не помните?

Спиридович. — В особом отделе, должно быть.

Председатель (обращаясь к секретарю). — Нужно будет ее затребовать.

Спиридович. — Инструкция по охране государя императора при выезде из мест государственной резиденции.

Председатель. — А сколько человек бывало у вас в таких отрядах? Это — в зависимости от поездок?

Спиридович. — Да.

Председатель. — А сколько по вашей должности было филеров, которые следят?

Спиридович. — Извините, это не филеры. Это в наших разговорах очень различается. Филер это есть агент наружного наблюдения.

Председатель. — А у вас как они называются?

Спиридович. — Это называется охранник, агент-охранник или младший стражник, младший чин. Я так их называл. А филеры, это — специально агенты охранного отделения.

Председатель. — Сколько у вас таких агентов было?

Спиридович. — У меня их было 250 человек.

Председатель. — Это при выезде в Киев?

Спиридович. — Они и выезжали. Они прибавлялись из специальной команды. В Петербурге была специальная команда для охраны министров и лиц, которых нужно было охранять; вот оттуда и давали, когда было мало. Такой отряд был у меня. Он был сформирован, разбит на десятки, десятки соединены в команды, над командами были поставлены офицеры. Была принята чисто военная организация.

Председатель. — Жандармские офицеры?

Спиридович. — Так точно.

Председатель. — Каково было число командовавших офицеров?

Спиридович. — Это стояло в зависимости от того, в какую местность их приходилось командировать; а также в зависимости от того, сколько человек было в наличности и чего требовала топография.

Председатель. — Оставим теперь внешнюю часть, она определена. Коснемся внутренней — ваших свиданий с Кулябко и с Богровым.

Спиридович. — За несколько дней я обедал у Кулябко. Обедало несколько человек. Во время обеда Кулябко говорит: «Зайди в кабинет, выслушай, там у меня один молодой человек». Кончился обед, я пошел с Кулябко в кабинет, молодой человек был мне представлен. Кто он, я не знал, я его видел тогда впервые. И вот этот молодой человек, насколько помню, стал рассказывать при мне Кулябко о заговоре нескольких лиц; указал на партию социал-революционеров, сказав, что партия замышляет

убийство Столыпина. О государе ни одного слова не было сказано. Это продолжалось несколько минут. Кулябко предлагал вопросы, а я не помню, предложил я ему вопрос или нет. Еще Веригин пришел, кажется...

Председатель. — Веригин жив или нет?

Спиридович. — Жив. Он был тогда чиновником департамента полиции. Когда я ушел оттуда, выслушавши это, я предложил ему несколько вопросов, и потом на этом разговоре сенатором Трусеничем было построено целое обвинение меня в допуске Богрова в театр.

Председатель. — Зачем Кулябко позвал вас в кабинет?

Спиридович. — Может быть, он волновался.

Председатель. — Отчего же он волновался?

Спиридович. — Может быть оттого, что это было за несколько дней до приезда государя и самых торжеств. Я не знаю, зачем он меня позвал.

Председатель. — Вы обсудили с Кулябко заявление молодого человека?

Спиридович. — При Богрове я с ним ничего не говорил.

Председатель. — Но вы обсудили с ним эти вопросы?

Спиридович. — Тут ничего не было.

Председатель. — Вы подчеркиваете — тут, но мне важно знать не где это было, а что было.

Спиридович. — Потом, должно быть, были и обсуждения, не помню. Богров должен был, несколько времени спустя, еще нечто сообщить. Кто-то должен был, по его рассказам, приехать, он должен был сообщить, в какой дом приедут. Вопрос об установлении наблюдения меня не интересовал.

Председатель. — Понятно, что Кулябко волнуется: он начальник охраны, приезжает царь, приезжают министры, а молодой человек говорит ему, что есть предположение убить министра. Он естественно волнуется и приглашает вас, своего родственника; при Богрове вы ничего, конечно, не говорите, только слушаете рассказ. Но когда он ушел? Ведь то, что вы сейчас сказали — это не жизненно. Жизнь не допустила бы такого спокойного отношения к делу.

Спиридович. — Да, но Богров говорил о том, что будет.

Председатель. — Я так и понял и, вероятно, каждый понял бы, что ваш родственник и начальник охраны позвал вас, чтобы посоветоваться с вами.

Спиридович. — Потом, вероятно, это и было. Но я хочу остановиться на одном разговоре с Богровым.

Председатель. — Что говорил вам о Богрове Кулябко до того, как позвал вас в кабинет?

Спиридович. — Помню, Кулябко говорил мне, что этому человеку можно верить, потому что он с ним давно работает и вполне ему доверяет.

Председатель. — Богров был осведомителем по какой части?

Спиридович. — По партии социал-революционеров. Но помню, он говорил, что с ним можно вполне спокойно работать. Это была

аттестация Кулябко. . .

Председатель. — Вы говорите, что это было за сутки до театрального представления?

Спиридович. — Может быть. Я не помню, когда это было, но, во всяком случае, до приезда государя.

Председатель. — Вы говорите, что вы никакого участия в выработке плана, — как быть с этим, не принимали?

Спиридович. — Не помню. Разговоры безусловно были, потому что тут был товарищ министра внутренних дел Курлов с чинами департамента полиции.

Председатель. — Очевидно, был разговор с Курловым и с Веригиным по этому поводу?

Спиридович. — Веригин был чин департамента полиции.

Председатель. — Кто еще приезжал из чинов департамента полиции?

Спиридович. — Был Веригин, Сенько-Поповский.

Председатель. — Этим ваше участие и ограничилось? Потом вы были в театре и присутствовали при том, как Богров стрелял?

Спиридович. — Нет, виноват. Подходит день посещения государем театра. В 6 часов утра я выехал на маневры с бывшим государем верст за 50 и вернулся часа в два. Когда я прошел в общую столовую, то услышал там, что организация, о которой предупредил Богров, приехала. Виноват, это было известно нам, кажется, еще утром.

Председатель. — Утром в день спектакля?

Спиридович. — В день маневров. Я взволновался тем, что организация приехала, и уже наметил себе некоторый план в смысле переброски наряда. Когда я уезжал с маневров, я условился с дворцовым комендантом Дедюлиным, где я буду стоять при въезде в город и какой подам сигнал — куда государю ехать. Все это есть в показании на следствии. Стоя в Святошах, я должен был в зависимости от того, что я узнаю, махнуть таким образом, и шоффер должен был узнать, куда ехать. Цель была та, чтобы не везти государя императора по обставленным нарядами улицам.

Председатель. — Почему?

Спиридович. — Потому что, раз мы верили начальнику розыска в том, что прибыла террористическая организация, у меня не могло быть уверенности, что она будет оперировать именно против Столыпина, и я не мог подвергнуть этому риску государя.

Председатель. — Значит, вы допускали возможность, что эта организация будет действовать против бывшего императора?

Спиридович. — На это есть документы. Я сговорился с дворцовым комендантом, что я ему махну. Когда я вернулся и застал Курлова, я настоял на том, чтобы Курлов на бумаге сообщил дворцовому коменданту, что та организация, о которой он предупреждал дворцового коменданта, уже прибыла и хотя, по сведениям киевского охранного отделения, она наметила в качестве объекта своих действий министра, но можно опасаться выступлений ее и против государя. Вот смысл той бумаги, которая была послана коменданту.

Председатель. — Зачем нужно было писать такую бумагу?

Спиридович. — Чтобы дать почувствовать дворцовому коменданту, что они должны встрепенуться.

Председатель. — Зачем же бумага? Для этого достаточно было устного осведомления.

Спиридович. — Слишком верили серьезности этого. Во всяком случае это было сделано.

Председатель. — Вы хотели освободить себя от ответственности?

Спиридович. — Ответственность ни с кого этим не снималась.

Председатель. — Что же предпринималось, в виду серьезности положения, чтобы арестовать эту организацию?

Спиридович. — Этого я не знаю, потому что я все время был в разъездах, делом розыска и наблюдением за этой организацией я совершенно не мог интересоваться.

Председатель. — Но нельзя же допустить, чтобы вы этим не интересовались.

Спиридович. — Я очень интересовался, но не мог входить в это.

Председатель. — Но если вы этим интересовались, то что же вы сделали для расследования на предмет ваших распоряжений? Вы говорите, что направили царя по какой-то другой улице, — стало быть ваши собственные распоряжения стояли в зависимости от того, что вам удавалось узнать об этой организации.

Спиридович. — Не помню, видел ли я Кулябко. Может быть, когда я приехал с маневров, с ипподрома, Кулябко сказал, что допустить проезд государя можно.

Председатель. — Вы участвовали в составлении упомянутой бумаги или Кулябко ее писал?

Спиридович. — Писал не Кулябко, писали ее я и Курлов. Кулябко тут не было.

Председатель. — Все-таки на основной вопрос вы не ответили. Положение вещей было такое: утром приехала организация, вы заведуете охраной царя, вы придавали этому серьезное значение, допуская, что объект замышляемого покушения, Столыпин, может быть заменен другим объектом—царем. Что же вы сделали, чтобы узнать, арестована эта организация или нет?

Спиридович. — Очевидно, я спрашивал Кулябко и, должно быть, он ответил мне, что этой организации в действительности нет. Возможно было, что эта организация существует только в мыслях Богрова. Он говорил, что организация приехала, что все они сидят у него в комнате, и их нельзя взять; кто-то придет вечером и будет что-то передавать.

Председатель. — Но когда вам рассказывали, что приехала организация, что она сидит в комнате Богрова, не выходит и потому ее нельзя взять, — как вам, опытному лицу охраны, не показалось это бабьими сказками? Ведь вы отлично знаете, что в тысячах случаев организацию брали в той комнате, где она сидит, что если организация не выходит на улицу, то это отнюдь не является в глазах охраны препятствием к тому, чтобы ее арестовать, потому что на улице как раз она может разбежаться, а тут ее можно захватить наверняка.

Спиридович. — Извините, тогда я не мог судить обо всем этом.

Я физически находился на улице, я делал свое дело и не мог . . .

Председатель. — Кроме физического дела, у вас было умственное, которое заключалось в том, чтобы исполнить вашу непосредственную задачу — охранять кого нужно в Киеве. Вы получили сведения, что эта организация приехала, как же вы не осведомились, арестована эта организация или нет?

Спиридович. — Моя работа заключалась в физической охране государя на улице при участии товарища министра внутренних дел и начальника охранного отделения с чиновниками.

Председатель. — Охрана царя от возможностей покушения на него — это дело физической охраны или какой-нибудь другой?

Спиридович. — Вся эта работа разделяется на два вида. Одной работой ведает охранное отделение, и я ею не ведал. Я теперь не помню, о чем говорил с Кулябко, но, во всяком случае, у меня не было времени вникать в это.

Председатель. — Председателей совета министров России убивали не каждый день. Это был все-таки исключительный случай. Вы стояли очень близко к этому делу. Вы, вероятно, очень волновались за участь вашего родственника Кулябко и за вашу собственную. Как же все обстоятельства этого дела не врезались в вашу память? Вы должны ясно помнить, как Богров в нескольких шагах от бывшего императора убил Столыпина, при чем мог убить царя.

Спиридович. — Я еще не дошел до этого, я могу вам описать весь день подробно.

Председатель. — Но вы помните только одно, что вы написали бумагу Дедюлину.

Спиридович. — Потому что утром все делалось без меня. Я потом из разговоров узнал. Утро для них всех было интересное. С семи часов утра до двух у них было свидание с Богровым, выработывался план действий. Все это делалось без меня.

Председатель. — У кого было свидание с Богровым?

Спиридович. — Все это есть во всеподданнейшем докладе. Но все это было без меня, потому что я в 7 часов уехал, вернулся с маневров в 2 — 3 и, что произошло за это время, я не знаю.

Председатель. — Но что вы делали с двух часов дня? Вы приехали, сошлись с Курловым и написали бумагу Дедюлину.

Спиридович. — И моментально уехал на ипподром, куда должен был приехать государь. Кажется, это был ипподром. Потом поехали в киевскую лавру, куда были направлены и мои наряды. Я метался, у меня не хватало внимания ни на что другое. Может быть, это было ошибочно, но я был слишком спокоен за Кулябку.

ДОПРОС М. И. ТРУСЕВИЧА

4 мая 1917 года.

Председатель. —

Скажите пожалуйста, вы производили расследование по поводу действий Курлова? Мы не будем касаться того, что выражено в вашем докладе. Нам бы хотелось спросить вас изустно, в нескольких словах, как вы, ревизовавший дело об убийстве Столыпина, относились к участию в этом деле Спиридовича, Кулябко и самого Курлова?

Трусевич. — Я не знаю, у вас был всеподданнейший доклад или черновик?

Секретарь. — Все производство.

Трусевич. — Мне задача была поставлена весьма узкая. В конце концов, это было производство расследования, по поводу убийства Столыпина, организации охраны его величества и высших должностных лиц в Киеве. Для меня, конечно, это было самое тяжелое дело, какое только выпадало на мою долю, потому что это был, можно сказать, вихрь предположений. Высказывались и крайние предположения — о злоумышлении убийства Столыпина ген. Курловым; другие говорили, что абсолютно ничего нет, что это просто примазка Кулябки. В этих пределах надо было найти ту точку, которая отвечала действительности. Было давление со всех сторон, но я считаю, что мы провели это дело довольно удачно. Ни в одну из крайностей не впали, а выяснили хорошую середину, которая дала основание для предания Курлова и его помощника суду за бездействие и превышение власти. Два обвинения было. Надо сказать, что обвинение было поставлено в государственном совете совершенно в соответствии с моим всеподданнейшим докладом. Хотя потом было произведено предварительное следствие сен. Кузьминым, но я старался вести расследование настолько объективно, а это не особенно часто бывает, что административное расследование вылилось в то самое обвинение, которое было в постановлении государственного совета. Я тогда лечился. Меня вызвали, не спрашивая моего согласия, как сенатора. Я явился и выяснил вопрос относительно того, какова моя задача, затем сразу обратился в департамент полиции и взял там дело. При этом оказалось, что департамент полиции был устра-

«Падение царского режима», т. III, стр. 230-232.

О М. И. Трусевиче см. примеч. на стр. 269.

нен от участия в этом киевском деле. Затем я отправился в Киев. Курлов и Веригин находились в Петербурге, Кулябко был в Кишене, а Спиридович в Ливадии, и мне приходилось разбрасываться. В Киеве я явился в охранное отделение и отобрал все документы. Затем приступил к допросу Кулябка. Кулябко давал крайне сбивчивые показания, и все вертелось на вопросе, был ли осведомлен Курлов о том, что агент Богров был допущен в театр. Я установил, что он еще два раза был в толпе, в которой находился Столыпин. Кулябко после упорных, с его стороны, записательств все-таки признал это. Я боялся, главным образом, что Кулябко свалит вину на Курлова и прикроется его приказанием. Поэтому, надо было вести дело чрезвычайно осторожно. В моем протоколе, я думаю, заметно, что в конце концов я вывел его на эту дорожку, мне стало ясно, что Курлов был осведомлен об этом. По отношению к Кулябке была обнаружена растрата с подлогом. Это дело было выделено и направлено, и он был осужден. Затем, относительно Курлова, было установлено, что Курлов был осведомлен о том, что агент был допущен в театр. Дело было поставлено чрезвычайно неудачно, проверки не было никакой. Я сам установил целый ряд фактов, которыми можно было проверить все заявления этого Богрова. Припоминаю, что там какой-то Николай у него на квартире сидел. Оказывается, там были прислуга, к которой один из филеров ходил в гости, и самое пребывание этого Николая в квартире можно было проверить 20 раз. И было бы обнаружено, что эта была сплошная ложь со стороны Богрова. Это я поставил в вину Кулябке.

Председатель. — Вы не ставили своей задачей установить, не был ли Курлов прикосновенен к самому факту убийства Столыпина?

Трусевич. — В каком смысле прикосновенен?

Председатель. — В том, чтобы он принимал некоторое участие?

Трусевич. — Т.-е., что это было организованное убийство? Я начал с этого. На этом вопросе пришлось остановиться, потому что в публике, в особенности в кругах близких к Столыпину, высказывалось это; но я должен сказать, что если бы даже подобного рода мысль и явилась, то она была бы выполнена как-нибудь иначе, а не так, как это было в данном случае, потому что привлечь к участию целый ряд людей, — это было бы совершенно...

Председатель. — Кого вы имеете в виду?

Трусевич. — Веригина, Спиридовича и Кулябку.

Председатель. — Могли быть свои люди.

Трусевич. — Я говорю, что если бы человек вел дело на умышленное убийство Столыпина, то они с Веригиным сделали бы как-нибудь иначе. Мне это представляется совершенно невыносимым. Затем я скажу одно: мотив какой-нибудь должен быть; занять место Столыпина — единственный мог быть мотив, потому что существовали ли какие-нибудь различия в их программе. я, по правде сказать, не знаю.

Председатель. — У вас не было указаний на то, что Столыпин был неприятен Распутину?

Трусевич. — Нет. Я тогда о Распутине ничего не слышал. Это было в 1911 году, — я тогда занимался географическим исследованием Кавказа, от этих сфер стоял далеко, и был ли тогда Распутин или нет, не знаю. Может быть я что-нибудь и слышал о каком-нибудь старце, но чтобы Распутин уже в то время влиял на государственное управление, — я сомневаюсь. Я останавливаюсь на этом вопросе, так как умышленное убийство было бы бесцельно, потому что устранять Столыпина, как политического противника, у Курлова не было оснований; значит, единственный мотив мог быть карьеристический. Но ведь этим убийством он губил себя, потому что, раз он охранял и при нем совершилось убийство, шансы на то, чтобы занять пост министра внутренних дел, падали, — он самую почву у себя из-под ног выбивал этим, и выбил...

Председатель. — На этом мы сегодня и кончим.

Трусевич. — Когда будет продолжение?

Председатель. — Я думаю через несколько дней, когда мы прочтем запись ваших объяснений.

ДОПРОС КУРЛОВА

6 мая 1917 года.

Председатель. — В 1911 году вы были в Киеве и, значит, при вас произошло убийство Столыпина?

Курлов. — Да.

Председатель. — Вы приехали туда за тем, чтобы принять меры к охране особы тогдашнего императора и высших должностных лиц от возможных террористических покушений: вы вошли, по этому поводу, в сношения как с начальником местной охраны Кулябко, так и с начальником дворцовой охраны — Спиридовичем?

Курлов. — Да.

Председатель. — Вам было известно указание Богрова, что предполагалось террористическое покушение и что агенты революционной организации приехали для совершения этого преступления в Киев?

Курлов. — Совершенно верно.

Председатель. — При чем вы знали, что Богров есть секретный сотрудник Кулябко?

Курлов. — Это последнее не совсем верно — бывший сотрудник . . .

Председатель. — Бывший, но в тот момент, в момент вашего приезда вновь что-то Кулябке донесший?

Курлов. — Сделавший ему какое-то заявление: он, так сказать, сделал ему новое заявление, но сотрудником не был . . .

Председатель. — Значит, как вы говорите, рошедший с ним вновь в сношения, после перерыва, и сделавший ему заявление? Это верно?

Курлов. — Верно.

Председатель. — Вы знали, что Богров будет на представлении в театре?

Курлов. — Безусловно, не знал.

Председатель. — Вы когда узнали, что готовится террористическое покушение и что Богров сделал о том заявление? Изложите это, пожалуйста, вкратце — в дополнение к тому, что у нас имеется в нашем распоряжении по этому вопросу.

Курлов. — Позвольте: только немножко, так — вкратце — нельзя сказать . . . Я приехал в Киев 14 августа и в ту же ночь со мной случился удар, так что я не выходил, но принимал и руко-

«Падение царского режима», т. III, стр. 190-198.

О П. Г. Курлове см. примеч. на стр. 267.

водил всем из моей квартиры, из гостиницы. Причем я должен сказать, что на меня, по высочайшему повелению, которое имеется, было возложено высшее наблюдение за охраной, а не непосредственное руководство розыском. Дело в том, что мне подробнейшим образом докладывали о всех обстоятельствах, которые, так сказать, могли нарушить мирное течение всех торжеств. За несколько дней — дня за четыре или пять (теперь трудно припомнить) — ко мне является полковник Кулябко и заявляет мне, что к нему явился его бывший сотрудник (буквальное выражение), который сказал ему, что готовятся террористические акты, может быть, даже и центральный, но, во всяком случае, на высших должностных лиц . . .

Председатель. — «Центральный»? Т.-е. вы имеете в виду покушение на царя?

Курлов. — Да. И что они имеют приехать, для того, чтобы его, этот акт, так сказать, осуществить. И этот Богров должен был им оказать услугу двоякую. Я, может быть, ошибаюсь, но мною было, в свое время, сенатору Шульгину сделано заявление. Следствие вел сенатор Шульгин. В моем показании сенатору Шульгину это все подробно изложено. Богров должен был им, приедем, предоставить квартиру и нанять им моторный катер, так как они, по каким-то соображениям, мне не известным (Кулябко мне не докладывал, ему, очевидно, не говорил Богров), предполагали ехать рекой.

Председатель. — Т.-е. все это — лишь утверждали Богров или Кулябко, потому что действительность потом обнаружила, что этого не было?

Курлов. — Да. Так как кагер должен был приехать в Кременчуг, то я распорядился послать отряд для наблюдения из Кременчуга, безусловно запретив въезд всяким катерам, а квартиру чтобы предоставили у жены или вдовы одного из бывших жандармских унтер-офицеров . . . Вот это был, так сказать, момент первый, который в себе ничего особенно тревожного не заключал. Но в тот день, когда Петр Аркадьевич приехал в город, я ему подробно доложил все эти сведения. Затем это дело заглохло, и новые сведения поступили только в день покушения.

Председатель. — Но как же такой вопрос мог заглохнуть? Вы приехали туда для охраны, за пять дней вам говорят, что приезжает террористическая организация, имеющая целью покушение, и вы говорите, что этот вопрос заглох. Как он мог заглохнуть?

Курлов. — Новых сведений не поступало. Был назначен отряд для наблюдения за Кременчугом: там никто не выезжал и катера не нанимал. Богров никаких сведений не давал. Так что в этом смысле я понимаю «заглох».

Председатель. — Теперь ясно. Дальше.

Курлов. — Так что новых сведений не поступало. Мне теперь очень мудро припоминать некоторые обстоятельства и подробности. Потому что тут еще произошло побочное обстоятельство. Кажется, дня за два до этого был арестован. . . не помню фамилии: он застрелился и сначала думали, не находится ли это в связи, но потом, безусловно, было установлено, что это в связи

не находится. Затем, в день покушения, утром, мне было доложено, что эта группа явилась в Киев не из Кременчуга, и что одно лицо находится на квартире у Богрова, и что, кажется, в 12 или в час, должны прийти другие лица и таким образом, так сказать, организовать покушение. На кого? Это еще не было определено. В 12 час. у меня был второй доклад: что не явились эти лица и что свидание лиц, приехавших, должно состояться на Бибииковском бульваре, если не ошибаюсь, — вечером, — т.-е. перед самым театром. Все меры, которые полагаются в таком случае, т.-е. наблюдение, были приняты — за квартирой Богрова. Я приказал поставить наблюдение: на самый серьезный пост — начальника наружного наблюдения и принял некоторые меры, так сказать, полицейского характера, т.-е. мы не знали, с чем мы имеем дело (это было не выяснено), а день был боевой: государь уехал утром на маневры, должен был вернуться в час дня, затем поехать на ипподром, где был смотр потешным, и хотел уже поехать в театр. . . Я доложил Петру Аркадьевичу подробно то, что мне доложил Кулябко. В час дня я сел в мотор и поехал по управлению царским поездом и, затем, увидел, что большая толпа собралась — в виду выстроенного наряда. Тогда я принял, может быть, очень резкую меру, которая мне иногда удавалась: я останавливался почти на каждом углу и говорил полицейским офицерам, бывшим в наряде, что, вероятно, государь не придет, что он задержится до вечера и что, поэтому, наряд снять. Наряд сняли, и тогда разошлась толпа. Я встретился с государем за городом и, как мне говорил командующий, он был очень удивлен, что проехал по пустой улице, где не было даже полицейского наряда — ни толпы, ничего. Засим, я предполагал отстаивать и отстаивал для проезда государя на ипподром закрытый экипаж, но он желал непременно поехать и поехал в открытой коляске, по тому пути, который был намечен раньше.

Председатель. — Вы, может быть, сократите немного эту часть и перейдете к другому моменту, который нас более интересует?

Курлов. — Т.-е. театр?

Председатель. — Пока еще не театр, а вот вы начали говорить, что приняли доклад по поводу террористической организации в 12 час., — а затем, что вы делали?

Курлов. — Затем я уехал встречать государя.

Председатель. — А далее?

Курлов. — Затем, я поехал с государем ко дворцу, поехал на ипподром. . .

Председатель. — А эту организацию вы потеряли из виду?

Курлов. — Как потерял?

Председатель. — Доклады вам не делали?

Курлов. — Дальше доклада не было, кроме сведений о Бибииковском бульваре.

Председатель. — Вы знали, что Богров член революционной партии?

Курлов. — Нет, я знал, безусловно, что он уже не член. . .

Председатель. — Кто же вам сказал, что он уже не член?

Курлов. — Полковник Кулябко.

Председатель. — Скажите, отчего вы, получив сведения о том, что один из приехавших революционеров у Богрова, не сделал распоряжения об его аресте?

Курлов. — По той причине, что мне нужна была вся группа, так или иначе, как мы знаем из практики, такие преждевременные аресты влекут . . .

Председатель. — Так что некоторое время этот человек должен оставаться на свободе?

Курлов. -- Он должен был оставаться на свободе до 7 часов вечера.

Председатель. — Вы сделали какое-нибудь распоряжение, чтобы эта группа была арестована в 7 часов.

Курлов. — Безусловно, сделал.

Председатель. — Кому?

Курлов. — Полковнику Кулябке.

Председатель. — Как мирится ваше утверждение о том, что вы знали, что он не состоит членом организации, с полученными вами сведениями о том, что, во-первых, этот человек предупрежден об этом, а, во-вторых, что члены революционной организации должны у него остановиться и он их должен встретить? Как вы знаете, по 102 статье, этого рода сношения и такого рода действия, как принятие к себе этих революционеров, составляют признак принадлежности к преступной организации, к преступному сообществу?

Курлов. — Вы хотите, чтобы я сказал . . .

Председатель.—Вы, на мой вопрос, сказали, что он не состоит членом организации, между тем, все факты, о которых вас предупреждали, они такого рода, что говорят о его принадлежности к этой организации: ибо если бы он был членом, эти факты не имели бы места.

Курлов. — Он был членом организации, затем вышел — так, по крайней мере, мне было доложено . . .

Председатель. — Но в тот момент, когда вам докладывали, он, повидимому, вступил в нее?

Курлов. — Юридически — вступил, несомненно.

Председатель. — И этот, юридически вступивший в организацию, член сообщества был отправлен в театр?

Курлов. — Никогда не был отправлен в театр. По крайней мере, я его в театр не отправлял. Никогда этого не разрешал, и это даже противоречит всем моим распоряжениям!

Председатель. -- По вашему мнению, это было самовольное действие Кулябки?

Курлов. — Безусловно!

Председатель. — Какое письмо около 3 часов этого дня вы и Спиридович написали по поводу того, что эти лица не приходят на квартиру Богрова?

Курлов. -- Кому письмо?

Председатель. — Вы не помните историю с этим письмом?

Курлов. — Я никакого письма не писал . . .

Председатель. — А вам не писали такого письма?

Курлов. — Не могу сказать . . . Положительно не помню . . .

Председатель.—Когда вы пришли на спектакль, что вы узнали

об этом юридически вступившем (а юридически он вступил потому, что он фактически вступил) в организацию человека, который состоял в сношении с Кулябкой и был раньше сотрудником?

Курлов. — Я, приехав в театр, ничего не знал...

Председатель. — Не хотели знать?

Курлов. — Я не мог знать — по обстановке: я приехал в театр, сопровождая государя, и вместе с ним вошел в партер.

Председатель. — Разве вы не потребовали доклада о том, как обстоит дело с этим молодым человеком?

Курлов. — Доклад я принял в первом же антракте: он (Кулябко) мне сказал, что свидание на Бибииковском бульваре не состоялось...

Председатель. — Я про этого молодого человека, про этого гостя, который пришел?

Курлов. — Что он у него находится, что наблюдение стоит и что об этом ему приехал доложить в театр Богров... Я приказал немедленно, чтобы Богров не смел отлучаться из квартиры, пока группа не будет выяснена.

Председатель. — Но как связать это с тем, что вам сказали, что Богров приехал в театр?

Курлов. — Да, по словам Кулябки, выходило так...

Председатель. — Значит, его отправили назад еще до доклада нам?

Курлов. — Да, по словам Кулябки, выходило так...

Председатель. — Вы помните, что именно до доклада Богров должен был уехать из театра, а не после?

Курлов. — Т.-е. после доклада мне?

Председатель. — Да.

Курлов. — Нет, по-моему, до доклада, насколько я теперь помню...

Председатель. — Так что вы продолжаете сейчас утверждать, что Богров без вашего ведома был отправлен в театр?

Курлов. — Безусловно!

Председатель. — Вы не знаете, зачем Кулябко, незадолго до этого убийства, вызывал другого своего сотрудника в Киев и рекомендовал ему взять с собою фрак и приехать?

Курлов. — Совсем не знаю...

Председатель. — Какие у вас были отношения с Васильевым, бывшим директором департамента полиции?

Курлов. — Когда, я, в 1906 году, был назначен временно исполнять обязанности вице-директора департамента полиции, то Васильев был заведующим особым отделом, и я с ним познакомился.

Председатель. — Значит, вы, после губернаторства, были назначены исполнять обязанности вице-директора департамента полиции?

Курлов. — Я был членом совета и исполнял обязанности вице-директора.

Председатель. — Сколько времени?

Курлов. — Восемь месяцев, — должно быть, в 1907 году...

Председатель. — Какие же у вас были отношения с Васильевым?

Курлов. — Я с ним познакомился впервые в департаменте

и отнесся к нему в высшей степени симпатично: он мне очень понравился, и наши отношения не прекращались все время. Затем, когда я был назначен товарищем министра, то он в это время не служил в департаменте полиции, а ушел опять в прокурорский надзор, и мы продолжали видеться постоянно.

Председатель. — Вы помните, что вы были с ним в переписке, когда он несколько позже (это было, кажется, в 1912 году) находился в Киеве?

Курлов. — Очень может быть... Я теперь не помню, но возможно.

Председатель. — Вы помните, что он вам какие-то деньги доставал?

Курлов. — Да. Такая переписка была, т.-е. я не знаю, была ли это переписка или это было устно, но это имело место.

Председатель. — Какое у вас составилось представление об убийстве Столыпина, — в отношении участия в этом деле Кулябко и Спиридовича?

Курлов. — Дело в том, что по отношению к участию Кулябки у меня взгляд такой, что Кулябко совершил тот легкомысленный и недопустимый поступок, который так свойственен, к сожалению, офицерам розыска: это полное доверие к своим сотрудникам, — настолько сильное, что они рискуют своей собственной жизнью... Если разрешите, я вам иллюстрирую сейчас примером.

Председатель. — Примером Карпова?

Курлов. — Да.

Председатель. — К этому перейдем позже... Значит, Кулябко совершил поступок легкомысленный?

Курлов. — Рассчитывая на то, что это даст прекрасные результаты...

Председатель. — Какие результаты?

Курлов. — В том смысле, что, если кто-нибудь из этой группы лиц появится в театре, они будут своевременно задержаны и, таким образом, будет предупрежден террористический акт...

Председатель. — Вы не знаете, что есть прием, хорошо известный многим русским гражданам, жившим при старом режиме: арестовывали человека и потом оставались в его квартире и устраивали засаду? Почему этот прием не был применен в отношении Богрова и его товарища-революционера, относительно которого он говорил, что тот находится в его квартире?

Курлов. — По той причине, что если бы должны были пойти в квартиру, — этот прием можно было применить, но, когда они отказались пойти в квартиру и свидание должно было быть на Бибиковском бульваре, то эта мера повлекла бы за собой...

Председатель. — Вам сообщили, что один революционер пошел туда?

Курлов. — Мне нужен был не один, а целая группа...

Председатель. — Но, позвольте, для этого именно и делали «засады». Скажем, живет студент, — пошлют полицию и его арестуют, а на квартире сидят. Звонок, приходит другой — другого арестовывают, и так просиживают по неделям.

Курлов. — Тут высиживать некогда было: тут шел вопрос о сегодняшнем вечере!

Председатель. — Но, не сделав этого, вы сделали то, что агент Кулябки пошел на место стрелять в Столыпина!

Курлов. — Дело в том, если бы мы их арестовали, засада не дала бы результатов: потому что они не собирались прийти...

Председатель. — Но вы же об этом не знали?

Курлов. — Напротив, — знали, что они туда не придут, а свидятся на Бибииковском бульваре.

Председатель. — Почему же не следили за Богровым и другим человеком?

Курлов. — За другим человеком нельзя было следить, потому что он из квартиры не выходил.

Председатель. — Тогда что же препятствовало взять его на квартире? Не руководило ли здесь, главным образом, стремление не предупредить преступление, а поймать человека в положении, более близком к виселице?

Курлов (прерывает). — Безусловно, нет...

Председатель (продолжает). — Ибо если задержать на квартире, то он может пойти лишь за сообщника, а вот если застать на месте преступления, то будет налицо покушение, и тогда можно повесить...

Курлов. — В этот момент я об этом совершенно не думал... Я думал только о безопасности лиц, которые мне были поручены!

ДОПРОС ГРАФА В. Н. КОКОВЦОВА.

25 августа 1917 г.

Председатель. — Может быть, мы начнем с некоторых частных фактов, а именно с убийства Столыпина, потому что это как раз было перед вашим назначением на пост председателя совета министров. Не можете ли вы припомнить, что вам было известно об обстоятельствах этого убийства?

Кокковцов. — До самого поранения?

Председатель. — Быть может, до этого времени. Что вы знали о готовящемся убийстве?

Кокковцов. — Я ничего не знал до самого момента выстрела в театре первого сентября. Должен начать вам с того, что я приехал в Киев, как и все министры, вызванные Столыпиным, по специальному поводу. В Киеве предполагался съезд деятелей новых северных и юго-западных земств. Я приехал (сейчас не припомню числа) около 28-го августа, день спустя после прибытия туда Столыпина. На следующее утро я отправился к нему. Мы жили на одной и той же улице. Он помещался в доме генерал-губернатора, я — в доме конторы государственного банка. 28-е и 29-е августа прошли без всяких инцидентов. Мы виделись постоянно, вместе ездили. Он был очень внимателен тогда ко мне. Были особые причины, которые побуждали проявлять несколько большее внимание. Во всяком случае, среди очень трудных переездов, которые были в Киеве, — отыскание экипажа, затем во-время попасть, во-время вернуться домой, — я постоянно видел около себя внимание с его стороны, и мой экипаж всегда следовал за ним. 30-го августа (быть может, в дне ошибаюсь), 30-го или 31-го августа, одно из двух, я в условное время приехал к нему в моем экипаже через улицу, чтобы отправиться вместе на скачки, и был удивлен просьбой сесть в экипаж к нему. На вопрос мой, почему он хочет ехать со мной вместе, он говорит: «Вы знаете, трудно с экипажем возиться, и кое о чем переговорить вместе будет удобнее». И вот с этого момента, с момента, что мы поехали на скачки, где, как потом оказалось, Богров его караулил, все время мои разъезды происходили в экипаже Столыпина, я был с ним вместе. Он не делился со мной ничем до нашего отъезда в театр, до момента выезда моего из дома генерал-губернатора. 1-го сентября я обедал

«Падение царского режима», т. VII, стр. 88-92.
О В. Н. Кокковцове см. примеч. на стр. 58.

не у него, а в гостинице с товарищами по учебному заведению, в котором я воспитывался. Мы условились, что я заеду к нему перед театром. Мы поехали вместе. Он сказал: «Вот в чем дело. Я не хочу, чтобы это разглашалось, но есть глупые сведения, что какое-то готовится покушение, лучше вместе». Я говорю: «Довольно нелюбезно с вашей стороны, что вы хотите непременно вместе». — «Извините, — говорит, — я в эту историю не верю, а наоборот, в городском отношении гораздо лучше, без всякого вмешательства». Вот единственное, что было до момента выстрела в него Богровым. Это обстоятельство имеет связь с другим эпизодом. Я должен был вечером уехать из Киева, 1 сентября. Мы условились, что он останется сопровождать государя в Чернигов, а затем вернется в Киев и уедет лишь после отъезда государя и его семьи. Я же спешил потому, что было самое горячее время заключения сметы. Бывшему чину государственного контроля известно, какая работа лежит на министре финансов по сводке росписи. Я не мог терять ни одного дня. Мы условились, что в театре простимся, и мои дела были устроены так, что я должен был ехать на вокзал прямо из театра. В последнем антракте, перед тем, как спектакль должен был кончиться, я подошел к Столыпину проститься. Он стоял, повернувшись спиной к сцене и лицом к зрительному залу, а рядом с ним стоял бывший министр Сухомятинов. Я подошел, пожал руку. При чем его последняя фраза была: «Как я вам завидую, что вы едете в Петербург! Возьмите меня с собой». Я говорю: «Сделайте одолжение! У меня лошадь здесь (автомобиля не было), лошадь моя здесь, милости просим! В вагоне мое отделение в вашем распоряжении». Это было последнее, что я от него слышал. Затем, отойдя от него, я подошел к заднему поперечному проходу, где сидел старик управляющий конторой государственного банка и его жена, у которых я пользовался гостеприимством в течение четырех дней, подошел, чтобы проститься с ними. В это время слышу выстрел. Побежал к нему одним из первых и присутствовал при том, как сбитого с ног Богрова уносили в одну сторону, а Столыпина увозили в лечебницу доктора Маковского. И затем я был почти до самой кончины при нем безотлучно.

Председатель. — Скажите, назывался Курлов в руководящих кругах возможным кандидатом на пост министра внутренних дел еще до смерти Столыпина?

Коковцов. — Я этого не думаю, потому что никогда в высшем кругу, т.-е. от носителя верховной власти, ничего подобного не слышал. Должен заметить, что в течение многих лет я пользовался большим доверием и большим расположением, вниманием. При разговоре со мной мне сообщали иногда разного рода мысли, предположения. Но этого никогда не слышал. Ген. Курлова проводила, вероятно, группа «Гражданина» Мещерского. Из этой среды Мещерского и присных его слухи исходили и, вероятно, находили (я «Гражданина» читал, правда, но в памяти всего не удержал) отклик и в Дневнике «Гражданина».

Председатель. — А около сентября 1911 года не стал ли мусси-

роваться слух, — может быть, этим кружком или какими-нибудь отдельными лицами, — что Курлов возможный заместитель Столыпина на посту министра внутренних дел?

Коковцов. — Этого я не могу сказать, потому что около сентября 1911 г. и вообще летом Столыпин проводил значительную часть времени у себя в имении. Приезжал на короткий срок. Я знаю потому, что был заместителем его по закону (на основании 4 ст. положения о совете министров) и фактически вступил в управление делами совета еще в момент поранения, до указа 2 сентября. Так что о слухе я не знаю, хотя впечатление у нас у всех, сотрудников Столыпина, было такое, что дни его сочтены, что он в Киев едет если не пропеть свою лебединую песню, то в предвидении ухода. По крайней мере, в тот день, когда я приехал и спросил его, как он себя чувствует, он сказал: «Я чувствую себя здесь, как татарин вместо гостя. Нечего нам с вами здесь делать». Но не могу сказать, чтобы слухи приурочивались к Курлову.

Председатель. — Вам не приходилось беседовать с бывшим императором по поводу смерти Столыпина и по поводу отношений Столыпина и Курлова?

Коковцов. — Столыпина и Курлова? Нет. По поводу смерти Столыпина, конечно, потому что бывший император до самой кончины первого в это не верил. 2-го сентября я приходил со всеподданнейшим докладом во дворец, с докладом, который был заготовлен еще Столыпиным. Столыпин, смертельно раненый (он был ранен в 10 ч. вечера 1-го сентября, а пуля вынута ночью в 3 часа), в 8 часов утра позвал меня в комнату и, сильно страдая, среди стонов, обратился с просьбой взять ключ из жилета, открыть портфель в его кабинете и там найти срочный доклад, который был заготовлен, и который я, 2-го сентября, доложил бывшему императору, и тогда же я сказал ему, что Столыпин не жилец. Император не верил. Он не верил 3-го, не верил 4-го. И в этом его поддерживал доктор Боткин, который ездил постоянно в больницу и передавал хорошие вести. У меня, бывшего в больнице и слышавшего рассказы врачей, которые там находились, у меня не посвященного, а просто обывателя, который разбирается в разного рода явлениях, ясно составила картина, что у раненого перебита печень, и он должен умереть. Император этому не верил. Он уехал в Чернигов 4-го, на маневры под Киевом и был удивлен, когда, 5-го сентября, я ему послал известие, что Столыпин при смерти.

Председатель. — Как же он отнесся к факту поранения Столыпина?

Коковцов. — Он был очень взволнован и проявил горячее участие. Каждый раз, когда я старался говорить о том, что нужно вызвать жену Столыпина, постараться окружить его вниманием и предупредительностью, видно было, что он очень взволнован. Но, как всегда, очень сдержан; он не был экспансивен.

ВТОРОЙ ДОПРОС ГРАФА В. Н. КОКОВЦОВА

11 сентября 1917 года

Председатель. Будьте добры в нескольких словах остановиться на сущности того Вашего доклада, относящегося ко времени убийства Столыпина в Киеве, в связи с погромами. Вы изволили уже и раньше сказать, что тут назревали события, о которых мы не знали, которые Вам удалось предотвратить тогда.

Кокковцов. Столыпин был смертельно ранен в 11-м часу вечера. Перевозка его в больницу, помещение его в постель, затем осмотр раны — все это заняло очень много времени. Я находился при нем безотлучно и мог выйти из лечебницы Маковского только в три часа ночи. Когда я собирался оттуда выходить, какой-то полицейский чин мне сказал, что ген. губернатор меня ждет у себя и спрашивает, могу ли я его принять, хотя бы ночью, в моем помещении. Взявши извозчика, поехал прямо к Трепову и застал у него помощника командующего войсками бар[она] Зальца. Трепов мне сказал, что, по всем сведениям, которые у него имеются, назревает еврейский погром на утро, что у него в распоряжении полиции очень мало, что жандармские силы совершенно ничтожны, а город без войска, что войска вызваны на маневры. Маневры должны были происходить, начиная с вечера следующего дня, со второго сентября. Доклад мой монарху должен был происходить, кажется, половина второго или в два часа дня 2 сентября. Зальца немедленно уехал, сказав при этом, что никаких войск дать не может, что в его распоряжении войска не имеется, что Трепов должен распорядиться, как ему угодно. Мы остались вдвоем, стали обсуждать положение. Он вновь удостоверил, что погром неизбежен, что у него есть 40—50 человек городских и больше ничего нет и не ожидает. Незвирая на то, что бар[он] Зальца только что уехал, я поехал на квартиру и потребовал, чтобы с маневров были вызваны к утру в Киев два казачьих полка. Бар[он] Зальца отказал мне, сказавши, что это зависит от командующего войсками ген[ерала] Иванова, а Иванова уже не оказалось в Киеве. Он выехал на место маневров, и не зная, в какую сторону. Ввиду большой с моей стороны назойливости, [потому] [что] я не мог ехать в николаевский дворец будить монарха и получить от монарха разрешение, я договорился с бар[оном] Зальца в том смыс-

Из публикации: Интересная находка. Свидетельские показания графа В. Н. Кокковцова в Чрезвычайной следственной комиссии 11 сентября 1917 г. Журнал «Вопросы истории» (Москва), № 4, 1964, стр. 103-104.

Эти показания не вошли в семитомник «Падение царского режима». В предисловии к первому тому редактор П. Е. Шеголев писал: «Наше издание воспроизводит 87 допросов и показаний; одного допроса — графа В. Н. Кокковцова — от 11 сентября (это второй допрос Кокковцова; первый, от 25 августа, вошел в наше издание) в нашем собрании не оказалось, и мы, несмотря на все старания, не могли разыскать его».

Показания В. Н. Кокковцова обнаружались в Центральном государственном архиве Октябрьской революции.

О В. Н. Кокковцове см. примеч. на стр. 58.

ле, что беру на себя ответственность вызова двух полков, что, если монарх будет недоволен, то мною, а не им, что войска будут вызваны. Я сослался на ст. 4 положения совета министров, хотя ссылка была не вполне лишена отсутствия законности, что я делаю это именем председателя совета министров, должность которого я исправляю, хотя никакой власти преспрядительной как председатель совета министров не имел, и все-таки обратился к нему с прямым требованием. Тогда он сказал, что требованию подчиняется и договаривается, что он берет с меня слово доложить монарху, что я от него потребовал, невзирая на его протест, и снимаю с него ответственность, что на манерах не будет двух полков. Таким образом, была дана телеграмма ночью бар[оном] Зальца ген[ералу] Иванову, которую он прочел в телефон по настойчивому требованию, со ссылкой, что я беру ответственность пред монархом, должны быть спешно в походном порядке высланы два казачьих полка, которые должны прийти не позже семи-восьми часов утра. Полки прибыли в начале восьмого часа утра, и погрома в Киеве не было. Это ли остановило — судить не могу. Думаю, остановило прибытие в Киев на Подол двух казачьих полков. А выезд еврейского населения настолько начался, что ночью было в полном смысле переселение евреев из Киева. Станция Киев и площадь перед станцией на следующее утро, когда в 10 часов [утра] я был там, представляли собою сплошное море голов, возов, подушек, перин. Поэтому мне на докладе пришлось этого вопроса коснуться, принять на себя ответственность, что я распорядился и, быть может, превысил власть, но что я должен был это сделать, что недопустима вещь, чтобы погром произошел в том городе, где находится император и его семья. Я должен сказать, что получил полное одобрение и при этом получил разрешение разослать по всем губерниям Северо- и Юго-Западного края, в черте еврейской оседлости, ту телеграмму, которая мне потом была поставлена в вину статьями «Киевлянина» и статьями Меньшикова в «Новом Времени», которые говорили, что я после смертельного поранения Столыпина занимался только тем, что спасал евреев от того гнева, который они заслужили. Я был называем весьма недвусмысленными именами. Я знаю, что потом это было принято к учету и повторялось в «Гражданине» и, очевидно, повторялось в целом ряде докладов, которые последовали из этого источника. Тогда мне пришлось широко осветить в этом докладе вопрос еврейский, как он стоял в ту пору, и о значении погромов с точки зрения власти государственной. Я должен сказать, что я освещал не только открыто и откровенно, но даже несколько не выбирал ни выражений, ни рамок доклада.

Председатель. У Вас были данные предполагать, что не только в Киеве, но и в других местностях готовятся погромы?

Коковцов. Я получил телеграммы из шести губерний в течение следующего дня, утром и вечером. 2 сентября я получил из Херсона и Могилева. Во всяком случае, я получил шесть телеграмм после моего доклада. Мне в особенности вменялось в вину конец телеграммы, которой я вменял в обязанность губернаторам принять меры в предотвращение погромов, не стесняясь мерами, какие будут нужны, вплоть до употребления оружия. Это в особенности ставилось мне в вину, что я, защищая евреев, будто бы дал возможность проливать христианскую кровь.

Председатель. Вы можете воспроизвести весь текст этой телеграммы?

Коковцов. Это наспех делалось. Телеграмма была приблизительно такая. «В связи с событиями, происшедшими в Киеве и закончившимися смертельным поранением статс-секретаря Столыпина, до сведения моего доходит о готовящихся еврейских погромах в отдельных местностях. Обращаю внимание вашего превосходительства (то есть губернатора) на совершенную недопустимость подобного рода явлений. Всякие погромы и всякие насильственные действия одной части населения против другой должны быть признаваемы преступлением, и власть существует для того, чтобы преступления не допускалось, какими бы мотивами оно ни выражалось. Поэтому, по предварительному моему докладу его величеству, предлагаю вашему превосходительству войти немедленно в сношение со всеми местными войсковыми частями и принять под личную вашу ответственность меры к устранению всякого рода насильственных действий, в связи с событиями в Киеве, из коих бы побуждений и источников они ни происходили и на какую бы часть населения они ни были направлены. В порядке принятия этих мер вы должны доходить до пределов, допускаемых законом, не исключая и применения оружия». Вот эта телеграмма была мне поставлена в вину и в течение долгих месяцев и лет я служил мишенью для нападок известной печати.

НА СМЕРТЬ СТОЛЫПИНА

Памятник П. А. Столыпину, открытый 1 сентября 1912 г. перед зданием Киевской городской думы. Разрушен в дни Февральской революции. После Октября родственники и друзья Богрова хлопотали об установке на его месте памятника убитого Столыпина, но власти им отказали, опасаясь антисемитских волнений в городе. В 1923 г. здесь был открыт памятник Карлу Марксу, разрушенный, в свою очередь, в годы войны вместе с зданием бывшей думы.

А. И. ГУЧКОВ

«Мы потеряли Столыпина, но оцѣнить все послѣдствія этой потери сейчасъ слишкомъ трудно, однако же для пониманія момента необходимо вспомнить, кто такой былъ Столыпинъ и чѣмъ онъ былъ цѣненъ.

«Прежде всего Столыпинъ былъ искреннимъ, убѣжденнымъ и горячимъ сторонникомъ народнаго представительства; въ своей дѣятельности онъ одинаково горячо и энергично отстаивалъ народное представительство отъ тѣхъ опасностей, которыя грозили ему съ двухъ сторонъ. Онѣ грозили ему слѣва, со стороны революціоннаго натиска, и въ этомъ смыслѣ актъ 3-го іюня, передавшій работу народнаго представительства въ руки спокойныхъ умѣренныхъ элементовъ, привыкшихъ къ созидательной работѣ въ учрежденіяхъ земскаго и городского самоуправления, было актомъ спасительнымъ для самой идеи народнаго представительства.

«Но когда революціонная война улеглась, Правительство оправилося и почувствовало, что матеріальная сила у него снова въ рукахъ, то народному представительству

Речь А. И. Гучкова, произнесенная 3 октября 1911 в Петербургском Клубе общественных деятелей, опубликована в книге: «Государственная деятельность П. А. Столыпина», Сост. Е. В. [Е. Вернаховская], т. III, Спб, 1911, стр. 281-284.

Александр Иванович ГУЧКОВ (1862-1936) — основатель и председатель партии октябристов («Союз 17 октября»). С марта 1910 по март 1911 председатель III Думы. 2(15) марта 1917 принял, вместе с В. В. Шульгиным, отречение Николая II. С того же дня по 2(15) мая 1917 военный министр Временного правительства. С 1918 в эмиграции.

стала грозить опасность гораздо болѣе страшная—со стороны реакціонныхъ круговъ. Замѣчательна помѣтка, сдѣланная Столыпинымъ на письмѣ извѣстнаго раскаявшагося революціонера Льва Тихомирова, писавшаго ему о томъ, что можно было бы, воспользовавшись моментомъ успокоенія, законодательныя учрежденія превратить въ законосовѣщательныя. Столыпинъ на этомъ письмѣ сдѣлалъ помѣтку, что это была бы «злая провокація».

«Искренній сторонникъ народнаго представительства, Столыпинъ въ то же время былъ истиннымъ демократомъ, такъ какъ полагалъ, что твердою основою государственныхъ началъ въ народныхъ массахъ должно быть обеспеченное благоустроенное крестьянство. Въ этомъ направленіи Столыпинымъ былъ частью проведенъ, частью предпринятъ рядъ серьезнѣйшихъ мѣръ. Достаточно указать на широкое развитіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ и кассъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на такіе законопроекты, какъ законопроекты о поселковомъ и волостномъ самоуправленіи.

«Было время, когда либерально-просвѣщенные круги русскаго общества, увлеченные организаціей и устройствомъ мелкой земской единицы, страстно этого добивались, а дореформенныя административныя власти всѣми силами этому противодѣйствовали. Столыпинъ же самъ внесъ эти законопроекты въ законодательныя учрежденія.

«Столыпинъ былъ другомъ религіозной свободы: имъ внесены были въ Государственную Думу законопроекты, обеспечивающіе свободное исповѣданіе вѣры, свободный переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, старообрядческій законопроектъ.

«Если Столыпину не удалось провести эти законопроекты въ жизнь, то во всякомъ случаѣ въ административной области духъ и смыслъ этихъ законопроектовъ былъ широко использованъ

«Огромной важности дѣло было совершено Столыпинымъ въ области государственной обороны. Если взять состояніе государственной обороны пять лѣтъ назадъ и положеніе этого дѣла въ настоящую минуту, то между этими двумя моментами нѣтъ ничего общаго,—такъ много

работы здѣсь произведено. Но это могло быть сдѣлано при томъ обязательномъ условіи, что народные представители и глава Правительства идутъ совершенно дружно, не щадя силъ и труда.

«Столыпинъ любилъ Россію. Лица, близко его знавшія, обращали вниманіе на то, что когда онъ произносилъ слово «Россія», то произносилъ его такимъ тономъ, какимъ говорятъ о глубоко и нѣжно любимомъ существѣ. Всѣхъ поражала его изумительная всегдашняя готовность не только безгранично работать, но жертвовать собой для блага Родины.

«Не всегда мы были съ нимъ единомысленны, да и широкая своеобразная натура П. А. Столыпина не укладывалась въ рамки существующихъ партійныхъ взглядовъ. Поэтому, работая согласно съ нимъ или расходясь съ нимъ во взглядахъ, мы всегда уважали и цѣнили его глубокую искренность и благородство убѣжденій.

«Въ послѣднее время обнаружился совершенно ясный планъ охоты противъ Думы и Столыпина.

«Столыпина нѣтъ, текущая дѣйствительность заволакивается какой-то сѣрой пеленой, а на горизонтѣ вспыхиваютъ зарницы, и что дастъ намъ ближайшее будущее, предугадать трудно, но теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, нужно беречь народное представительство и въ ряды народныхъ представителей не вводить тѣхъ людей, которые своей политической дѣятельностью вели эту идею къ гибели».

В. В. ШУЛЬГИН

«**Диогеновъ фонарь**». «Ни о чемъ не хочется говорить, думать, писать... На минуту забудешься, но потомъ мысль снова возвращается къ этому блѣдному, выразительному, такъ знакомому лицу... Неужели это правда? Неужели его дѣйствительно нѣтъ уже съ нами? Кто-то сказалъ мнѣ вчера: «Знаете, у меня такое чувство, что случилось что-то очень важное и ужасное, и хочется заѣхать къ Петру Аркадьевичу и спросить его, какъ быть, понабраться силъ и увѣренности у того, кто никогда не терялъ мужества, и въ то же мгновенье я съ ужасомъ ловлю себя на томъ, какой трагическій вздоръ заключается въ этомъ невольномъ привычномъ чувствѣ»...

«Нѣтъ Петра Аркадьевича, къ которому можно было бы броситься съ этой ужасною вѣстью, что умеръ Столыпинъ... Всегда ужасы совершались вокругъ него, а онъ, онъ былъ прибѣжище... А теперь именно это прибѣжище, этотъ утесъ, твердый, какъ гранитъ, и прекрасный, какъ мраморъ, смыло въ море. Но руки по привычкѣ протягиваются къ знакомой скалѣ и обхватываютъ роковую пустоту.

Статья «Диогеновъ фонарь», опубликованная в газете «Киевлянин», перепечатана в книге: «Государственная деятельность П. А. Столыпина». Сост. Е. В. [Е. Вернаховская], т. III, СПб, 1911, стр. 218-223.

Василий Витальевич ШУЛЬГИН (1878-1976) — лидер думской фракции националистов, сотрудник газеты «Киевлянин». 2(15) марта 1917 принял, вместе с А. И. Гучковым, отречение Николая II. В годы Гражданской войны участвовал в создании Добровольческой армии ген. Деникина. В 1920 эмигрировал. В 1944 захвачен в Югославии спецкомандой НКВД, привезен в СССР и заключен во Владимирскую тюрьму. В 1950 освобожден, оставлен пожизненно во Владимире на положении ссыльного.

«Кажется, первый разъ я увидѣлъ его въ тотъ знаменательный день, когда, послѣ обвала потолка въ Таврическомъ дворцѣ, засѣданія Государственной Думы происходили въ длинномъ залѣ Дворянскаго собранія. Я ясно помню его фигуру и лицо. Онъ стоялъ совершенно спокойно на каѳедрѣ и, облокотившись обѣими руками, въ которыхъ онъ держалъ свою знаменитую декларацію, говорилъ ее, то есть рассказывалъ, что и какъ онъ думаетъ сдѣлать для Россіи. Онъ говорилъ очень спокойно, очень благожелательно, почти ласково. Онъ говорилъ такъ, какъ будто передъ нимъ были люди, понимавшіе его, способные отнестись сочувственно къ его планамъ и намѣреніямъ, способные подвергнуть добросовѣстной критикѣ свитокъ реформъ, который онъ разворачивалъ передъ ними. Необычайная чуткость этого челоуѣка, та чуткость, которая такъ рѣдко дается, но безъ которой немыслимы политическіе люди, чуткость къ толпѣ, къ массамъ, пониманіе и умѣніе владѣть ими сказалась уже и въ этотъ день. Онъ отлично зналъ, кто сидитъ передъ нимъ, кто, еле сдерживая свое бѣшенство, слушаетъ его. Онъ понималъ этихъ звѣрей, одѣтыхъ въ пиджаки, и зналъ, что таится подъ этими низкими лбами, какой огонь горитъ въ этихъ впавшихъ, озлобленныхъ глазахъ, онъ понималъ ихъ, но дѣлалъ видъ, что не понимаетъ. Онъ говорилъ съ ними такъ, какъ будто это были англійскіе лорды, а не компанія «Нечитайлъ», по ошибкѣ судьбы угодившихъ въ законодательныя кресла, вмѣсто арестантскихъ нарѣ. Ни малѣйшая складка презрѣнія, которое дрожало въ его сердцѣ, пережившемъ Аптекарскай островъ, не затронула его губъ. Спокойный, благожелательный, онъ съ большимъ достоинствомъ и серьезностью излагалъ планъ реформъ.

«Но только онъ кончилъ, звѣринецъ сорвался. Боже мой, что это было! Больше всего меня удивляетъ, однако, что выдержанный и умный Маклаковъ, который впослѣдствіи старался отмежеваться отъ господъ этого сорта, въ этотъ день по-товарищески работалъ вмѣстѣ съ ними. Какъ не стыдно было участвовать въ травлѣ одного тремястами, наравнѣ съ этимъ сбродомъ бывшихъ и будущихъ убійцъ,

грабителей, воровъ, негодяевъ и обманщиковъ! Но пальму первенства въ этотъ день, какъ, впрочемъ, и всегда, когда идетъ конкурсъ на звѣрство, заслужили азіаты. Никто не выказалъ столько необузданной, чисто животной, свирѣпой злобы, ни въ чьихъ глазахъ нельзя было прочесть столько ненависти, какъ въ этихъ черныхъ масляныхъ кружкахъ безъ зрачка, сверкающихъ всѣми переливами безнадежной тупости.

«Звѣринецъ завывалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Головинъ, голый, какъ колѣно, меланхолически, но совершенно равнодушно выслушивалъ этотъ потокъ, подпирая холодные глаза жесткими усами. Мы, небольшая кучка правыхъ, прекращали на мгновенье мутные потоки восточнаго краснорѣчія взрывами негодованія, но насъ было слишкомъ мало и мы были еще слишкомъ поражены и растеряны, чтобы дать имъ серьезный отпоръ. Насъ не слушали, надъ нами издѣвались презрительно и легкомысленно, и кровью чреватое краснорѣчіе лилось дальше. Тогда вдругъ, совершенно внезапно, случилось то, что сдѣлалось гранью между двумя процессами, что оказалось гребнемъ революціонной волны, той точкой, съ которой бунтъ пошелъ на убыль.

«П. А. Столыпинъ, сидѣвшій на своей красной бархатной скамьѣ въ продолженіе всѣхъ этихъ рѣчей, забрызгавшихъ его грязью и пѣной бѣшенства, сидѣвшій совершенно спокойно и безучастно, съ какимъ-то тусклымъ, почти отсутствующимъ выраженіемъ въ глазахъ, вдругъ попросилъ слова.

«Я помню эту минуту.

«Разъяренные и злобные, они не ждали этого. Они съ первой Думы привыкли къ безмолвію министровъ передъ революціоннымъ краснорѣчіемъ. П. А. Столыпинъ взошелъ на кафедру, съ виду такой-же, какъ прежде. Блѣдный, безстрастный, красивый. Но первыя же слова, которыя вырвались изъ его устъ, вдругъ показали многоголовому звѣрю, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Я не знаю и не видѣлъ, какъ укрощаютъ звѣрей, но должно быть ихъ укрощаютъ такъ.

«Его ораторскій талантъ, сила, образность и красота

сравненія и словъ, точно кованныхъ изъ бронзы, мѣди и серебра, въ этотъ день еще не развернулись во всей своей силѣ. Всѣ мягкіе металлы, глубокіе, нарастающіе и звенящіе, тогда отсутствовали. Въ тотъ день говорила сталь. Онъ говорилъ недолго. Нѣсколько словъ холодныхъ, но прозрачныхъ, какъ ледъ, словъ, которыми онъ безжалостно сорвалъ лживую кожу ненужныхъ, лишнихъ и затуманивающихъ фразъ съ того одного, что было важно въ ту минуту, важно потому, что это одно была правда. Это одно правдивое и страшное—была смерть. Четырехсотъ-головый звѣрь разными словами, въ разныхъ формахъ, разными способами грозилъ ему смертью. И не только ему, онъ грозилъ смертью всему тому, что защищать и чему служить присягнулъ министръ своему Государю. Они осмѣлились грозить Ему... И послѣ холодныхъ и прозрачныхъ, какъ льдина, словъ, резюмировавшихъ весь смыслъ ихъ дикихъ рѣчей, сверкнуло вдругъ, неожиданно и ослѣпительно, раскаленное желѣзо:

— «Не запугаете!!!»

«Онъ сдѣлалъ неуловимое и не передаваемое короткое движеніе головой и сошелъ съ каеэды.

«Маски были сброшены. Звѣря пробовали укротить ласковымъ взглядомъ, добрыми словами. Звѣрь не послушался. Тогда укротитель твердой рукою взялся за желѣзо.

«И звѣря укротили.

«Черезъ полъ-часа на улицахъ Петербурга люди поздравляли другъ друга.

«Россія могла потушить свой Діогеновъ фонарь: она нашла человѣка.

«Прошло пять лѣтъ: снова надо зажигать фонарь».

П. Б. СТРУВЕ

Покушение на П. А. Столыпина, приведшее къ трагическому исходу—убійству и казни, подымаетъ въ умѣ цѣлый рой мыслей и оживляетъ въ душѣ множество образовъ и картинъ изъ перваго, но бурнаго періода нашей конституціонной жизни...

Впервые въ Россіи было произведено „политическое“ убійство государственнаго дѣятеля, котораго столь многіе люди знали какъ живую индивидуальность, а не какъ отвлеченный знакъ нѣкой политической системы. „Конституція“ свела какъ-то министровъ на землю, сдѣлала ихъ, по крайней мѣрѣ физически, гораздо болѣе „близкими“ обществу—и это, по моему непосредственному ощущенію, разительно сказалось на впечатлѣніи, произведенномъ извѣстіемъ о выстрѣлѣ въ Столыпина. Сколько людей видѣло его своими глазами въ Государственной Думѣ, не говоря уже о томъ, что ни объ одномъ министрѣ въ Россіи не писали такъ много и такъ свободно...

Правда, широкіе общественные круги, настроеніе которыхъ, мнѣ кажется, не передается никакой печатью, ни лѣвой, ни правой, съ поразительной, болѣзненной апатіей отнеслись къ извѣстію о кіевскомъ событіи. Но при всей апатичности широкаго общества и при всемъ глубоко несочувственномъ отношеніи его преобладающаго либерально на-

Из статьи «Преступление и наказание». Журнал «Русская мысль», октябрь 1911, кн. 10, стр. 135-143.

Петр Бернгардович СТРУВЕ (1870-1944) — философ, экономист, историк, публицист. Один из первых марксистов в России, в 1898 автор «Манифеста», изданного от имени I съезда РСДРП, в 1900 участвовал с Лениным в создании газеты «Искра» и журнала «Заря». В 1902-05 редактировал за рубежом журнал «Освобождение» подготовивший образование кадетской партии. В 1909 участник знаменитого сборника «Вехи», предупреждавшего русскую интеллигенцию, что подготавливаемая ею революция погубит и Россию, и ее саму. В 1907-18 редактор журнала «Русская мысль». В годы Гражданской войны входил в Совет Добровольческой армии ген. Деникина и в правительство ген. Врангеля в Крыму. В эмиграции вновь редактор журнала «Русская мысль» (1921-27. София, Прага, Белград).

строеннаго большинства къ политикѣ правительства и его главы, впечатлѣніе отъ выстрѣла 1 сентября было всетаки совершенно недвусмысленное. Его можно охарактеризовать какъ непреодолимое естественное отвращеніе.

Есть въ настоящее время охотники бить въ набатъ по поводу „возрожденія“ террора и эксплуатировать на этотъ предметъ дѣяніе Богрова. Не вдаваясь тутъ въ обсужденіе общаго вопроса о политическихъ убійствахъ, какъ явленіи нашей исторіи и современности — читатель найдетъ въ настоящей книжкѣ разсужденія на эту тему А. С. Изгоева, — я хотѣлъ бы только подчеркнуть, что кievское событіе свидѣтельствуетъ лишь о вырожденіи террора и ни о чемъ болѣе. Изъ всѣхъ крупныхъ политическихъ убійствъ, когда-либо совершенныхъ въ Россіи, оно есть самое случайное, наименѣе „органическое“. Даже актъ перваго марта 1881 г., какъ ни недвусмысленно реагировало на него общественное мнѣніе, даже это убійство Царя, окруженнаго ореоломъ двойного освободителя и великаго реформатора, по своимъ виновникамъ не могло не ощущаться обществомъ, какъ зародившееся какъ-то въ нѣдрахъ самого общества, какъ нѣкое болѣзненное завершеніе какихъ-то понятныхъ обществу человѣческихъ переживаній.

Поэтому оно, своей внутренней стороною, вызвало отвращеніе, но не породило никакого душевнаго волненія, причиной котораго былъ бы виновникъ убійства, а не его жертва. Съ внутренней жизнью самого общества это убійство никакъ не связано.

Дѣло тутъ, конечно, вовсе не въ томъ, что Богровъ—еврей. Это обстоятельство—случайное съ той точки зрѣнія, съ которой я обсуждаю событіе. Важно только то, что общество въ данномъ случаѣ не только не сочувствовало убійству, оно абсолютно не понимало его. Это былъ какой-то „технический“ актъ, бессмысленно непонятный, какое-то загадочное происшествіе, ключъ къ которому недоступенъ общественному сознанію. Вотъ почему въ обществѣ почти ожесточенно спорятъ на тему о томъ, чѣмъ же былъ на самомъ дѣлѣ Богровъ, „охранникомъ“ или „революціонеромъ“.

Самый споръ показываетъ, что общество не способно понимать такого „революціонера“. А между тѣмъ онъ есть. Народился новый типъ революціонера. Подготавлился онъ—незамѣтно для общества, незамѣтно для каждаго изъ насъ—въ дореволюціонные годы и народился въ 1905—1906 гг. „Максимализмъ“ означалъ сляніе „революціонера“ съ „разбойникомъ“, освобожденіе революціонной психики отъ всякихъ нравственныхъ сдержекъ. Но „разбойничество“ въ концѣ-концовъ есть только средство. Душевный переворотъ шелъ глубже абсолютной неразборчивости въ средствахъ. Въ революцію ворвалась струя прожиганія жизни и погони за наслажденіями, сдобренной „сверхчеловѣческими“ настроеніями въ стилѣ опошленнаго и оподленнаго Пшибышевскаго.

Быть убитымъ—это судьба, которая можетъ постигнуть каждаго крупнаго государственнаго дѣятеля въ любой моментъ и въ любой политической обстановкѣ.

А между тѣмъ—Столыпинъ былъ крупнымъ человѣкомъ, и именно такая судьба постигла его.

Правда, не во всемъ. Въ одномъ очень важномъ пунктѣ онъ восторжествовалъ надъ коварной судьбой. Какъ бы ни относиться къ аграрной политикѣ Столыпина—можно ее принимать какъ величайшее зло, можно ее благословлять какъ благодѣтельную хирургическую операцію,—этой политикой онъ совершилъ огромный сдвигъ въ русской жизни. И—сдвигъ поистинѣ революціонный и по существу, и формально. Ибо не можетъ быть никакого сомнѣнія, что съ аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значенію въ экономическомъ развитіи Россіи въ одинъ рядъ могутъ быть поставлены лишь освобожденіе крестьянъ и проведеніе желѣзныхъ дорогъ.

П. Н. МИЛЮКОВ

П. А. Столыпин принадлежал к числу лиц, которые мнили себя спасителями России от ее «великих потрясений». В эту свою задачу он внес свой большой темперамент и свою упрямую волю. Он верил в себя и в свое назначение. Он был, конечно, крупнее многих сановников, сидевших на его месте до и после Витте. Для заслуженных сановников Государственного Совета он был чужим, выскочкой, пришельцем со стороны — и болезненно чувствовал свою изоляцию. Он был призван не на покой, а на проявление твердой власти; власть он любил, к ней стремился и, чтобы удержать ее в своих руках, был готов пойти на многое и многим пожертвовать. Не чуждый идеологий, которые были традицией в его семье, он был не чужд и интриги. Своих союзников он склонен был трактовать, как очередные орудия своего продвижения к власти, и менять их по мере надобности. Если принять в расчет его нетерпение победить и короткий срок его взлета, эта быстрая смена могла легко превратить вчерашних друзей в соперников и про-

П. Н. Милюков «Воспоминания. 1859-1917», в двух томах, изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1955, стр. 80-81.

Павел Николаевич МИЛЮКОВ (1859-1943) — историк, публицист, председатель ЦК кадетской партии («Партия народной свободы»), редактор ее центрального органа — газеты «Речь». Со 2(15) марта по 2(15) мая 1917 министр иностранных дел Временного правительства. В эмиграции глава «партии революционных демократов», образованной из левого крыла кадетской партии. Автор ряда трудов по истории революции. Враг Белого движения. В 40-е годы пересмотрел свое отношение к большевизму и заявил о «положительной роли» Сталина в судьбе России.

гов — и раздражать покровителей сменой внезапных капризов. А главным покровителем был царь, небывший, чтобы им управляла чужая воля. Такова история возвышения и падения Столыпина, вернувшая его в конце к одиночеству, из которого он вышел, и к трагической развязке. Призванный спасти Россию от революции, он кончил ролью русского Фомы Бекета*

* Фома БЕКЕТ (Thomas BECKET, 1118-1170) — с 1155 канцлер английского королевства, с 1162 архиепископ Кентерберийский, в 1173 причислен к лику святых католической церкви.

Будучи личным другом короля Генриха II, он в то же время твердо и бескомпромиссно отстаивал независимость церкви от королевской власти, в частности не признавал светского суда над духовенством. Был зарезан на ступенях алтаря четырьмя рыцарями после того, как раздраженный король неосторожно воскликнул: «Почему никто из моих трусливых придворных не хочет избавить меня от этого беспокойного попа!»

Намек Милюкова, что Столыпин был де убит, как и Бекет, по инициативе своего «главного покровителя», показывает, насколько партийная тенденциозность преобладала в нем над объективностью профессионального историка.

А. В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС

В единодушии, с которым вся оппозиция, и социалисты, и либералы, отказывались осудить террор, было что-то жуткое, нездоровое. Как и в тех разговорах, которые в дни прений о терроре кипели в Потемкинской бальной зале.

Столыпин первой своей задачей считал успокоение страны, борьбу с анархией. Но для этого было необходимо восстановить правосудие. Только тогда мог он требовать от кадетов, от Думы осуждения террора. Несмотря на свою малочисленность в Думе, кадеты в стране имели большой авторитет. Их моральное осуждение террору многих из тех, кто необдуманно помогал революционерам, могло бы отрезвить. Но очень уж были обострены отношения между властью и общественным мнением. Одно появление Столыпина на трибуне сразу вызывало кипение враждебных чувств, отметало всякую возможность соглашения. Его решительность, уверенность в правоте правительственной политики бесили оппозицию, которая привыкла считать себя всегда правой, правительство всегда виноватым.

А. Тыркова-Вильямс «На путях к свободе». Изд. им. Чехова. Нью-Йорк, 1952, стр. 343-347.

Ариадна Владимировна ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС (1869-1962) — журналистка, писательница, литературовед. В 1906-17 член ЦК кадетской партии. Жена английского журналиста Гарольда Вильямса, сестра народовольца Аркадия Тыркова — участника покушения 1 марта 1881 на Александра II. В марте 1918 эмигрировала в Англию. Сотрудничала в эмигрантской прессе, издала фундаментальную «Биографию Пушкина». в 2-х томах.

Столыпин отметил новую эру в царствовании Николая II. Его назначение премьером было больше, чем простая бюрократическая перестановка однозначных чиновников. Это было политическое событие, хотя значительность Столыпина оппозиция отрицала, да и царь вряд ли до конца оценил. Но годы идут и Столыпину в смутном переходном думском отрезке русской истории отводится все больше места. Но и тогда, при первой встрече с ним, Дума почувствовала, что перед ней не угасающий старый Горемыкин, а человек полный сил, волевой, твердый. Всем своим обликом Столыпин закреплял как-то брошенные им с трибуны слова:

— Не запугаете!

Высокий, статный, с красивым, мужественным лицом это был барин по осанке и по манерам и интонациям. Говорил он ясно и горячо. Дума сразу настоялась. В первый раз из министерской ложи на думскую трибуну поднялся министр, который не уступал в умении выражать свои мысли думским ораторам. Столыпин был прирожденный оратор. Его речи волновали. В них была твердость. В них звучало стойкое понимание прав и обязанностей власти. С Думой говорил уже не чиновник, а государственный человек. Крупность Столыпина раздражала оппозицию. Горький где-то сказал, что приятно видеть своих врагов уродами. Оппозиция точно обиделась, что царь назначил премьером человека, которого ни в каком отношении нельзя было назвать уродом. Резкие ответы депутатов на речи Столыпина часто принимали личный характер. Во Второй Думе у правительства уже было несколько сторонников. Но грубость и бестактность правых защитников власти подливала масла в огонь. Они не помогали, а только портили Столыпину. В сущности во Второй Думе только он был настоящим паладином власти.

В ответ на неоднократное требование Думы прекратить военно-полевые суды Столыпин сказал:

— Умейте отличать кровь на руках врача от крови на руках палача.

Левый сектор, занимавший большую часть скамей, ответил ему гневным гулом. Премьер стоял на трибуне

выпрямившись во весь рост, высоко подняв красивую голову. Это был не обвиняемый. Это был обвинитель. Но лицо его было бледно. Только глаза светились сумеречным огнем. Не легко ему было выслушивать сыпавшиеся на него укоры, обвинения, оскорбления.

После этой речи я сказала во фракции:

— На этот раз правительство выдвинуло человека и сильного, и даровитого. С ним придется считаться.

Только и всего. Довольно скромная оценка. У меня, как и других, не хватило политического чутья, чтобы понять подлинное значение мыслей Столыпина, чтобы признать государственную неотложность его стремления замирить Россию. Но даже мое простое замечание, что правительство возглавляется человеком незаурядным, вызвало против меня маленькую бурю. Особенно недоволен мною был Милюков. Пренебрежительно пожимая плечами, он бросил:

— Совершенно дамские рассуждения. Конечно, вид у Столыпина эффектный. Но в его доводах нет государственного смысла. Их ничего не стоит разбить.

У меня с Милюковым тогда были хорошие отношения, которые отчасти выражались в том, что мы без стеснения говорили друг другу, что думали. Но в этот раз у меня мелькнула смутная мысль, которой я ему не высказала:

— А ведь Столыпин куда крупнее Милюкова.

С годами эта мысль во мне окрепла. Не знаю, когда и как вернется Россия к прежнему богатому и свободному литературному творчеству, но думаю, что придет время, когда контраст между государственным темпераментом премьера и книжным догматизмом оппозиции, волновавшейся в Таврическом Дворце, поразит воображение романиста или поэта.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книжные публикации

- Аронсон, Григорий. *Загадки убийства П. А. Столыпина*. В кн.: Россия накануне революции. Исторические этюды. Нью-Йорк, 1962, стр. 3-23.
- Богров, Владимир. *Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Разоблачение «действительных и мнимых тайн»*. Изд. «Стрела», Берлин, 1931.
- Богров Григорий Исаакович*. В кн.: Еврейская энциклопедия в 16 тт. Изд. Брокгауз-Ефрон, Спб, 1908-1913, т. IV
- Бок, М. П. *Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине*. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953
- Бухбиндер, Н. *Драма писателя*. В кн.: Литературные этюды. Изд. «Наука и школа». Л-д, 1927, стр. 50-69.
— О деде Богрова Григории Исааковиче Богрове и его переходе, незадолго до смерти, в православие.
- Венгеров С. А. *Богров, Григорий Исаакович*. В кн.: Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. V Спб, 1897, стр. 6-7.
- Витте, С. Ю. *Воспоминания*, т. III. Изд. Социально-экономической литературы, М., 1960.
- Герасимов А. В. *На лезвии с террористами*. YMCA-Press, Париж, 1985.
— Бывший начальник Петербургского охранного отделения пишет о борьбе с революционным подпольем в годы «стольпинской реакции».
- Гирс, А. Ф. *Смерть Столыпина. Из воспоминаний бывшего киевского губернатора*. В кн.: А. Столыпин. П. А. Столыпин (1862-1911). Париж, 1927, стр. 86-102.
- Государственная деятельность Председателя Совета Министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина*. Т.т. 1-3. Составитель Е. В. [Е. Верпаховская] Изд. составителя, Спб, 1911.
- Государственная дума. Стенографические отчеты за период 1906-1911*. Гостипография, Спб (г.изд., соответственно, 1906-1911).
— В отчетах опубликованы полные тексты речей Столыпина в думе; в томе за 1911 г. — запросы депутатов III-й думы в связи с убийством Столыпина.
- Государственный Совет. Стенографические отчеты за период 1906-1911*. Гостипография, Спб (г.изд., соответственно, 1906-1911).
— Тексты выступлений Столыпина в Государственном Совете.
- Гучков, А. И. в 3-й Государственной думе (1907-1912 г.г.). Сборник речей. Спб, 1912.

- Зеньковский, А. В. *Правда о Столыпине*. Всеславянское издательство, Нью-Йорк, 1957.
— В 1985 вышло ротاپринтное переиздание книги в изд. «Орфей», Нью-Йорк.
- Изгоев, А. П. А. *Столыпин. Очерк жизни и деятельности*. Изд. К. Ф. Некрасова, М., 1912.
- Клячко, Л. М. *Повести прошлого*. Изд. писателей, Л-д, 1929.
— Автор — известный писатель и журналист — воспроизводит множество историй (не всегда достоверных) и анекдотов из эпохи «стольпинской реакции».
- Коковцов, В. Н., граф. *Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг.* Т.т. I-II. Изд. журнала «Иллюстрированная Россия», Париж, 1933.
- Крыжановский, С. Е. *Воспоминания. Из бумаг последнего государственного секретаря*. Изд. «Петрополис», Берлин, без г. изд.
- Курлов, П. Г., генерал. *Гибель императорской России*. Изд. Отто Кирхнер и К^о, Берлин, 1923.
— Эта же книга была издана в СССР в «отредактированном» виде под названием: *Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов*. С предисловием М. Павловича, Госиздат, М-Птгр, 1923.
- Маевский, Вл. *Борец за благо России*. Мадрид, 1962.
- Мартынов, А. П. *Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. Воспоминания*. Под ред. Р. Враги. Изд. Стэнфордского университета, Калифорния, 1972.
— Есть характеристики руководителей российской Охраны (Курлова, Спиридовича и Кулябко).
- Милюков, П. Н. *Воспоминания (1859-1917)*, т.т. I-II. Под редакцией М. М. Карповича и Б. И. Элькина. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1955.
- Мушин, А. *Дмитрий Богров и убийство Столыпина*. С предисловием В. Л. Бурцева. Кооперативное издательство, Париж, 1914.
- Оболенский, А. В. *Мои воспоминания и размышления*. Изд. журнала «Родные перезвоны», Брюссель, 1961.
- Ольденбург, С. С. *25 лет перед революцией*. Изд. 3-е, без указ. года и места издания.
— В книгу вошли статьи автора, публиковавшиеся в журнале «Русская мысль», Прага, Белград.
- Особый журнал Совета Министров*, № 157. Гостипография, Спб, 1906, стр. 1-61.
— В журнале за октябрь и декабрь 1906 г. опубликован полный текст законопроекта «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев».
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства*. Редакция П. Е. Щеголева. Т.т. I-VII. Госиздат, Л-д, 1924-1927.

- Понизовский, Владимир. *Не погаси огонь*. «Советский писатель», М., 1981.
 — Часть вторая книги *Загадка 1 сентября 1911 года* — целиком посвящена убийству Столыпина.
- Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин*. Сост. Е. В. [Е. Верпаховская]. Изд. составителя, Спб, 1909.
- Рейн, Г. Е., академик. *Из пережитого, 1907-1918*. Т.т. I-II. Изд. «Парабола», Берлин, 1933.
- Скрипицын, В. А. *Богатырь мысли, слова и дела*. Гостипография, Спб, 1911.
- Солженицын, А. С. *Красное колесо*, Узел первый *Август Четырнадцатого*, главы 62-73. Собр. соч., т. II-12, Вермонт-Париж, 1983.
- Столыпин, А. П. *А. Столыпин. 1862-1911*. Париж, 1927.
- Столыпин, П. А. *Речи в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 г.г.* Ред. Ю. Г. Фельштинский. Изд. «Эрмитаж», США, (в печати).
- Тыркова-Вильямс, А. *На путях к свободе*. Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1952.
 — В книге есть интересные характеристики многих деятелей столыпинской эпохи.
- Шипов, Д. Н. *Воспоминания и думы о пережитом*. Типография «Печатня Яковлева», М., 1918.
 — На стр. 461-466 говорится об отношении Столыпина к еврейскому вопросу.

Журнальные статьи

- Базылев, Л. *Загадка 1 сентября 1911 года*. Вопросы истории (Москва), 1975, № 7, стр. 115-129.
- Бобринский, А. А. *Дневник А. А. Бобринского*. Красный архив (Москва), т. 26, 1928, стр. 127-150.
- Всеподданнейший отчет саратовского губернатора П. Столыпина за 1904 г.* Красный архив (Москва), т. 17, 1926, стр. 81-87.
- Ган, Л. *Убийство Столыпина*. Исторический вестник (Петроград), т. 135, март 1914, стр. 960-997 и т. 136, апрель 1914, стр. 192-215.
- Головин, Ф. А. *Записки*. Красный архив (Москва), № 19, 1926, стр. 133-148.
- Гроссман-Роцин, И. *Дмитрий Богров, убийца Столыпина*. Из записной книжки. Былое (Петроград), № 26, 1924, стр. 152-158.
- Гучков, А. И. *Из воспоминаний*. Публикация С. Ляндреса. Новый журнал (Нью-Йорк), № 161, 1985, стр. 150-189 и № 162, 1986, стр. 184-221.
 — Впервые опубликованы в газ. «Последние новости» (Париж), август-сентябрь 1936.

- Изгоев, А. С. *По поводу убийства П. А. Столыпина*. Русская мысль (Москва), 1911, кн. X, разд. 3, стр. 1-7.
- Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым*. Красный архив (Москва), т. 30, 1928, стр. 80-88.
- «*Интересная находка*». Вопросы истории (Москва), 1964, № 4, стр. 103-104.
- Стенограмма второго допроса В. Н. Коковцова в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.
- Книжник, И. *Воспоминания о Богрове, убийце Столыпина*. Красная летопись (Петроград), № 5, 1922, стр. 287-294.
- Коковцов, В. Н. *22 года тому назад*. Иллюстрированная Россия (Париж), № 38 (436), 16 сентября 1933, стр. 1-4.
- Лазарев, Егор. *Дмитрий Богров и убийство Столыпина*. Воля России (Прага), 1926, № VI-VII, стр. 53-98 и 1926, № VIII-IX., стр. 28-65.
- Львов, Л. *Переписка графа С. Ю. Витте и П. А. Столыпина*. Русская мысль (Москва), 1915, № 3, стр. 134-153.
- Лятковский, П. *Нечто о Богрове*. Каторга и ссылка (Москва), кн. 23, 1926, стр. 35-49.
- Майский, Б. Ю. *Столыпинщина и конец Столыпина*. Вопросы истории (Москва), 1966, № 1, стр. 134-144 и 1966, № 2, стр. 123-140.
- Панкратов, А. С. *Первое сентября 1911 года*. Исторический вестник (Петербург), т. 126, ноябрь 1911, стр. 613-639.
- Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина*. Красный архив (Москва), т. 5, 1924, стр. 102-128.
- Петр Аркадьевич Столыпин*. Редакционная статья. Исторический вестник (Петербург), т. 126, 1911.
- Пешехонов, А. *За уходящей волной. По поводу смерти Столыпина*. Русское богатство (Петербург), № 9, 1911, раздел: Хроника политической жизни, стр. 166-171.
- Письма П. А. Столыпина на имя кн. Николая Николаевича от 27 января по 10 февраля 1908 г.* Красный архив (Москва), т. 19, 1926, стр. 215-221.
- Письмо председателя Совета Министров и министра внутренних дел П. А. Столыпина на имя заместителя на Кавказе гр. И. И. Воронцова-Дашкова от 11 апреля 1908 г.* Красный архив (Москва), т. 34, 1929, стр. 187-202.
- Прилежаева-Барская, Б. *Дмитрий Богров*. Исторический иллюстрированный альманах «Минувшие дни» (Ленинград), № 4, 1928, стр. 80-86.
- Рейн, Г. Е. *Убийство Столыпина*. Иллюстрированная Россия (Париж), № 38 (436), 16 сентября 1933 г., и № 39 (437), 23 сентября 1933 г.
- Рейснер, М. А. *Либерализм П. А. Столыпина в иностранной прессе*. Всемирный вестник (Петербург), 1906, № 10 (октябрь), стр. 114-121.
- Сандомирский, Г. *К вопросу о Дмитрие Богрове*. Каторга и ссылка (Москва), кн. 23, 1926, стр. 11-34.

- Струве, П. Б. *Преступление и жертва*. Русская мысль (Москва), 1911, кн. X, раздел 2, стр. 135-144.
- Струмилло, Б. *Материалы о Дм. Богрове*. Красная летопись (Ленинград), № 9, 1923, стр. 177-189 и № 1 (10), 1924, стр. 226-240.
- Тверской, П. А. *К историческим материалам о покойном П. А. Столыпине*. Вестник Европы (Петербург), 1912, № 4 (апрель), стр. 183-201.
- Тихомиров, Л. *Из дневника*. Красный архив (Москва), 1936, № 1 (74), стр. 190-191.
- Федюшин, К. *Петр Аркадьевич Столыпин и студенты*. Исторический вестник (Петербург), т. 136, май 1914, стр. 531-537.
- Циркуляр председателя Совета министров П. А. Столыпина от 15 сентября 1906 г. генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам*. Красный архив (Москва), т. 32, 1929, стр. 162-181.

Газеты

- Знамя труда* (1907-1914, Париж) — центральный орган партии эсеров. Возобновленный после Февраля в Петрограде, в 1918 закрыт большевиками.
- Новое время* (1868-1917, Петербург-Петроград) — основанная А. С. Сувориным газета право-консервативного направления. Закрыта большевиками.
- Правительственный вестник* (1868-1917, Петербург-Петроград) — официальный орган царского Министерства внутренних дел.
- Речь* (1906-1918, Петербург-Петроград) — центральный орган партии кадетов. Закрыт большевиками.
- Санкт-Петербургские ведомости* (1728-1917, Петербург-Петроград) — издание царского Министерства народного просвещения.
- Современное слово* (1907-1918, Петербург-Петроград) — газета кадетской партии. Закрыта большевиками.
- Социал-демократ* (1908-1917, Париж, Женева) — нелегальный центральный орган ленинской фракции РСДРП (легальным органом ленинцев в 1912-1914 была «Правда», издававшаяся в Петербурге).

Литература на иностранных языках.

- Chmielewski, Edward. *Stolypin and the Russian Ministerial Crisis of 1909*. California Slavic Studies, v. 4, 1967, pp. 1-38.
- Chmielewski, Edward. *Stolypin's Last Crisis*. California Slavic Studies, v. 3, 1964, pp. 95-126.

- Conroy, Mary S. *Peter Arkad'evich Stolypin. Practical Politics in Late Tsarist Russia*. Westview Press, Boulder, Colorado, 1976.
- Guerrasimov, A. V., général. *Tsarisme et terrorisme*. Paris, 1934.
- Gurko, V. I. *Features and Figures of the Past*. Stanford University Press, 1939.
- Hosking, Geoffrey A. *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907-1914*, N.Y. and London, Cambridge University Press, 1973.
- Kokovtsov, V. N. *Out of my Past*. California, Stanford University Press, 1935.
- Kurlov, P. G. *Das Ende des russischen Kaisertums*. Berlin, 1920.
- Legras, Jules. *Souvenirs sur P. A. Stolypine*. *Vie des peuples*, v. 7, Paris, 1922, pp. 1003-1020.
- Levin, Alfred. *Peter Arkad'evich Stolypin: A Political Appraisal*. *The Journal of Modern History*, v. 37, No. 4, 1965, pp. 445-463.
- Rogger, Hans. *Russian Ministers and the Jewish Question, 1881-1917*. *California Slavic Studies*, v. 8, 1975, pp. 15-76.
- Savickij, Nicolas. *P. A. Stolypine*. *Le monde slave*. Nov., 1933, pp. 227-263 et Dec, 1933, pp. 360-383.
- Spiridovitch, Alexandre, général. *Les dernières années de la cour de Tzarskoïé Sélo, 1910-1914*. Vol. 1-2. Payot, Paris, 1929.
- Stolypine, Alexandra. *L'homme du dernier Tsar*. Paris, 1931.
- Strakhovsky, Leonid I. *The Statesmanship of Peter Stolypin: A Reappraisal*. *Slavonic and East European Review*. v. 37, 1958-1959, pp. 348-370.
- Tokmakoff, George. *Stolypin's Assassin*. *Slavic Review*, v. 24, No. 2, June, 1965, pp. 314-321.
- Tokmakoff, George. *P. A. Stolypin and the Second Duma*. *Slavonic and East European Review*, v. 50, No. 118, Jan., 1972, pp. 49-62.
- Tokmakoff, George. *P. A. Stolypin and the Third Duma: An Appraisal of the Three Major Issues*, Lanham, MD, University Press of America, 1982

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПО ГАЗЕТАМ	
1-12 сентября 1911	6
Отклики социалистов	25
СТОЛЫПИН	
Биография	33
«ИМ НУЖНЫ ВЕЛИКИЕ ПОТРЯСЕНИЯ, НАМ НУЖНА ВЕЛИКАЯ РОССИЯ» (Столыпин)	
Правительственное сообщение 24 августа 1906 г.	45
В. А. Маклаков (О сущности столыпинских реформ)	48
П. А. Столыпин. Речь в III Государственной думе 16 ноября 1907 г.	50
В. А. Маклаков; В. Н. Коковцов (О попытке Столыпина разрешить еврейский вопрос) ...	58
Особый журнал Совета министров от 27 и 31 октября и 1 декабря 1906 г.	61
В. Н. Коковцов (Об Особом журнале Совета министров)	70
Переписка П. А. Столыпина с Николаем II	70
БОГРОВ (Личность и жизненный путь)	
Владимир Богров	76
И. Книжник	88
Б. Прилежаева-Барская	90
Вера Богрова	99
«ПАРТИЯ — ЭТО Я» (Богров) (На службе у революции и в охране)	
А. Мушин	105
Г. Сандомирский	122
Б. Струмилло	125
И. Гроссман-Роцин	129
П. Лятковский	131
Владимир Богров	135
Егор Лазарев	140
1 СЕНТЯБРЯ 1911 (Свидетельства очевидцев)	
Николай II	165
А. С. Панкратов	169
А. Ф. Гирс	183
Г. Е. Рейн	197
П. Т. Самохвалов	205
СЛЕДСТВИЕ, СУД, КАЗНЬ	
Следствие	213
Протоколы допросов	218

Суд	227
Казнь	232
Из воспоминаний Веры Богровой	236
ОХРАНА ДЕРЖИТ ОТВЕТ ...	
Перед Государственной думой	244
Перед Государственным советом	267
Перед Императором	284
Перед Временным правительством (По материалам Чрезвычайной Следственной Комиссии)	288
Допрос А. И. Спиридовича	289
Допрос М. И. Трусевича	295
Допрос П. Г. Курлова	298
Допрос В. Н. Коковцова	305
Второй допрос В. Н. Коковцова	308
НА СМЕРТЬ СТОЛЫПИНА	
А. И. Гучков	311
В. В. Шульгин	314
П. Б. Струве	318
П. Н. Милюков	321
А. В. Тыркова-Вильямс	323
БИБЛИОГРАФИЯ	327

Книги издательства «Телекс»

- С. П. Мельгунов «Красный террор в России»**
1-е изд. — 1979, совместно с изд-вом «BRANDY»
2-е изд. — 1989
- З. Гиппиус «Петербургские дневники»**
1982, совместно с изд-вом «Орфей»
- Л. Ежовский «Катынь-1940»**
1-е изд. — 1983
2-е изд. — 1985
3-е изд. — 1987
- «СССР-Германия, 1939»**
1-е изд. — 1983
2-е изд. — 1989
- «СССР-Германия, 1939-1941»**
1-е изд. — 1983
2-е изд. — 1989
- С. П. Мельгунов «Золотой немецкий ключ большевиков»**
1-е изд. — 1985
2-е изд. — 1989
- «Убийство Столыпина. Свидетельства и документы»**
1-е изд. — 1986
2-е изд. — 1989
- Даниэл О. Грэм «Космический щит»**
1988
- «Хрущев о Сталине»**
1-е изд. — 1988
2-е изд. — 1989
- «Большевики. Документы по истории большевизма»**
1989

Сборники «Телекс»

- № 1 «Западная пресса о важнейших событиях в мире»**
(январь 1981)
- № 2 «Западная пресса о важнейших событиях в мире»**
(ноябрь 1981)
- № 3 «Кризис детанта. Американские ученые о политике разрядки международной напряженности»**
(1982)
- № 4 «С позиции силы. Почему Запад, желая мира, готовится к войне»**
(1982)
- № 5 «Рональд Рейган о внешней политике США. Речи, заявления, интервью президента США за 1981-1983 гг.»**
(1983)

